

на край света ~ За тайной

Леонид Почивалов

на край света

За тайной

издательство «Детская литература»

1
П65

Леонид Почивалов

На край Света

За Тайной

Москва

"Детская литература" 1980

385385

91(п) ВПК 26,80(п)

1165

Художник Б. Диодоров

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

П $\frac{70803-271}{M101(03)80}$ 435—80

© «Ни край света — за тайной». Издательство «Детская литература», 1974 г.

© «Мечта» уходит в океан». Издательство «Детская литература», 1977 г.

© Оформление. Состав.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

ЧЕЛОВЕК В ПУТИ

(Вместо предисловия)

Говорят, планета наша стала маленькой. Во всяком случае, была она гораздо обширнее в те времена, когда не существовало телеграфа, радио, авиации, телевидения, когда по бесконечным трактам России мчались почтовые тройки, а из кронштадтской гавани навстречу еще неоткрытым, неведомым островам южных морей выходили парусные корабли первых российских кругосветных экспедиций.

В самом деле, чего стоят теперь даже тысячекилометровые расстояния, если через десяток минут после того как в Москве в редакции «Правды» закончат верстку завтрашнего номера газеты, ее уже начинают печатать типографии Ташкента, Алма-Аты, Хабаровска... Взлетев с заснеженного подмосковного аэродрома, всего за двенадцать часов можно пролететь над Гренландией, увидеть вдалеке берега Канады и очутиться в Гаване в аэропорту Хосе-Марти, по краям которого покачивают многолапыми ветвями королевские пальмы. Впрочем, так летали еще в середине шестидесятых годов, а сейчас путь от Москвы до Гаваны короче и прямее.

Как и автору этой книги, мне тоже не раз приходилось отправляться в путь. Ходить на боевых кораблях нашего флота, на торговых и рыбацких судах в далекие походы, перекрывать без посадки на самолете целые континенты, а то лететь «прыжками» над маленькими странами Центральной Америки, когда самолет, словно автобус на городском маршруте, то и дело подруливает к зданиям аэропортов: полчаса лета — Сан-Сальвадор, еще двадцать минут — Манагуа, еще столько — и Сан-Хосе...

Мне вспомнилось все это, когда я прочитал книжку, в которой собраны все вместе трудные и увлекательные морские мили и сухопутные километры писателя, журналиста и путешественника Леонида Почивалова.

Эта книга напоминает ребятам, что мир наш огромен, полон неожиданностей, неразгаданных тайн, увлекательных приключений.

«Всегда старался использовать любую возможность, чтобы отправиться в путь», — говорит в своей книге Леонид Почивалов.

Мы дружим с ним давно, а видимся редко.

Проходят месяцы, полгода, иногда и год, и вдруг он снова появляется в длинных, похожих на корабельные, коридорах редакции газеты «Правда». Высокий, седоголовый, улыбчивый, с детства охваченный страстью преодоления расстояний, жаждой новых встреч, впечатлений, знаний.

В детстве он, как многие ребята, мечтал стать моряком. Но моряком не стал. Зато стал журналистом. Профессии родственные.

Встречаясь с ним в коридорах нашей редакции, я не говорю ему «Здравствуй», а с интересом спрашиваю: «Откуда?» И вместо «До свидания» задаю вопрос: «Теперь куда и когда?»

Он объездил Сибирь и Дальний Восток, совершал путешествия по северной кромке нашего континента, высаживался на дрейфующей льдине в районе Северного полюса. Был участником первой советской воздушной антарктической экспедиции — пролетал над полюсом Южным... Несколько

лет жил и работал в Индии, в странах Западной Африки. Бороздил океаны.

Затерянные в их необъятной голубизне островки и архипелаги рассказали ему свои секреты... А он поведал их вам. Каждая страница его книг — это большой период из жизни самого писателя, это его вахты, его мили и его мечты.

Самый знаменитый исследовательский корабль мира — наш теплоход «Витязь». Он был основателем советского океанологического флота и тридцать лет ходил по всем широтам Мирового океана под вымпелом Академии наук СССР. Отправившись в 1960 году в первое свое путешествие на «Витязе», Леонид Почивалов на многие годы связал судьбу с этим прославленным кораблем науки, писал о нем статьи и очерки, сценарии документальных кинофильмов, рассказывал о нем на встречах со своими юными читателями.

Немало сделал Леонид Викторович для того, чтобы престарелый «Витязь» не был отправлен на слом, чтобы проявили к нему уважение, которое он заслуживает, поставили у почетного причала навсегда как нашу национальную реликвию, как морской музей.

Пусть поднимаются на его борт мальчишки, и пусть им грезится, что они видят с его просоленных палуб далекие океанские горизонты.

В феврале 1979 года «Витязь» под торжественно-печальные гудки стоящих в гавани многих судов отправился в свой последний, уже прощальный рейс, чтобы завершить долгие скитания по морям-океанам у балтийских причалов, откуда тридцать лет назад он впервые ушел в далекий отважный поиск. На борту «Витязя», конечно, и теперь среди почетных его участников был и Леонид Викторович Почивалов.

Все, что он увидел, узнал, прочувствовал, нашло отражение в очерках, рассказах, повестях.

Герои произведений Почивалова — люди сильные духом, возвышенные, целеустремленные, неизменно готовые к испытаниям.

Два повествования, которые объединила эта книга, отличаются друг от друга по жанру: первое — документальное, второе — беллетристическое. Но пожалуй, в этом единственное их отличие. Оба зовут юного читателя к романтическим путешествиям и приключениям, к счастливой неизвестности, к мечте и поискам удивительных тайн.

Тимур Гайдар

На край света

За тайной

Рассказ о путешествии
на «ВИТЯЗЕ»
к далеким тропическим
островам
ТИХОГО ОКЕАНА

ПОЛНЫЕ ВЕТРА ПАРУСА

Вот я и побывал на острове Новая Гвинея, там, где жил Миклухо-Маклай. Теперь на стене моей комнаты — новогвинейские маски, настоящий боевой лук со стрелами, которые мне подарил папуас-охотник. На столе рассыпаны яркие новогвинейские марки — я их купил в порту Лаэ для своих знакомых мальчишек. Для них это отличный подарок, ведь новогвинейские марки не так уж часто встречаются в коллекциях мальчишек. Целятся высоко, они редкие. На марках изображены папуасы в боевом наряде: пышный головной убор из перьев райской птицы, на груди — татуировка, в руках — копьё. Марки помогут рассказать моим мальчишкам много удивительных историй, которые я привез из путешествия.

Я всматривался в марки и вдруг вспомнил о Кате. Не мог о ней не вспомнить. Ведь по-прежнему на стене моей комнаты, там, где теперь я повесил папуасский лук со стрелами и фотографию Миклухо-Маклая, висит гравюра корабля с полными ветра парусами. Катин подарок.

Вспомнив о Кате, я решил начать эту книгу с рассказа о ней, первой подруге моего детства.

...Однажды я проезжал на троллейбусе по старой московской улице и у знаменитого перекрестка взглянул на знакомый дом и обмер. И тут же сошел.

Дом ломают! Ломают старинный двухэтажный деревянный дом. Уже отрубили кусок — от крыши до фундамента, — обшарив его темное прокопченное нутро. У дома копошится бульдозер и, равнодушно посапывая, сносит в сторону останки старого дома.

Ломают старый дом... Никому не нужный, отживший свой век.

Я не могу себе представить, что теперь его уже не будет на этой улице. Исчезнут навсегда, как забытая детская сказка, два окошка на втором этаже, ничем не отличных от других, но когда-то самых для меня желанных на целом свете. Под ними я простаивал часами, дожидаясь, пока Катя разделается со своими уроками. И отполированные подметками желтые тротуарные плиты знал, как фотографии своих предков.

...Катя на мгновение протискивала свою темную голову в форточку и, даже не стараясь отыскать меня глазами в толпе, привычно объявляла всей улице: «Иду... у... у!...» Она знала — я всегда тут.

Сбегала по шаткой лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, и еще издали кричала: «Куда пойдем?»

Я отвечал: «Куда-нибудь». Она легко соглашалась на любое предложение, потому что не все ли равно, куда нам сегодня пойти? Огромный мир московских улиц был наш, и в нем чувствовали мы себя легко и свободно, потому что всегда в этом мире было такое, чему стоило поудивляться.

Хрупкая девочка, узкоплечая, длинноногая — все платья ей всегда были коротки. В школе Кате кричали вслед: «Цапля!», и я жестоко дрался с Катиными обидчиками. Всегда мне хотелось от кого-то ее защитить. Но Катя вовсе не числилась в тихонях. Каталась на коньках — еле догонишь, на крышах вместе со мной разбойно свистела, отгоняя соседских голубей, и запросто давала мальчишкам затрещины, если они этого заслуживали. Даже когда маленькой была, не любила кукол. И мечтали-то мы с Катей по-мальчишески — о путешествиях. Из дома уходили не на прогулку, а в «плавание», открывать новые «белые пятна» в океане города. И порой полный «приключений» и «опасностей» путь исследователей заносил нас к далеким московским заставам, домой возвращались поздно, мужественно перенося расплату за родительские тревоги. Зато в Измайловском парке мы пробирались через тревожные

джунгли Амазонки. На Воробьевых горах спорили о чудесной земле Плутонии, затерявшейся в Ледовитом океане. И книги читали больше всего про путешествия, и пятерки имели по географии, и вместе собирали марки. Вернее, собирала Катя, а я помогал. Марки были Катиной страстью. Маленький бумажный квадратик — крошечное окошко в чужой завлекательный мир, где скачут в саваннах антилопы, вздымаются к небесам синие, как тучи, горы, шагают по барханам верблюжьих караваны, остряты шпилями башен большие туманные города. Заглянешь в это окошечко, прищуришь глаза — и кажется, будто оживают перед тобой антилопы, пугливо прыгают в высокие травы, почуяв осторожный звериный шаг... И так далеко уносит тебя фантазия, что захватывает дух.

Однажды я выменял у мальчишек марку. Она была с острова Борнео. Такая редкая, что, сознавая это, нес ее до самого Катиного дома зажатой в кулаке, и она приклеилась к моей ладони. На марке была изображена огромная, лохматая — сущий дьявол! — обезьяна орангутанг.

Мы тут же достали из шкафа энциклопедию, забрались с ногами на старую кушетку, в которой жалобно стонали поломанные пружины, и принялись читать об острове Борнео. Ну и остров! В непроходимых джунглях дикие племена поражают своих врагов отравленными стрелами, в чащобах прячутся орангутанги, безымянные лесные реки кишат крокодилами.

— Надо же! — удивлялась Катя. — Такой огромный остров — и почти не исследован!

И, оторвавшись от книги, задумчиво погладила лохматого сибирского кота, мирно спавшего на кушетке.

— Как это здорово: первым исследовать то, что еще совсем не известно людям! Я читала, что самый неизведанный остров на свете — Новая Гвинея. Вот бы достать марку!

— Достану! — самоуверенно пообещал я. Решил: весь свет обойду, а новогвинейскую марку для Кати отыщу, как бы она ни была редка.

За дверью, где была кухня, надсадно кашлял Катин отец, покуривая на длинном мундштуке «капитанскую» трубку, которую ему когда-то подарил приятель-моряк. За дверью были привычные будни с кастрюлями и кашлем, а в маленькой комнате, где стояла кушетка, плескался у наших ног теплой звенящей волной южный океан и шелестели над нами жестяными листьями пальмы...

Вошла Катина мать, взглянула на нас сбоку, из-за плеча, и вдруг сурово выговорила, обращаясь к Кате:

— Иди к домуправу! В туалете опять подтекает бачок.

Когда Катя ушла, мать принялась подметать пол, раздраженно размахивая веником. Ворчала: глупости у Катерины в голове, хозяйство ее не интересует, кастрюли не чищены, пол не мыт два дня. И что только из нее получится! И отец тоже хорош! Катины туфли износились, новые нужно покупать, а он ей альбом для марок — пожалуйста. Сам как ребенок!

И тоскливо слушал все это. Из вежливости не глядел в книгу, потому что выходило: тоже нес ответственность за нечищенные кастрюли и старые Катины туфли. Но смотрел я не на Катину мать, а на стену. На стену было смотреть интереснее, потому что там под стеклом висела старая гравюра, изображавшая парусный корабль... Гравюру подарил Кате отец. Он купил ее давно, лет пятнадцать назад. Тогда он мечтал стать моряком, но почему-то не стал им, а всю жизнь работал кассиром в банке. Паруса у корабля были выпуклыми от ветра — их хотелось пощупать пальцем, — нос высоко вздыблен, и косые пенистые буруны от его форштевня подчеркивали стремительный ход корабля. Я часами мог рассматривать эту гравюру.

Вернулась Катя, и я тут же увел ее из дому, где нашим океанам и кораблям не хватало места.

Помню, в один воскресный день ранним утром Катя прибежала ко мне. Зеленые глаза ее горели. Скороговоркой выпалила: отцу предложили на три года с семьей поехать на полуостров Таймыр, отец, конечно, согласен, а мама пока колеблется, но, наверное, они с отцом сумеют ее уломать.

— А ты знаешь, на Таймыре водятся горностаи! — радостно сообщила она. — В энциклопедии прочитала.

С того дня мы с Катей только и говорили, что о Таймыре. Ведь Таймыр тоже мало исследован.

Но на Таймыр Катя так и не поехала. Не удалось уломать маму. Ей было жалко покидать московскую квартиру. Она считала, что за три года в нетопленной квартире могут испортиться вещи. Да и кота некуда девать...

Отец сидел у окна со своей трубкой в руке, не решаясь ее разжечь. На Катю он не смотрел, а если все-таки случайно взгляды их встречались, то беспомощно улыбался и разводил руками: мол, сама видишь!

Когда мы с Катей остались в комнате вдвоем, она с досадой скинула с кушетки кота и упала на подушки, сникшая и обессиленная.

— Значит, на Таймыр поедет кто-то другой...

Долго молчала, не меняя позы, потом так тихо, что я едва расслышал, произнесла:

— И на Новую Гвинею тоже кто-то, а не я...

Я пытался ее утешить:

— Всё ерунда. Поедешь, обязательно поедешь! Придет время, побываешь и на Таймыре, и на Борнео, и даже на Новой Гвинее. Хочешь, я тебе принесу книгу о Миклухо-Маклае? Мировая книга! О том, как Маклай жил среди папуасов на Новой Гвинее. Хочешь? Сегодня же принесу...

— Нет, — сурово сказала она, — не надо!

...А вскоре мы с Катей расстались. Пришла война. Тревожным зимним вечером прибежала Катя проститься со мной. Принесла гравюру с кораблем — самое дорогое.

— Это тебе. На память.

Помолчала, пощипала шерстинки на своей варежке.

— Хотела и наш альбом тебе отдать, но мама не разрешила...

Вдруг подняла лицо с похолодевшими глазами и с расстановкой, непривычным резким голосом, с болью сказала:

— Альбом пригодится нам в дороге. Его можно будет обменять на хлеб! Понял? На полбуханки черного хлеба...

И отвернувшись, уткнувшись носом в край шерстяной шали. А я так и не достал для Кати марку Новой Гвинеи. Не удалось — очень уж редкая эта марка.

Сердце у меня сжалось. В это мгновение мне, как никогда раньше, захотелось защитить Катю от кого-то, уберечь от всего несправедливого — от войны, от разлуки, человеческой черствости, тягучей скуки житейских забот... Она стояла в своем стареньком пальто, как и все на ней слишком коротком, в толстой и грубой материнской шали, делавшей ее голову нелепо большой, а лицо крохотным, в просторных, не по ноге, валенках, из которых выглядывали острые худые коленки. Такая нескладная и такая смешная, моя первая в жизни подруга.

Я не знал тогда, что уходила она от меня навсегда и уносила с собой наше детство.

...Много лет прошло с тех пор. Висит в моей комнате над кроватью парусник. И порой не дает мне спать спокойно и птицей морской уносит мои сны в неизведанные дали... Все на свете стареет. Постарела и гравюра с парусником — не блестит лаком корпус, поблекли его гордые флаги, а паруса стали желтыми. Но, как и прежде, они полны ветра, крепкие и тугие, — их и сейчас хочется потрогать... Уже много лет мчится корабль все вперед и вперед и никак не

отыщет своей пристани. Наверное, потому, что в мире всегда есть попутные ветры, даже для старых кораблей.

...Лежат передо мной на столе новогвинейские марки. Удивительно красивые марки.

Если бы свершилось чудо и я мог хотя бы на минутку вернуться в детство, к окнам старого деревянного дома, который уже сломан!

Я все-таки побывал на Новой Гвинее. И на Борнео тоже, и на Таймыре. Так уж мне повезло. Всегда старался использовать любую возможность, чтобы отправиться в путь. Может быть, все потому, что висит над моей кроватью гравюра, изображающая парусник с полными ветром парусами...

КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ...

Одно французское исследовательское судно, которое сколько-то лет назад было направлено к берегам Антарктиды в трудный, полный опасностей поход, называлось «Пуркуа па?» — «Почему бы и нет?». В названии был брошенный с юмором вызов судьбе: а почему бы нам и не добраться до Антарктиды, почему бы не попробовать — мы не хуже других.

А почему бы и нет? Вдруг случилась возможность отправиться в дальний путь снова. Многие связывает меня в Москве, от многого придется отказаться, даже в жертву принести что-то важное. Зато пять месяцев в океане! А почему бы и нет?

— Я согласен.

Прекрасное это время — сборы в дальнюю дорогу! Начало ноября. На московских бульварах опадают последние пожухлые листья. Ночами лужицы на асфальте схватывает тоненькая корочка льда. В уличной толпе с каждым днем все больше замечаешь зимних шапок и меховых воротников. Подступает ранняя зима. А я бегаю по магазинам и думаю о тропической жаре. Удивляю вопросами продавцов: шорты, летняя шапочка с козырьком от солнца, плавки, резиновые шлепанцы... Некоторые принимают меня за обстоятельного и расчетливого человека, который живет по старинной пословице: «Готовь телегу зимой, а сани летом».

Где же мне отыскать резиновые шлепанцы, которые называют вьетнамками?

— Приходите поближе к весне.

— Но мне сейчас нужно!

Не объяснять же каждому, что без шлепанцев мне никак

не обойтись, что это самая подходящая обувь на корабле, который плывет по тропическим широтам, залитый брызгами волн и дождями.

Пришлось побегать по магазинам и за кедами. Кому они нужны зимой? Их тоже попрятали на склады. А без кедов мне просто ехать нельзя. Две пары нужны. Одна для высадки на берег и походам по джунглям, другая для хождения по дну на мелководье коралловых островов. Босиком по такому дну не походишь. Это все равно что прохаживаться по битым бутылкам. Надо еще купить топорик, для того чтобы откалывать под водой кораллы. Хлопчатобумажный костюм, и обязательно темного цвета! Он предохраняет тело от порезов о кораллы, а темный цвет не так привлекает акул. Обо всем этом я узнал от бывалых, уже ходивших на исследовательских судах в южный океан.

Да! Советовали купить еще одну немаловажную вещь. Опять тороплюсь в магазин.

— Мазь против загара у вас есть?

Глаза продавщицы округляются:

— Так сейчас дождь идет в Москве.

— Мне не для Москвы...

Продавщица понимающе кивает, вежливо склонив голову:

— Догадалась. Вы едете в Африку.

— Не совсем. В Океанию...

— Куда?

Не впервые меня переспрашивают. Многие и не представляют, где находится эта Океания.

...Отблески аэродромных огней высвечивают праздничные флаги над зданием аэропорта. Нежданная метель приглушает временами полыхание флагов. Очертания огромного самолета, на котором нам предстоит улетать, становятся призрачными и зыбкими, будто это воздушный «Летучий голландец». Москва нас провожает насыщенными снегом первыми зимними ветрами. Мы летим на восток, навстречу встающему дню, летим над северными широтами страны, и под нами зима уже чисто выбелила скованную морозами землю.

Осень во Владивостоке обычно солнечная и теплая, но сейчас город сумрачен, темен, продут тяжелыми и зябкими ветрами. Вдоль дуги бухты Золотой Рог тесно, один к одному кормами, стоят суда. Издали их мачты напоминают неширокую полосу берегового леса, с которого опали последние листья.

Среди судовой тесноты отыскиваем выкрашенную в бе-

дый, «спасательный» цвет корму, на которой древнеславянской вязью написано: «Витязь». Неужели это он и есть, прославленный «Витязь»? Такой маленький рядом со старыми громоздкими пароходами, которые зажали его с двух сторон.

Я поднимаюсь по шаткому кормовому трапу, цепляясь за туго натянутые леера, иду по палубам. На палубах в полушубках и шапках-ушанках работают люди из экипажа корабля. Вглядываюсь в их лица. Ведь мне предстоит пять месяцев быть с ними в тесном мирке, ограниченном бортами «Витязя». Отыскиваю свою каюту. Хорошая каюта. Иллюминаторы глядят прямо на нос судна. Значит, даже не выходя из каюты, всегда буду видеть, что там по курсу. Распаковываю чемодан, вынимаю гравюру старого парусника — Катин подарок, — вешаю на крючок, который отыскал на стенке над своей койкой. Снова уйдет в далекое плавание мой старый парусник.

...Сегодня мы отдаем швартовы. Отправили последние письма родным, новых писем от нас они дождутся не скоро. Истратили последние деньги на сувениры: предстоят встречи на чужих землях — как обойтись без подарков!

Под ногами дрожат доски палубы. Пустили судовую машину. Ежась под ветром, мы собрались на корме. Ушли с борта пограничники в черных тулупах, убрали матросы трап, затянули на палубу швартовые канаты. Вот и оборвалась последняя связь с родным берегом. И сразу стало грустно.

— Касатики матросики, далеко курс-то держите?

— В Океанию.

— Куда? Куда?

— В Океанию, говорю.

Человек облокотился на борт, подпер ладонью подбродок. Из-под мохнатого козырька шапки-ушанки торчит остренький, посиневший от холода нос, тусклые глаза уперлись в ржавый борт соседнего судна. Человек задумчив.

— И где же эта Океания, касатик?

С высокого борта «Якутии», старого, списанного, приспособленного под рабочее общежитие парохода, свисают девичьи головы в толстых окладах шерстяных платков. Яркие, густо подкрашенные помадой девичьи улыбки будто сыплются сверху к нам на борт, как лепестки цветов. Но матросу нашему ловить эти лепестки неохота. Он в печальном настроении. Невесело поясняет:

— За экватором.

— Ого! Поди, жарко там?

— Баня!

— Надо же! Вот бы нам туда!

Неужели мы держим курс на Океанию, далекую Океанию, затерявшуюся в просторах Тихого океана?

— Как будто поехали! — слышу чей-то женский голос.

— Не поехали, а поплыли, — поправляет мужской.

— Не поплыли, а пошли! — уточняет еще кто-то с хрипотцой и степенностью.

Новички встретились с бывалыми.

Буксир, до звона натянув стальной трос, медленно выволакивает «Витязь» на простор бухты.

...Как провожают пароходы,
Совсем не так, как поезда...

Это радисты включили динамики. Щекочат грустью наши сердца. Все-таки уплываем на пять месяцев!

Действительно, совсем не так, как поезда. Не принято у моряков, чтобы перед дальним походом на причале торчали их близкие. Не до близких морякам во время отхода судна — каждый занят делом, некогда стоять у борта и помахивать ручкой. Да и отход не быстрый. Это не поезд: дал гудок — и покотил. «Витязь» битый час возится — пыхтит, вздрагивает, поскрипывает, — прежде чем выберется из тисков кораблей-соседей. Да еще ветер ледяной. Несколько человек помаячило на причале и исчезло. Осталась одна грустная неподвижная фигура молодой женщины в черном пальто. Может, она еще не знает традиций? Или наплевать ей на традиции, когда кто-то уплывает от нее на долгие месяцы. Она стоит, пошатываясь под порывами ветра, и смотрит на уходящий «Витязь». Через пять месяцев, наверное, снова придет сюда, здесь будет уже март и солнце яркое, и сотрет оно осенние тени разлуки на лице этой женщины. Не принято у моряков, чтобы в дальний поход провожали их близкие. Но пусть встречают непременно! Веселой, шумной толпой соберутся у причала и будут с радостным нетерпением ждать, когда привалит судно кормой или бортом к причалу, когда закрепят швартовы, спустят наконец трап... Пароходы встречают совсем не так, как поезда.

А сейчас нас провожает только темная фигура молодой женщины на причале, и свист ветра в снастях, и негромкие вскрики отцепившего трос буксира, пожелавшего нам счастливого пути.

Мы выходим на простор бухты. Мы начинаем первую морскую милю нашего пути, первую из многих тысяч.

КУДА И ЗАЧЕМ?

Цепочкой тянутся по заливу к морю суда, уходящие из Владивостока в дальнее плавание. Сухогрузы, огромные танкеры, белые пассажирские корабли, плавучие китобойные базы, похожие на огромные глыбы тверди, отколовшейся от большого и рослого города, — настолько они велики и многоэтажны. Только наш «Витязь» отличается внешне от всех — и на пассажирское судно не похож, и за грузовое не примешь. Впрочем, дальневосточные моряки уже привыкли к нему давно, издали узнают по очертаниям. Не спутаешь «Витязь» с другими судами: только у него одного из носа торчит стальная балка с колесом-блоком — для спуска глубоководного якоря, — только у него на палубах необычные стрелы лебедек, зубастые ковши драг, длинные ярко-красные туши океанских радиобуев.

Не пассажиров, не грузы везет «Витязь» на своем борту. И путь его не по проторенным морским дорогам, а в сторону от этих путей подальше, подальше, в открытый океан, в самые глухие его уголки. Ведь цель нашего судна — поиск. С того момента, как «Витязь» стал кораблем-исследователем, он совершил множество рейсов в океан и сейчас уходит в свой сорок девятый. Сорок восемь раз уплывал куда-то, и, когда возвращался назад в родной порт, не ящики с товарами выгружали из его трюмов. Сходили с его трапа люди с портфелями и чемоданами, набитыми рукописями, дневниками, сгружали с судна контейнеры с рулонами чертежей, магнитофонными пленками, фотографиями, образцами горных пород, чучелами неведомых рыб, мешочками с донным илом. Это было богатство, которое нельзя оценивать деньгами. Возвращались на берег с удивительными открытиями, смелыми научными предположениями, идеями, которые потом взволнуют многих и многих ученых не только в нашей стране, но и во всем мире. Таков наш «Витязь», судно, которое принадлежит Академии наук СССР. Рейсы его непросты, опасны, далеки. Пуститься в такое плавание — нужны отвага и упорство. Поэтому он и называется гордо — «Витязь». Так в старину звали сильных, смелых, благородных воинов, защищавших русскую землю от врагов. Но наш «Витязь» не только отважный, но и мудрый, наделенный многими знаниями, и поэтому его называют «кораблем-ученым».

Теперь океаны и моря бороздят уже немало советских научно-исследовательских судов — они больше, современнее, быстроходнее «Витязя», лучше оборудованы, удобнее

для жизни на нем. Но «Витязь» среди них был самым первым, он уже «дедушка», он заслужил добрую славу, и все к нему относятся с особым почтением. Его имя широко известно у нас в стране, он был частым гостем в больших и шумных зарубежных портах, наведывался на затерянные в океане безвестные острова и в иных местах оказывался первым в истории советским и даже русским кораблем, бросившим якорь у неведомых земель. О нем давно знают в самых отдаленных уголках океанов, всегда радуются новым встречам с ним.

Рядом с дверью в мою каюту, у трапа, на стене большая рельефная карта. Из красного кружочка, обозначающего Владивосток, длинными разноцветными нитями протянулись трассы прежних дальних походов нашего «Витязя». Они змеются по голубым полям Тихого и Индийского океанов, петляют у затерянных в водных просторах островов, дотягиваются до Австралии, Америки, Африки, Индии. И каждая такая ниточка очередного рейса судна — путь к новым удивительным открытиям.

...Доказано существование жизни на самых максимальных глубинах океана. Ведь еще недавно полагали, что на десятикилометровой глубине из-за чудовищного давления водной толщи и вечного мрака ничто живое обитать не может. Казалось, люди за тысячелетия своей истории открыли и изучили все живые существа на Земле. Оказывается, не так. Ученые на «Витязе» обнаружили немало неизвестных науке океанских животных и рыб. Ученым «Витязя» принадлежит честь открытия самой большой на свете глубины в Мировом океане. Это случилось над знаменитой Марианской впадиной. Однажды приборы «Витязя» установили, что в этом месте дно «провалилось» на расстояние в 11022 метра. С тех пор на всех мировых картах эта цифра названа «глубиной Витязя». «Витязь» исследовал не только Марианскую впадину, но и другие гигантские трещины в дне океана — «желобы», как их называют ученые. Один такой желоб, тянущийся по дну на многие сотни километров, именно он открыл первый, тщательно исследовал приборами, и поэтому желоб этот тоже носит имя «Витязя». Он расположен в районе островов Новые Гебриды и Фиджи. С борта нашего славного корабля были обнаружены новые, неизвестные подводные хребты, горные пики, гигантские равнины на океанском дне, и после сорока восьми рейсов «Витязя» на мировой карте появилось пятьдесят новых географических названий.

Вот такая прекрасная слава у этого не очень большого,

довольно старого, не очень удобного для жизни и работы корабля. Если все трассы его рейсов вытянуть в одну линию, то получится, что «Витязь» десятки раз обогнул земной шар. А если прибавить к этим трассам пути-дороги до того, как он стал научно-исследовательским, а был всего-навсего торговым судном, то получится, что «Витязь» наш — вечный скиталец по морям и океанам. Как и положено настоящему витязю! Благородный и отважный воин всегда должен быть в походе.

Такими скитальцами и героями моря были и отец и дед нашего «Витязя». Давным-давно это гордое имя присвоили русскому паровому военному корвету. «Витязь-Первый» немало плывал по южным морям, исследовал Новую Гвинею и другие острова, и его именем назван пролив между островом Новая Гвинея и островом Лонг-Айленд. Именно на нем сто лет назад совершил свое удивительное путешествие к папуасам отважный русский ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

На смену «Витязю-Первому» появился его «сын» — «Витязь-Второй», тоже паровой корвет. Выдающийся русский ученый — адмирал С. О. Макаров в 1887 году совершил на нем знаменитое плавание по Тихому океану, которое так много дало науке. В маленьком княжестве Монако, что расположено на берегу Средиземного моря между Италией и Францией, есть известный во всем мире Океанографический институт. На фасаде здания института высечены имена научно-исследовательских судов, которые сделали наиболее выдающиеся открытия в океане. Их немного. И среди них почетное место занимает макаровский «Витязь», не менее почетное, чем прославленный в истории отважный морской следопыт «Челленджер».

А «Челленджер» — это начало истории океанографии, науки, которая занимается изучением океана: его глубин, течений, воды, дна. Поэтому о «Челленджере» стоит немного рассказать.

Чем чаще и дальше проникал человек в просторы океана, тем меньше он его страшился, увереннее себя в нем чувствовал, все больше проявлял к нему интерес. Очень мало знали первые открыватели континентов и островов об океане, о его жизни, законах его погоды, особенно о его глубинах. Пытались измерять глубины и течения и Магеллан, и знаменитый капитан Кук, и многие другие мореплаватели тех далеких времен. Но делали они это случайно, без научной подготовки и без особого успеха.

С годами, столетиями интерес к океану все более воз-

растал. Пора было его изучать всерьез. И вот в 1871 году шотландский натуралист Уайвилл Томсон получил от Британского королевского географического общества предложение совершить четырехлетнее кругосветное путешествие в качестве руководителя экспедиции по изучению океана. Он отправился в плавание на парусном судне с паровым вспомогательным двигателем, переоборудованном в океанографическое судно. Называлось оно «Челленджер», что значит по-английски «Бросающий вызов». В 1872 году судно вышло в путь. В программу экспедиции входило изучение морей и океанов в районе Португалии, Испании, Азорских островов, островов Зеленого Мыса, Мадейры, Вест-Индии, Бермудских островов, Южной Америки, Магелланова пролива, мыса Горн, Австралии, Новой Зеландии, Индийского океана, острова Новая Британия, Японии, Алеутских островов, Калифорнии...

Томсон вместе со своими товарищами провел бесчисленное число исследований в океане. Многие из них проводились впервые. Тщательно и глубоко изучали ил, который доставали со дна, планктон, дрейфующие водоросли, впервые занимались научным драгированием — то есть опускали на дно на тросе зубастый ковш, который собирал со дна ил, камни, донных животных. Изучали члены экспедиции морских птиц, китов, пингвинов, морских слонов. На островах Новые Гебриды, Новая Гвинея, Тонга, Фиджи знакомились с бытом местных жителей. За три с половиной года «Челленджер» прошел 69 000 морских миль. Он привез с собой тысячи страниц научных дневников, множество коллекций. После возвращения экспедиции было опубликовано 50 томов исследований. До «Челленджера» ни одна экспедиция не завоевывала такой всемирной славы. Писали, что «Челленджер» доставил, по сути дела, больше сведений о море, чем было получено за все предыдущие века.

С того времени океаном стало заниматься все больше исследователей. В середине прошлого века прославил свое имя американский моряк и ученый Мэтью Мори. Он первым составил на основе многочисленных вахтенных журналов моряков свой знаменитый справочник «Карты ветров и течений». На помощь Мори пришли сотни капитанов военных и торговых судов. Вскоре они убедились, что с помощью карт Мори можно достигнуть самых отдаленных точек мира намного быстрее, чем раньше. Ведь теперь на картах впервые были обозначены направления течений и ветров в разных районах Мирового океана. Время пути судов повсюду стало короче. Это было мировым событием.

Мори доказав, что океан живет по своим законам и законы эти нужно изучать. В далекое плавание все чаще выходили научно-исследовательские суда разных стран. Вначале изучали животный мир моря, затем стали исследовать химический состав воды, ее температуры. Затем уже заинтересовались глубинами океана и рельефом его дна.

И все-таки широкое международное изучение океана началось только после второй мировой войны. И в этом научении приняли участие советские корабли-исследователи, а первым среди них был «Витязь».

Сейчас наш «Витязь» уходит в свой сорок девятый рейс.

На этот раз на борту «Витязя» — геофизики и геологи. И те и другие занимаются изучением строения Земли, явлений, которые в ней происходят. Только геофизики используют для этого сложные приборы, а геологи непосредственно общаются со всем тем, из чего состоит наша суша, и один из их инструментов — геологический молоток. Геофизики экспедиции будут изучать строение земной коры, которая простирается под дном океана, а геологи проведут исследования на островах Океании, куда должен зайти «Витязь».

Ясно мне пока одно: геофизики хотят как можно больше поработать в море, геологи — как можно дольше задержаться на твердой земле. А для меня — и то и другое интересно.

ЭТА ЗАГАДОЧНАЯ МАНТИЯ

Иллюминаторы нашей каюты раскрыты настежь. В них видно вздохмаченное Японское море. Не верится, что еще три дня назад во Владивостоке дули ледяные ветры.

На столе поблескивает никелированным брюхом электрический самовар. Над ним постоянно висит белое облачко пара. Наша каюта вдруг превратилась в клуб, и к нам по несколько раз в день приходят на чашку кофе.

Из Москвы я захватил несколько банок растворимого кофе и сейчас с тревогой замечаю, что эти небольшие запасы стремительно тают. Как жаль, что не взял побольше! Другие тоже об этом жалеют. Вдруг обнаруживается, что в спешке перед отъездом кто-то забыл нечто очень важное — свитер, тапочки, бритву, кеды... Я, например, оставил в Москве тщательно упакованные пленки для фотоаппарата.

Сосед по моей каюте, Олег Сорохтин, — геофизик, начальник отряда нашей экспедиции, ученый, самозабвенно преданный своей науке.

Сорохтин с утра до вечера сидит за столом и лист за

листом изводит запасы бумаги. Набросает несколько цифр, начертит какие-то кривые линии, потом обхватит лобастую голову руками и надолго впадает в глубокую задумчивость. Это он «мыслит». Обмыслив несколько начертанных на бумаге закорючек, он берет другой свежий лист бумаги, и его карандаш стремительно бросает на нее очередную порцию закорючек. И опять долгая задумчивость. Наверное, именно так работают теоретики в науке. Ведь великие открытия рождаются не только в пробирках. На бумаге тоже.

Мой друг-теоретик не оказался исключением среди витязя. Он забыл захватить с собой из Москвы самое главное для него — бумагу. Теперь пользуется моей. Ее запасы катастрофически уменьшаются. Но Олег меня успокаивает:

— Вдруг мне придет на ум формула, что все ахнут. Даже ты!

— Даже я?

Нет, не ахну! Просто непосильно мне разобраться в этих кривых закорючках, угрожающе раздробленных цифрах. Вся жизнь был не в ладах с математикой.

Вот так же девять лет назад Сорохтин с утра до вечера сидел за столом в нашем погребенном под снегом доме в Антарктиде и изводил бумагу. «Олег, пройдемся по припайному льду до айсбергов», «Олег! Кончай, на ужин опоздаешь!», «Олег, сегодня в кают-компании фильм интересный». Ответ почти всегда один и тот же: «Не мешай. Мысль интересная пришла. Некогда!» А мысль эта на бумаге выглядит столь же непонятно для непосвященных, как китайские иероглифы. Он демонстрирует мне только что испорченный лист бумаги: «Как тебе кажется? По-моему, здесь что-то есть». Я соглашаюсь: «Удивительно красивая мысль. Но может быть, все-таки пойдем к айсбергам? Погода отличная». Олег морщится: «Не мешай, пожалуйста. При чем здесь айсберги?» Я возмущен: может быть, и сама Антарктида «ни при чем»? Стоило ли лететь на другой конец света, чтобы с утра до вечера в душном доме под снегом изводить бумагу? В Москве было бы удобнее. Но это, конечно, шутка. Изводит бумагу Сорохтин потому, что интересные мысли подсказывают ему и Антарктида, и многие его экспедиции, и наш «Витязь», который отправился в большой научный поиск. Сорохтин вовсе не кабинетный ученый.

По несколько раз в день к нам в каюту на чашку кофе приходят ученые поговорить о всякой всячине. Они так и называют эти визиты: «всякая всячина». Но разговор не о погоде, не о забытых в Москве тапочках. Все о каких-то протрузиях и геосинклиналях.

— Господи! — удивляется Олег. — Неужели ты не понимаешь, что такое геосинклиналь? Это же так просто!

А мне в самом деле очень нужно понять, что такое геосинклиналь и всякое другое из их марсианского языка, чтобы потом рассказать своим читателям, зачем идет «Витязь» в Тихий океан.

— Ладно, — говорит Сорохтин, — постараюсь тебе растолковать попроще. Так вот, консолидация протрузии с литосферой...

Я подымаю руки:

— Олег, дорогой, представь, что перед тобой школьник пятого класса. Попробуй рассказать так, чтобы он хотя бы что-то понял.

Олег вздыхает:

— Попробую. Но это невероятно трудно.

Он берет лист бумаги, карандаш, рисует на бумаге круг. Круг — это наша Земля, шар радиусом в 6370 километров. Если его разрезать, то он будет выглядеть, как, положим, персик. Земля состоит из нескольких разнородных слоев. Самый верхний слой — земная кора. Он очень тонок — вроде бы кожура на персике. Его толщина не столь уж значительна. Если рассматривать нашу планету по слоям, то верхний слой — это почва, на которой растут деревья. Под почвой — всякие легкие, осадочные породы, нанесенные реками, дождями, ветрами: песок, глина, суглинок, известняки. Потом идут тяжелые породы — граниты. Но есть слой, который тяжелее гранита. Он лежит еще ниже. Это базальты. А вот уж под базальтами находится таинственная верхняя мантия Земли.

Почему таинственная? Да потому, что мы о ней очень мало знаем. А знать нам нужно обязательно. Мантия — основная «начинка» нашей планеты. Она состоит из тех главных материалов, из которых когда-то и образовалась Земля. Простирается она внутрь земного шара на две тысячи километров, состоит из пород, которые еще тяжелее и тверже, чем граниты и базальты. Мантия и есть истинная плоть Земли, а верхний тонкий слой земного шара — кора — всего-навсего продукт извержения вулканов, то самое легкое, что было выброшено на поверхность из недр планеты. Наиболее тяжелое остается в глубинах. А как известно, самые тяжелые — это металлы. Значит, именно в мантии хранятся неисчислимы запасы рудных ископаемых — золото, серебро, свинец, железо... Мантия — настоящая кладовая природных богатств.

Предполагается, что верхняя мантия находится в твердом

состоянии, под ней слой полурасплавленных пород, затем опять более жесткий слой — нижняя мантия, под ней — жидкое ядро, а в центре Земли, вроде косточки в персике, — твердая сердцевина.

Так выглядит наша планета в разрезе. Но никто из ученых с уверенностью не может сказать, что в этом умозрительном разрезе все именно так, как в действительности. Ведь пока мы более или менее изучили только тонюсенькую земную кору. На континентах эта кора толщиной в 30—40 километров, в океанах еще тоньше — от четырех до восьми.

Вот почему наш «Витязь» и держит курс в океан. Ведь нам предстоит изучение верхней мантии Земли. А в океане ее изучать проще. Правда, руками до нее не добраться все равно, но она доступна для приборов. Специальные приборы будут посылать на дно звуковые сигналы. Звук легко пройдет сквозь толщу воды, потом пронзит слой земной коры и наконец доберется до мантии. Здесь он резко увеличит скорость своего бега, потому что в твердых породах звук мчится быстрее. И вот время пробега звука, то медленное, то быстрое, и уловят приборы «Витязя». А из того, что расскажут приборы, ученые сделают выводы о толщине коры, составе мантии и о многом другом. Мантию изучают пока только по приборам.

— Люди еще ни разу не видели настоящей «чистой» мантии, — говорит Олег. — Ученые сумели с помощью драг случайно зацепить несколько кусков породы, близкой по составу к мантии.

А добраться до нее ученым очень хочется. Так хочется, что они идут на великие затраты сил и средств, чтобы извлечь из недр Земли хотя бы маленький кусочек настоящей мантии. Американцы даже создали специальное судно с бурильной установкой. Спустили с него на несколько километров океанской глубины длинную штангу бура и пытались ею просверлить дно. Но пока эта громоздкая затея успехом не увенчалась.

Почему для изучения мантии Земли мы идем в Тихий океан? В Тихом океане много островных дуг — вытянутых в цепочку семейств островов. Возле этих дуг в дне океана глубочайшие трещины. Именно в этом районе происходят грандиозные перемещения земной коры. Огромные плиты коры медленно опускаются в глубины планеты, другие подымаются, и так образуются новые подводные хребты и их вершины — острова, новые глубокие разломы океанского дна.

Вот почему здесь постоянные землетрясения, извержения вулканов.

Наши геофизики будут работать с приборами в море, геологи — высаживаться на островах краевой части океана обширного района от Японии до Новой Зеландии. И все для того, чтобы собрать новые сведения о законах геологической жизни планеты. Вот это мне рассказал Олег Сорохтин о целях нашего путешествия.

— А подробности уяснишь в пути, — улыбнулся Олег. — Ведь ты же теперь полноправный член экспедиции.

Я горжусь тем, что «полноправный». Меня включили в состав взрывников — будем взрывать тротил во время геофизических работ в море. Назначили меня дежурить на эхолоте. Что такое эхолот, я расскажу позже. Дал я согласие быть и шофером на машинах экспедиции во время высадок на берегу. Потом...

— Не беспокойся! — сказал Олег. — В таком плавании всяких дел найдется вдоволь. Может быть, тебе придется и на дно нырять, и с акулами сражаться, и во время ураганов на палубах вещи закреплять...

— А помнишь, Олег, как однажды на наш Мирный налетел ураган? Страшный. Шагу нельзя было сделать. Только ползком.

— Ползком? Разве был ураган тогда? — Олег задумчиво почесывает густую шевелюру жестких волос. — Что-то не помню такого. Я не ползал. Кажется, в это время делал какие-то расчеты.

НЕ ТАКОЙ УЖ ТИХИЙ!

Вот мы и в открытом океане. Тихий, или Великий... Великий — это понятно, для этого лишь стоит на карту взглянуть: самый крупный голубой кусок на нашей планете. Но Тихий... Так его назвал в XVI веке Фернандо Магеллан, когда его каравеллы, пройдя проливом, который стал позднее называться Магеллановым, впервые в истории мореплавания вошли в таинственное южное море. Оно было безбрежным, спокойным, и стояла над ним ясная солнечная погода. И по этой причине Магеллан дал ему название: Тихий океан.

Но Магеллану просто повезло с погодой. Ни в каком другом океане не встречаются такие свирепые штормы, такие неистовые тайфуны, такие гигантские, высотой с многоэтажный дом, волны, как в этом «тихом» океане.

Мы прошли первые десятки миль по нему и уже чувствуем его характер. Где-то далеко от нас бушует на его просторах шторм, а отголоски шторма ощущаем сейчас в полной мере. Мертвая зыбь... Это значит, что шторма в этом районе нет, ветер слабый. Но огромные волны вздымаются по бортам «Витязя», горбят горизонт, будто теснятся там неведомые морские чудища; волны швыряют судно в разные стороны — то с борта на борт, то с носа на корму, и наш гордый «Витязь», который нам раньше представлялся большущим, сильным, уверенным в себе мореходом, теперь кажется крошечным суденышком, совсем беззащитным в великом водном просторе, раскачанным далекой бурей! В каютах, будто по волшебству, срываются со столов стаканы, с размаху бьются о стены. Во время обеда тарелки со щами вроде бы со злым умыслом с удивительной точностью опрокидываются на брюки сидящих за столами.

Я сидел в кают-компании и пытался справиться с жареным мясом, которое лежало на тарелке. Тарелку крепко сжимал левой рукой, а правой пытался попасть в мясо вилкой. И вот только-только прицелился в лакомый кусок, словно пику занес над столом вилку, как произошло нечто невероятное. Стол вдруг опрокинулся вправо, затем влево, раздался звон, треск, в глазах зарябило, и вот уже с изумлением вижу: тарелки передо мной нет, вместо нее лежит поперек стола человек, и моя вилка нацелена ему в грудь. Вот что значит качка!

Качка мучительна. Голова делается деревянной, мысли туманятся. Тянет на койку — спать, спать. Невыносима даже мысль о еде. Иной опытный моряк не выдерживает: крепится, крепится, и вдруг выступают на лбу капельки пота, мутнеют глаза, и человек торопится в каюту прилечь. Это и есть морская болезнь. Некоторых доводит до полного истощения сил, даже до отчаяния — посильнее любой тяжелой болезни. Я читал, что бывали случаи, когда окончательно сломанные морской качкой люди, чтобы разом избавиться от невыносимых мучений, бросались за борт. Но такие случаи редки. Человек всегда находит в себе силы преодолеть собственную слабость. Привыкнуть к качке нельзя, предрасположенность к морской болезни — особенность организма определенных людей, но можно взять себя в руки и не думать о том, что тебя укачивает. Главное в это время — что-то делать. Поэтому моряки, постоянно занятые своей работой, качку переносят легче. Есть такие, кто вовсе не подвержен морской болезни.

Преодолевая тошноту, я с трудом выбираюсь по трапу на

шлюпочную палубу. Темень непроглядная. Только одиноко стынет во мраке на мачте навигационный огонь нашего «Витязя». За бортом глухо шумит океан. До чего же неприятен. Ни одного огонька вокруг. Кажется, фальшборт — граница и за ней начинается чужой, враждебный, непонятный мир, в котором нет места человеку, и не существует в глухом мраке ни земель, ни городов, ни солнца — одни мы в целом свете. Жутковато! Можно неделями скитаться по этому простору и не встретить ни одного корабля. На то и Тихий океан.

Я представляю, сколько мужества нужно было Магеллану и его спутникам, чтобы решиться направить свои хрупкие деревянные кораблики в неведомое южное море, в которое еще не проникал никто. Люди издревле страшились океана. Считалось, что приливы и отливы вызываются дыханием огромных морских чудищ, обитающих на океанском дне. Древние римляне всякое морское путешествие считали неизбежным злом, с которым мирились только в тех случаях, когда нельзя было воспользоваться сухопутными дорогами.

В давние века уходящих в плавание на поиски неизвестных земель считали обреченными и уже не надеялись на встречу с ними. И в самом деле немного возвращалось кораблей из далеких странствий. Что случалось, никто не знал: то ли в штормах погибали, то ли разбивались на рифах, то ли исчезали по неизвестным причинам. Ведь в те времена не было радио, и терпящие бедствие не могли позвать на помощь. И вот тогда рождались необычные и страшные легенды о невернувшихся кораблях. Корабли эти становились призраками.

Среди моряков бытовала легенда о Вечном Воскресенье, о зоне вечного покоя. Эта зона якобы существует где-то около Антарктики. Она имеет форму окружности, а диаметр ее пятьсот миль. За этим невидимым кругом режут неутихающие дикие штормы, крутятся гигантские водовороты, но в самом центре круга полный покой, безветрие, тишина. Вроде бы сонное озеро в океане. На ровной глади этого озера стынут в воде некогда заблудившиеся и давно пропавшие корабли. Здесь и древние каравеллы и более современные суда. На родине их давно считают погибшими, а они просто сбились однажды с пути и попали в «чертов круг», в зачарованное море, в Вечное Воскресенье, где остановилось время, и оттуда нет выхода. На основе этой легенды Марк Твен написал рассказ «Зачарованное пустынное море». Но рассказ остался незаконченным. Герой его, побывав в «чертовом круге», все же сумел из него вырваться, но каким образом —

неизвестно. Может, автор так и не смог придумать способ избавиться от плена заколдованной стихии?

«Зачарованное море» — не такая уж фантазия. Вот какую заметку прочитал я недавно в одном журнале. Привожу ее полностью:

«Между Флоридой, Бермудскими островами и островами Вьерд в Атлантическом океане находится область, которую метеорологи и моряки называют Дьявольским треугольником. С 1881 года там на кораблях и самолетах, не оставив ни малейшего следа, ни разу не подав сигнала SOS, пропало без вести 2000 человек. В 1945 году там исчезла эскадра из пяти американских «морских охотников». На поиски эскадры вылетела гигантская летающая лодка и тоже «канула в воду». Еще более трагическим было исчезновение в 1918 году судна с 309 пассажирами на борту. Многочисленные метеорологические и магнитные исследования этого района обнаружили, что зона является одним из двух мест в мире, где стрелки компасов показывают вместо магнитного географический север. Другим таким местом является точное повторение Дьявольского треугольника — Море Дьявола (знаменательное название!) — между Японией, островом Гуам и северной частью Филиппинских островов. Ученые считают, что именно в этих местах совершенно внезапно начинаются бури и мертвые зыби».

«Витязь» через это Море Дьявола должен пройти на обратном пути.

В наше время с морем связывают немало таинственных, необъяснимых историй. В американской книжке, которая завлекательно называется «Хочешь верь, хочешь не верь!», собрано много необычных случаев. Я прочитал о том, как однажды в океане увидели лежащий в дрейфе корабль. Он не отвечал ни на какие сигналы. Когда подплыли к нему, то обнаружили, что на нем нет ни одного человека. Совершенно целое судно, ни пробоин, ни поломок, все спасательные шлюпки на месте, никаких следов бедствия или борьбы, а несколько десятков моряков и пассажиров словно испарились. Так и не смогли установить, куда они исчезли. Конечно, нечистая сила здесь ни при чем, конечно, была какая-то естественная причина для того, чтобы люди покинули судно. Вот только неизвестно какая.

И все же, как ни страшен был океан, всегда находились смельчаки, готовые помериться с ним силами. В наше время, когда существуют реактивные самолеты и атомные корабли, не выродились отважные люди. Они смело бросают вызов океану и в единоборстве с ним полагаются только на свои

силы и мужество. Первым, кто на маленькой яхте совершил кругосветное путешествие в полном одиночестве, был американец Джошуа Слокама. А потом этих кругосветчиков-одиночек становилось все больше и больше. Стало широко известным имя Фрэнсиса Чичестера. Этот уже пожилой человек в рекордный срок на маленькой яхте обогнул планету за 226 дней. Француз Бернар Муатесье на яхте-одиночке не только обогнул планету, но пошел уже по второму витку, и когда он завершил свой путь на Таити, то оказалось, что путь этот составил 54 тысячи морских миль — почти 100 тысяч километров.

Вэл Хауэлз был одним из четырех участников первых трансатлантических гонок яхтсменов-одиночек в 1960 году. Хауэлз написал хорошую книгу о своем плавании. Я взял из этой книги такой отрывок: «В эту самую минуту океан пересекает тьма людей, но здесь — никого. Один я ползу на запад в своей пятитонной коробочке, намереваясь присоединиться к «Летучему голландцу», — и я буду ходить в этой части океана, пока земной шар не прекратит свое вращение и не метнет океаны к небосводу, и останется наш несчастный древний мир с морщинистым, как у обезьяны, лицом — начинай все сначала. Только без меня. Я буду плыть все дальше и дальше, до самой Луны. Но там ни гавани, ни хотя бы сносной якорной стоянки. И пойду я еще дальше, и закружит меня планетная орбита. Буду идти так тысячелетия, пока не заштилую в виду Берегов Вечности». В этих фразах сквозит юмор, в них нет отчаяния, но за шуткой угадывается непреходящее чувство одиночества затерявшегося в океане человека. Вот что об этом пишет другой отважный мореплаватель: «Я уже не могу остановиться, не могу вернуться, не могу обратиться к кому-либо за помощью. Я всего лишь пылинка, затерявшаяся в просторах океана, где теряют смысл все привычные человеку понятия о расстояниях». И дальше: «Полное одиночество невыносимо. Горе тому, кто одинок! Мне кажется, что одиночество наваливается на меня со всех сторон непомерное, бескрайнее, как океан».

Эти слова написал Ален Бомбар, французский врач, мужественный человек, совершивший удивительный подвиг во имя спасения людей. Несколько лет назад он в одиночку на надувной шлюпке «Еретик» пересек Атлантический океан, чтобы на своем примере доказать другим: человек, очутившийся один в океане, может выжить, пользуясь лишь тем, что дает ему море. «Море «снабжает» питьем и едой в достаточном количестве, чтобы смело двинуться в путь к

своему спасению», — писал он. Сколько бед пришлось перенести Бомбару, чтобы написать эти уверенные слова надежды! На его шлюпку «Еретик» нападали акулы, рыба-меч, он испытывал хандру, страдал манией преследования, его мучили ночные кошмары, Бомбар был поражен фурункулезом, страдал от голода и жажды, похудел на двадцать пять килограммов и все же выжил! Доказал: можно выжить!

...Шумит за бортом «Витязя» Великий океан. Вцепившись в поручни борта, я всматриваюсь в тяжелую влажную мглу, вслушиваюсь в глухой говор волн. О чем они говорят? О том, как велик, просторен и свободен наш мир. О том, как бесконечно течение времени, — и миллион лет назад вот так же шумели волны и через миллион лет будут шуметь. А может, волны рассказывают о людях, которые не боялись вступить с ними в схватку, о бальсовых плотках, на которых совершали далекие плавания к островам Океании выходцы из Южной Америки, о потерявшихся в океанском безбрежье испанских каравеллах, о последних минутах жизни Фернандо Магеллана, Джеймса Кука, погибших на тихоокеанских островах, о силе, мужестве, верности тысяч и тысяч не вернувшихся, их делах и подвигах, о которых знают только волны.

Идет сейчас «Витязь» по их неведомым тропам. Огромные водяные холмы встают на пути корабля, а он упорно пробирается вперед сквозь волны, ночь и расстояния. И, вцепившись в поручни, чтобы не выпасть за борт, я полной грудью вдыхаю свежий морской воздух и радуюсь счастливой неизвестности, которая где-то за невидимым во мраке океанским горизонтом.

ПОД НАМИ БЕЗДНА

Десять километров... Много ли это или мало? Давайте попробуем представить, что такое десять километров. Это расстояние от одной окраины твоего города до другой или от твоей деревни до районного центра. Для пешей ходьбы десять километров путь немалый.

— Глубоко ли у вас озеро?

— Да не из мелких. В центре верных пять метров будет, а то и больше.

Глянешь с лодки в эту зеленую озерную глубину — и дух захватывает: до чего же далеко дно, нырнешь — не достанешь.

Это на привычной нам суше. А в океане?

Наш боцман только что выкинул за борт ненужный ржавый железный костыль. Короткий всплеск — и костыль пошел на дно. Я подумал, что «Витязь» уйдет далеко от этого места, а костыль все еще будет погружаться в глубину, и немало времени пройдет, прежде чем он ляжет на мягкий донный ил. Потому что под нами почти десять километров. Десять! Столько же, сколько от твоей деревни до районного центра. Больше, чем высота самой высокой на свете горной вершины в Гималаях — Эвереста. И уж конечно, нырнешь — живым до дна не доберешься. Это не озеро.

Смотрю на высвеченные палубными огнями белые гребни волн за бортом. Сейчас, ночью, мысль о том, что под тобой такая непомерная глубина, кажется особенно острой и тревожной. Кажется, мрак глубин не только под килем «Витязя», но и вокруг него — мрак прижался к палубам, вздымается до самого неба, в котором сегодня нет звезд. Бездна... Какое это точное и сильное русское слово! Без дна!.. Конечно, дно где-то есть, но такое далекое!

Моряки мне рассказывали: когда судно идет над очень большими глубинами, они одновременно чувствуют себя и в безопасности — наверняка не наскочут на рифы — и все же в некоторой тревоге: беспокоит сознание, что под тобой бездна — черная, холодная, беззвучная, в ней медленно плавают неведомые твари, освещенные изнутри призрачным гнилушечным светом. Недаром во время дрейфа судна капитаны не разрешают купаться в открытом море. И не только из-за боязни нападения акул. Известно, что большая глубина завораживает даже опытного пловца, пловец испытывает смутную тревогу, неуверенность, а то и страх. Часто потерпевшие кораблекрушение тонут, не дождавшись близкой помощи, именно потому, что лишает их способности к сопротивлению мертвящее дыхание бездны.

Пора на вахту. Сегодня мое первое дежурство у эхолота. Отсек, где стоят эхолоты, находится на главной палубе. Я вхожу в эхолотную, сажусь перед аппаратом. В стеклянном окошечке большого металлического ящика медленно движется широкая бумажная лента, ее касается лапка самописца — черным штрихует край ленты. Извилистая линия, которая ограничивает штрих, и есть очертание морского дна. Дно примерно такое, как изображено на ленте: то ровное, плоское, то вдруг вздыбится подводной горой, то расколется крутой зловещей трещиной.

Я взглянул на цифры, нанесенные на приделанной к окошечку линейке. Цифры на линейке обозначают глубины.

Час назад было почти десять километров, сейчас стало «помельче» — 8902 метра.

Подумал, что брошенный боцманом костыль все еще не достиг дна.

Удивительное это изобретение — эхолот. Наверное, не менее важное, чем компас, подозрная труба, корабельный якорь. Ведь именно через его стеклянное окошечко, прикрывающее бумажную ленту, человек впервые «увидел» очертания морского дна. До этого понятия не имел, каково оно, это морское дно, по своему рельефу — гористое или повсюду плоское, как стол. Лот, который был изобретен давным-давно, мог рассказать только о глубине, да и то не великой. Что такое лот? Длинная веревка с грузом на конце. Почувствовали, что груз достиг дна, и по узелкам на веревке определяют длину опущенной в воду ее части. Чтобы измерить глубину океана, Магеллан опустил за борт своего корабля веревку длиной в 400 морских сажен (морская сажень — 182 сантиметра). Груз на веревке дна не достал, и Магеллан решил, что находится над самым глубоким местом океана. Измерить глубину в открытом океане пытался и знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук. Но и ему не удалось достать дна. Да и напрасно пытались! Разве сделаешь веревку десятикилометровой длины, а если бы и нашлась таковая, то она сразу оборвалась бы под грузом собственной тяжести.

И вот сравнительно недавно изобрели эхолот. Сразу стали доступны все глубины. Никаких веревок! От корабля особый прибор посылает сильный звук, он доходит до дна, отражается эхом от него, как от зеркала, и возвращается снова к приборам корабля; они его ловят, превращают в электрический сигнал, а след сигнала ложится штрихом на ленте. Чем больше глубина, тем больше времени добирается звук до дна и возвращается обратно, хотя время это измеряется секундами. Вся работа делается на ходу судна — на всем протяжении его пути остается за судном на карте длинная непрерывная цепочка измеренных глубин.

Над одной из великих океанских глубин сейчас и повис «Витязь». Называется она Марианской. Именно наш рабочий «Витязь» обнаружил здесь в свое время самую низшую точку в океанской бездне — 11 022 метра. Величайшие глубины на нашей Земле находятся в Тихом океане. Почти одиннадцать километров во впадине Тонга, больше десяти — в Курило-Камчатской, Японской и Филиппинской впадинах.

Передо мной на столе вахтенный журнал. Сегодня 22 ноября, 23 часа. Я приступаю к своему первому дежурству у эхолота. Мои обязанности состоят в том, что я должен

каждые пять минут записывать в журнал показанную эхолотом глубину.

«...8.902... 8.930... 8.941...» Почтенные цифры отделяют сейчас «Витязь» ото дна. На стене над аппаратом висит лист бумаги с тревожной надписью: «Если глубина уменьшится до одного километра — немедленно звонить на мостик». Призыв этот заставляет вахтенных быть бдительными. За последние два десятилетия немало в океане сделано открытий, но все-таки полно осталось в нем и тайн, почти совсем неисследованных районов, неизвестных впадин и подводных гор. Не будет удивительным, если вот сейчас глубины начнут резко «повышаться», превысят километр, подберутся к самой поверхности. Пробеет подводная гора верхушкой своей океанскую грудь — получится остров. А может и не дотянуться немного — два-три метра. Тогда вершина ее превратится в опасный для судна подводный риф.

Недавно недалеко от Каролинских островов была обнаружена безымянная подводная гора-великан. Высота ее от основания до пика — 10 672 метра. Куда выше Эвереста! Ее вершина выступает над поверхностью воды всего на двенадцать сантиметров, да и то во время отлива. Первым человеком, которому посчастливилось ступить на эту вершину, оказался немецкий альпинист Курт Вассерфельд. Ему удалось продержаться на крохотной площадке четыре часа, после чего Вассерфельда сняло находившееся неподалеку судно, на котором он сюда приплыл.

Открытие подводной горы — великое событие, и я, начиная свои эхолотные вахты, тешу себя мыслью: а вдруг именно в мое дежурство обнаружится неведомый подводный пик! Вот была бы удача для новичка! Даже заранее придумал, как его назвать, — прекрасным именем, взятым из русской классической литературы.

Рядом со мной у аппарата Галина Агапова, невысокая, темноглазая молодая женщина. Она главный командир эхолота на «Витязе». Строго следит за моей работой: как бы чего не напутал. Ведь проходим-то саму ее величество Марианскую впадину.

Агапова в эхолотной день и ночь. И когда она только отдыхает! Эта женщина накрепко связала свою судьбу с эхолотом, участвовала в нескольких рейсах «Витязя» и, наверное, лучше всех представляет себе, как выглядит тихоокеанское дно.

Никогда не слышал об Агаповой до того, как поднялся на борт «Витязя». Вот об Абалакове, знаменитом альпи-

нисте, покорившем пик Коммунизма на Памире, знал, о Тенсинге и Хиллари, первыми поднявшимися на вершину Эвереста, тоже знал. А о Гале Агаповой не написано ни строчки. А она открыла на дне океана несколько гор, которые размером могут потягаться с самим Эверестом. Среди них — гора Гагарина, гора Миклухо-Маклая, гора «Витязь». Правда, для этого ей не пришлось сжимать в руках альпинистскую кирку, карабкаться по крутым скалам, — в руках у нее был обыкновенный карандаш, и сидела она на стуле в эхолотной «Витязя». Но ведь это великая удача — отыскать в толще воды неизвестную людям высоченную гору! И Агапова вполне заслуживает известности.

Сейчас она сосредоточенна и молчалива. Придирчиво следит за тем, как я вписываю цифры в вахтенный журнал. Цифры должны быть четкими и аккуратными — в морском деле не терпят небрежности. И я всю стараюсь — почерк мой никогда не мог служить образцом. Да еще Галино волнение передается мне. И все потому, что Марианская впадина. Наверное, сейчас у нас на лицах такое же торжественно-почтительное выражение, какое бывает у людей, стоящих перед древними, пережившими века стенами или великим произведением искусства.

Удивительно повезло, что моя первая вахта пришлась именно на этот участок пути. Передо мной на стене висит большая карта Тихого океана. Окрашен океан в васильково-голубой цвет. Но в некоторых местах голубизна густеет пятнами или полосками, а иногда совсем становится чернильно-синей, словно на карту поставили несколько клякс. Кляксы обозначают глубочайшие океанские впадины. В одной из этих клякс и находится сейчас наш «Витязь».

Перевозу взгляд на знакомые очертания японских островов, прихотливо изрезанные берега нашего Дальнего Востока... Вспоминаю Москву. Сейчас над моим родным городом уже взошло солнце и загорелись над Кремлем его золотые купола.

А на стене карта выглядит ярким голубым пятном. Ярко-голубым шаром глядится наша Земля и в черноте космоса. Она похожа на драгоценный камень, положенный на черный бархат, такая прекрасная, нежная, чистая, как капля родниковой воды. Весь мир обошли фотографии нашей планеты, сделанные с космических ракет, устремленных к Луне. Когда разглядываешь эти фотографии, с теплотой и нежностью думаешь о нашей красавице Земле, нашем общем доме, теплом и добром для всех, кто на ней обитает. И как прекрас-

но, что она голубая! Ведь голубой цвет — цвет юности, счастья, надежд, мира.

Океан на земле занимает 70 процентов ее поверхности. Выходит, что почти вся земная поверхность жидкая. Мировой океан называют «седьмым» континентом, и он — самый огромный на земном шаре.

Давно человек изучил, обследовал, освоил все свои «твердые» континенты. Пожалуй, только белая ледяная Антарктида составляет исключение — она еще не освоена, но многие люди о ней уже узнали. А вот седьмой континент еще полон загадок.

Делаю в журнале очередную запись: «Время — 0.35. Глубина — 8.928». Точность до метра. Вроде бы ясно, какое оно под нами, это дно, — на ленте эхолота тянется довольно спокойной, чуть холмистой равниной. И все же мы еще мало-мало знаем об океанском дне, о самом океане, о жизни в нем. Может быть, сейчас под нами в вечном мраке глубин медленно проплывает неизвестное морское существо или гигантский, в несколько десятков метров длиной, кальмар, которого люди очень редко видели, ведет отчаянное единоборство со спрутом-великаном. Океаны и моря — хранилища неожиданностей. В газете, которую я купил в Японии, прочитал любопытную заметку. В дне Адриатического моря, недалеко от острова Кафаллиния, обнаружена «дыра». Каждые сутки в ней исчезает около тридцати тысяч тонн воды. Словом, из моря в эту «дыру» утекает целая полноводная река. Американское географическое общество направило в Адриатику специальную экспедицию. Ученые вылили в воду большое количество краски. Ждали ее появления в реках и озерах острова или в других частях моря. Не нашли. Бросали в воду мелкие кусочки пластика, но они нигде не всплыли. Куда ведет эта «дыра», пока неизвестно. И это в «обжитой» с древних времен Адриатике! А сколько может быть удивительного здесь, в пустынном Тихом океане!

Люди издавна мечтали проникнуть в заповедные океанские глубины. Легенда утверждает, что Александр Македонский провел на дне много часов в стеклянной бочке. Пытался изобрести дыхательные аппараты для погружения в море великий ученый и художник Леонардо да Винчи. Лишь в прошлом веке впервые люди спустились на дно в водолазных костюмах. Костюмы были неудобны для пребывания под водой и особенно для работы: на голове стальной шлем, на ногах обувь со свинцовыми подошвами, воздух водолазу по шлангу подавался с поверхности. Такие водолазные костюмы сохранились до сих пор. И вот только в послед-

ние двадцать пять лет появились более совершенные аппараты для штурма морских глубин — батисферы, батискафы, акваланги.

В 1926 году два американца, Вильям Биб и Отис артон, спроектировали и построили стальной шар для погружения на большие глубины. Назвали его батисферой. Он был меньше человеческого роста в высоту, имел три иллюминатора со стеклами из плавленного кварца — такие стекла особенно прочны. Опускалась батисфера в море на стальном тросе. И вот два смельчака решили рискнуть. Риск для них был делом привычным. Особенно для Биба. Он любил приключения: бывал в джунглях Африки и Южной Америки, в пустынях Азии, ходил на судах, подводных лодках, летал на самолетах, подымаясь на рекордную по тем временам высоту. Решился опуститься и на рекордную глубину. В 1930 году около Бермудских островов состоялось первое в истории погружение батисферы с Бибом и Бартоном на борту. После погружения они вышли из шара, «переполненные впечатлениями о мире, столь необычном для нас, как планета Марс». Биб писал: «На этой глубине и ниже ее на протяжении двух миллиардов лет не было ни дня, ни ночи, ни лета, ни зимы, время здесь остановилось, и мы были первыми, кто засвидетельствовал это». Создание батисферы стало огромным событием того времени.

Прошли еще недолгие годы, и люди научились уходить в глубины уже без тросов и стальных шаров. Первым среди них был Жак-Ив Кусто, капитан I ранга военно-морского флота Франции. Он решил широко использовать аппарат для ныряния, отличный от существовавшего водолазного костюма. Акваланг — особая маска, которая соединена с двумя баллонами, наполненными сжатым воздухом и прикрепленными к спине ныряльщика. Сперва спускались неглубоко, потом достигли глубины почти ста метров. С каждым годом увеличивалось число аквалангистов. Кусто и его товарищи занимались подводными исследованиями, подводным фотографированием, поисками затонувших кораблей, коварных необезвреженных мин, оставшихся после второй мировой войны. Особенно успешно отряд Кусто вел обследования давно погибших кораблей. Самым интересным среди них было греческое судно, затонувшее около 240 лет до н. э. Ныряльщики поднимали свыше ста амфор — глиняных сосудов, в которых древние греки держали вино, растительное масло и воду. Аквалангисты Кусто создали удивительные фильмы о подводном мире — коралловых джунглях, борьбе с акулами, поисках затонувших сокровищ.

Огюст Пиккар — швейцарский физик. Он изучил космические лучи и для этого построил аэростат, на котором поднялся на высоту в 16 километров. Это было в 1932 году. Затем вдруг решил заняться изучением глубин. В 1948 году создал первый в мире батискаф, который, по существу, тот же воздушный шар, только предназначенный для «полета» в воде. Стальная сфера пассажирской каюты была подвешена снизу к огромному поплавку. Поплавок был наполнен бензином, который всегда всплывает на поверхность, ибо он легче воды, и поэтому уравнивал тяжесть пассажирской кабины. К аппарату были прикреплены балластные цистерны. Они заполнялись водой, и батискаф, потяжелев, медленно опускался на дно. Достигнув дна, легко возвращался на поверхность. Для этого подводники просто отключали электромагниты, которые удерживали главный балласт — несколько тонн железной дробы. Так устроен батискаф. В 1953 году Огюст и его сын Жак совершили первое пробное погружение батискафа «Триест». Он достиг довольно большой глубины.

23 января 1960 года состоялся день «великого погружения». Жак Пиккар и американец Дон Уолш спустились на дно Марианской впадины, добравшись до глубины в 10 919 метров. Так люди покорили не только самую высокую точку нашей планеты Эверест, но и самую низкую — Марианскую впадину.

...8.912,8... 8.902... 8.879... Я сижу у эхолота глубокой ночью. Кроме вахтенных, все на судне давно спят. Спать мне не хочется. Я испытываю радость и гордость: ведь сегодня несу вахту по самым великим глубинам Земли. Слушаю бездну.

У НОГ НЕПТУНА

Мы уже вошли в экваториальную зону. Моряки говорят: забираемся на вершину горки. По этой придуманной вершине и проходит придуманная людьми линия экватора, которая делит земной шар на два полушария — Северное и Южное. Поплывешь от этой линии на юг — встретишь айсберги, гигантские плавающие горы, отколовшиеся от ледяного панциря белой студеной Антарктиды. А зона экватора считается одной из самых жарких на Земле. Зимы здесь никогда не бывает, снега люди не видывали и ничего холоднее мороженого не знают.

В экваториальных широтах не только жарко, но и всегда

влажно. Кажется, протяни руку, сожми в кулаке — и непременно почувствуешь в пальцах липкий комок воздуха, потечет из-под пальцев вода. Влажная жара... Пожалуй, нет ничего изнурительнее. Трудно дышать. Кажется, с каждым вздохом легкие наполняются не воздухом, а водой. Все, что может на судне впитывать в себя влагу, мокро. Ложишься спать, и кажется, что на тебе компресс — простыни словно только что из стирки, не успели обсохнуть. Одежда в шкафах покрывается плесенью, и с изумлением обнаруживаешь, что твой строгий черный костюм вдруг украсился белыми разводами, словно изморозью. Все ходят вялые, сонные. «Баня!» — говорят про эти экваториальные места.

И как это могут здесь жить люди! А ведь живут и не жалуются. И наверное, считают, что у них самый благодатный климат на свете. Я однажды провел месяц на экваторе — в Индонезии. Первое время мучился от жары и влажности. Места себе не находил, потом привык. Мои знакомые индонезийцы никак в толк не могли взять, что существуют на свете земли, которые зимой покрываются снегом. «Как же вы там можете существовать?» — удивлялись они и смотрели на меня с состраданием. То же самое говорили мне индейцы. Однажды в декабре в столице Индии Дели температура упала до семи градусов тепла. Я радовался: наконец отдышусь. А на другой день газеты писали, что пришла настоящая беда для жителей, что таких «морозов» давно не помнят, что несколько человек даже замерзло.

Сейчас в тропиках, на борту «Витязя», мы частенько вспоминаем о нашем нежарком климате, который кажется нам самым лучшим на свете.

На небе все чаще клубятся грозовые экваториальные тучи. Они лежат низко над океаном, почти касаясь волн, у них темные, словно налитые свинцом основания, их крутые, как у утесов, склоны забираются в небо на головокружительную высоту и сходятся в небесной синеве белыми, будто снежными, вершинами. Снизу эти тучи не производят такого внушительного впечатления, как из иллюминатора самолета. Когда летишь между ними на самолете, то кажется, будто со всех сторон окружают тебя великие Эвересты.

Скоро экватор... Вот наконец я увидел и вестников теплых широт — летучих рыб. Океан был спокоен, в его пологих длинных волнах жарко отсвечивало солнце. И вдруг мне показалось, что прямо из волны выпорхнула небольшая, чуть подлиннее воробья, птица, пролетела метров тридцать над волнами и снова ушла в воду. Я не сразу сообразил, что это была летучая рыба, одно из маленьких чудес приро-

ды! С этого дня мы видели этих крылатых рыбешек каждый день. Они выскакивали из воды целыми стайками, и казалось, что делают это из желания попарить в воздухе, полюбоваться нашим голубым поднебесным миром. Но биологи объяснили: летают эти рыбки не по доброй воле, в их крыльях — спасение: крылья помогают удрать от хищников. Куда деваться маленькой беззащитной рыбке перед пастью акулы или другого морского разбойника? Нет ни острых зубов, ни ядовитых шипов, ни окраски под цвет водорослей. Есть только крылья. И они выручают из беды. Спасаясь от хищника, летучая рыбка стремительно выбрасывается из волны в воздух, оставляя преследователя в полном изумлении: исчезла прямо на глазах, словно растаяла.

Прыгают эти рыбки над волнами иногда довольно далеко — так велик страх перед опасностью. А если еще подхватит рыбу крепкий ветерок, то может она оказаться на палубе корабля. Так не раз случалось и на «Витязе». Мне рассказали забавную историю. У боцмана был день рождения. Он позвал в свою каюту гостей и обрадовал их тем, что поставил на стол бутылку хорошего и дорогого красного вина, которое купил в какой-то стране. Распахнул боцман иллюминатор, чтобы не было жарко в каюте, и пригласил гостей за стол. Только уселись гости, только приготовился боцман наполнить бокалы прекрасным вином, как неожиданно в иллюминатор в паническом ужасе ворвалась довольно крупная летающая рыба, плюхнулась на стол, сбросив крылом распечатанную бутылку на пол. Так гости остались без заморского вина, а летучие рыбы с тех пор стали на всю жизнь злейшими врагами боцмана. Он был очень рад, когда в другой раз летающая рыба умудрилась влететь через раскрытую дверь прямо на камбуз — кухню на корабле — и шлепнулась точно на стоящую на раскаленной плите сковородку. Корабельному повару осталось только поджарить рыбу. Съели ее с удовольствием — ведь летучие рыбы очень вкусные.

Однажды залетела летучая рыба и в нашу каюту. Утром раскрыл я жалюзи иллюминатора и вдруг увидел на раме серебристое рыбье тело. Рыба была уже мертва. Я удивился: высоко же ее забросил ветер — иллюминатор нашей каюты на уровне четырехэтажного дома. Впервые я смог рассмотреть летучку во всех подробностях. Очень похожа на селедку — продолговатая, остроносая, ярко-серебристая. Только передние плавники у нее длинные — росли, росли и превратились в хрупкие перепончатые, отсвечивающие слюдой крылышки.

Мы подходили к экватору. И вот настал памятный день для новичков, совершающих свое первое океанское плавание. Утром по радио объявили, что на имя капитана пришла радиограмма от Нептуна. Морской владыка сообщал, что вместе со своей свитой явится на борт «Витязя» ровно в два часа дня. Так что будьте готовы! Новички были в повышенном настроении и немного волновались: ведь, по традиции, всех, кто пересечет экватор впервые, обязательно искупают, да еще перед этим, говорят, вымажут сажей.

В два часа дня «Витязь» зычным гудком сообщил, что пересек килем невидимую линию, называемую экватором. Все направились на корму. Там уже нас ожидали необычные морские гости. Мы ахнули от удивления: кого здесь только не было! На небольшом участке палубы собрались разом самые живописные герои чудесных сказок и удивительных приключенческих повестей. На крышке люка в кресле-троне восседал глава этой пестрой компании — сам его величество Нептун, повелитель океана. Он был в золотой короне, с зеленой бородой из водорослей, с трезубцем в руке. У ног его сидела Наяда, Нептунова дочь, прекрасная и коварная морская царевна. На плечи ее спадали длинные зеленые волосы. Рядом с этими сиятельными особами стояла их свита: Звездочет в длинном колпаке и огромных железных очках, два грозного вида Пирата в треуголках, с кинжалами, один с завязанным глазом и костылем, — прямо таки герои из романа «Остров сокровищ» английского писателя Стивенсона. Были еще Брадобрей с огромной бритвой, Виночерпий с ковшом и несколько отличных угольно-черных хвостатых Чертей.

И вот, по давней традиции, наш капитан, одетый в полную парадную тропическую форму, с самым серьезным видом четким шагом приблизился к Нептуну, встал во фрунт и, как высокому начальству, доложил морскому владыке, что судно наше зовется «Витязем», что занимается оно исследованием океана, что люди все на борту достойные и поэтому просьба к Нептуну — пропустить «Витязь» через экватор. Нептун был явно в благодушном настроении. «Разрешаю, — сказал он, — только новичков мы сейчас должны «причистить».

Тут-то и началось самое веселое. Подпрыгивающие от нетерпения Черты безо всяких церемоний хватали встревоженных новичков, бросали их к ногам Нептуна, Звездочет громко читал Нептуну грамоту в стихах, Брадобрей намыливал физиономию новичка большущей, как веник, кисточкой, проводил по щеке устрашающей деревянной бритвой, а

Черти по знаку Нептуна засовывали новичка в длинный, без дна мешок, вымазанный изнутри сажей. Вытаскивали из мешка на белый свет и уж потом с размаху швыряли в «купель» — небольшой брезентовый бассейн, устроенный тут же, на палубе... Вылезал новичок, обращенный отныне в подданные Нептуна, совсем неузнаваемым — в мокрой одежде, с черным от сажки лицом... и счастливым: теперь он настоящий моряк, сам Нептун благословил! Чтобы окончательно поднять настроение, Виночерпий протягивал нашему герою чарку холодного виноградного вина. Ни для кого не было исключения, всем пришлось испытать власть Нептуна — и академику, и профессорам, и нашим иностранным гостям.

Вот так на «Витязе» прошел праздник Нептуна, а в заключение праздника всем нам, выкупанным, выдали от имени Нептуна грамоты, в которых удостоверялось: данный мореходец благополучно пересек экватор в восточной долготе 148 градусов, в купели купан и все хитростные обряды, обычаем положенные, послушно исполнил, а посему все чудища морские препятствия чинить нам уже не имеют права. Так повелел сам Нептун.

Праздником все остались довольны. Ведь в дальнем плавании не так уж много у моряков развлечений. Кино, радио, даже телевизоры на некоторых кораблях — это сейчас. А раньше? Вот моряки и придумали этот веселый шуточный праздник Нептуна.

В СТРАНЕ ПАПУАСОВ

Два острова проступили впереди по курсу сразу с обоих бортов. В здешних экваториальных широтах начинался сезон дождей, небо было забито драными клочьями облаков — обрывками недалеких грозных тропических бурь, и я поначалу принял острова за крылья огромной тучи, надвигавшейся на нас из-за горизонта. Но прошло немного времени, и контуры островов четко выписались на фоне неба. Они были столь же чернильно-синими, как и вечернее море, и казалось, что острова — часть этого моря, огромные его выпуклости, две великие волны, зловеще нависшие над нашими судьбами. Высвеченные косыми, пробившимися сквозь облака лучами заходящего солнца, голые вершины гор на островах казались кипением пены на хребтах этих гигантских волн. Я подумал о цунами. Чего только не пригрезится в океане! Наверное, ничто так не будит фантазию, как мощ-

ные, решительные, неожиданные мазки красок, создающие всегда неповторимый, всегда торжественно-внушительный облик океана — с его водным простором, бурями, ветрами, особым океанским небом, особым солнцем и землями, встающими из-за горизонта.

Часа через два ближайший остров оказывается по правому борту и, словно гигантская гусеница, медленно растягивается в длину на мягком и покойном полотне океана. Остров высокий, скалистый, тяжелый — колоссальная каменная глыба в густой шкуре джунглей.

Мы шарим биноклями по горным склонам, по белой полоске кораллового пляжа, по прибрежным водам — ни хижины, ни дымка костра, ни туземной пироги у берега. Только джунгли, простирающиеся сквозь острые ребра скал, да подсвеченные вечерним солнцем обрывки туч, прильнувших к скалам. Первозданный мир! Такой, как тысячу лет назад.

Я представил себе эти тропические горные джунгли: сырой полумрак, пропитанный густым дурманом гниения, гулкие вскрики странных птиц, серебристая струйка змеиного тела, вдруг внезапно пролившаяся тебе под ноги из расщелины камня... В других краях на острове такого размера обитают тысячи жителей, а на этом есть ли кто? Словно очутились мы в той доисторической эпохе, когда обезьяна еще не слезла с дерева, чтобы стать человеком. Царство дикой природы, в котором нет места человеку.

Многие из нас столпились у правого борта и смотрят на остров. Ни восклицаний радостных, ни оживленных замечаний. Молчат. Он вовсе не похож на таинственный тропический остров, созданный светлой мальчишеской мечтой. Этот пугает. Особенно сейчас, когда наступающая ночь осыпается в ущелья мягким черным пеплом. И на память приходит Маклай.

Миклухо-Маклай был одним из любимых героев моего детства. Помню, отец подарил мне его книгу в день рождения: мне тогда исполнилось десять лет. На книге написал: «В мире, который вокруг тебя, еще много есть неоткрытого, неизвестного, удивительного и не везде еще проложены тропы поиска. Пусть позовет тебя Маклай в путь». Я знал книгу почти наизусть, а рисунки в ней помнились так же хорошо, как картинки в букваре. Маклаевские папуасы казались давнишними знакомыми, словно жили в соседнем доме старого московского переулочка, где прошло мое детство.

Приплюснутые носы с широкими, словно постоянно приплюснутыми к тревожным запахам джунглей ноздрями, длинная острая костяная игла, проткнувшая носовую

перегородку — для красоты, свисающие из грубо продырявленной ушной мочки тяжелые, как гири, огромные серьги из раковин. Я читал о приключениях Маклая на Новой Гвинее и замирал от ужаса, горячо переживая вместе с отважным следопытом то критическое мгновение, когда стрела, посланная для испытания выдержки белокожего чужестранца, оставляет в воздухе у самого его уха тонкий след, будто птичий посвист, а чужестранец и глазом моргнуть не может, не имеет права показать, что ему страшно, что он смертен. И в каждое следующее мгновение неловко или со злой волей посланная стрела может убедить дикаря, что странный белокожий человек вовсе не бог.

Многие годы прошли, а книга эта помнится. Так же помнится, как безудержные детские фантазии, которые рождались при первом же знакомстве с Робинзоном Крузо, или отважным Айвенго, или драчуном д'Артаньяном, или юным искателем приключений Джином Хокинсом из стивенсоновского «Острова сокровищ». И Миклухо-Маклай, и его папуасы казались чем-то нереальным, вроде бы даже придуманным, по крайней мере затуманенным далеким прошлым, в котором уже трудно отличить выдумку от подлинности. И был ли вообще Миклухо-Маклай? И была ли или есть ли на свете таинственная Новая Гвинея, остров, который, говорят, где-то на самом краю земли?

И вот теперь, спустя много лет, я смотрю в бинокль на берега острова, мне кажется, вглядываюсь в прошлое, и оно перед моим взором все больше затемняется синими пластами наступающей ночи, которая, как и все в океане, ложится на леса и скалы острова широкими, густыми и вольными мазками. Может быть, сейчас там, под сросшимися в крепкую кровлю кронами прибрежных мангровых зарослей, стоит обнаженный черный человек, из его курчавых и жестких, как проволока, волос воинственно торчат перья, и лицо его густо вымазано охрой — для устрашения врага, и рука, вздутая мускулами, сжимает лук со стрелами, и на сто — двести метров полета стрелы недосыгаем этот берег для тех, кто вздумает заглянуть поглубже во вчерашний день человечества.

Здесь, у экватора, солнце всходит в одно и то же время, в одно и то же время садится — так круглый год. Удобно! Два раза в сутки почти точно знаешь время.

Небо к закату очистилось, ветер грубо растолкал серые лохматые облака, как толпу нищих оборванцев, расчищая дорогу для ухода на покой его сиятельству Солнцу. И сейчас в закате почти не было оттенков и полутонов, он был фантастически четок, как на другой планете. Люди молчали, при-

жавшись к борту, и было что-то языческое в их неподвижных, словно вырезанных из мрака фигурах.

Ночь наступила сразу, как только скрылось солнце. Тотчас, будто включенные поворотом рукоятки рубильника, над нами вспыхнули звезды. Их голубоватый блеск был так ярок, что на скулы легких волн ложились призрачные зыбкие блики, как вечерние отсветы сказочных подводных городов.

После ужина из жаркой утробы корабля снова потянулись люди на палубный ветерок. Справа по борту ушла во мрак, почти растворившись в нем, каменная глыба острова. Было тихо, нежарко, хотелось молчать, всматриваться во мрак, как в самого себя, и думать о чем-то покойном и значительном. Наш маленький «Витязь» казался ярким плавающим островком, осколком иного большого шумного мира современности, который занесло прихотью судьбы в звездный мрак прошлого.

«Внимание! Внимание! Научно-исследовательское судно «Витязь», следуя в порт Лаэ на Новой Гвинее, вошло в пролив, названный именем «Витязя», русского военного корвета, на котором сто лет назад совершал плавание по Океании Миклухо-Маклай».

Мы даже вздрогнули от этого неожиданно вторгшегося в ночную тишину бурлящего в торжественных раскатах капитанского голоса. И сразу же рухнул на плечи и словно придавил к борту, как порыв ураганного ветра, мощный гудок корабля. Он сотрясал мрак вокруг нас, будоражил океан за бортом, он был густым, чуть хрипловатым, мощно басовитым — достойным судна куда солиднее, чем наше, — он тянулся долго, дольше обычного, и было в нем что-то печальное; когда он на мгновение смолк, чтобы повториться во второй и третий раз — так требует ритуал, — я услышал, как берега невидимого во мраке острова ответили слабым, долгим и тоже печальным эхом — будто столетней давности прошлое откликалось на наш привет.

Пролив «Витязя»... За тысячи миль от берегов Родины, милое русское название. А для нас, витязян, особенно дорогое. Где-то у самой Новой Гвинии — и вдруг «свой» пролив. И уже кажутся не столь таинственными и этот дикий чужой остров, который мы миновали, и еще невидимые в ночи далекие новогвинейские берега.

Утром после восхода я снова вышел на палубу и увидел Новую Гвинею. Неужели вправду это она? Нежданны прихоти судьбы. Мог ли я когда-нибудь предполагать, что уви-

жу землю, которая в детстве мне казалась чуть ли не выдуманной, настолько она была далекой и недоступной и во времени и в пространстве.

Новая Гвинея... Это же прекрасно — приближаться к одному из самых неисследованных в мире островов... «...И не везде еще проложены тропы поиска». Эти слова моего отца, написанные когда-то на титульном листе подаренной мне книги о путешествиях Миклухо-Маклая, оказывается, могут относиться и к нашему времени.

Солнце еще раннее, но лучи его жгучи, остры и, кажется, насквозь прокалывают кожу на лице. Из раскрытого иллюминатора радио доносит песню: «Над Россиею небо синее, небо синее над Невой...» Вряд ли оно сейчас над Невой синее. Декабрь. Оно низкое, хмурое, насыщенное тяжелым, влажным снегом, ледяными балтийскими ветрами. Вспомнился старый дом на берегу Невы, недалеко от знаменитой бывшей кунсткамеры, на которой сейчас висит стеклянная доска: «Институт этнографии Академии наук СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая». В этом доме, в котором расположен Государственный научный архив, в маленьком и тесном читальном зале положили передо мной на стол несколько серых картонных папок. Я раскрыл первую и увидел тетрадь с желтоватыми и хрупкими страничками. На обложке тетради наискось снизу вверх стояла тщательно вырисованная цветной тушью надпись: «Берег Маклая. 1871». Это был подлинник первого маклаевского дневника по Новой Гвинее. Я бережно листал страницы, вчитывался во фразы, выведенные твердым, энергичным и четким почерком, и представлял себе далекий и жаркий берег тропического острова.

«Около 10 часов утра, — писал Маклай, — показался, наконец, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета».

Я взглянул на часы: четверть десятого. Даже по времени совпадение! И у Новой Гвинеи облик как сто лет назад: террасами горные хребты, ближе к берегу — невысокие, сине-зеленые, дальше в глубь острова — все выше, темнее, до густой зловещей синева грозовой тучи. Белые длинные мазки облаков, густо прочертившие синеву хребтов, на склонах темно-зеленый, во впадинах почти черный — точное слово, найденное Маклаем, — лес, знаменитые непроходимые новогвинейские джунгли. В бинокль я даже дымка костра

на берегу не обнаружил. Ни одного встречного корабля в проливе, ни одной лодки. Казалось, не сто лет спустя, а вслед за корветом «Витязь» идем мы по этим пустынным водам вдоль берегов все еще таинственной, странной и враждебной земли.

Новая Гвинея была открыта почти на сто лет раньше Австралии, но только в начале нынешнего столетия завершили составление достоверной карты Новой Гвинеи. И до сегодняшних дней об этом гигантском острове пишут «исследован не полностью» или «встречаются малоизученные районы». Странно! Ведь Новая Гвинея находится вблизи густонаселенной Азии, совсем рядом с Австралией, которая давным-давно искожена вдоль и поперек.

О Новой Гвинее говорят, что это «полюс недоступности тропической зоны». Слишком много на острове всяческих препятствий для его детального изучения: опасные рифы у берегов, непроходимые джунгли, коварные болота, высоченные горы, глубокие ущелья, пропасти, горные ледники. А ко всему этому невероятное обилие опасных насекомых, ядовитых змей, иссушающий зной, тропические ливни, напоминающие потоп, враждебность аборигенов к белым пришельцам, которые несли папуасам только беду и истребление. Вот почему Новая Гвинея до сих пор еще «недостаточно исследована», а некоторые по-старому ее называют «дьявольской землей» — такое имя дали острову первые европейцы, которые пытались обосноваться на негостеприимных берегах.

Я представил себе молодого Маклая, в этот же час позднего утра, только столетие назад, стоявшего на палубе судна, носящего то же название, что и наше. В подзорную трубу он вглядывался в прибрежные джунгли и думал о своем завтрашнем дне: ему предстояло здесь жить в одиночестве месяцы, а может быть, и годы, а может быть, и остаться навсегда.

Передо мной том из собрания сочинений Миклухо-Маклая. В этом томе множество маклаевских рисунков. На одном из них изображен мыс Уединения, названный так Маклаем, и на мысу хижина, над которой развевается русский флаг. В этой хижине и жил путешественник. Я смотрю на рисунок, потом на медленно приближающийся берег. Все удивительно совпадает: и ярко-зеленая бахрома рощ у моря, и безлесные прибрежные холмы, и густо-синие силуэты могучих гор в глубине острова. В бинокль замечаю проступающие за частоколом пальм контуры крыш деревушки. Наверное, это и есть Бонгу, в которой Маклай был своим человеком. Так много деталей совпадает с рисунком! Нет только хижины с флагом.

— Вроде бы никаких ста лет и не было, — улыбается капитан. — Все как на этой картинке в книге. По крайней мере снаружи. А внутри посмотрим.

Шару биноклем по берегу, с трудом в густой тени прибрежных мангровых зарослей различаю темные, почти сливающиеся с зарослями фигурки людей. Нас заметили!

Над палубами «Витязя» проплывают старинные русские вальсы. Наши радисты создают подходящий для случая «звуковой фон». Палубные динамики работают на полную мощность, и, может быть, вальсы слышат на берегу.

Вдруг музыка обрывается, и вахтенный помощник полевитановски торжественно объявляет по радио о том, что сейчас на корме у второго трюма состоится митинг и всей экспедиции и свободному от вахты экипажу предлагается собраться. И после паузы — уже с юмором: «Просьба прибыть в рубашках. Кинооператор будет снимать всех для истории».

Митинговать — дело не новое, но сейчас испытываем необычное волнение. В эти минуты все кажется значительным и символичным. И каждую деталь хочется накрепко задержать в памяти...

Два матроса, два самых статных и молодых парня на нашем борту, в парадной форме, в белых перчатках, ловко перебирая шнур, стремительно бросают в небо, к вершине мачты, алое полотнище Государственного флага нашей Родины и вымпел Академии наук СССР.

Капитан в белой тропической униформе, поднявпшись на крышку трюма, привычно покашляв, — так делает всегда, когда волнуется, ибо речи держать не мастак, — вдруг неожиданно просто, без всякой торжественности и поэтому-то так значительно для каждого из нас говорит:

— Ну вот, товарищи, и прибыл снова «Витязь» к Берегу Маклая спустя сто лет. Поздравляю вас!

Потом выступают и другие, и пока они говорят, от недалекого берега отделяется сперва одна, затем вторая, третья пироги, и этот маленький туземный флот устремляется к «Витязю». Мы спускаем нашу дорку. Как же печальны лица тех, кому не хватило места в первом рейсе шлюпки на берег! В первый рейс к берегу могут отправиться десятка два, не более. Это прежде всего геологи. Они считают главной своей задачей во время этой высадки совершить геологическую экскурсию и поискать «какие-нибудь обнажения». У них воинственно-походный вид — рюкзаки за плечами, геологические молотки в руках. Спрыгивают с трапа в шлюпку начальник экспедиции, капитан, его помощники, матросы, ко-

которые делали памятный обелиск,— его нам предстоит установить на берегу.

Прибыли мы снова за несколько дней до наступления юбилейного «маклаевского» года. В 1971 году исполнилось 125 лет со дня рождения ученого и сто лет со дня высадки его на этом берегу. К тому же наше судно тоже «Витязь», прямой наследник русского корвета, «внук» его. Значит, заход «Витязя» в залив Астролябия будет иметь особое, символическое значение: спустя сто лет — снова «Витязь».

Обелиск взялись изготовить на борту наши моряки. Взялись охотно — всех их волновала предстоящая высадка. Подходящих материалов на судне не было, пришлось поломать голову. А срок — два дня. И матросы совершили, казалось бы, невозможное: сделали обелиск. Понятно, весьма скромный — судно не завод, — но на лучший мы не могли и рассчитывать: бетонная плита со вставленной в нее пластиной из нержавеющей стали, на пластине текст по-русски и по-английски. Долго мы бились над текстом: ведь каждую букву надо выбивать на металле, — покороче, поскромнее, без претензий.

К бортам нашей шлюпки-дорки подходят туземные пироги. Папуасы — натуральные, из «глубинки», незнакомые с асфальтом и холодильниками. Обнажены, только кусок тряпки на бедрах — вся одежда. Кожа на плечах отлиывает бронзой. Широкие толстые губы чуть растягиваются в улыбке приветствия, обнажая неприятно красные от бетеля зубы. Только один из них в рубашке и шортах. Он меньше скован, чем другие, жесты его уверенны, первым пересаживается в нашу шлюпку и по-английски сообщает, что он местный учитель.

— Дед этого человека знал мистера Маклая и был его другом, — говорит учитель, показывая на сидящего в пироге пожилого папуаса.

Что он пожилой, свидетельствует только рассеченная глубокими трещинами морщин сухая, без блеска кожа лица. В густой шевелюре — ни одного седого волоска. Я где-то читал, что папуасы редко седеют. Облысевших встретить можно, а седых — исключение. У старика мощная, мускулистая шея, на которую красиво посажена крепкая, гордо откинута назад голова. Взор мой с удивлением приковывается к его левому уху. Как давнишняя страшная рана, зияет дыра в ушной мочке, мочка превращена в петлю из живой плоти, на которую нанизано множество блестящих медных колечек. Еще Маклай писал об этом странном папуасском обычае — до неузнаваемости калечить ухо, вдевая в распоро-

тую мочку тяжелые украшения — ракушки, огромные деревянные серьги, куски кораллов. Я оглядываю молодых папуасов, сидящих в пирогах, — уши у них в целости. Значит, древний обычай отмирает. Прикидываю в уме, сколько же лет может быть старику, если его дед был другом Маклая. Много, даже с учетом того, что дед и отец старика жили долго и дети у них были поздние. Наверное, лет под восемьдесят этому внуку друга Маклая, который сидит сейчас перед нами в пироге важный, величественно-невозмутимый, будто хочет показать нам, что он — историческая фигура. Остальные сидящие в пирогах тоже довольно невозмутимы: кроме короткой улыбки при встрече, никаких эмоций. Это отмечал Маклай: папуасы народ сдержанный; если их не знать, то даже можно подумать, что они суровы, замкнуты и необщительны.

Наша дорка, тарахтя, медленно идет к берегу. Моторист осторожничают; свесившись над бортом, внимательно вглядывается в близкое дно, на котором, как сказочные пышные дворцы, поднимаются к поверхности воды коралловые рифы.

На белизне коралловой полосы пляжа обнаженные фигуры людей, ожидающих нас, кажутся еще чернее. Издали поблескивают белки их глаз. Фигуры застыли, не шелохнулись. Лица спокойные и суровые. Вспоминаются строки из маклаевского дневника. Может быть, именно в этом месте и высаживался ученый? Он впервые подходил к берегу на лодке, спущенной с корвета. «...Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, никто из них не отваживался подойти к моей шлюпке».

Вот такая сцена разыгралась сто лет назад на том самом месте, где мы должны причалить. Конечно, сейчас никто от нас в страхе не убегает, никто не ждет красных тряпиц. Но заход в залив Астролябия нашего судна, конечно, событие здесь необычное. Вряд ли часто посещали этот залив большие суда. Что им делать в таком захолустье?

Дорка наша до берега не дотягивает — мешают торчащие со дна острые пики коралловых рифов. Первым прыгает в воду боцман, чтобы закрепить на берегу причальный канат. Я — за ним. Может быть, это мальчишество, может, это наивное, но я ждал момента высадки с трепетом и волнением. Хотелось быть в числе самых первых, кто ступит на берег. Не для того, чтобы потом хвастать: «Вот, мол, спустился сто лет после Маклая я первый...» Не велика заслуга прибыть сюда на современном судне и без всякого риска и приключений со шлюпки перебраться на берег. Просто стремился поскорее очутиться на заветной земле, войти в нее с широко открытыми глазами: а какова она?

Я прыгаю вторым и сразу же по горло ухожу в теплую зеленую воду. Вместе со мной «ванну принимают» два моих фотоаппарата и любительская кинокамера. Барахтаясь в воде, содрогаюсь от мысли, что на Берегу Маклая теперь не сделаю ни одного снимка! Давя кедами хрупкие кораллы на дне, торопливо выбираюсь на берег. Трудно в море на глазок определить глубину: мне показалось, что будет по колено. Все-таки на Берег Маклая я умудрился высадиться с приключением! Оно и смешно, и обидно — жаль испорченной съемочной аппаратуры. Но все тут же забывается. Я на мысе Уединения! И у меня есть глаза! Разве этого мало?

Вслед за нами в воду прыгают остальные. Оглядываемся. Мы — под густым, тенистым шатром прибрежных мангровых зарослей. Под ним стоят почти голые — только тряпица на бедрах — черные люди, и в руках у них длинные, устрашающе поблескивающие остро отточенными лезвиями ножи. Вспоминаю запись Маклая о первой встрече с папуасами, которая не сулила ему ничего хорошего.

Ножи длинные, как мечи. Ими папуасы пробивают нам дорогу в заросли, в глубь мыска. Даже здесь, на обжитом берегу, без топора или большого ножа и шагу не сделаешь. На Новой Гвинее, как и на других меланезийских островах, чуть ли не главный враг человека — растительность. С ней нужно постоянно вести борьбу, иначе выкинет людей с острова.

Когда мы подходили к этому берегу и я вглядывался в зеленый массив острова, он вдруг представился мне гигантской, до облаков, бурлящей, всепоглощающей сине-зеленой волной, катастрофическим зеленым потоком, грозно надвигающимся на нежную и яркую голубизну такого тихого и мирного залива. Редкие кокосовые пальмы на берегу в отчаянии тянулись к морю, словно искали спасения в морском просторе, и перед колючей хищной стеной джунглей выгля-

дела беззащитными, хрупкими, нежными, как полонянки в дикой кочевой орде. Каждая деревня — всего лишь клочок земли, отбрасываемой у зарослей. Главное занятие новогвинейских женщин — постоянная прополка. На возделанном участке сорняки вырастают чуть ли не за день. Сорная трава, кустарник, дикие деревья — это поэтапные волны наступающей армии джунглей. Вот почему папуасы не любят и боятся леса, населяют заросли злыми духами, лешими, видят в джунглях постоянно грозящее стихийное бедствие.

Взмах вправо, взмах влево... Они напоминают рыцарей, сражающихся с неведомыми лесными чудовищами; мокрая от пота кожа на плечах отсвечивает бронзовым блеском лат, из черных, крепких и мощных, как шлемы, шевелюр воинственно торчат яркие перья.

Наконец мы пробиваемся на небольшую полянку. Она огорожена бамбуковыми жердями. «Здесь была первая хижина мистера Маклая!» Чувствуем некоторое разочарование. Наверное, интереснее самим бы провести поиск, самим по старым маклаевским картам и дневникам отыскать это место. За нас это сделали местные жители. Папуасы знают, где стояла хижина. Значит, память о Маклае здесь жива.

Матросы по пробитой в зарослях тропе на носилках переносят на площадку плиты для обелиска, цемент в бумажных мешках, в ведрах — пресную воду для цементного раствора. Лопатами быстро вскрывают дерн, обнажая близкое коралловое ложе, — крепко будет стоять на нем обелиск. Для фундамента нужен камень, и мы идем в глубь леса, находим небольшой ручеек — наверное, тот самый, о котором упомянул в своем дневнике Маклай, — и из желоба ручья выковыриваем тяжелые камни.

Все работают споро, с азартом: кажется нам — в том, что мы делаем, особый символический смысл, и поэтому каждому хочется положить в фундамент обелиска «свой» камень.

Наконец фундамент готов.

Почему у кинооператора странный, растерянный вид, почему он не снимает момент сооружения обелиска, такой важный для его будущего фильма?

Кинооператор мечется по площадке с экспонометром в руках, и в его остекленевшем взгляде отчаяние.

— Что случилось?

— Темно. Для цветной пленки света нет!

Темно? Четыре часа пополудни. Вокруг площадки не джунгли, кустарник — все запросто щелкают фотоаппаратами, света вполне достаточно. Но оказывается, для цветной кинопленки света не хватает.

И вдруг кинооператора озаряет:

— Срубите это дерево! И это тоже! — жест у него властный, генеральский, не терпящий возражения.

Мне не раз доводилось видеть работу кинооператоров. Люди они решительные, убеждены, что во имя «удачного», «гвоздевого» кадра можно потребовать самого невероятно-го: дом передвинуть в сторону, если он загораживает вид, второй раз залезть на Эверест, если в первый снять не удалось, потому что заело в камере. И в эти моменты у каждого из них вот такой же лихорадочный блеск в глазах, какой у кинооператора сейчас.

— Рубите!

Ботман послушно направляется к дереву.

— Где топор? — кричит он.

— Топор! Ребята, поскорее топор!

— Топор! — вдруг громко и внятно повторяет молодой папуас, стоящий недалеко от меня, и показывает под куст. Там действительно лежит то, что мы ищем.

Мы изумлены. Изумлен и папуас нашему изумлению.

— Это же папуасское слово — то-пор! — утверждает переводчик, местный учитель.

— Папуасское?!

С помощью учителя наконец выясняем: на этом берегу топор папуасы действительно именуют русским словом. Ясно: пришло слово сюда вместе с Маклаем. Ведь он первым вручил здешним папуасам железный топор. До того у них были только каменные, и назывались они иначе. Всего сто лет назад на этой земле был еще каменный век. «Металлов они не знали, даже не умели добывать огонь», — писал Маклай. Уже потом нам рассказали, что в папуасском языке сохранились и другие слова, которые местные жители переняли от русского путешественника вместе с понятиями, что были для них открыты впервые: «арбуз, кукуруза, тыква, гвоздь...» Все эти слова сохранились до сих пор в местном диалекте.

Дерево срубили быстро — оно было невысоким, но с густой кроной, — и на площадку хлынул с моря поток голубого света.

Стрелка экспонометра радостно дрогнула.

— Внимание! Начинаю съемки! Не разбредайтесь! Ближе, ближе к обелиску! Еще ближе!..

А обелиск уже готов. И часа не прошло, как мы высадились. Вот что значит вдохновение!

На пластине из нержавеющей стали слова по-русски и по-английски:

*В память высадки на этом берегу в 1871 году
с корвета «Витязь» русского ученого
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ*

от моряков и ученых «ВИТЯЗЯ».

Декабрь. 1970 год.

Минуту молча стоим у обелиска, склонив головы. Вспоминаю могилу Миклухо-Маклая на старинном кладбище в Ленинграде. Когда увидел ее впервые, была зима и на могилу падали тяжелые и влажные хлопья снега. И там, на зимнем ленинградском кладбище, я пытался представить далекий и жаркий берег, вот этот берег, которому Маклай отдал столько сил, столько энергии, здоровья, а значит, и саму жизнь. Он умер молодым — сорока двух лет. Удивительным человеком был Миклухо-Маклай. Есть прекрасное слово «подвижник», оно в некоторой степени потускнело в наше время частым и неоправданным употреблением, но в первоначальном своем значении очень точно выражает определенный тип людей. Это прежде всего человек, отдавший себя целиком, до конца, высокой идее, и нет ничего важнее для него в жизни этой идеи. И не волнуют его ни слава, ни почет, ни богатство, готов на страдания, лишения, забвение, даже на смерть — лишь бы добиться той цели, куда зовет мечта. Такие люди рождаются не часто, они избранники в роде человеческом и чаще всего не столько удачники, сколько страдальцы.

Мы знаем немало великих имен, которые стали известны, потому что в основе их поступков было честолюбие, стремление к славе, к утверждению своей личности. Поступками Маклая руководил прежде всего интерес ученого: он задался целью узнать нечто новое, важное для науки, сделал все, что было в его силах, для этого, не рассчитывая на славу. Больше того, он навлек на себя критику кабинетных ученых в Петербурге — его обвиняли в поверхностности исследований, в научном верхоглядстве.

В Ленинградском отделении института этнографии мне показали стеклянный ящик, в котором хранился человеческий череп. «Это череп Маклая, — сказали мне. — Он завещал его Академии наук». Не очень-то приятно было рассматривать желтые, нелепые, поруганные смертью останки человека, который был воплощением жизненной стойкости, силы и красоты. Даже перед смертью думал человек о самом главном в своей минувшей жизни — о науке. Много лет, как

антрополог, собирал черепа туземцев островов, на которых бывал. Может быть, и его череп пригодится для исследователя?

Я глядел на маклаевский череп в стеклянном ящике и вспоминал одну из его самых последних фотографий, сделанных незадолго до смерти. В густой шевелюре и в густой бороде — седина; не просто рано поседевшие пряди волос, а седина страданий и невзгод, тяжкие морщины на лице. И на этом уходящем в небытие лице, обрамленном не по возрасту старческим окладом выцветших неухоженных волос, еще совсем молодые, прекрасные страдающие глаза человека, которому так хочется жить.

Он не узнал признания при жизни. Когда умер, в одной из петербургских газет появилось короткое сообщение: «Вчера в клинике Виллие, в Санкт-Петербурге, в 8 часов 30 минут вечера скончался на 42-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни Николай Николаевич Миклухо-Маклай». Смерть застала Николая Николаевича тогда, когда он обрабатывал второй том записок о своих путешествиях». Это сообщение было опубликовано 15 апреля 1888 года. Великолепные дневники Миклухо-Маклая, которые читаются как приключенческие повествования, которые признаются учеными как подлинно научные труды, были изданы только спустя много лет, уже при Советской власти. И признание к ученому пришло через годы после его смерти.

...Мы идем вслед за папуасами по узенькой тропинке, которая тянется по пальмовой роще. Из маклаевского дневника помнится, что на этом мысу пальмы первым посадил он. Посадил не так уж много деревьев, а сейчас шелестит над нами жесткими, будто жестяными листьями, бросает нам под ноги влажные мохнатые тени старый пальмовый лес. Неужели так разрослись маклаевские посадки? Где-то здесь, на этой земле, впервые сажал Маклай тыкву, арбуз, кукурузу, отсюда и пошли в путешествие по деревням завезенные на далекий остров русские слова.

Пальмовый лес прекрасен. В отличие от джунглей он сух, чист, светел, по нему идешь, как по огромному храму, где много воздуха, простора, света, — толстые голые стволы пальм будто колонны, которые где-то высоко над головой поддерживают легкую, ажурную, ярко-зеленую кровлю.

«...Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью». Эти слова записал Маклай в дневник 20 сентября

1871 года, в первый день своей первой высадки на Новой Гвинее. Ему здесь сразу же понравилось. Край действительно благодатен на первый взгляд. Справа, за темными стволами пальм, за причудливо изогнутыми ветвями прибрежного кустарника, стелются розовые шелковистые пески пляжа, блещет жаркое золото водной глади залива. Наступающий тропический вечер исполнен сладкой истомы, зовет к покою, к тихому созерцанию мира.

Тропинка узкая, и наш отряд вытянулся длинной цепочкой по всему лесу. Мы идем вслед за проводниками-папуасами к ближайшим деревням. Под пальмами в разных местах навалены большие кучи расколотых кокосовых орехов, от них тянет сладковатым гнилостным запахом.

Во время Маклая туземцы копру не заготавливали в больших количествах. Копра им была нужна только для личных потребностей. А сейчас уже трудятся на вывоз — новые времена подключили захолустный Берег Маклая к системе мировой экономики; может быть, эта роскошная пальмовая роща принадлежит давным-давно какому-нибудь плантатору-чужеземцу, и папуасы, вольные и независимые при Маклае, теперь уже обязаны работать на кого-то?

Тропинка приводит нас к небольшой, состоящей из пяти хижин, деревушке.

«Я с нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес. Пройдя шагов тридцать, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Середина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Поблекшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени...»

Если бы не шагающий рядом со мной местный учитель в малиновой тенниске, с поблескивающими никелем часами на смуглой руке, если бы не идущий вслед наш капитан в белой тропической форме и с портативным радиопередатчиком в руке — для экстренной связи с «Витязем», — можно было бы представить себе, что сейчас конец девятнадцатого века, что шагаю я по неведомой земле по свежим следам Маклая. Деревушка в точности соответствует его описанию. И так же пусто в ней — ни одного человека, будто деревня брошена, будто, как сто лет назад, жители ее в страхе убежали в лес, увидев в заливе устрашающее неведомое чудовище — пароход.

Не задерживаясь, наша группа идет дальше по тропке из леса. Тропка заворачивает, теряется на мгновение в студеной струе быстрого и широкого горного ручья, мы переходим его вброд, и ноги наши словно ошпарены ледяным холодом воды; уходит тропка к коралловому пляжу, забирается на невысокий берег и вдруг открывает перед нашими глазами довольно большую деревню. Это Бонгу. Сколько страниц в своем дневнике посвятил ей Маклай! Именно здесь вошел впервые Маклай в мир людей каменного века.

Это было 1 октября. Проснувшись до рассвета, Маклай решил идти в одну из деревень для знакомства с туземцами. Брать или не брать ему с собой револьвер? Он не знал, как его встретят туземцы. Но тут же пришел к выводу, что, в сущности, револьвер в его положении — вещь бесполезная. Он может в случае опасности нагнать страху на короткое время, но потом не оградит от мести многочисленных туземцев. «Чем больше я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл запасную книжку и карандаш».

И вот, может быть, по этой самой тропинке Маклай неожиданно вошел в деревню Бонгу. Конечно, за сто минувших лет в деревне что-то изменилось. Может, расположение хижин теперь иное, может быть, хижин стало больше или меньше, но облик деревни, в сущности, все тот же: те же крытые пальмовыми листьями хижины, те же костры на вытоптанных пыльных площадках.

«Я вышел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине... Увидев меня, несколько копий были подняты, и некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копьё... Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно продвигаться... Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла, пущенные одна за другой две стрелы, очень близко от меня... Я мог заметить, как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней... Один из них был даже так нахален, что копьём при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или нос... В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить».

И тут произошло чудо для папуасов: странный белокожий человек не бросился в испуге бежать, а высмотрел место в тени и преспокойно улегся спать на циновке. Так был разрушен первый барьер отчужденности, так был сделан первый шаг к доверию туземцев, шаг к тому времени, когда Каарам Тамо, «Человек с Луны», стал для папуасов полубогом, добрым покровителем, защитником, учителем и другом. Как легко зрительно представить эту сцену сейчас, находясь в самой деревне Бонгу, среди его обитателей! Может быть, именно на этой площадке, где я сейчас стою, и происходили те драматические события первой встречи Маклая с папуасами?

Приглядываюсь к сидящим под пальмами жителям деревни, и мне кажется, что в их облике нахожу что-то знакомое, словно я их где-то уже встречал раньше. Ну конечно же, встречал... в Ленинграде, в архиве, когда рассматривал подлинники многочисленных рисунков, сделанных рукою Миклухо-Маклая. Люди сидят возле своих хижин у костров в неподвижных, застывших позах, на нашу цепочку, которая медленно шествует мимо них, глядят равнодушно и без особого интереса: улыбнешься им первым — улыбнутся в ответ, поднимешь руку в приветствии — ответят тем же. Но, в общем-то, никакого волнения по поводу нашего прибытия. Не те времена! За копыа не хватаются, в лес в страхе не убегают. Белокожих уже видали, знают им цену. Конечно, большинство и не ведают, что мы земляки человека, имя которого до сих пор живет в здешних легендах о могущественном сыне Луны, — он был их добрым покровителем, он должен к ним вернуться снова, чтобы сделать их счастливыми... Наверное, среди голых и чумазных мальчишек, спящих возле костров, есть и Маклай — этим именем здесь до сих пор называют детей.

Но мы, идущие мимо, обвешанные фотоаппаратами и магнитофонами, вовсе не похожи на тех, кто приходит из легенды. А вот для нас папуасы почти что из прошлого. Правда, на кострах с каким-то нехитрым варевом алюминиевые кастрюльки, возле охапки хвороста лежит вполне современный стальной топор, мальчонка с рахитичным вздувшимся животом играет пустой консервной банкой изпод мясной тушенки... На мужчинах вместо набедренной повязки — кусок материи, а на некоторых даже выцветшие, неопределенного цвета шорты. Вот, пожалуй, и все наглядные признаки второй половины двадцатого века в деревне Бонгу. А все остальное — прямо-таки из маклаевских дневников. И зверски прядыравленные уши с серьгами, и выма-

занные охрой волосы у молодых местных франтов: папуасы с большим вниманием относятся к прическе — гордости и достоинству мужчин, волосы тщательно укладывают, придавая прическе разную форму, пудрят, украшают перьями.

Встретился нам на тропинке старик, худой, костлявый, с густо-черной кожей, с застывшим сморщенным лицом — прямо-таки ходячая мумия. За ним плелась собака, зыбкая, как тень, в чем только держится бедная собачья душа, одни кости да торчащие из них пучки шерсти. В руке у старика лук и стрелы. На охоту отправился: то ли на птицу, то ли на рыбу.

Меж стволов пальм прошли гуськом несколько женщин, согнулись под тяжестью корзин с плодами за спиной, плетеные ручки корзин туго перехватывают лбы — так здесь женщины носят тяжести. Голова у женщин тоже в густой копне курчавых волос, прическа вроде бы ничем не отличается от мужской, да и вообще папуасскую женщину с первого взгляда можно принять за подростка. У женщин, как и у мужчин, крупные черты лица, узкие бедра, узловатые колени, жилистые руки. Женщины привыкли к тяжелой работе с детства, основной их труд — на огородах, с утра до вечера борьба с сорной травой, с кустарником. Кроме того, нужно наполнять водой сосуды, собирать все съедобное, что остается на берегу во время отлива, нарезать банановые листья, в которые заворачивается пища, когда ее пекут или прячут на сохранение, поддерживать огонь в кострах, плести из банановых листьев корзины, заботиться о детях. Да мало ли у папуасской женщины забот! Поэтому она рано стареет и уже в тридцать лет выглядит глубокой старухой.

В папуасской деревне каждый взрослый обязан участвовать в общественном труде. Все основные физические работы выполняются мужчинами — они заготавливают дрова, строят хижины, расчищают заросли, охотятся и ловят рыбу. Так было во времена Маклая, так осталось и сейчас.

На окраине деревни наш проводник, учитель, показывает еще одну площадку, огороженную бамбуковой изгородью. Здесь стояла другая хижина Миклухо-Маклая, которую он построил во второй приезд на Новую Гвинею. Хижина была просторнее, удобнее первой, но сколько бессонных ночей провел здесь больной русский ученый! «Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают», — писал он в дневнике.

Это только на первый взгляд здешняя земля кажется сказочной, обетованной землей юга. Насыщенные ядовитыми испарениями мангровые заросли, топкие малярийные

болота, колючие сырые джунгли. Этот берег считается одним из самых скверных по климату на острове, для европейца почти непереносимым. Конечно, годы, проведенные здесь Маклаем, сократили его жизнь.

Становится заметно темнее. День стремительно убывает. Пора возвращаться. Как жаль, что так коротко у нас время пребывания на этом берегу. Остаться бы тут на несколько дней, пожить среди папуасов, повнимательнее приглядеться к ним, к их образу жизни. Но нас другие дела ждут в океане.

На обратном пути к мысу Гарагаси, где пришвартована наша шлюпка, неожиданно на тропке встречаем двух европейцев. Один невысокого роста, круглоголовый, лысоватый. Под длинной черной сутаной мускулистое, крепко сколоченное, хорошо тренированное тело, это чувствуется в осанке, в решительности и энергичности движений, в твердости и в то же время в спортивной легкости походки. Ему лет тридцать пять, не больше. Представляется: местный миссионер. Понятно, в здешних условиях работать могут только вот такие, как он, — молодые, спортивной закалки «воины армии Христовой». Он, должно быть, и автомашину лихо водит, и регбистом был, и в футбол не прочь погонять.

До сих пор, уже сколько десятилетий, приобщают папуасов к христианству и все никак не приобщат. Чуждо оно этим искренним и простодушным детям природы. Ближе, понятнее папуасу деревенский колдун, верит папуас в знахарство, в «черную магию», в духов, которые населяют джунгли, в «заговоренных» идолов и заколдованные амулеты. Не новые идолы, вывезенные из Европы, нужны папуасам — культура. Ничего я не знаю об этом молодом миссионере. Может быть, вместе с христианством он и распространяет здесь культуру — учит детей грамоте, врачует больных, воюет с невежеством и дикостью. Немало было миссионеров, которые не столько богу служили, сколько людям, и люди добром вспоминают их имена. Назвать хотя бы нобелевского лауреата Швейцера. Но вряд ли обрадовался бы Миклухо-Маклай, встретив, как мы, на тропинке у берега залива Астролябия человека в миссионерской сутане. Не любил он миссионеров, считал их лазутчиками колонизаторов, писал, что за миссионерами на эти острова приходят эксплуататоры всякого рода, которые несут туземцам только несчастье.

Другой из встреченных нами тоже молод. Взглянув на него, я поразился: до чего же внешне похож на Маклая с известного портрета Маковского: и густая борода, и рыжеватая, юношески пышная шевелюра, и ясные глаза сосредоточенно и зорко глядящего в мир человека. Возраст что-то

около двадцати пяти. Именно в этих годах впервые высадился здесь Миклухо-Маклай. А ко всему прочему фамилия созвучная — Макларен. Я уже не удивляюсь, когда узнаю, что он этнограф из Сиднейского университета, когда показывает он пачку фотокопий таких знакомых мне портретов папуасов из собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. Прибыл сюда для того, чтобы на основе дневников русского ученого определить изменения в образе жизни папуасов за сто минувших лет.

Изменения? Вместо каменного топора — железный, вместо посуды из раковин — алюминиевые кастрюльки. А в остальном все то же: убогие хибарки из тростника и пальмовых листьев, скудное варево на кострах, чудовищно распухшие ноги у пораженных слоновой болезнью... Как жаль, что так мало у нас времени! Поговорить бы с Маклареном всерьез! Может быть, и в самом деле есть в папуасской жизни такие изменения, которые мы и не заметили во время нашей короткой прогулки?

— Не хотите побывать у нас на судне? — спрашивает капитан.

Оба расцветают:

— С удовольствием!

В гости на «Витязь» приглашены и четыре папуаса: двое из них, видимо, старейшины или какие-нибудь почетные местные люди — учитель их выбирал по нашей просьбе; приглашен был, понятно, сам учитель и еще старик, дед которого был другом Маклая.

Белые гости поднимались по трапу «Витязя» с любопытством. Особенно миссионер: он, священнослужитель, — и вдруг на борту «красного корабля», в гостях у коммунистов, воинствующих безбожников! И для него, вышедшего только что из новогвинейских джунглей, «Витязь» — экзотика. Перед кают-компанией задержались у портрета адмирала Макарова, уважительно потрогали взглядами роскошную адмиральскую бороду, золотые погоны.

— Советский вождь?

— Нет, адмирал царского флота.

— Царского флота?!

Папуасы послушно следуют за нами по пятам. Лица, как и обычно, у них бесстрастные, неподвижные, вроде бы ничему не удивляются, но глаза мечутся, будто мошки, глаза реагируют на все яркое и необычное — на блеск зеркал в кают-компании, яркий свет плафонов под потолком, красную ковровую дорожку на трапе, и в глазах этих светится недоумение, даже тревога. Только учитель, в отличие от своих

белых и темнокожих спутников, вроде бы не удивлялся ни портрету царского адмирала, ни зеркалам.

Я вспомнил описанное Миклухо-Маклаем посещение папуасами клипера «Изумруд», на котором ученый в декабре 1872 года покинул этот берег после пятнадцати месяцев, проведенных здесь. Маклай уговорил туземцев подплыть к клиперу, чтобы осмотреть его. Решились не многие, а отважилось взобраться на палубу всего несколько. Увидев на судне множество непонятных им предметов, они мертвой хваткой вцепились в своего защитника Маклая. Так и ходили по палубе, слушая объяснения, которые давал Маклай. На них произвели впечатление корабельная машина, зеркала, фортепьяно, но больше всего — два небольших бычка, взятых на судно в качестве живой провизии для команды. Таких животных папуасы не видывали еще ни разу и называли их «большая русская свинья с зубами на голове».

Понятно, сейчас другие времена, потомки гостей клипера «Изумруд» живут уже не в каменном веке, и зеркало их не приводит в суеверный ужас. И все же папуасам явно не по себе. Вряд ли они когда-нибудь бывали на борту такого судна, как наше; возможно, даже издали не видели. Что делать большим судам в заливе Астролябия? Думается мне, что после корвета «Витязь» и клипера «Изумруд» наш современный «Витязь» — третье российское судно, на котором в гостях оказались папуасы.

Гостей с берега приглашает к себе в каюту капитан. Миссионер и этнограф с удовольствием погружаются в мягкие кресла, они расслабились, разомлели, конечно, приятно снова оказаться в обстановке современного комфорта — прохладный кондиционированный воздух в просторной каюте, мягкий свет плафонов, покой. Должно быть, отвыкли от всего этого.

— Не хотите попробовать виноградного вина?

— Вина?! Охотно! — У миссионера радостно поблескивают глаза. Он живой, общительный человек, ничто человеческое ему не чуждо. Вино пробует с удовольствием, хвалит.

— Как вам тут живется?

— Откровенно говоря, нелегко, — в его словах искренность и даже оттенок печали.

В самом деле, не просто здесь миссионерское житье — и условия трудные и непривычные, и к христианскому богу папуасы относятся без особого восторга. Что делать? У каждого своя служба.

Словно устыдившись своей откровенности, сразу же добавляет:

— Но я не жалуюсь. Я доволен!

Заходит разговор о Миклухо-Маклае.

— О нем здесь помнят,— говорит Макларен.— Папуасы даже хотят по маклаевским рисункам восстановить его хижины и превратить их в маленькие музеи.

— А сохранится ли наш обелиск?

— Можете быть спокойны! Имя Маклая для папуасов священо.

— Я знаком с внуком Миклухо-Маклая, Робом,— говорит миссионер.— Если хотите, напишу ему письмо в Сидней, и он обязательно придет на ваше судно в Австралии.

Наши гости-папуасы в разговоре не участвуют. Они скромно, даже с некоторым напряжением сидят на краешке дивана, и странно видеть их обнаженные темные, поблескивающие под светом плафонов мускулистые тела в этой роскошной каюте. Лица их по-прежнему серьезные, невозмутимы, даже порой кажутся суровыми; но стоит промелькнуть на лице улыбке, как сразу чувствуешь, сколько в этих людях искренности, простодушия, почти детской наивности. Я испытываю к ним теплое чувство, почти отеческую нежность. Они все еще дети природы. Не вина их, а беда, что судьба поселила этот народ на дальней, захолустной окраине мира, задержала для папуасов движение времени, из каменного века они едва-едва выбрались, да и не все, а в век нынешний только вступают... И сколько их наказывали за безвинную отсталость и простодушие на протяжении веков: работорговцы, плантаторы, церковники. Сколько клеветы возвели на их немудреные курчавые головы: злы, коварны, кровожадны да еще людоеды. До сих пор некоторые белые на Новой Гвинее папуасов презрительно называют «оле», непереводимым оскорбительным словом, или «черными обезьянами». И прекрасен был подвиг нашего отважного соотечественника Миклухо-Маклая, который одним из самых первых встал на защиту этого несчастного народа, понял его, полюбил, нашел в нем замечательные человеческие достоинства.

В письме к Миклухо-Маклаю Лев Толстой писал: «Умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общении с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой».

Уже в сумерках покидал «Витязь» залив Астролябия. На Берег Маклая наполнила ночь. Солнце давно ушло от этой суровой земли вечного лета. Солнце — на другом конце планеты, в наших родных широтах. Оно зажгло купола со-

боров в Московском Кремле, ярко высветило иглу Адмиралтейства над Невой, позолотило голые ветви замерзших деревьев над могилой Каарам Тамо.

Как же далек этот берег от земли, в которой похоронен Маклай! Но нам грустно с ним расставаться, с этим берегом, где топор называют по-русски, где из поколения в поколение передают легенды о человеке из России.

Мы стоим у борта и вглядываемся в уходящий во мрак остров. Слышно, как буфетчицы гремят в кают-компании посудой: скоро ужин! Радисты включили магнитофонные записи: старинные вальсы. Они сейчас так легко пристраиваются к нашему настроению.

— Ни одного огонька! — говорит кто-то. — Как сто лет назад...

Мы стоим у борта, всматриваемся в море, в неясные очертания чужого острова и думаем о нашей далекой Родине.

Предстоит нам высадка на острове Новая Ирландия. Да не в порту, а в бухте с красивым названием «Катерина». Высадка намечена на завтра. Вечером я поднялся на мостик в штурманскую. Над картой склонился капитан, что-то вымеривал циркулем на ее голубом поле. Он был сосредоточен и неразговорчив. Непроста работа у капитана и его помощников. Мы — скитальцы в океане. Вродим по самым глухим уголкам этого бескрайнего голубого континента. Места-то все незнакомые. Торговые и пассажирские корабли ходят по проторенным морским дорогам — все глубины там давно исследованы, суда идут одно за другим, идут от одного большого порта в другой. Что им делать на захолустных островах? А нам нужно именно океанское захолустье. Ведь «Витязь» — судно научно-исследовательское.

Вот сейчас понадобилось нашим геологам высадиться и провести исследования на берегу мало обжитой части довольно большого, но не очень населенного острова Новая Ирландия, и капитану надо очень внимательно разобраться по карте и по разным справочникам, как безопаснее добраться к этой неведомой бухте Катерина. Ведь самое страшное для судна — напороться на неожиданный предательский риф.

За бортом во мраке, где-то недалеко от нас, — берега острова Новый Ганновер. Я пригляделся к карте. Удивительно, сколько же на ней слов «новый»! В одном только участке карты Океании — Новая Гвинея, Новая Ирландия, Новая Британия, Новая Каледония, Новые Гебриды, Новый Ганновер. Потом взял справочник по Тихому океану и на букву «н» отыскал еще десятки названий островов, атоллов,

провинций и городов, которые начинались со слов «Новый». Объяснить это нетрудно. Когда первооткрыватели подходили к неизвестному острову, они и не пытались расспрашивать у местных жителей, как остров называется на их языке: местного языка не знали, или не хотели считаться с туземными названиями, или новым наименованием намеревались утвердить право своей страны на эту еще «ничейную» землю. А иногда, истосковавшись по родине, хотели память о ней оставить навсегда где-то на другом краю света. Так и появились новые Ирландии, Голландии, Зеландии — тропические острова, ничем решительно не напоминающие те далекие европейские земли, которые навязывали им свои имена.

Впрочем, на другой день мы подошли к берегам Новой Ирландии, и я подумал, что, пожалуй, на первый взгляд между этими двумя островами, отделенными друг от друга тысячами и тысячами морских миль, есть некоторая схожесть — тучи над островом и дождь. День был таким неприветливым, пасмурным, тоскливым, что, несмотря на тропическую жару, казался холодным, и люди зябко двигали плечами.

На самом малом ходу мы подбирались к бухте Катерина, а бухты не было видно, да и самого острова нельзя было различить. Очертания гор напоминали легкий карандашный эскиз на уныло-серой оберточной бумаге — несколько еле заметных, слабых штрихов. Может быть, именно в такой неприветливый дождливый день и назвали этот остров Новой Ирландией, вспомнив о холодных дождях Северной Атлантики?

Дождь сыпал, сыпал, и вдруг, будто включили небесные краны на полные обороты, рухнул на «Витязь» тропический ливень. Он был настолько сильным и тяжелым, что по палубам катились дождевые волны. Весь видимый мир вокруг нас исчез. Тропические ливни похожи на полярную пургу, только стоит не белая, а серая мгла. Протяни руку — и не увидишь собственной кисти, а на плечи твои, кажется, навалили неимоверный груз, они гнутся под напором свинцовой дробы дождевых капель.

Какая тут высадка! Геологи с печальными лицами стоят на палубе. Все собрано: вещевые мешки, палатки, надувная резиновая лодка... Весь день у геологов был бравый деловой вид — готовились к отважному путешествию в дикие джунгли, к шторму раскаленных солнцем скал. И вдруг — дождь. Синоптики утверждают, что непогода теперь надолго.

Не приняла нас Новая Ирландия. Может быть, Новая Британия будет более гостеприимна? Этот остров недалеко —

завтра к нему подойдем. Наш путь к самому большому в этом районе порту — Рабаул.

Мы знаем, что во время второй мировой войны здесь были кровавые битвы между американским и японским военно-морскими флотами, что на дне под нами лежат взорванные крейсера и авианосцы, что в джунглях Новой Гвинеи, Новой Ирландии, Новой Британии и других здешних островов все еще находят сбитые самолеты. Да и не только самолеты. Сравнительно недавно в тропических лесах встречали полуодичавших японских солдат, которые прятались здесь много лет, не зная, что война уже давно окончилась. В 1960 году из Токио отправилась на Новую Гвинею специальная экспедиция — искать заблудших солдат бывшей армии микадо, японского императора. Ей удалось отыскать около трех десятков. Все они жили среди папуасов в глухих горных районах. Один ефрейтор медицинской службы даже занимал пост шамана, «колдуна», в племени куку-куку.

Знал я и о судьбе порта Рабаул. Его построили в 1910 году немцы как главный город своих владений в этом районе. Во время второй мировой войны Новую Британию захватили японцы и в Рабауле создали крупную военно-воздушную и военно-морскую базу. А американцы эту базу часто бомбили, потом высадили десант на острове и в тяжелых битвах овладели городом. Вернее, тем, что осталось от города после бомбардировок. Вот что я знал о той земле, куда мы держали сейчас путь.

Когда же вошли в бухту Бланш и я увидел по правому борту на берегу невысокие, округлых форм и лысые горы, то вспомнил и о другой беде Рабаула. Неудачное место нашли немцы для строительства города. Все равно что строить дома на боеприпасах — можно взлететь на воздух от первой искры. Но никакие боеприпасы не сравнятся с титаническими силами, которые таятся где-то в земной глубине, под этими лысыми, зловещего вида горами, под самим островом: город построен... на бывшем вулкане. Сама бухта Бланш — один из его осевших и заполненных водой кратеров. Землетрясения в Рабауле довольно часты. Их здесь называют «гурия». А три самые крупные лысые горы, расположенные вокруг города, — действующие вулканы. Наибольший называется Мать, два остальных — Южная дочь и Северная дочь. Семейка эта злая, беспокойная, из их кратеров постоянно выходят газы и пар. А временами вдруг разражаются страшным гневом. И тогда происходит извержение, в город приходит беда.

Я читал об одном из таких извержений в Рабауле. Началось оно с подземных толчков. Потом над бухтой острова Вулкан поднялось огромное облако пара и разноцветного дыма. Облако клубилось, принимало разные формы и медленно, грозно, как неведомое чудовище, стало надвигаться на Рабаул. Вдруг посередине бухты прямо из воды поднялся к небу столб грязи и пепла. Казалось, произошел гигантский взрыв. В разные стороны над бухтой летели камни. Удушающая пыль и газы поползли на город. Люди были охвачены ужасом, задыхались от газов, пытались выбраться за город. А в небе непрерывно грохотал гром и сверкали молнии. Казалось, что наступил конец мира. Деревья трескали и ломались под тяжестью пемзовой пыли, под ударами падающих с неба камней. Жители бежали по тропам горы Наманула, надеясь под ее склонами найти защиту от пепла, камней и от гигантской морской волны — цунами, которая возникает в результате подводных землетрясений.

И таких катастроф в Рабауле было несколько. Да еще война, да еще бомбардировки!

Не повезло Рабаулу!

Но сейчас он не выглядит несчастным. Даже наоборот — милый веселый южный городок. Городок «легкий», деревянный: дома здесь не строят тяжелыми и многоэтажными — боятся землетрясений. И производит впечатление городок не своими домами и улицами, а роскошными тропическими зарослями, повсюду цветут магнолии, осыпая на землю крупные белые лепестки. В городе стоит тонкий аромат цветения.

По улицам люди ходят тихо, неторопливо. Спешить им некуда.

Бродя по городу, неожиданно среди цветущих деревьев хибискуса я вдруг увидел в сторонке от уличной суеты огромную, толщиной с полметра, бетонную плиту. Она была щербатая от дождей, зелеными кляксами пятнал ее мелкий мох, и плита напоминала старинное, забытое людской памятью надгробье. Подошел ближе — и из-под плиты в упор взглянул на меня в узком косом прищуре черный и холодный глаз бойницы. Дот! Сохранился со времен войны. С деревьев осыпались розовые лепестки хибискуса, ложились на плиту, на травы, которые цвели вокруг старого, позабытого дота. Я вспомнил слова из стихотворения древнего японского поэта: «Летние травы. Вот они, воинов павших, грезы о славе». И вспомнил еще прочитанное в путеводителе по Рабаулу: «В битве за Соломоновы острова и Рабаул участвовала трехсоттысячная японская армия. В этих боях Япония

потеряла 130 тысяч солдат, 70 военных кораблей и 8 тысяч самолетов».

Недалеко у причала стояла флотилия маленьких хрупких обшарпанных суденышек. И висели на их мачтах флаги: на белом фоне — красный круг, флаг Страны восходящего солнца. Такой же флаг развевался три десятка лет назад над Рабаулом, когда его захватили японские войска. После долгого плавания японская рыбацкая флотилия зашла в Рабаул для короткого ремонта. На досках причалов сушились рыболовные сети. Рядом с ними сидели японские рыбаки, все в одинаковых серых рубашках и серых брюках. Рукава рубашек были закатаны, и отсвечивала на солнце кожа их бугристых от мускулов рук, привыкших к тяжелому рыбацкому труду. Рыбаки лениво курили, поглядывая на бухту, и из-за ушей их торчали розовые цветки хибискуса.

Я смотрел на рыбаков, на город, встающий за их спинами, серо-синие горбы вулканов, зеленую бахрому тропических лесов и думал о тысячах и тысячах павших воинов, лежащих в этой земле, о воинах, которые грезили о славе... Нужна ли им была эта «слава»? Они все равно не нашли ее. А в мире остались травы, горы, небо, океан и корабли в нем, которые куда-то уплывают.

Стоянка в Рабауле коротка — сутки, выехать за пределы города времени нет, так что приходится довольствоваться только наблюдением городской жизни и самого примечательного вокруг города. Решил я отправиться к недалекому вулкану, который напоминает гнилой зуб с дуплом: вершина его срезана и на ней глубокий провал кратера. Из кратера постоянно поднимаются в небо клубы пара, и запах газа столь же привычен в городе, как аромат магнолий. Интересно заглянуть в кратер настоящего дремлющего вулкана, который дремлет до поры до времени, а потом может и проснуться да так зевнуть, что содрогнется все вокруг.

Я сошел с трапа на причал и сразу же увидел этого человека. Он был высокого роста, худ, сутул. Острый треугольник лица завершала седая неухоженная бородка. Не очень свежая рубашка и гетры, в отличие от местной моды, были не белые, а грязновато-коричневые. Скособоچась, опирался на палку и внимательно смотрел на «Витязь». Я подумал, что вот так обычно русские эмигранты смотрят на советский корабль, стоя поодаль, с интересом, некоторой нерешительностью, не набравшись духа подойти поближе.

Я вышел за ворота порта, шел мимо поблескивающих на солнце блоков складских пакгаузов из гофрированного алюминия. От складов тянуло сладковато-гнилостным запа-

хом сушеной копры. Шагал по обочине дороги вдоль высоких заборов портовых складов.

Несколько раз рядом со мной останавливались автомашины, выглядывали из них белолицые люди, предлагали подвести. Я знал: в бывших колониальных странах непривычно увидеть европейца, идущего пешком по далекой дороге. Обязательно остановятся и предложат «подбросить». Такая здесь взаимовыручка у белых. Но если идет темнокожий, никто из белых не нажмет на тормоз. Не принято. Темнокожие для здешних белокожих, приехавших сюда из Австралии, Англии и других европейских колониальных стран, — люди второго сорта.

Вдруг остановилась еще одна автомашина. Выглянула оттуда еще одна белокожая личность.

— Хэлло! — крикнул человек хрипловатым властным басом. — Неужели вам, черт возьми, нравится жариться под солнцем? Садитесь! И немедленно.

Я признал неопрятную седую бородку. Что-то в этом человеке меня привлекло. Даже сам не знаю, что именно. Может, вызывающее пренебрежение к своей внешности, или то, как он смотрел на «Витязь», или хрипловатый голос и фраза, которую он бросил мне просто, по-свойски, будто мы с ним не первый раз встречаемся.

Так я познакомился с Уорнером.

— Куда везти? — спросил он равнодушно, как извозчик. Мне нужно было на почту.

— А где она, эта чертова почта? — проворчала Борода, и я почувствовал в машине крепкий дух винного перегара.

— Вы не местный?

— Жил здесь когда-то, давным-давно. Сейчас живу на Гавайях. По паспорту — американец. А вообще — космополит.

Городок маленький, почту мы отыскиали быстро, я поблагодарил Уорнера, он кивнул и вдруг, задержав на мне долгий, вроде бы изучающий взгляд, предложил:

— Могу подождать. Как вы относительно глотка холодного пива в такую жару?

— Пожалуй, не откажусь.

— Идет, — радостно сказал он. — Жду.

Я отправил письма, и Уорнер повез меня в знакомый ему бар в центре города. На дверях бара было написано: «Только для членов клуба». Я понял: клуб для белых, местных сюда не пускают.

Просторная веранда бара была пуста. Мы заняли столик у самой ограды; за оградой рябил глаза яркими красками

тропический сад, и в нем летали большие бабочки с бархатными крыльями.

— Шесть бутылок! — бросил Уорнер курчавоголовому кельнеру-меланезийцу, даже не удостоив его взглядом.

— Ого! — удивился я. — Ничего себе «глоток»!

Он слегка скривил морщинистые губы.

— Вчера напился. Как проклятый кот, напился. Нет, как сорок проклятых котов.

Впервые я разглядел его лицо в деталях: длинное, костлявое, с глубокими впадинами на щеках, с рассеченным бороздами морщин лбом, рубцом на седой полоске брови, отчего бровь выгнулась к виску, придавая лицу выражение недоброжелательного удивления. Глаза то ли серые, то ли голубые, и, хотя в них еще сыло страдание от вчерашнего перепоя — этакая легкая печальная дымка, — они смотрели прямо, четко, нацеленно, глаза уверенного и знающего себе цену человека. Но блеска в них не было.

— Я нализался вчера, как сорок проклятых котов! — повторил Уорнер, разливая по кружкам пиво. Разжег «капитанскую» трубку, дыкнул мне в лицо едким, почти махорочным дымом и с этого момента уже не выпускал трубку изо рта, даже тогда, когда говорил. Просто мундштук трубки держался в дырке, образованной отсутствием верхнего и нижнего зубов в левой стороне рта.

— Я прочитал в газете про ваш «Витязь», — сказал Уорнер. — Вы, кажется, заходили на Новую Гвинею?

— Заходили.

— И на реке Сепик были?

— Нет.

— Жаль! — Помолчал. — А зачем на «Витязе» в верхней части форштевня лебедка?

— Для глубоководного якоря.

— Что это еще за такой якорь? — он нахмурился.

— Для больших глубин. Можем вставить даже на шести километрах.

Левая бровь его выгнулась еще больше.

— Первый раз слышу такое. На шести километрах? Обычно пятьдесят метров предел. Даже для «Куин Элизабет». Чепуха, вы что-то напутали. Не может быть такого.

— Вы знаете морское дело?

Он усмехнулся:

— Я капитан. Старый и, черт меня побери, неплохой капитан. На мостик «Куин Элизабет» меня не пустят — рожей не вышел и с образованием не все ладно, — но до сих

пор вожу всякую каботажную мелочь до трехсот тонн. На Гавайях.

— Красивые Гавайские острова?

— Ничего. Раньше были лучше. Сейчас их называют «асфальтовым раем»: клумбы, отели, автомобили и стада, дикие стада дурацких туристов. Раньше Гавайи были настоящими тропическими островами, а сейчас похоже на то, что их специально построили для приезжих идиотов.

— Я читал, что на Гавайях женщины красивые. Красивейшие в мире. Верно?

Он возмущенно рыкнул:

— Чепуха! Вранье этих проклятых туристских плакатов, которые расклеивают даже в уборных. Лучшие женщины — на острове Таити. Лучшие на свете! — Он взглянул на меня в упор: — Лучшие на свете. Запомните это!

Жадно опрокинул в себя третью кружку пива, облизнул губы, подумал минуту, скосив глаза, и вдруг, налив еще кружку, тут же разом осушил ее. Решительно сунул руку в задний карман шорт, вытащил бумажник, извлек из него пластиковый прозрачный конверт, в который была вставлена фотография. Протянул мне:

— Вот какие женщины на Таити!

Я увидел снятую в рост молодую женщину — тоненькую, длинноногую; она улыбалась, крепкие ровные зубы блестя, подчеркивая смуглость лица, на густых, собранныхверху темных волосах, как королевская корона, лежал тяжелый венок из цветов.

Я чувствовал взгляд на себе американца, он явно ждал от меня ответа, подтверждения своих слов. Фотография была старая, пожелтевшая, сделали ее много лет назад. И мне стало ясно, что эта женщина — близкий Уорнеру человек.

— Удивительно красивая женщина, — сказал я, возвращая фотографию.

Он удовлетворенно кивнул:

— То-то! А вы говорите про какие-то вонючие, пропахшие бензином Гавайи.

Он пил пиво залпами, кружку за кружкой, постепенно хмелел. Я подумал: зачем трачу такое короткое, а значит, и дорогое для меня время в Рабауле на пустой разговор с этим странным человеком, который вот сейчас снова напьется, как «сорок проклятых котов», и понесет околесицу? Надо прощаться.

Он устало откинулся на стуле, и его прислоненная к стулу трость упала. Нагнулся, пытаюсь ее поднять, и я увидел, что правая нога Уорнера плохо сгибается. Я поспешил

ему на помощь и, склоняясь к полу, заметил на его ноге выглядывающий из-под сползшей гетры глубокий красный рубец. Он перехватил мой взгляд, подтянул гетру, коротко пояснил:

— Рана. С войны. В Испании...

— В Испании?.. В те годы?

— В те самые. — Усмехнулся с явным вызовом. — Только был я по другую сторону фронта. Порядочные люди, вроде нашего шального бородача Хемингуэя, были на той стороне. А я на этой, у Франко.

— Понятно...

Он поморщился:

— Ничего вам не понятно. Даже мне самому. Плавал на английском судне. Когда фашисты начали мятеж, были мы в испанском порту. А мне настоящего дела хотелось, руки чесались. Авантюрист я. Привычного не люблю. Ну, спьяну подписал с этими проклятыми франкистами контракт — на добровольное участие в войне. Против кого, зачем — все равно было. Лишь бы чего-нибудь поострее, позахватистее.

Американец снова разжег погасшую трубку, попытался ею. Голос его стал спокойнее, движения мягче: видимо, прошло короткое и дурное пивное опьянение.

Спокойно продолжал:

— Тошно вскоре стало. Разве это война! Не умеют испанцы воевать. Больше крика, чем войны. И красивых поз — как на фиесте. Народ вроде бы ничего, приветливый, добрый, но воевать не умеет. Это не для них. Воевать — делать дело. Серьезно делать, обстоятельно. Стрелять так стрелять. Пьянствовать так пьянствовать. Любить женщин так любить женщин. Я не могу, чтобы вот так все вместе понемножку. Уж если взялся, так взялся... Я — американец. Словом, надоело мне у этих проклятых индюков франкистов. Понял: не в тот котел попал. Видел, как однажды расстреливали в деревне крестьян. Бедняки, заплата на заплате, ничего уже у них отнять нельзя, отняли последнее — жизнь. А их жены целовали сапоги надутому индюку офицеру, умоляли пощадить. Словом, осточертело все, и я бежал к чертовой матери. Расстрелом грозило, но я плюнул: не туда, мол, Джек, завернул, поправлять надо. Дня не хватит рассказывать, как выбрался из Испании. Ну, а потом начал болтаться по миру. Занесла судьба на Таити, осел там на некоторое время, потом сюда подался, на Новую Британию, водил между островами моторную шхуну. Копру собирали. Платили хорошо. А мне тогда нужны были деньги. Много денег: гнездо со- здавал.

Американец ткнул пальцем куда-то в сад:

— Вон там, на горке, был мой дом. Возле бывшего китайского ресторана.

Помолчал.

— Хорошо было возвращаться в этот дом после рейсов.

Снова сделал паузу, перевел потяжелевший взгляд с кружки пива на меня:

— Почему так мало пьете?

— Да что-то не очень хочется. Вас слушать интереснее.

Он одобрительно кивнул, принимая мою похвалу как должное.

— Роман могли бы написать о моих приключениях. Если бы я встретился с Хемингуэем, он бы написал... Ну, значит, началась вторая мировая... Ушел во флот. Где только не болтался по океану! Даже на Мадагаскаре воевал против вишистов — французских фашистов, — вроде бы искупал Испанию.

Уорнер потянулся, разминая затекшие плечи.

— Вот так... После войны вернулся сюда, а дома моего уже не было. Ничего не было.

— Что с ним случилось?

Уорнер провел над столом рукой с растопыренными пальцами:

— Исчез, как дым.

Прошел мимо кафе продавец сувениров. Увидев нас, вытащил из пальмового лукошка большую деревянную маску, поднял ее над головой, молчаливо демонстрируя свой товар. Маска необычная, в глухих деревнях острова такие вешают на стены домов, как идолов, которым поклоняются. И христианские миссионеры ничего поделать с этим не могут. Маска изображает длинное человеческое лицо, вместо глаз вставлены перламутровые бляхи, нос птичий — узкий, острый, загнутый книзу хищным клювом, настоящее человекоподобное чудовище. Денег мало, а то бы купил.

— Интересная маска! — сказал я.

Уорнер бросил короткий взгляд на торговца и его товар. Презрительно оттопырив нижнюю, почерневшую от табака губу, коротко резюмировал:

— Ерунда! Жалкая поделка. Настоящие меланезийские обрядовые маски остались только в Новой Гвинее, на реке Сепик. Жаль, что вам не довелось побывать на реке Сепик.

— На свете много мест, где хотелось бы побывать.

Американец махнул рукой, начисто отвергая мои слова.

— Много мест... Да какой толк от них? Вот вы сказали, что идете дальше на Новую Каледонию, в Сидней, Новую

Зеландию, на Фиджи... Ну что вы там найдете стоящего! Ничего! Все одно и то же — толкотня, бензиновая вонь, туристы, полицейские... Жизнь людей во всех уголках мира все больше становится схожей даже в пустяках. А вот река Сепик — это настоящее место. Таких в мире осталось наперечет. Ее истоки еще не исследованы, такое там можно найти! Вот куда надо стремиться настоящему мужчине, если он действительно мужчина, а не приложение к автомобилю, телевизору и собственной жене!

Он вынул трубку изо рта и немигающими глазами в упор взглянул мне в лицо:

— Есть хорошая идея. Плюньте на свой проклятый туристский маршрут. На кой дьявол вам Сидней? Давайте-ка лучше подадимся на реку Сепик, найдем лодку, проводников и отправимся прямо к дьяволу в пасть. К дьяволу в пасть! Все, что вы написали в прошлом, все, что напишете в будущем, если решите болтаться по разным Сиднеям, гроша ломаного не будет стоить по сравнению с книгой, которую привезете с реки Сепик. Настоящую книгу привезете. Всю жизнь сможете гордиться...

Я почувствовал в его густом голосе такие восторженно-искренние нотки, что не удержался от улыбки. Он не убеждал — просил:

— Ну как, поедем? Всю организацию беру на себя. Мне нужен стоящий спутник. Без спутника нельзя. Еще есть силы, и я хочу податься в пасть к дьяволу... Только ответ — сейчас!

Он выждал минуту и, уже окончательно решив завлечь меня, как самую сладкую приманку, подкинул:

— Наверняка людоедов встретим...

— А вы когда-нибудь встречали?

— Было дело. Участвовал в экспедиции по поиску золота на Новой Гвинее. Ну, забрели к черту на рога, и вдруг мои проводники-папуасы говорят: дальше не пойдем, дальше страшное племя живет. Я пошел один.

— Без оружия?

— А на дьявола мне нужно было это проклятое оружие? Толку-то в нем, когда ты один! Ну, попал в деревушку. Напугались поначалу, копьями грозили. Потом успокоились, даже предложили закусить. Попробовал. А мясо-то странным, непривычным было. Мурашки по коже пошли. Но ел.

— Золото нашли?

Уорнер взглянул на меня с легким удивлением:

— Если бы нашел, не сидел бы сейчас с вами.

Отхлебнул пива и, уставившись в стол, надолго затих, уйдя в свои мысли. Потом тихо произнес:

— Много я испытал. А кажется, не насытился. Должен вам сказать, сэр, одинок я, как волк, как ваш злой сибирский волк.

Поднял на меня глаза, в которых снова неожиданно проступила живость, даже подался чуть вперед.

— Расскажите, как у вас по степи мчится тройка, а за ней гонятся волки.

— Да нет у нас уже троек.

— Все равно расскажите. Как раньше было. Волки гонятся, глаза горят в ночи, а ямщик сечет лошадей — скорее, скорее! И волки... — Его лицо вдруг стало жестоким.

— Что волки?

Уорнер улыбнулся одними глазами.

— И волки... не выдерживают бега.

Он громко рассмеялся, словно заманил меня в ловушку. Мы молчали.

— Может, все-таки решитесь податься со мной на эту проклятую реку Сепик? По вечерам мы будем лежать на берегу, смотреть на звезды и читать вслух стихи. Ну, не хотите на Сепик, поедemте в другое место, чтобы только поглуше было. Но лучше на Сепик.

Пора было идти.

Он вызвался меня проводить пешком, бросив у кафе свою автомашину. Шел, слегка опираясь на трость; поступь его правой ноги была нелегкой, и подошва шаркала по асфальту. И как это он с такой ногой воевал, служил во флоте, скитался по Новой Гвинее и снова хочет податься на свою зачарованную реку Сепик!

— Не ходили еще смотреть кратер вулкана? — спросил он, ткнув тростью в сторону левого берега бухты. — Сходите. Интересно. Город в любое время может взлететь на воздух. Всё собираются его перенести из этого проклятого места, да не соберутся. Ленъ.

Я вспомнил о японском доте, который видел вчера в центре города.

— Рабаулу здорово досталось и от войны!

Он кивнул:

— Больше, чем от вулканов. Каша здесь была. Особенно после налетов американских бомбардировщиков. Однажды на Рабаул был брошен целый воздушный флот...

На причале Уорнер, перед тем как со мной проститься, с сожалением сказал:

— Значит, не хотите на Сепик? Жаль.

Помолчал, постукивая тростью по давно нечищенному грубому ботинку.

— Пожалуй, завтра подамся обратно на Гавайи. Погостил — и хватит.

— У вас на Гавайях семья?

— Нет у меня семьи.

Мы помолчали.

— А зачем сюда приезжали? — спросил я.

— Да так. Вздумалось, — сказал сухо и отрывисто, но за этими словами таилась неожиданная печаль. — К прошлому своему приезжал, если хотите знать. Прикоснуться к своему прошлому. Понимаете? Почти каждый год приезжаю. Именно в декабре. Именно в эти дни.

— Наверное, они с чем-то связаны?

— Понятно, связаны. Что за вопрос! Связаны с великой памятью прошлого! Великой!

Уорнер вдруг снова полез в задний карман шорт, достал бумажник, вытащил из него уже знакомую мне фотографию женщины. При закатном солнце фотография еще больше отдавала желтизной долгих лет существования, и я заметил густую мелкую сетку трещин на ее глянцевой поверхности.

— Ради нее я нашел бы золото даже там, где золота и в помине нет, жил бы среди людоедов, пешком бы прошел все реки Новой Гвинеи...

Он осторожно упрятал фотографию в кармашек бумажника.

— В то время, когда я воевал с фашистами на Мадагаскаре, она, моя жена, жила здесь — не успела уехать. Японцы ее не тронули — не знали, что американская подданная. Так вот... Однажды она переправлялась на пароме на другую сторону бухты... — Уорнер помедлил, взглянув тусклыми глазами на бухту. — В это время налетели бомбардировщики. Наши, американские, бомбардировщики. В паром угодила бомба. Вон там, вблизи того берега бухты.

Мы долго стояли рядом и молчали. Вдруг он быстро обернулся ко мне и сказал:

— А что, если я схожу к вашему капитану, попрошу взять в экспедицию?

В его голосе звучала надежда.

— А? Я ведь могу пригодиться. Нет, черт возьми, старый морской пират Уорнер еще может кое-что делать на судне! Возьмете?

Его глаза, устремленные на меня, требовали немедленно-го ответа, будто я и есть капитан, который сейчас должен решить его судьбу.

— Ваше судно меня вполне устраивает. Скитаетесь, идете куда вздумается, ищете что-то — в самый раз! Ну как, сходить к вашему капитану?

— Не знаю...

Глаза его медленно угасали, он недобро усмехнулся:

— Понятно. На кой черт нужна вам старая развалина!

Вдруг торопливо пожал мне руку, буркнул:

— Счастливо добраться до этого самого Сиднея. И вообще... — И, не оглядываясь, пошел прочь.

В каюте у начальника экспедиции сидели австралийские геологи, которые работают в Рабауле. Шел разговор о геологическом строении окружающих бухту вулканов. На столе лежали крупные, размером с тетрадный лист, фотографии Рабаула, сделанные с самолета с очень большой высоты. Я пригляделся к ним. Странные фотографии! Довольно четкие. На первой отлично просматривается город, окрестные вулканы с дырами кратеров, причалы в порту и тесно стоящие у причалов тоненькие, как прибитые волной к берегу осыпавшиеся елочные иголки, корабли. На втором снимке обстановка в бухте уже изменилась. Темный фон воды запятнали белые кляксы, будто фотографию закапали проявителем. Третья была самой выразительной. Белых клякс на ней оказалось уже множество — на городе, у подножия вулканов, на длинном языке бухты, а саму бухту вдоль и поперек зигзагами исчертили длинные белые нити.

Мне объяснили: фотографии со времен войны, сделаны самолетом-корректировщиком, первая — до налета эскадрилий американских бомбардировщиков, две остальные — в момент налета, кляксы на фотографиях — это разрывы бомб, «елочные иглы» у берега — японские военные корабли, а белые нити за ними на фоне бухты, шлейфы пены — корабли в отчаянии уходят в море, спасаясь от бомб. Хотя фотографии давние, они до сих пор служат хорошую службу геологам — на них отлично просматривался рельеф местности. Поэтому их и принесли на «Витязь» для научного разговора.

...На другое утро мы покидали Рабаул. Выходя на простор бухты, миновали флотилию японских рыбаков. Японцы сидели на палубах, поджав под себя ноги, и палочками ели из котелков рис. По правому борту вздымались теньями горбины вулканов, такие мирные и покойные на вид в тихом свете доброго, ясного утра.

Я поднялся на мостик, зашел к штурманам. Дежурный штурман, склонившись над картой, что-то отмерял на ней

циркулем. Я обратил внимание, что голубой фон бухты на карте густо усеян мелкими крестиками — их было много, особенно вблизи берегов, они тянулись цепочками и напоминали муравьев. Штурман сказал, что каждый крестик обозначает погибший корабль. Вспомнил я белые кляксы на фотографии. Как раз на месте скопищ этих клякс было больше всего крестиков на карте. В самой середине бухты, ближе к левому берегу, поодаль от остальных, стоял одинокий крестик, нацеленный своим острием на берег. Это и был тот самый паром, на котором находилась жена Уорнера.

ОХОТА НА «ТИГРОВ»

«Акулы! За бортом ходят акулы! Ты видел?» Я побежал на палубу. У бортов собралось полно зрителей. Многие из экспедиции впервые в океане и настоящих живых акул никогда не видывали.

«Витязь» лежал в дрейфе — что-то ученые опять опускали за борт, — и вода вокруг судна не пенилась бурунами, а тихонечко плескалась о борт тихими, спокойными волнами. Была она чистая, зеленоватая, золотистая, пропитанная солнцем. Как искорки, поблескивали в ней какие-то крошечные существа, которых всегда полно в теплых водах тропиков, — то ли маленькие рыбешки, то ли мелкие рачки. И вдруг я увидел акулу. Она шла на небольшой глубине вблизи судна, и, вглядываясь в нее, медленно и величаво скользившую в воде, я подумал о том, какой странный, удивительный и непостижимый мир лежит в нескольких метрах от меня, начинаясь под легкой рябью волн и завершаясь на семикилометровой глубине в студеном мраке.

Когда плывешь на пароходе, когда день и ночь у борта судна кипят волны, взрыленные острым форштевнем, видишь и ощущаешь только великий океанский простор с его волнами, ветрами и неповторимым океанским небом. А вот вглядеться в океан, в его жизнь, в его воды, в его мир нет никакой возможности. И путешествующим на рейсовых судах, которые твердо держат расписание, для которых каждый выигранный в скорости час — удача, океан кажется почти безжизненным. Только чайки над волнами да временами стремительно, словно выпущенная из рогатки, выпрыгнет из воды летучая рыба с широко расставленными крыльями-плавниками. Бывает, повезет — и увидишь стадо дельфинов; они запросто обходят судно — скорость у них невероятная, — посверкают в волнах темными блестя-

щими, словно металлическими спинами, в азарте гонки попрыгают над волнами и уйдут куда-то по своим неведомым путям. Доводилось мне во время морских путешествий видеть стада китов.

Встретить в океане дельфинов и китов — случай редкий. Обычно день за днем бороздишь водный простор — и за бортом словно вымершая пустыня. Другое дело плыть на тихоходном паруснике, а еще лучше — на плоту, как Хейердал. Тогда живой мир, скрытый под волнами, сам подбирается к тебе: из любопытства или с твердым намерением попробовать тебя на вкус.

«Витязь» по сравнению с обычными судами имеет преимущество: где ему вздумается, там может и остановиться для проведения морских работ — как сейчас. Наверняка часа три-четыре проторчим под полыхающим тропическим солнцем, и все, кто не занят работой, будут изнывать от духоты и безделья.

Конечно, приход акул в такую пору — развлечение.

На палубах оживление. Слышу крики: «Покрепче канат тащи, покрепче!.. Ребята, сбегайте на камбуз за мясом!»

— Что собираетесь делать? — спрашиваю проскочившего мимо матроса.

— Цирк будет! — бросает он на ходу. — Укрощение тигров.

Под легкой рябью волн, ярко высвеченная стоящим в зените солнцем, плывет акула... У нее, как у торпеды, туповатая морда; крепкие плавники, чуть скошенные к хвосту, напоминают короткие и стремительные крылья сверхзвукового самолета. Да и все акулье тело, длинное, напряженное, словно созданное не для плавания, а для полета, кажется мне совершенным творением природы — продуманно, изящно, красиво. У акулы светло-коричневая шкура, только кончики плавников почти белые, и под зеленоватой толщей воды она вовсе не похожа на рыбу, скорее на маленького «Наутилуса». Даже хвостом почти не шевелит, а движется с неукротимой прямоотой и силой торпеды. И еще — с удивительной уверенностью. Будто она и есть хозяйин океана и никто не посмеет встать на ее пути.

Я вспоминаю слова капитана Кусто: «Акула является одним из великолепнейших обитателей моря... мы восхищаемся ее силой и красотой».

И страшимся акул. Люди их считают своими извечными врагами в море — может одним движением челюстей перекусить человека, одним ударом опрокинуть лодку. Акулы-

людоеды достигают в длину двенадцати метров, а гигантские китовые акулы вырастают до двадцати метров.

Сколько леденящих кровь историй рассказывается о нападении акул на человека! Они атаковали потерпевших кораблекрушения, водолазов, спустившихся на дно для работы, купальщиков у берегов. В Австралии мне рассказывали, что однажды акула отхватила ногу человеку, который стоял почти у самого берега и вода была чуть выше колена.

Да и у меня самого нет большой охоты относиться к акулам с доверием. Когда-то они смертельно напугали меня. Это случилось несколько лет назад. Я прилетел в командировку в Джакарту, столицу Индонезии. Однажды субботним вечером вместе с тремя работниками нашего торгпредства на индонезийской лодке мы отправились в море. Мотористом на лодке был Абдулла, молодой веселый рыбак. Он вырос на море, рубец на его длинной жилистой руке, которая спокойно лежала на рукоятке руля, — след от единоборства с акулой: нырял за раковинами и хищник напал на него. Второй рукой он ударил акулу по носу, она почему-то испугалась и тут же убралась. «Акул здесь много, — говорил Абдулла. — Так что во время купания будьте внимательны».

Во мраке мы отыскиали в море маленький коралловый остров, ночевали на нем, заснув под убаюкивающий блеск южных звезд. Утром нацепили маски и бросились в море на поиски кораллов — ведь мы и приплыли сюда за этим. Было удивительно покойно плыть по розовым рассветным, похолодевшим за ночь волнам, вглядываться в таинственный мир, где среди зеленых, похожих на кактусы кораллов мельтешат пестрыми лоскутиками неведомые рыбы, спят на песке жирные трепанги, топорщатся ядовитыми иглами морские ежи... Вдруг я увидел лежащий на песке необычный коралл — круглый, размером с блюдце. Такого в моей коллекции не было, я тут же нырнул за ним.

Коралл оказался на довольно большой глубине. Задыхаясь, испытывая острую боль в ушах, я из последних сил дотянулся до находки, судорожно схватил и почувствовал, как пальцы ушли в коралл, словно он был мягким. Поднявшись к поверхности, увидел: над кораллом в моих руках затрепетал в воде легкий розовый дымок, а кончики пальцев заняли, будто обожженные. Значит, порезался. Я тут же поплыл к берегу, не бросая своей добычи. Не такая уж страшная беда — несколько порезов!

И вот, направляясь к острову, я вдруг увидел на дне другой коралл, такого же типа, но куда красивее и больше — с тарелку величиной. Нет, упустить такой просто нельзя,

никогда себе не прощу! Доставил на берег первый и поплыл за вторым. Нашел его не сразу, долго кружил над подводными коралловыми скалами, отыскивая то место, которое попытался запомнить. Чувствовал, что боль в пальце усиливается — рану разъедала морская соль.

Наконец отыскал: вон среди двух лобастых валунов лежит он на желтой плешинке песка, словно выставленный напоказ. Да такой красивый — залюбуешься. Глубина — немалая. Нелегко он мне достанется. Валуны находились почти на самом краю обрыва; здесь кончалась береговая отмель, и склон кораллового острова резко уходил в непомерную морскую глубину. Там, за последними высветченными солнечными лучами скалами, стыла, наливаясь густотой, пугающая мгла.

Я набрал побольше воздуха в легкие и нырнул. Недоставало, может быть, метра, чтобы дотянуться до моего сокровища, но не выдержал... Когда возвращался к поверхности, чтобы глотнуть воздуха, вдруг заметил, как на темном фоне глубины мелькнули две черные стремительные тени. Понял: акулы!

Дальнейшее уложилось в несколько мгновений. Акулы сделали вокруг меня большой круг, будто прицеливались, готовясь к нападению. Я изо всей мочи рванулся к берегу. Может быть, делал вовсе не то, что положено в подобных случаях, но ведь понятия не имел, как отражать нападения морских хищников. Выбрал единственно доступное — удирать. Если бы на берегу был в этот момент не Абдулла, который, размахивая руками, как припадошный, прыгал у самой кромки воды и орал: «Скорее! Скорее!» — если бы в этот момент на берегу были спортивные судьи с хронометрами, то они наверняка бы отметили мировой рекорд по скорости плавания и водрузили бы на меня лавровый венок. Когда я выскочил на сушу, чувствуя, что сердце бьется где-то в самом горле, Абдулла сообщил: одна из акул подошла к моим ногам почти вплотную, — он это видел сам.

Мы быстро собрали вещи и ушли на лодке на другой остров — здесь купаться уже невозможно. Здесь нас теперь повсюду подстерегали хищники. Вот что значит в море пораниться! У акул необыкновенное чутье: запах крови они чувствуют на большом расстоянии.

Вот почему к акулам особой симпатии у меня нет.

...«Цирк будет! Укрощение тигров...» Я пошел на корму.

Подготовка к «укрощению» шла полным ходом. Кто-то тащил веревку, кто-то пробовал на палец остроту большого стального крюка. Все были взволнованы. Еще бы! В море,

в дальнем плавании не так уж много развлечений: вахты, работа в лабораториях и океан, все тот же океан, в котором почти ничего не происходит. И вдруг «укрошение тигров»!

Я подошел к борту. Теперь акул уже было несколько, среди них одна, самая крупная, метра три длиной. Они кругами ходили вокруг «Витязя», словно несли дежурство. Иногда выплывали к поверхности, тыкались носами в разломанные ящики, картонные коробки, пустые консервные банки, которые выбросили за борт из камбуза,— всегда вокруг стоящего в дрейфе судна плавают мусор в изобилии. Я пивынул за борт пустую коробку из-под сигарет. Тут же метнулась к ней небольшая акула-подросток и, не приносясь, с ходу хватанула, наверное даже вкуса не почувствовала. Вот глупая! Я немало читал о жадности акул. Чего только в их желудках не находили: куски спасательных кругов, старые ботинки, выброшенные кем-то за борт, тряпки... Рассказывали, как однажды, поймав акулу, вырезали из нее желудок, бросили акулу в воду, а потом туда же и желудок. Освобожденная пленница преспокойно помахала хвостом и как ни в чем не бывало поплыла. Вдруг увидела свой собственный желудок и, не задумываясь, сожрала.

На крепкой веревке забросили в воду крюк с насаженным на нее куском мяса, стали ждать.

— Вот бы поймать! — сказал мне один из матросов.

— А что вы с ней будете делать?

— Да просто так, для смеху... Толку, конечно, от акулы мало. Из челюсти можно сувенир сделать...

Приманку хищницы заметили не сразу — видно, слишком мала. Но вот на нее обратила внимание самая большая. Те, что были поменьше, почтительно уступили ей дорогу. Как старая и опытная, она не сразу схватила мясо, сперва ткнулась в него носом, понюхала, отошла, вроде бы в раздумье, потом, сделав в воде резкий разворот, решительно ринулась на приманку. Веревку, пропущенную через блок подъемной стрелы, быстро натянули, массивное тело акулы наполовину высунулось из воды, побилось в пене и брызгах и соскользнуло в глубину. Сорвалась! Крючок не выдержал, разогнулся. Его быстро загнули, снова насадили мясо. И опять та же история — слаб для акулы оказался крюк, на котором, казалось, быка поднять можно. Прицепили другой — крепкий, каленый. Он принес удачу. Почувствовав запах мяса, акулы неистовствовали, метались у кормы. Теперь уж не приносясь, стремительно шли в атаку на

приманку, не считаясь со старшинством и силой соперниц. Первой ухватила добычу не самая большая, а поменьше и тут же оказалась в воздухе. Намертво зацепил ее каленый крюк.

Красивое тело акулы медленно подняли на борт, осторожно спустили на палубу. Она свирепо билась о палубу, тяжело пришлепывала доски мощным хвостом, распахиwała устрашающую зубастую пасть, из которой торчала веревка, пленившая ее. Люди разбежались в разные стороны и издали поглядывали на свою страшную добычу с опаской и почтением.

Билась, билась и вдруг затихла. Неужели уже мертва? Кто-то подошел к ней и издали ткнул палкой. Акула, словно пораженная внезапным электрическим током, взлетела над палубой и хвостом саданула по лежащему недалеко ящику. Ящик затрещал. И вот тут, словно по сигналу, набросились на акулу люди — с баграми, топорами, палками: «Так ее, проклятую!.. Бей!.. Добивай!.. По голове ее, по голове!..»

Акула умирала медленно, по ее тугому шершавому телу пробегали судороги. Люди успокоились, лица их расслабились, и в них проступили усталость и добродушие. И все-таки это уже были не прежние, привычные мне лица, что-то в них присутствовало новое, глазом не отметишь, что именно, но вроде бы лица эти чуть-чуть постарели.

Акулу оттащили в сторону, струей воды из шланга смыли с палубы кровь.

— Как ты думаешь, к чему приспособить акулю челюсть?

— К чему? На полку положить как сувенир. Рамку сделать для портрета. Можешь, например, свой портрет поместить в акулю челюсть. Классно будет.

— А что? Идея!

Я представил себе эту круглую, курносую, с веснушками, добродушную физиономию в зубастой окантовке устрашающей акулей челюсти.

— Лучше тещу в такую рамку вставить. Самый раз будет! — сказал кто-то, видимо подумав об этой физиономии то же самое, что и я.

— Да охота вам возиться! Кинуть акулу за борт, и дело с концом!

Вышвырнули. В сторонке на палубной доске трепыхалась маленькая темная рыбешка. Она была похожа на пескаря, с приплюснутой головой. Я поднял ее. На обратной стороне головы рыбки будто след от калоши — овальный ребристый присосок.

— Это прилипала, — пояснили мне. — Акуля иждивенка. Присосется к акуле и путешествует вместе с ней, с ее стола кормится. Кинь за борт! Пусть живет!

Я кинул. Пусть живет!

ТАМ, ГДЕ ЗВЕНЕЛИ КАНДАЛЫ

Эту главу я хочу начать с рассказа о флаге. О красном флаге, к которому мы так привыкли. Когда у нас государственный праздник — красный флаг на каждом доме. С самых ранних лет детства мы знаем, что красный цвет — цвет нашей революции, нашего государства, цвет коммунизма, прекрасной идеи, зовущей нас в будущее. Мы привыкли к нашим красным флагам, к красным пионерским галстукам, красным лозунгам, которые несут демонстранты.

Но когда ты в другой стране, особенно стране капиталистической, встреча с красным флагом становится необыкновенной, волнующей, когда ты снова вспоминаешь, остро ощущаешь, что означает для нас красный флаг.

...Однажды я шел по Парижу и вдруг увидел здание, над которым развевался красный флаг. На здании прочитал: «Центральный Комитет Французской Коммунистической партии». Долго стоял перед зданием, смотрел на чуть выцветшее под солнцем алое полотнище, которое трепетало в струях теплого мартовского ветра. Мимо сновали автомобили, торопливо шли парижане, бурлила, шумела улица большого и прекрасного города. А я стоял в толпе, мешая прохожим, и думал о тех далеких днях, когда кварталы этого города были пустынными, когда черные окна домов пугливо глядели в гулкие, пронзенные выстрелами улицы, на баррикады, перегораживающие улицы, на алые пятна крови, растекшейся по мостовой у баррикад, на алый флаг над баррикадами. Именно тогда над парижскими баррикадами впервые в истории взметнулось полотнище, окрашенное в красный цвет, цвет крови восставших рабочих. И прямоугольный кусок материала, горячий, живой, трепетный, как кровь, превратился в знамя борьбы. Шли тревожные дни Парижской коммуны. Под напором вооруженных до зубов версальцев одна за другой смолкали баррикады, усеянные трупами сраженных героев.

Буржуазия, победившая пролетариат, торжествовала победу. Солдаты ловили на улицах людей в простой, небогатой одежде — ставили их к стенке под дуло винтовок. Много дней продолжалась под клубами дыма парижских

пожаров кровавая расправа над теми, кто боролся за свободу, за равенство и братство всех людей.

Тех, кого не расстреляли под горячую руку, сгоняли в тюрьмы, в лагеря и отправляли в ссылку. Пленных коммунаров решили увезти как можно дальше от Франции, так далеко, чтобы они и не мечтали о возврате на родную землю. Самой далекой колонией Франции в то время был остров Новая Каледония, затерянный в просторах Тихого океана.

И вот 3 мая 1872 года вышел в далекое плавание фрегат «Даная», плавучая тюрьма. На его палубах и в его трюмах были железные клетки, в которых за замками содержались триста коммунаров. Большинство отправляли на каторгу навсегда.

Долгие месяцы шла «Даная» по бескрайней океанской дороге. Заключенные страдали от тропической жары, от жажды, плохой пищи, от штормов.

И вот однажды каторжане сквозь прутья своих клеток далеко в море увидели ровную белую полосу бурунов. За бурунами висели в небе легкие, скользящие, как тени, дождевые тучи, скрывавшие остров. Чем ближе подходила «Даная» к острову, тем явственнее проступали сквозь тучи его по-южному мягкие контуры, сочные тона красок, и пленники вдруг вспомнили средиземноморские берега родной и уже такой далекой Франции, в которую им нет возврата.

«Даная» входила в просторный залив. По правую сторону лежал небольшой пустынный островок, голый, выжженный солнцем, безлесный. По левому борту длинным языком огибал залив скалистый и тоже безлесный полуостров. «Даная» бросила якорь, и солдаты, измученные тяжким плаванием, покрикивая на коммунаров, принялись сгонять их в спущенные на воду шлюпки: «Скорее! Скорее! Пошевеливайтесь! Прибыли на свою новую родину!» Одних отправляли направо, на остров. Ну, других — налево, на полуостров Дюкос.

Среди тех, кого отправляли на Дюкос, была высокая темноволосая женщина, к которой все каторжане относились с особым уважением и любовью. Даже охранники не смели кричать на нее. Это была героиня Коммуны, отважная Луиза Мишель, женщина, которой лучшие поэты Франции посвящали восторженные стихи. Когда она по штормтрапу спускалась в шлюпку с котомкой скромных вещей, охранники и предполагать не могли, что под ее платьем вокруг тела обвязан кусок красного материала, опаленный порохом, пробитый пулями кусок флага Коммуны, флага, который развевался над одной из парижских баррикад. Этот

цвет вызывал слепую ненависть у версальцев, и привезти этот флаг на Новую Каледонию было великой смелостью. Раз привезли флаг Коммуны, значит, не покорились, значит, не пали духом, значит, будут продолжать борьбу. Значит, не погас под пулями яркий, зовущий к борьбе огонь этого флага. Но охранники не знали об этом.

Луиза впервые за долгие месяцы вступила на дикий жаркий берег тропического острова, неуверенно сделала несколько шагов по твердой земле, вдохнула всей грудью влажный морской воздух и сказала: «Живы! Значит, борьба не окончена!»

Но жив мой дух,
Коммуны дух!
Не умерла Коммуна!

Эти слова написал в июне 1871 года страстный певец Коммуны поэт Эжен Потье.

Не умерла Коммуна...

— Отдать якорь! — скомандовал наш капитан.

«Витязь» остановился на рейде. Зазвенела тяжелая якорная цепь, и, зацепленный якорными лапами за дно, «Витязь» замер на месте.

Вахтенный матрос побежал на корму, и на кормовом флагштоке медленно, с какой-то особой торжественностью и значительностью, будто во время праздника, поднялся флаг, ярким костром затрепетал на фоне голубого неба. Обыкновенный четырехугольный кусок материала... Флаг парижских баррикад, флаг моей Родины. Зажгли его огнем те, кто сто лет назад спускался в шлюпке с борта мрачной «Данаи», на том самом месте, где стоит сейчас «Витязь». И не погас их флаг. Наш «Витязь» принес его горячее пламя сюда, к берегам Новой Каледонии, острову бывшей каторги, острову Коммунаров. И никто не посмеет предложить нам спустить его с флагштока, сорвать, запретить. Потому что не умерла Коммуна. Потому что это флаг нашей Родины.

Мы пришли к берегам Коммунаров накануне столетия Парижской коммуны.

Я стою у борта и в бинокль рассматриваю маленький островок Ну. На берегу несколько хилых пальм, склоны холмов бледно-зеленые, с чахлой травой. Островок пустынен и неприветлив, как и сто лет назад. На вершине холма — темные стены приземистого каменного здания. Может быть, это бывший форт или здание бывшей тюрьмы?

Подхожу к другому борту. Полуостров Дюкес... Он видом своим вызывает такую же тоску и безнадежность, как и Ну.

Те же выжженные холмы, желтые осыпи песка на берегу, трещины размытых дождями оврагов. Глаз останавливается только лишь на белых домиках маленького поселка у склона одного из холмов. Наверное, это и есть знаменитый новокаледонский лепрозорий, колония, где содержатся в неволе пораженные еще недавно такой страшной и неизлечимой болезнью — проказой. У прокаженных отгнивают руки, ноги, нос, уши. В последние десятилетия с этой тяжелой и древней болезнью, всегда внушавшей ужас людям, всё успешнее борются, побеждают ее. Но она еще опасна, и заболевших ею непременно изолируют в специальных колониях.

Значит, до сих пор и Дюкос и Ну по-прежнему несут на себе горькую славу земли человеческих страданий и неволи.

Я смотрел на эти печальные земли и думал о судьбе сосланных парижских коммунаров. Они содержались в ужасных условиях, их сажали в ямы, заковывали в кандалы, били плетью. Их заставляли работать в изнуряющую жару в каменоломнях, вырубать лес. Не выдержав издевательств, непосильного труда, коммунары умирали один за другим. Некоторые пытались бежать с острова. Строили лодки и погибали в штормах. Лишь немногим удалось добраться до Австралии и спастись от преследований французских властей.

Но ссыльные не пали духом. Каждый год 18 марта они отмечали День Парижской коммуны. Умерших товарищей хоронили с возгласами: «Да здравствует республика!», «Да здравствует Коммуна!». И торжественно, как присягу, декламировали:

Но жив мой дух,
Коммуны дух!
Не умерла Коммуна!

Вглядываюсь в город, который расположился у острия бухты. Для тропического острова Нумеа выглядит довольно большим. Вздогают по холмам каменные кварталы светлых, по-южному приветливых невысоких домиков. Слева от города тяжело ползет к небу густая, плотная, тяжелая, как глыба, туча серого, с желтоватыми прожилками дыма. Там никелевый комбинат, один из крупнейших заводов во всей Океании.

Пока мы ждем катера с портовыми властями из Нумеа, на «Витязе» идут торопливые сборы к высадке. Новая Каледония — остров удивительный, необыкновенный и своим происхождением, и растительностью, и животным миром,

и историей людей, его населяющих. Он не очень населен — всего 80 тысяч человек. Это канаки — меланезийцы папуасского типа: чернокожие, курчавоволосые, с плоскими носами и толстыми губами. Таких мы встречали и в Новой Гвинее, и на Манусе, и на Новой Бретании.

Почти двести лет назад знаменитый французский мореплаватель Бугенвиль, направляясь на юг от Ново-Гебридских островов, заметил на горизонте признаки большой земли. Но у Бугенвиля не было времени подойти к этой земле, чтобы ее исследовать. Через шесть лет в этом районе прошло судно выдающегося английского морехода капитана Джеймса Кука. И Кук решил отыскать упомянутую Бугенвилем землю. Так он открыл Новую Каледонию. 4 сентября 1774 года Кук высадился на северо-восточном побережье острова. Поросшие необыкновенными, ранее невиданными европейцами местными соснами, склоны гор напоминали пейзажи Шотландии, которая называлась в старину Каледонией. Поэтому Кук и назвал остров Новой Каледонией.

В течение полувека сюда временами заходили отдельные корабли с исследователями, торговцами, беглыми моряками и каторжниками из Австралии. Но долго здесь никто не задерживался: канаки не очень-то жаловали гостей и жестоко расправлялись с непрошеными белыми пришельцами.

Но когда в 1850 году вся команда французского исследовательского судна «Алкмен» была перебита туземцами и съедена, французы решили «принять меры». Франция объявила Новую Каледонию своей колонией и принялась «воспитывать» туземцев пулями и плетями. И не только туземцев. Неприютный и враждебный остров решили использовать как место ссылки. В течение сорока лет Новая Каледония была самой страшной французской каторгой. Вначале сюда ссылали разбойников, убийц, воров. Потом — противников королевской власти, после подавления Парижской коммуны — коммунаров. История острова полна мрачными и жестокими событиями, характерными для каторжной тюрьмы.

Никогда не могли примириться канаки с тем, что чужеземцы стали хозяевами их земли. Много раз восставали. И тысячи их погибло под пулями карателей. Когда Франция присоединила этот остров к своим владениям, на нем жило около семидесяти тысяч канаков. Через сто лет их было уже тридцать тысяч. Вот какой ценой расплачивались местные жители за то, что их большой и красивый остров так «поправился» чужеземцам.

Но не только своей историей привлекала наших ученых Новая Каледония. Для геологов этот остров — великая ценность.

Некоторые ученые предполагают, что существовал когда-то в этом районе континент Пацифида и несколько сравнительно недалеко расположенных друг от друга островов вблизи Австралии представляют собой остатки этого разрушившегося, ушедшего на океанское дно континента. От этой великой утопленницы остались жалкие кусочки — острова Новая Каледония, Норфолк, Лорд-Хау... Для геолога узнать что-то новое о таинственной Пацифиде — великая удача: а вдруг она и в самом деле существовала? На этих островах, особенно на Новой Каледонии, существует растительность, которая уже миллионы лет сохраняется здесь и нигде больше в мире. Новая Каледония — настоящий ботанический музей древностей. Здесь десятки видов растений, существующих только на Новой Каледонии. Особо знаменита новокаледонская сосна.

Обитают на этом удивительном острове и животные, которых в ином месте и не встретишь. Например, островитяне гордятся своей удивительной птицей кагу. Величиной с большого петуха, живет на земле, хотя и имеет хорошо развитые крылья. Странная это птица. Ее крик напоминает лай собаки. Если кагу приручить, то она, как собака, неотступно следует за хозяином и при этом сердито лает на прохожих.

Да и коренные обитатели этого острова тоже вызывают особый интерес. Остров-то не такой уж большой, а племена, которые его населяют, говорят на тридцати шести языках. Языки порой настолько отличные, что один канак не может понять другого канака, который живет всего-навсего по другую сторону горного хребта.

Таков этот необычный остров Новая Каледония!

У каждого члена экспедиции свои цели: одни намереваются исследовать горы, другие — набрать образцы диких растений для гербариев, третьи — встретиться с местными учеными... А мне необходимо узнать побольше о том, как жили здесь коммунары.

Вот наконец прыгаю с борта портового катера на причал. Я в Нумеа, столице острова. Куда идти? К кому обращаться? Кто может что-нибудь рассказать о следах пребывания на этом каторжном острове героев Парижской коммуны? Конечно, нужно прежде всего отыскать такси. Во всем мире таксисты — люди словоохотливые, города свои знают лучше других. Иной не хуже любого экскурсовода.

Шагаю по Нумеа, ищу стоянку такси. Совсем не похожа

Нумеа на тропические города, которые мы видели на Новой Гвинее, Новой Бретании. Все дома каменные, построенные прочно, на долгую жизнь в них. А все потому, что Новая Каледония — остров красивый, богатый и климат на нем не столь жаркий, ведь он на порядочном расстоянии от экватора. Вот и решили в свое время некоторые каторжане и охранники остаться на острове навсегда, отвыкнув от своей уже почти позабытой Франции. Но совсем забывать ее не хотели. Жизнь свою устраивали так, как привыкли жить на далекой родине, и дома строили по привычным образцам, даже названия улицам давали привычные.

Местные жители называют Нумеа «маленьким Парижем». А она и вправду чем-то напоминает столицу Франции, а может быть, и не столицу, а вообще какой-нибудь типичный французский город. И дома под французскую старину, и местная церковь — маленькая копия собора Парижской богородицы, и на каждом перекрестке монументы, и чуть ли не в каждом доме кафе или ресторан, и шумная, живая, по-французски броско модная, беззаботная толпа на тротуарах. Почти все лица белые, и белая рука у продавщицы в магазине, изящно заворачивающей в пакет покупку, и хотя и волосатые, но неожиданно белые, не тронутые загаром ноги у полицейского, стоящего в коротких шортах на перекрестке. Почти совсем не видишь темнокожих канаков. И если и встретишь, то кажутся они в Нумеа приезжими из каких-то далеких полуденных стран.

Несмотря на французский облик, Нумеа все-таки остается тропической, и никакая чужеземная маска не скроет южное лицо этой земли. Здесь тропики. Они в раскаленном асфальте, в дымящемся под солнцем желтом песке пляжей, в неправдоподобно голубом отсвете набежавшей на берег волны, в полыхающем розовым пламенем дереве бугенвиллии, на котором вместо листьев большие пахучие цветы, в гигантских деревьях баньянах с могучими кронами, могучими ветвями и выползающими из земли, как щупальца драконов, могучими корнями. Одно такое дерево, как зонтиком, прикрывает от жарких лучей солнца чуть ли не всю площадь. А вот на сквере и новокаледонская сосна. Удивительное дерево! К сосне и вообще к хвойным никакого родственного отношения не имеет. Как это ни странно, куда более близкий родственник ей... мимоза. Да, та самая мимоза, которую у нас ранней весной привозят с юга и продают на улицах. Высоченное, стройное, такое прямое, словно туго натянутое, ствол гладкий, без сучьев, и только у самой вершины ярко-зеленые ветки. Они тяжелые, лапчатые, с длинными

листочками-иглочками и действительно очень похожи на сосновые. От ствола даже смолой пахнет. И все-таки стоит приглядеться — похожесть только внешняя.

На площади в центре города отыскал такси.

— Следы коммунаров? Вы имеете в виду социалистов, которые когда-то в Париже устроили хорошую заварушку против буржуев?

Прежде чем включить скорости, шофер некоторое время молчит, обдумывая мой вопрос.

— На Дюкосе кое-что осталось. Старая, заброшенная каменоломня, давнишний форт... Но я не знаю, имеет ли это отношение к коммунарам. Ведь здесь были и другие каторжники.

Он включает мотор, поворачивает лицо ко мне:

— Едем на Дюкос?

Дюкос находится за пределами Нумеа, а местные власти разрешили нам находиться только в границах города.

— Может быть, вам стоит нанять катер и добраться до острова Ну?

Нет, и на Ну нам нельзя. Это тоже за пределами города.

Конечно, самое бы лучшее побывать на острове Куни, что в переводе значит «Остров сосен». Я читал, что именно там содержались наиболее «опасные» революционеры, именно туда и перевезли Луизу Мишель. Их было около четырех тысяч. Теперь этот островок — тихий провинциальный уголок, здесь всего одна гостиница, католическая миссия. Недалеко от гостиницы сохранились прежние карцеры с тесными, темными и мрачными камерами. Здание тюрьмы почти развалилось. Все поросло бурной растительностью джунглей, и до некоторых зданий бывшей каторги уже добраться невозможно. Очень трудно добраться и до старинного кладбища ссыльных. На могильных камнях значатся только номера — таково тюремное правило. Исполненная мести буржуазия даже имена павших и замученных в неволе героев-коммунаров не захотела сохранить для будущего.

Нужно что-то искать в самой Нумеа. А что?

— Отвезите на самое старое в городе кладбище, — прошу шофера.

Едем на окраину города. Возле дороги, среди ярких тропических растений, — нагромождение мрамора и гранита: памятники, обелиски, надгробные плиты над могилами. Смотритель кладбища — сухонький старичок с профессионально печальным взглядом выцветших глаз и большим крестом, висящим на цепочке на груди.

— Нет,— сухо говорит он, узнав, кто я и зачем сюда приехал,— коммунистов и социалистов здесь не хоронили.

Вид у него такой, будто я оскорбил его в самых лучших чувствах или дурно отозвался о похороненных под этими плитами. Конечно, это кладбище с мрамором и гранитом для тех, кто при жизни не носил кандалов.

Коммунаров хоронили в болотах на полуострове Дюкос, в джунглях на Острове сосен. Их могилы не берегли, и вряд ли даже на недалеком Дюкосе я нашел бы место их последнего упокоения.

Куда же нам ехать? Говорят, в Нумеа есть городской музей. Может быть, там что-нибудь найду? Подъезжаем к музею. Служитель удивлен:

— Какие там коммунары! У нас только чучела птиц и животных, гербарии. Загляните в городскую библиотеку.

Но и в библиотеке ничего не могли предложить о коммунарах. Заехали в местный муниципалитет. Элегантная немолодая дама в приемной выдавила на губах любезно-холодную улыбку:

— Поверьте, месье, нас не так уж волнует каторжное прошлое нашего острова.

— Здесь не любят вспоминать, что белое население острова — потомки каторжан,— усмехнулся шофер, когда мы поехали дальше.— Кому приятно думать, что его прадеда называли разбойником или вором?

— Но ведь среди каторжан были не только уголовники. Сюда отправляли и политических — например, коммунаров, людей, которыми может гордиться Франция.

— Не все гордятся. Ведь они были коммунистами. Зачем, например, гордиться владельцу универсального магазина в Нумеа, что на этой земле жили люди, которые сто лет назад решили отобрать у буржуев и магазины и заводы?

Так никаких следов коммунаров в Нумеа и не нашли. О мрачном прошлом острова кое-что в городе напоминало: старинные бронзовые пушки на холме — может, из них расстреливали восставших канаков? Напоминали названия некоторых улиц: долина Выстрелов, холм Артиллерии, улица маршала Фоша... На одной площади мы видели старинный монумент. Он изображал бравого французского генерала и ставшего на колени курчавоволосого канака — канак покорно целует край французского знамени в знак смирения и покорности. А шофер, понизив голос, таинственно сообщил, что он знает в Нумеа место, где хранится старинная гильотина, страшный станок, которым отрубали во Франции

осужденным головы, но показать не может, потому что гильотина находится в таком месте, куда посторонних не пускают.

Расплатился я с разговорчивым спутником-шофером, пошел пешком бродить по затихающему к вечеру Нумеа.

Наверное, и не помнит о коммунарах Нумеа, занята своим: торговлей, модами, выжиманием денег из многочисленных иностранных туристов.

В порту, где причаливают катера, приходящие от застывших на рейде пассажирских судов, толпятся подростки.

— Простите, сэр, — обращаются по-английски, — нет ли у вас заграничных почтовых марок или монет?

Меня окружают пять девочек лет по четырнадцать. Марки были, потому что я зашел по пути на почту и получил несколько писем с Родины. Я содрал с конвертов марки, отдал девочкам. Они глазам не поверили: советские?! В Нумеа приезжают американцы, англичане, австралийцы, японцы... Тоже дарят марки. К их маркам привыкли. А вот советские! Девочки еще ни разу не видели в порту советского судна, и я первый встретившийся в их жизни советский человек. Мы разговорились. Все четверо увлекаются географией.

— А историей? — поинтересовался я.

— И историей тоже.

Я спросил о Парижской коммуне. Девочки наморщили лбы: да, что-то было когда-то «очень, очень давно», в Париже восстали коммунисты, их арестовали и сослали сюда. И только худенькая и смуглая Мадлен — папа ее француз, а мама с острова Таити, — к удивлению подруг, об истории Коммуны знала довольно много. И особенно подробно о Луизе Мишель.

— Это была замечательная женщина, — горячо рассказывала Мадлен, обращаясь больше к притихшим подругам, чем ко мне. — Никто не мог сломить волю Луизы. Ее привезли в клетке, как зверя, а она была великим и прекрасным человеком, гордым и непокорным. После освобождения из каторжного лагеря Луиза долго еще оставалась на острове, потому что знала, что нужна канакам — учила их детей грамоте вместе с другими своими товарищами, а когда уезжала на родину, в порту ее провожали тысячи кананов.

— Значит, тебе нравится Луиза Мишель?

— Еще бы! Я бы хотела быть такой, как она!

— Откуда ты узнала о коммунарах, Мадлен?

— Папа много рассказывал.

— А кем работает твой папа?

— Он механик на никелевом руднике.

Выходит, мне просто поначалу не очень повезло. Конечно, помнят о коммунарах в Нумеа, помнят на всем острове. Помнит отец смуглой большеглазой Мадлен, помнят французы, канаки, дедов которых когда-то учила грамоте Луиза Мишель и ее товарищи. Разве можно их забыть?

— А почему вы так интересуетесь коммунарами? — спросила Мадлен. — Может быть, среди них были ваши родственники?

— Как тебе сказать, Мадлен... Наверное, это так. Да, это были мои родственники.

— А кто именно?

— Кто именно?.. Мадлен! Все, кто сражался на баррикадах Парижской коммуны.

...Мы покидали Нумеа ранним утром другого дня. Из-за океана встало чистое и ясное солнце. Оно коснулось первым лучом флага на мачте корабля, и он тотчас же вспыхнул таким ярким пламенем, что его, наверное, увидели даже на самых дальних окраинах Нумеа. Понес наш «Витязь» свой флаг через океанские просторы к берегам новых земель и государств.

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ

Вот и опять в путь. За бортом — Коралловое море. Слава у него недобрая: ветреное, бурное, часты тайфуны, немало здесь погибло кораблей. Подтверждая эту недобрую славу, встретило оно нас тяжелой качкой. Снова в каютах билась незакрепленная посуда (сколько же посуды мы раскололи!), снова отлеживались на койках со страдающими физиономиями те, кто не мог противостоять морской болезни. Совсем не праздничная ныне погодка. А сегодня 31 декабря 1970 года. И мы готовимся к празднику.

Несмотря на качку, на нашу потерянность и одиночество в этом пустынном Коралловом море, среди чужих водных просторов, настроение у нас приподнятое. Мы даже немного гордимся, что встречаем Новый год в такой необычной обстановке. Есть старинное выражение: «Жизнь запоминается не днями прожитыми, а днями запомнившимися».

С утра вытащили на палубу елку, настоящую елку — пышную, свежую, ни одной иголки не обронила. Везли ее с Родины. Почти два месяца продержали в большом судовом холодильнике, где хранят продукты. Удивительно кра-

сива! Оттаивала, и на палубу падали крупные капли — казалось, что елка взмокла от жары. Температура-то была не новогодняя — 35 градусов тепла в тени.

Установили красавицу на прогулочной палубе под навесом, и поплыл вокруг нее такой томительно родной запах елового леса! Елка вся не уместилась под тентом, пришлось укорачивать, обрезать часть ветвей... Ветки расхватали, будто великую ценность, разнесли по каютам, и лесной запах распространился по всему судну, как бодрящий аромат праздника, знакомый нам с детства. И мне досталась мохнатая лапа лесной красавицы. Я принес ее в нашу каюту, мы украсили гостью чем могли — яркими деталями от радио, серебряными бумажками из-под конфет, маленькими веточками кораллов.

Палубу распестрили флажками, около кают-компаний вывесили праздничную стенную газету.

Только в наших геофизических лабораториях вроде бы и не заметно наступающего праздника. Даже наоборот: работают ученые с таким усердием, будто собираются к двенадцати часам ночи завершить все свои годовые научные замыслы, большие и малые. Склоняются над мудреными приборами, что-то монтируют, паяют, свинчивают. Собираются наши ученые проводить в океане большие исследования океанского дна.

Наши синоптики получили по радио сообщение из Австралии. Австралийская служба погоды передала, что где-то у Ново-Гебридских островов зародился тайфун и присвоено ему женское имя «Роза». Двигается «Роза» в нашу сторону. С тайфуном шутки плохи.

— Улепетывать надо от него во все лопатки! — сказал капитан.

Вот нам и новогодний «подарочек» от природы! Конечно, сегодняшний полуночный праздник не отменяется — отметим в любой обстановке, праздник, в конечном счете, дело условное, и без него можно обойтись. А вот опыт не провести — серьезная неудача.

Недавнее благодушное предпраздничное настроение стало улетучиваться под натиском растущей тревоги. Усилилась качка, усилился ветер.

Днем на прогулочной палубе Дед Мороз и Снегурочка раздавали радиogramмы с Родины. Как мы их ждали! Нелегко они нам достались! Шла долгая и скрытая борьба между радистами и геофизическим отрядом. За кормой судна отряд опустил спаркер, прибор, создающий электрические разряды высокой мощности, — профиль океанского

дня изучали. Судовая радиостанция мешала работе спаркера.

— Подождите! — требовали ученые.

— Не можем, — протестовали радисты. — Идут праздничные радиogramмы. Новый год-то не ждет!

— При чем здесь Новый год? — недоумевали геофизики. — Профиль-то под нами — красота! Что значат все эти радиопоцелуйчики по сравнению с таким профилем!

Дед Мороз был босоног, но в шубе и в морской тельняшке. Он приволок целый мешок радиogramм — несколько суток в поте лица наши радисты трудились над бесконечно повторяющимися фразами: «Поздравляю, желаю счастья, здоровья...» Правда, иногда к текстам прибавляли и морской колорит: «Счастливого плавания», «Гладкого моря!», «Доброй погоды!». Явно не соответствовали эти напутствия нашей теперешней морской обстановочке. Море у нас было таким «гладким», что Дед Мороз, раздавая радиogramмы, покачивался из стороны в сторону, словно уже «встретил» Новый год, да весьма весело.

Кто-то получил радиogramм кучу, кто-то ни одной. А один из моих друзей очень ждал «главную», больше всех других радиogramму. И не дождался. Он ушел на бак и долго в одиночестве стоял под ветром и дождем. Не ко всем одинаково добр был Дед Мороз, прибывший сегодня на «Витязь» от берегов нашей далекой Родины. А ведь именно сегодня она нам так часто вспоминалась. И было немного грустно, что в эту ночь нет с нами тех, кто нам дорог.

Переваливается «Витязь» с борта на борт все круче и тяжелее. Выходят на палубы дыхнуть воздуху одереvenевшие от неразгibной работы геофизики, бросают туманные взгляды на море, вздыхают: «Ну и закручивает!» Только ученые из отряда геофизиков появлялись на палубе, сияя улыбками, словно вытащили счастливый лотерейный билет: «На ленте профилографа такой прекрасный профиль, что просто залюбуешься». А профиль этот находился под нами в вечном мраке на глубине трех километров.

Пустынно Коралловое море. Медленно сполз за линию горизонта кроваво-красный, недобрый, предвещающий беду закат. И темень за бортом, и будто вздрагивающие от ветра сиротские звезды в ней. И чудится, одни мы во всем океане, потерянные, забытые, не знающие, куда нам деваться. Кажется, все корабли в эту ночь отыскиали свои причалы, укрылись от ветра и волн и поджидают Новый год моряки на такой доброй и надежной земной тверди. Только мы в беспутье.

И вдруг весело, беззаботно вспыхнула лампочками на палубе наша елка, позвала людей к себе, обогрела светом, зажгла на лицах улыбки. Пришел к нам праздник! Все в нем не так, как на земле. Бокал на стол не поставишь — тут же окажется под ногами, в тарелку вцепляешься мертвой хваткой — выскользнет и упорхнет, как птица. Танцы капитан запретил: еще вылетит ненароком кто за борт. Слушая тосты, мы смешно и нелепо пританцовываем на зыбких досках палубы, как канатоходцы под куполом цирка. И тосты не совсем обычные: «За нашу Родину, за землю, от которой мы уходим, чтобы вернуться», «За тех, кто на суше», «За тех, кто о нас помнит!».

Тот, кто не получил «главной радиограммы», вполголоса, как бы для себя, сказал:

— А за тех, кто о нас забыл, пусть тосты поднимают другие.

— Получишь,— сказал я.— Это все из-за геофизиков.

Мы не ждали по радио знакомого, двенадцатикратного боя кремлевских курантов. Он прозвучит над Москвой только через восемь часов. Вместо него ровно в 24.00 раздался над Коралловым морем гудок нашего «Витязя», такой зычный и долгий, словно надеялся «Витязь» быть услышанным теми, «кто о нас помнит». И было приятно сознавать, что сейчас мы одни из немногих, кто самым первым на свете принимает в гостях выпедший из-за океанского горизонта год Семьдесят первый.

Вот и встретили его! В море праздник короткий. Одни пошли на очередные вахты, другие — поспать немного перед завтрашним нелегким трудовым днем. Притихли палубы. Только волны глухо шумели за бортом и ветер посвистывал в снастях.

Вставал над морем туманный, дождливый рассвет. В восемь утра радисты включили динамики, и мы слышали бой кремлевских курантов и торжественный, на взлете голос диктора: «С Новым годом, товарищи!»

Долго же этот «Новый» добирался до Москвы! И каждый из нас в эту минуту подумал о желтых, согретых теплом окнах в наших родных заснеженных городах. Может быть, сейчас за этими окнами кто-то произносит тост: «За тех, кто в море!» А в морях и океанах в эту минуту, кроме нашего «Витязя», — сотни и сотни кораблей под красным флагом, тысячи людей, оторванных от Родины временем и расстоянием. И им нелегко.

Какое неприятное море в этот первый день нового, семьдесят первого! Взыбленное, косматое, выбеленное пеной,

как снегом. И небо над ним низкое, не висит, а серым дымом бешено несется над самыми гребнями волн, сечет временами наши борта косыми свистящими плетями ливней.

Значит, совсем близко подобралась к нам свирепая «Роза». Мы подходим к району полигона, намеченного для проведения эксперимента. Геофизики уже давно собрали приборы и сидят возле них с тоскливыми, застывшими физиономиями, как на вокзале у своего багажа пассажиры, заждавшиеся опаздывающего поезда. Неужели все сорвется?

Пришел на мостик начальник экспедиции:

— Как дела? Не лучше?

Капитан хмур, бобрик на его голове хищно щетинится: значит, мысли у капитана сейчас колючие.

— Хуже! — бурчит он. — Вот взгляните! — и тычет пальцем в карту.

Оказывается, только что получено новое сообщение синоптической службы Австралии. С северо-востока идет еще один тайфун — «Софи». Надо же, такие нежные женские имена дают этим свирепым фуриям! В клещи берут нас злобные подружки. И удрать нам от них нелегко — ветер ураганный. Какая обида! Полигон-то совсем близко.

И уже через минуту по палубам динамики разносят голос вахтенного помощника: «Палубной команде срочно прибыть на бак!» Значит, будут закреплять все, что может унести за борт волной. Шарахаясь от стенки к стенке, я с трудом добирюсь до своей каюты. На койке лежит оторванный от пола стул, прижавшись спинкой к подушке, словно прилег отдохнуть. Я ищу свой плащ в хаосе перемешанных качкой предметов. Мелко вздрагивают стены каюты. Это «Витязь» посылает тревожные гудки в море, на которое лег дождливый туман. В перерыве между гудками я слышу, как по радио из Москвы передают праздничный новогодний концерт. Густой бас лихо выводит: «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...»

ИДЕТ ТАЙФУН

Все на борту озабочены. Тайфун где-то близко. Я часто захожу на мостик. Капитан наш не из разговорчивых. Он спокоен, на фразы скуп и на улыбку скуп, а если уж улыбнется, то, скорее, одними глазами. Но сейчас ему не до улыбок. Он неподступен. Я понимаю, какая великая ответственность на нем за наши жизни, за судно, за успех предстоящего научного опыта в океане. Главнее его нет на судне, и его

приказ — закон. Его решение окончательно и обсуждению не подлежит. Так было издавна. Капитан есть капитан. Он самый опытный моряк на борту, таким ему положено быть. Он не несет вахты на мостике. В открытом океане ходом судна командуют его помощники. Но если судно подходит к порту, если оно швартуется или, наоборот, уходит из порта, если судно идет по очень опасным местам — неизведанным глубинам, районам коварных подводных рифов, — если надвигается сильный шторм, капитан на мостике. И может он на нем оставаться долгими часами, иногда сутками, пока опасность не минует. Таков долг капитана.

Капитан дальнего плавания — звание высокое. Ведь на небольшом клочке советской территории, называемой кораблем, он представитель нашего государства, президент всего, что называется судном: корпуса, палуб, мачт с флагом и прежде всего — людей под этим флагом. Множество имен капитанов запомнила история, так же как имен полководцев. Море, как и поле брани, место для подвигов. Капитаны в старинных париках, в бравых треуголках, в морских капитанских фуражках с золотыми «крабами» над козырьком... Они вели каравеллы и бригантины, закопченные тихоходные первые паровые суда и стремительные лайнеры. Они открывали новые земли, проникали в страшные льды Арктики и Антарктики, вели суда через штормы, проявляли мужество и великую волю, когда судно попадало в беду. Наверное, не одну книгу можно написать о подлинных историях необычайного мужества капитанов.

Издавна есть такая морская фраза-приказ: «Женщины и дети — вперед!» Эту фразу произнес капитан, когда уходил под воду гигантский «Титаник», наравшийся в Атлантическом океане недалеко от берегов Америки на предательский айсберг. Матросы спасали прежде всего женщин и детей, то есть самых слабых в борьбе. «Женщины и дети — вперед!» — множество раз произносилась эта фраза на всех широтах мирового океана, когда погибал корабль. Эта фраза стала для моряков незыблемым правилом для действия в случае морской катастрофы. И знаете, кто впервые произнес ее?

Это было в 1852 году. Английский военный транспорт «Биркенхед» под командованием капитана Сальмонда доставлял из Англии на мыс Доброй Надежды несколько сот солдат со своими семьями. Судно подошло к оконечности Южной Африки. Нежданно нагрянула беда — «Биркенхед» наскочил на камни и стал быстро тонуть. На палубах поднялась невообразимая паника. На борту были сотни людей,

а шлюпок для всех не хватало. Около шлюпок шло сражение за место — люди теряли человеческий облик, лишь бы спастись! И вдруг капитан громовым голосом приказал солдатам и морякам построиться на палубе тонущего судна. Те, привыкшие исполнять приказы, немедленно повиновались. Выстроились в две шеренги на палубе, встали по стойке «смирно». Барабанщики забили дробь. И вот тут капитан произнес свою знаменитую команду: «Женщины и дети — вперед!» Никто из мужчин не тронулся с места. Шесть шлюпок смогли спасти только 184 человека. Остальные 454 погибли, но среди них не оказалось ни одной женщины или ребенка. Под барабанный бой солдаты, матросы и вместе с ними капитан ушли под волны.

История эта облетела весь свет. О мужестве этих людей и их капитана писали рассказы, выдающийся английский писатель Киплинг посвятил поэму драме у Джейнджер-Пойнта, в некоторых армиях и флотах рассказ о гибели «Биркенхеда» был зачитан перед строем солдат и матросов как пример настоящего мужества.

А разве история гибели легендарного крейсера «Варяг», принявшего бой с японской эскадрой, менее прекрасна? А сколько мужества проявили моряки наши во время войны с фашистами!

...Идет тайфун! Шторм, особенно тайфун — это тяжелая битва, в которую вступает корабль. И не всегда корабль выходит из битвы победителем. До сих пор, несмотря на то что современные суда оснащены самыми разными аппаратами, которые заранее извещают о приближении непогоды, подсказывают, в каком районе от нее лучше всего укрыться, несмотря на радио, локаторы, радиомаяки, расставленные на берегах для кораблей, то и дело тревожно пищит морзянка — три точки, три тире, три точки — зов на помощь: «Спасите!»

Ежегодно в море немало погибает судов, большинство — во время штормов. Несколько тысяч судов в тот же год находилось вместе с «Витязем» в мировом океане, 352 из них не вернулись в родные порты, остались навечно лежать на морском дне. Конец 1970-го и начало 1971 года было временем штормов и ураганов, особенно часто они случались в Тихом океане. Прошло над этим океаном и несколько тайфунов.

Мне не раз доводилось попадать в штормы — в Индийском, Атлантическом океанах, в Средиземном, Черном и Балтийском морях, — мы испытали немало невеселых и трудных часов, но тайфун...

«Ветер, который бьет» — так дословно переводится слово «тайфун». Особенно страшны тихоокеанские тайфуны. Они не столь уж часты, появление их — немалое событие. Им и дают имена чаще всего женские. Может быть, в насмешку над их коварством и капризным нравом?

Тайфун — это тропический циклон. Возникают тайфуны на океане — там их колыбель; если достигают суши, то обычно значительно слабеют, а вот на океанских просторах им раздолье. Здесь они лютуют.

Идет тайфун. «Чем дальше от него, тем безопаснее» — вот единственный совет морякам, который в этом случае дает хорошая морская практика. Мчится тайфун со скоростью курьерского поезда, и нелегко от него удрать «по-дальше». Тем более, что захватывает он район площадью в 500—600 километров. Такая невероятная сила в нем, что даже десять тысяч большой мощности ядерных бомб не могут с ним справиться. Когда американцы взорвали атомную бомбу на Бикини, то взрыв поднял в воздух десять миллионов тонн воды. А один ураган в Латинской Америке вздыбил в небо два с половиной миллиарда тонн воды. Известен случай, когда тайфун разметал во время второй мировой войны американскую эскадру, потопив два эсминца.

В океане для тайфуна жертв немного — только одиночные корабли. А вот если с морских просторов вздумает он ринуться на сушу!.. Все наиболее известные ураганы на века остались в памяти людей. Ураган 1780 года был назван великим. Всю свою мощь он обрушил на Вест-Индские острова. В течение нескольких часов ураган унес двадцать тысяч человеческих жизней.

...Идет тайфун!

В этом плавании мне везло с необычайными явлениями в океане. Однажды ночью прошел дождь, туча медленно сползла куда-то за корму, и из-за нее вышла крупная, чистого серебряного блеска луна, большая и прекрасная. И вот в это мгновение я увидел лунную... радугу. Это была самая настоящая разноцветная дуга, повисшая над морем, только ночная, с приглушенными тонами цветов, зыбкая, призрачная, будто из старинной сказки о Королевстве Ночи.

В другой раз один из моих друзей криком вызвал меня из каюты на палубу: «Скорее, над морем смерч!» И я действительно увидел смерч. Из только что прошедшей стороной тучи свисала к морю длинная темно-серая кишка, свисала, не дотягиваясь до волн. Скорее, это был или зарождающийся, или уже умирающий, или не состоявшийся смерч. Вахтен-

ный помощник, глядя на него, сказал мне: «Очутиться в нем — история невеселая. Может утянуть с палуб все шлюпки, все наши приборы, а то и само судно так закружит, что и раскрутиться в обратную сторону не сможем».

Мы прошли тучу вместе с кишкой смерча стороной, а я отправился в судовую библиотеку и прочитал все, что мог найти, о смерчах. И узнал много любопытных вещей. Оказывается, смерч — это маленький ураган. Он свешивается с «материнского», то есть родившего его, облака в виде гигантской вращающейся воронки. Во внутренней части воронки пониженное давление. Поэтому туда засасывается все, что попадает. На суше смерчи особенно опустошительны. Известны случаи, когда смерчи поднимали в воздух коров, лошадей, повозки. Московский смерч 1904 года поднял в воздух мальчика возле Мытищ и в целости и сохранности за десятки километров доставил в Сокольники. Знаменитый Ирвингский смерч в Америке приподнял и перенес на несколько метров в сторону целую каменную церковь, да еще с людьми, которые находились в ней.

И все-таки ничто не производит такого впечатления, как тайфуны. Тайфун да землетрясение — это гнев природы, доведенной до крайности, когда природа в безумии.

Мы разбрелись по каютам. Капитан приказал готовиться к предстоящему шторму. Закрепили на полке книги, все вещи, способные «улететь» со своих мест, убрали в ящики, к этим «летающим» вещам относится даже моя пишущая машинка. Остались пустые бутылки из-под боржома. Нет ничего прекраснее в жару выпить стакан холодного пузырчатого боржома. Пустые бутылки — за борт, иначе начнут биться о стены, за день потом не соберешь осколки с пола.

И вдруг неожиданная мысль... Бутылка! Пустая бутылка за бортом! А что, если ее накрепко запечатать пробкой, да залить смолой, да положить перед этим в бутылку письмо на Родину? Бросить бутылку в воду, будет она странствовать по волнам месяцами, годами, десятилетиями, и вдруг выкинет ее однажды волна на песчаный пляж какого-нибудь тропического острова, блеснет бутылка в луче солнца среди битых кораллов, привлечет внимание бредущего по пляжу темнокожего мальчишки, подберет он бутылку и увидит внутри письмо. А потом его отец или местный учитель вытащит из бутылки письмо, прочтет на конверте адрес по-английски: «СССР, Москва...» И пошлет с этим конвертом мальчишку на почту... И однажды найду я в своем почтовом ящике пожелтевший конверт с адресом, написанным своей

собственной рукой, бережно доставленный мне на мягких и неторопливых ладонях волн. А еще лучше послать такое бутылочное письмо кому-нибудь из своих друзей. Вот будет для них подарок, даже если он придет через несколько лет! Ведь так прекрасно делать близким людям неожиданные, необычные и удивительные подарки.

Словом, написали мы несколько писем, запечатали их в бутылки и кинули за борт, как в почтовый ящик самой медленной, самой ненадежной на свете почты.

А что она ненадежная, мы знали из литературы. Может быть, до сих пор еще носится по волнам и никак не может угодить к берегу бочонок Колумба. На обратном пути из Вест-Индии каравелла «Пинта» попала в ураган. Моряки не надеялись спастись. Тогда Колумб выписал на пергаменте основные сведения о своих открытиях и положил свиток в осмоленный бочонок. К свитку была приложена записка, в которой нашедшего просили переслать послание его величеству королю Испании за вознаграждение в тысячу дукатов. Давно в Испании забыты имена многих «их величеств», а бочонок Колумба, адресованный в далекое прошлое, может быть, все еще скитается по волнам. И уже не тысячу дукатов стоит свиток, а вообще цены не имеет как величайшая историческая ценность. Многие короли давно забыты, а Колумб нет; королей было немало, колумбов — единицы.

Не всегда морская бутылочная почта так уж безнадежна. Однажды была найдена на берегу бутылка, и письмо в ней рассказало о трагедии и мужестве. Последнее письмо моряков голландского брига «Мальвира». Вот оно: «Идем домой из Нью-Орлеана. Сегодня 7 октября 1702 года. Находимся на 31,1 северной широты, 74,3 западной долготы. Ветер с юго-востока сбил все мачты, такелаж, лодки; смыты за борт семь человек, среди них — первый помощник. Грот-мачта, упав, пробил борт. Попытались закрыть течь. Она слишком велика. Насосы не помогают. Мы тонем. Боже, смилуйся над нами! Нам ничего не остается, кроме как приготовиться к смерти, и я, капитан Леваальд, и те, кто остался со мной, выпили бутылку за благополучную высадку в том мире. Нашим дорогим женам в знак памяти и выражения нашего сожаления и сочувствия оставляем в бутылке наши свадебные кольца, чтобы они их продали. Пусть эти деньги послужат небольшим утешением в их беде».

Это случилось почти три века назад. Тогда даже в помине не было радио, и только бутылка или бочонок могли донести последнюю весточку от тех, кто знал, что не вернется к род-

ным берегам. Виктор Гюго в своем романе «Человек, который смеется» рассказал, что в прошлые времена при английском королевском дворе существовал специальный чиновник, которому было поручено вскрывать сосуды с письмами, выброшенными на берег морем. В те времена такие письма приходили не так уж редко.

Наш капитан, узнав о затее с бутылочной почтой, неодобрительно покачал головой:

— Нечего захламлять океан. В нем и так сейчас плавают немало всякой дряни, брошенной людьми. Океан надо уважать.

И, помолчав, добавил:

— Морская почта и сейчас может быть кому-то очень нужной. Ведь порой выходит из строя и радио. А получается так, что на некоторых берегах эти бутылки с ничего не значащими письмами и не подбирают. Любимые занятия туристов — бросать за борт бутылки с дурацкими записками.

Словом, капитан был недоволен нашей фантазией. И мы согласились с ним: нам стало жалко океан, засоренный туристской почтой, мы подумали, что среди этих бесчисленных бутылкок с почтой — письмами-приветами может оказаться сейчас всего одна, в которой вместо приветов последнее слово: «Прощай!»

К вечеру ветер вдруг неожиданно начал стихать. На мостике мне сказали: «Кажется, от «Софи» мы все-таки вернулись. Мимо прошла. Только крылом нас задела». Кажется... Уверенности полной нет. Откуда нам знать, как поведет себя «Софи» дальше, какие у нее намерения? А геофизики по-прежнему сидят возле своих приборов и ждут у «моря погоды». Мы уже совсем близко от намеченного нами полигона.

У капитана настроение все еще самое суровое. Австралийские метеосводки довольно приблизительные. «Можно в такое вляпаться!» — бурчит он.

Начальник экспедиции срочно собрал в своей каюте совещание. Что делать? Если уходить от тайфуна, то в эту зону мы уже не вернемся. Значит, одна из важнейших целей нашей экспедиции будет не выполнена. Давно задуманный эксперимент сорвется. А сколько сил, средств, времени затрачено на его подготовку?

Немного, еле ощутимо, но погода, кажется, улучшается, ветер ослабел, волны не столь свирепы. Может, и вправду ушла от нас «Софи» стороной?

— Что делать?

- Есть смысл рискнуть.
- Рискнем.
- Рискнем! — сказал капитан.

Это звучит уже как приказ.

«Витязь» — судно-исследователь, судно-открыватель. А первооткрыватели обязаны идти на риск. Первым всегда труднее. Но зато они — первые.

И вот уже динамики разносят голос вахтенного помощника:

— Палубной команде приготовиться к работам по спуску за борт научной аппаратуры!

Мы снова бежим в свои каюты. На этот раз за плащами и зюйдвестками.

ЕЛОВАЯ ВЕТКА

Когда мы подошли к острову ближе, то сразу поняли, что он отличается от всех других виденных нами тропических островов. Прежде всего цветом — темно-зеленый. Это потому, что на нем растет знаменитая норфолкская сосна. Лишь на Норфолке и встречается такая, вернее, не сосна, а дерево, очень похожее на сосну. Норфолкская сосна — родственница новокаледонской, только, пожалуй, пышнее, могучее, величественней. Даже издали, с борта «Витязя», было видно, какая она красивая. Остров оброс сосной, как щетиной, она так густо подступала к берегам, что казалось, земля эта необитаема.

Была отличная солнечная, совсем нежаркая погода — мы ведь уже выходили из тропической зоны. На волны белыми хлопьями осыпались чайки, кружили над водой большие белые бакланы, стремительно падали в море, высмотрев рыбу.

«Витязь» бросил якорь на рейде — причала на острове не было. Местная моторная шлюпка доставила нас на берег. Веселый молодой моторист, показывая на океан, сказал: «Вери мени шаркс» — «Очень много акул», и мы поняли, что наши надежды на купание и подводные съемки сильно поколеблены.

Толпились на берегу любопытные. На острове заранее знали о приходе русского корабля. Еще до того, как мы подошли к Норфолку, наши радисты поймали передачу местного радио. «К нам приближается русский корабль! — сообщал диктор. — Это первый в истории острова русский корабль возле наших берегов!» В словах диктора было что-то

торжественно-угрожающее, будто русский корабль намеревался высадить вооруженный десант на Норфолке. Приятно быть снова первыми!

Норфолк принадлежит Австралии. Когда-то на нем была английская каторжная тюрьма, страшная и зловещая, а теперь этот островок — курортный, прилетают сюда из Австралии охотиться на акул и нежиться на песке теплых норфолкских пляжей. Вот и все, что мы знали о Норфолке.

Собравшиеся на берегу рассматривали нас с любопытством. Скорее бы в глубину острова! А как туда добраться? Стоят у берега несколько маленьких обшарпанных автомашин, такси среди них не видно. А трамваев, троллейбусов и даже автобусов здесь искать не приходится. Это не Новая Каледония!

Из толпы вышел мальчик лет двенадцати. Сказал по-русски:

— Если вы, сэр, хотите осмотреть остров, мы с папой вам с удовольствием покажем. У нас машина.

Так я познакомился с Федоровыми — Петей и Сергеем Сергеевичем, сыном и отцом. Удивительно! Далекий, затерянный в океане чужой островок, население всего несколько сот человек, и вдруг... Федоровы, русские, натуральные, внешне будто даже давно мне знакомые — немного курносые, белобрысые, очень похожие друг на друга.

Машина у них старенькая, обшарпанная, как и все остальные на Норфолке. Только желтые стекла фар выделяют ее среди других, таких же неприглядных.

— Ваша?

— Нет. Здесь на острове арендовали на две недели... Куда поедем?

— Куда хотите.

— Да здесь и смотреть-то особенно нечего, — сказал Федоров. — Весь островок можно объехать минут за сорок. Но все-таки мы вам кое-что покажем.

— Папа, я думаю, начнем с тюрьмы.

Федоров, выводя машину на асфальт шоссе, рассмеялся.

— Только-только гость ступил на берег — и сразу же в... тюрьму! — Он обернулся ко мне: — Начнем лучше с чашки кофе.

— Как вы здесь очутились? — спросил я.

— История долгая. Сразу не расскажешь.

Взобравшись в гору, тут же оказались в поселке, единственном на острове. Типично курортный. Одна улочка вдоль шоссе, а по сторонам, как на выставке, — одноэтажные, ярко размазанные рекламами, поблескивающие стеклами про-

сторных витрин домики-магазинчики. На улице полно туристов. Ходят медленно. Делать нечего. Островок маленький, развлечений немного. Яркая голубизна моря и густая зелень сосновых лесов. Тишина. Никакой суеты. Юные длинноногие девушки в мини-юбках, веснушчатые старухи в широких солнцезащитных шляпах, плечистые молодые парни, похожие на героев ковбойских фильмов, вышагивающие уверенной походкой победителя — с ленцой, мужественной усталостью, снисходительным прищуром глаз; кажется, что каждый из них только что вернулся из океана, где участвовал в кровавом единоборстве с акулами и, разумеется, вышел победителем.

Зашли в небольшое уютное кафе, насыщенное густой, бодрящей прохладой кондиционеров. Заказали крепкий кофе. Кофе горячий — отхлебывая неторопливо по маленькому глотку и ведя тихую беседу.

Кроме нас, в кафе за соседним столиком был еще один человек. Я мельком взглянул на него и уже не мог оторвать глаз. До чего же красив! Смугл, длинное узкое лицо, темные блестящие волосы, озаренные светом смелые глаза. Типичный южанин. Похож на испанца.

Федоров ему кивнул, сказал по-английски:

— Привет, Джон! Как дела?

— Все так же. Все, как прежде.

— А мы вот встретили соотечественника с русского корабля, — пояснил Федоров, перехватив его взгляд.

Джон сделал одобрительное движение головой:

— Вам повезло. Я видел судно в бухте. Красиво выглядит. — Он мне улыбнулся: — Пассажиров не берете? А то я что-то засиделся на этом скучном куске камня, который называют Норфолком.

Он допил свою чашку кофе и, подняв руку в знак прощания, вышел.

Федоров пояснил:

— Это Джон Хэлл, питкэрнец.

— Кто?

— Питкэрнец, — повторил Петя, почему-то понизив голос. — Неужели вы ничего не слышали про остров Питкэрн?

Я вспомнил, что действительно где-то читал об этой необычной истории. На Тихом океане она в свое время стала легендарной. В 1789 году подняла мятеж команда британского судна «Баунти». Капитан был жесток, беспощаден, скор на расправу и довел матросов до отчаяния. Моряки наконец не выдержали. Схватили капитана и офицеров, посадили в большую лодку, дали им запас воды и продуктов,

а сами отправились скитаться по океану. Куда им было деваться? По законам английского флота каждого бунтовщика без суда и следствия вздергивали на рее. Значит, о возвращении на родину надо забыть навсегда. Повели матросы мятежный «Баунти» к далекому острову Таити. Но и там оставаться не могли — на Таити временами заходили корабли из Европы, в том числе и английские, в любое время бунтовщиков могли поймать. Известно, что на Таити удивительно красивые женщины. И вот моряки выбрали себе двенадцать жен-таитянок, прихватили еще шесть таитян в качестве своих помощников. Долго странствовали по южным широтам океана, искали необитаемый остров, подходящий для жизни. Наконец встретился небольшой островок Питкэрн. И поселились здесь навсегда.

Но не было мира на Питкэрне. Англичане ссорились между собой, враждовали с таитянами-мужчинами, начались кровавые конфликты, и дело кончилось тем, что погибли все взрослые таитяне и все англичане. В живых остался только один мужчина — Джон Адамс. Долгие годы он был на острове вождем маленькой колонии, состоящей из его многих жен, сыновей и дочерей, внуков и внучек погибших баунтинцев. Так образовался крошечный народец — питкэрнцы, в жилах которых текла английская и таитянская кровь.

Шли десятилетия, менялись поколения, колония разрасталась. Тогда часть питкэрнцев переселили англичане на остров Норфолк. Красивый остров, удобный для жизни, с богатой растительностью — куда удобнее, чем Питкэрн. Но Питкэрн для многих был родной землей. А ведь нет ничего на свете дороже родины. И вот семья за семьей стали питкэрнцы возвращаться на свой клочок земли в океане. На Норфолке остались единицы. В том числе и Джон Хэлл.

— Джон тоже мечтает вернуться, — сказал Федоров. — Он здесь неплохо устроился, деньги имеет хорошие, да вот все тоскует по своему Питкэрну.

— Говорит, что в этом году непременно уедет, — сказал Петя.

— Утверждает, что он прямой потомок Джона Адамса, — улыбнулся Федоров. Поэтому и имя носит то же самое.

У Пети заблестели глаза.

— А вы видели его перстень? На правой руке.

— Нет, не заметил.

— Медный перстень на правой руке. Очень простой. В нем кусочек камня, обыкновенного серого камня. А камень этот с Питкэрна.

— Ты, Петя, молодец! — сказал я. — Отлично знаешь русский.

— А мы с папой разговариваем только на родном языке. И журналы из Москвы выписываем. И книги...

— Все-таки как же вы здесь очутились?

— На Норфолке мы всего две недели, — объяснил Федоров. — Я сюда иногда приезжаю по делам фирмы. Жили в Австралии, а сейчас пока на островах Фиджи.

Федоров допил кофе, задумчиво поглядел в окно, где пестрыми тенями медленно проплывали броские блузы курортников.

— ...Когда-то в Австралии поселился мой отец. Необычная у него была судьба. Если хотите, расскажу. — И крикнул официантке: — Пожалуйста, еще две чашечки кофе и порцию мороженого.

...Служил до революции на русском торговом судне помощником механика Федоров. Человек характера самобытного, решительного, отчаянный фантазер. Зачитывался книгами, особенно запрещенными. В Одессе участвовал в каких-то сходках, имел неприятности с полицией. Политические взгляды были у него, судя по всему, самые неопределенные. Но царизм ненавидел люто. Унаследовал от своего отца. Тот однажды в Москве, когда по улице проезжал царь, не захотел снять шапку: «Я сам себе царь!» — и за это был избит жандармом. Так вот случилось, помощник механика в рейсе повздорил с капитаном, человеком крутым, он поклонился царю и был верным его сторонником. Повздорил крепко и заявил: «С таким капитаном плавать не буду!» — и уволился с судна в первом же порту — Сингапуре. С того дня и начались его скитания. Служил на многих иностранных судах, плавал между разными тропическими островами. В Австралии женился на русской девушке. И вот возникла в его горячей голове необычная идея. Решил он отыскать в Тихом океане необитаемый островок и создать там вольную русскую колонию, то есть поселение свободных людей. Может быть, увлекла русского моряка история мятежного «Баунти». Хотел он, чтобы те, кому под царизмом уже совсем нет мочи, всеми правдами и неправдами добирались до этого островка, вступали в коммуну вольных людей и жили в свое удовольствие, не опасаясь ни жандармов, ни сибирских ссылок.

Но времена «Баунти» давно уже миновали. «Ничейных» островков к тому времени уже нигде не было. Деньги, накопленные нелегким моряцким трудом, были прожиты, Федоров тяжело заболел и умер в Австралии в нищете. Единственное,

что мог оставить в наследство двум своим сыновьям и будущим внукам — любовь к далекой родине, по которой всегда тосковал. «Главное,— говорил он,— не забывайте родной язык, никогда не забывайте родной язык».

— Вот мы и не забывали! — коротко улыбнулся Федоров.

А Петя горячо продолжал:

— Мы так рады, что сюда пришло советское судно, что можем с вами говорить по-русски!

— Хотите побывать на «Витязе»? — спросил я.

— А разве это разрешается? — Петя даже привстал со стула.

Но прежде чем снова ехать к причалу, мы решили совершить путешествие по острову. Поездка была недолгой, и я своими глазами увидел, как островитяне берегут от туристов свой Норфолк, один из самых красивых островов в Тихом океане. По пути мы не встретили ни шикарных ресторанов, ни роскошных отелей, ни даже дорожных кафе. Пытаются здесь сохранить тихий, провинциальный уголок первозданной природы. Даже многие дороги не заасфальтированы, они грунтовые и пылят, как проселочные. А дороги почти повсюду проходят через густой лес, и вдоль них тянется забор из колючей проволоки — это чтобы туристы не забирались в лес и не портили заросли, прежде всего — знаменитую норфолкскую сосну. Бесконечно вытянутые нити колючей проволоки постоянно возвращали к мыслям о каторжном прошлом острова.

Когда-то, в давние времена, из Англии на этот одинокий, заброшенный в океан островок ссылали самых опасных преступников. Бежать с Норфолка было невозможно: во все четыре стороны — бескрайние просторы океана. И все же преступников держали за толстыми каменными стенами тюрьмы. Стены сохранились до сих пор у самого берега океана. Вернее, их развалины, крыши давно уже нет.

Я разглядывал стены тюрьмы и думал о тех, кто когда-то в них томился. Какая красота открывалась за решетчатыми окошками камер — океан, сосновые рощи! И потому неволя казалась еще более невыносимой. А сколько трагедий разыгрывалось на этой земле! «Ворота виселицы», — прочитал я надпись на полуразрушенной арке ворот.

— Местные жители побаиваются этих стен, — сказал мне Федоров. — Временами в деревьях по ночам кричат пересмешники, а жителям кажется, что это стонут души погибших каторжников.

Каторжники... Это были не только грабители, пираты, вору. Так же как и на Новой Каледонии, здесь томились

и противники королевской власти, вожди крестьянских бунтов, отважные защитники обездоленных, вроде легендарного Робин Гуда, который отбирал богатства у лордов и отдавал их беднякам.

Федоровы повезли меня в другой конец острова.

— Мы покажем вам самое страшное место,— многозначительно прошептал Петя.

На берегу бухты над высоким и крутым обрывом белел каменный обелиск над могилой. И Петя рассказал мне «страшную» историю. Вымысел ли это или правда, но на туристов, конечно, производит впечатление. А история такая. Много лет назад из крепости бежал преступник. На берегу океана отыскал в старой сосне большое дупло и сумел незамеченным прожить в нем семь лет. Днем прятался в дупле, ночью осторожно бродил по острову и на огородах добывал себе пищу. Шли годы. Человек уже поверил в свою свободу. Ведь не было в дупле решетки, океан из дупла выглядел вольным, вселял надежду. Но однажды каторжанина выследили двое стражников и поймали беглеца. В тот же день повесили. Перед смертью он проклял этих стражников и предрек им: и суток не пройдет, как оба отправятся на тот свет вслед за ним. Стражники посмеялись над пророчеством, пошли в одну из бухт искупаться, и оба одновременно утонули. Обелиск поставлен в том месте, где они сходили к морю за своей смертью.

Таковыми историями наполнены путеводители по острову. Конечно, многое в них преувеличено, многое преподнесено так, чтобы «устрашить» легковверных туристов, но прошлое остается прошлым, и Норфолк уже никогда не избавится от черной славы острова каторжников, острова бед и страданий.

На небольшом местном кладбище, в старинной его части, показали мне выщербленные дождями и ветрами древние надгробные камни. На одном прочитал: «Здесь похоронен человек, который пытался поднять на острове бунт и за это был казнен». Но больше надгробных плит над могилами тех, кто погиб в океане: во время кораблекрушения, в борьбе с акулами, на рыбной ловле.

Уже к вечеру я пригласил Федоровых на «Витязь». Показал им палубы, научное оборудование, библиотеку, спустились мы с Петей в машинное отделение, и дежурный механик рассказал ему о том, как работает дизель. Что бы еще показать? Жаль, что не было уже на палубе нашей красавицы — новогодней елки: накануне подхода к Норфолку мы ее с сожалением отправили за борт.

Пригласил я гостей в каюту. Хотелось что-нибудь им подарить на память о России. Были открытки, значки...

И вдруг я перехватил взгляд Сергея Сергеевича. Он смотрел на еловую ветку, которая была прикреплена над моим столом.

— Это елка? — спросил он.

— Елка.

— Из России?

— Да. Из порта Ванино. Срубили в лесу.

Федоров шагнул к столу:

— Петя, смотри, настоящая елка из России! Ты представляешь себе — настоящая русская елка из леса! Вот чудеса!

Петя смотрел на ветку широко раскрытыми глазами. Удивительно: самая обыкновенная еловая ветка — и вдруг у людей вызывает такой восторг.

Петя никогда в жизни не видел настоящей елки. Просто ели в тех краях, где он живет, никогда не растут.

Я подарил Пете эту ветку и даже немного удивился его бурной радости.

Ветку мы уложили в пустую картонную коробку, и мои гости уносили ее с «Витязя» осторожно, как хрупкую драгоценность.

Солнце шло к закату, и с ветвей прекрасных норфолкских сосен на берегу, казалось, стекали золотые струи, тихим огнем зажигали траву под деревьями.

Мы решили побродить по берегу. То и дело встречались нам знакомые Федорова, местные жители. И каждый раз Петя осторожно открывал крышку коробки.

— Смотрите, — говорил он, — это настоящая русская елка! Подарок с «Витязя».

Встречные заглядывали в коробку, бросали короткий взгляд на ветку, вежливо улыбались, хвалили: «Прекрасная ветка!» Но я чувствовал, особого впечатления она на них не производит. Может быть, потому, что норфолкская сосна, пожалуй, красивее нашей елки.

Вдруг встретился у асфальтовой дороги питкэрнец Хэлл. Он подкачивал колесо на своей маленькой, старой и обшарпанной автомашине.

— Смотрите, это настоящая русская елка! Подарок с «Витязя», — тихо сказал Петя и неуверенно приоткрыл крышку коробки.

Хэлл заглянул в коробку, потом неторопливо достал из-под сиденья машины тряпку, тщательно обтер пальцы, взял ее из Петиных рук.

— Это и есть елка?

— Самая настоящая! — улыбнулся Петя, и мне показалось, что вместе с улыбкой так и брызнули с его щек яркие мальчишеские веснушки.

— Та, которая для рождества?

— Да, и для Нового года.

— Неужели из самой России?

— Из самой России. Из порта Ванино.

Хэлл долго рассматривал ветку, даже понюхал, даже осторожно отщипнул одну иголку, попробовал на зуб.

— Удивительно, — он присвистнул, — просто удивительно! Вам повезло. Такому подарку можно только позавидовать. Ведь он с вашей Родины! Вы должны ветку сохранить!

— А как? — удивился Федоров. — Разве это возможно?

Хэлл наморщил смуглый лоб.

— Надо помозговать... — и осторожно протянул коробку Пете.

И вот тут-то на пальце его правой руки я разглядел перстень — простенький медный перстень, явно самодельный. В него был вставлен кусок сероватого камня. Сейчас у нас под ногами таких сколько угодно, никто на них и не взглянет, но этот был с острова Питкэрн.

Уходил «Витязь» от Норфолка, когда солнце уже утонуло в океане. Черноту острова дырявили цепочки редких огней. Я поднялся на крыло мостика и смотрел на эти уходящие огни. Капитан, стоявший неподалеку, приказал вахтенному дать положенных по традиции три прощальных долгих гудка земле, которая оказала нашему судну гостеприимство. «Разрешите мне?» — попросил я капитана. Дело это простое. У двери на мостике — рычаг. Потяни вниз, и над твоей головой, будто гром с неба, рывкнет мощный, густой бас «Витязя». Чем дольше тянешь рычаг, тем длиннее гудок. Я тянул долго — наверное, больше положенного. Я посылал Норфолку прощальные гудки. И вдруг неожиданно в разных местах острова в ответ вспыхнули и замигали автомобильные фары. Это желали нам доброго пути те, для кого за эту короткую стоянку мы стали друзьями. А у самой кромки воды, в сторонке от всех, вспыхнули и замигали фары желтые. И посылали они нам свой прощальный свет дольше всех остальных. Я смотрел на них и представлял себе сидящих в тесной маленькой автомашине с желтыми фарами Петю и Сергея Сергеевича. Они прижались лицами к лобовому стеклу, напряженно вглядывались во мрак океана. Уходил

в океан корабль из России и уносил свои теплые дрожащие огни.

Через год, в конце декабря, принес мне в дом почтальон конверт с красивыми марками, на которых были изображены яркие тропические цветы. Пришло письмо с острова Фиджи — от Федоровых. Они писали, что новый, 1972 год будут впервые встречать с настоящей русской елкой. Хэлл молодчина! Он сумел это дело «обмозговать». Достал где-то жидкую пластмассу, ветка в ней затвердела и теперь уже не обронит ни одной иголки, сохранится на годы. Так что праздник у Федоровых будет необычным. «Вот только для полного новогоднего праздника снега русского не хватает», — писали они в письме. И в конце письма добавили, что Хэлл на свой Питкэрн так и не уехал.

ЛЮБОПЫТНЫЕ КАШАЛОТЫ

Валерий сидит в крохотной лаборатории, расположенной на корме, и на своей просторной ладони держит что-то странное, похожее на кусок старой, изжеванной темной резины.

— Что это такое, Валерий? — спрашиваю я.

— Трепанг. Довольно крупный экземпляр. Поймал на Новой Гвинее.

Его круглое загорелое лицо светится удовольствием. Валерий огромного роста, с ладной, хорошо скроенной фигурой атлета. Он и в самом деле атлет. Каждый вечер на шлюпочной палубе перед ужином собирается небольшая группа любителей потренировать мускулы. В одних плавках бегают по палубе, поднимают гири, подтягиваются на перекладинах корабельных трапов и при этом делают такие могучие вдохи, что, кажется, намереваются втянуть в себя весь свежий, бодрящий, крепко отдающий солью воздух океана. Среди них — Валерий Рассказов.

На борту «Витязя» он единственный биолог. Экспедиция-то наша не биологическая — изучает не животных, а земную твердь, которая на дне морском да на океанских островах. Поэтому для Валерия специальное время не отпускается. Вот он и пользуется любой возможностью «сунуть нос в море». Если «Витязь» ложится в дрейф, чтобы опустить на дно драгу, Валерий тут же оказывается у борта со своей неизменной сеткой-сачком. Бросает сетку в воду и старается что-нибудь выловить — рыбу ли, медузу, водоросли. Особенно удачен лов ночью. За борт опускают подводный фонарь

с мощной электролампой, и на внезапный свет под водой со всех сторон бросаются, как на лакомую приманку, рыбы, маленькие и большие. Вот тут-то и раздолье Рассказову. Конечно, ничего нового для науки не выловит, он в этом почти уверен. Почти... И все-таки каждый ученый всегда надеется на чудо. И порой кому-то везет.

Неведомое скорее всего можно ожидать именно в океане. Ученые говорят, что Луна сейчас больше и лучше изучена, чем наш собственный земной Мировой океан. Тайн в океане еще полно. Сравнительно недавно известный французский зоолог Пьер Пфеффер в районе Мальдивских островов в Индийском океане обнаружил неизвестную науке фосфоресцирующуюся, что значит светящуюся в темноте, летающую рыбу. Пфеффер избрал трудный путь для ученого: он идет по следам неизвестных животных. Первым дал научное описание образа жизни и поведения гигантской ящерицы — варана, которого называют «драконом острова Комодо». В Камеруне открыл карликовую лесную антилопу. Он писал: «Путешественнику, равно как и натуралисту, приятно сознавать, что в наше время, когда, казалось бы, вся фауна изучена и описана, природа уготовила еще немало сюрпризов».

Действительно, возьмите, к примеру, дельфинов. Ведь их еще недавно беспощадно уничтожали, как обычных промысловых животных, и лишь теперь ими стали интересоваться всерьез. Не только интересоваться, а проявлять к ним высокое уважение и внимание. Еще бы! Вдруг установили, что у дельфинов огромный и развитый мозг, по объему, по сложности строения, внешнему виду он чрезвычайно похож на человеческий. Некоторые ученые считают, что дельфины мыслят чуть ли не так же глубоко и широко, как человек. Только сознание у них иное. Ведь они живут в иной, непривычной человеку стихии — в воде. У них свои представления о мире, жизни, свой язык, пока нам еще непонятный. Поймем ли мы когда-нибудь дельфиний язык? Ученые надеются на это. А если поймем, то можем с ними договориться о совместной работе в море. Как много бы нам могли помочь эти умные животные в изучении и освоении океанских глубин, сколько бы тайн нам поведали, сколько бы удивительных историй рассказали! Ведь дельфины появились на свете сорок — пятьдесят миллионов лет назад, а человеческий род существует всего полтора миллиона. Но о прошлом дельфинов нам ничего не известно. Может быть, дельфины еще в давние времена пытались как-то договориться с человеком, да человек не был готов к этому.

Обо всех этих интересных вещах мне постоянно рассказывает Валерий.

Сейчас он решил кое-что поведать о трепангах. Трепанг для меня не новость. Морское животное, чем-то напоминающее большую гусеницу. В восточных странах его широко употребляют в пищу. Особенно китайцы и корейцы. Если умело приготовить блюдо из трепанга — обедение. Однажды, когда я был в командировке в Корею, мне довелось выходить с рыбаками в море за трепангами. Рыбаки их ели сырыми, лишь помочив в каком-то остром соусе. Предложили и мне, я попробовал. Сырой трепанг напоминал резину.

Но то, что мне рассказал Валерий о трепангах, я не знал. Оказывается, при серьезной опасности трепанг выбрасывает свой... кишечник, и враг эту приманку пожирает, вполне удовлетворяясь вкусными трепанговыми кишками. Словом, действует по принципу: «Ну! Заткнись!» А кишки у трепанга вырастают вновь. Каждое животное имеет свои средства защиты. Например, рыба-еж при опасности так раздувается, что никто не решится проглотить ее колючее игольчатое тело.

— А еще интереснее защищается кальмар...

— Расскажи!

Как много необычных событий было у нас по пути! Сколько еще будет. Остался один день перехода до Сиднея. Капитан объявил, что завтра с утра на судне будет генеральная уборка. Все лишнее с палуб убрать, подкрасить там, где краска облупилась, привести в порядок каюты. Ведь идем в большой порт. «Витязь» должен выглядеть прилично. И мы сами тоже. В гладилке очередь к утюгу — гладят брюки. В Сиднее в шортах, таких удобных в жарких странах, ходить неприлично. Нарядимся в костюмы, белые сорочки, галстуки прицепим — от всего этого мы уже давно отвыкли. У всех «береговое» настроение. В Сиднее будем стоять несколько дней. Вот нагуляемся по твердой земле! Надоела бесконечная качка.

Один день пути — и Сидней! Погода терпимая, штормов не предвидится. Кажется, вообще никаких особых событий не предвидится на завтрашнее число.

Но это только так казалось. «Всякое в море бывает» — любимая фраза нашего капитана.

...А случилось вот что. За кормой нашего судна тянется сейсмическая коса... Она довольно длинная и представляет собой толстый шланг, внутрь которого вставлены такие же сложные детали, какие бывают в радиоприемниках-транзи-

сторях. Это коса помогает геофизикам «слушать» отраженный от дна звук взрывов, которые мы временами устраиваем за кормой «Витязя». Я уже рассказывал, что отраженный звук дает возможность определить, каково это дно, из каких пород состоит. Чтобы коса не утонула, она наполнена керосином — ведь керосин легче воды и всегда всплывает к поверхности.

И вот ранним утром наши геофизики решили поработать. До Сиднея еще день пути. Не тратить же его только на глажение брюк. Пожалуй, стоит хотя бы первую половину дня повзрывать. Начали взрывать. Вдруг видят, что аппаратура перестала отмечать на ленты звуки взрывов. Осмотрели аппаратуру, повторили взрывы — никакого результата. Что случилось? Выбежали на палубу и видят: вокруг судна ходит стадо кашалотов, темнотелых, тупоносых, и над каждым — фонтанчик воды. А что, если это кашалоты виноваты во всем? Принялись вытаскивать косу — пошла легко. Обнаружили: осталось от косы всего сто метров. Стало ясно: откусили кашалоты. Коса белая, в воде заметная, вот и привлекла внимание этих огромных океанских созданий. Может быть, приняли за неизвестного им морского червяка и решили попробовать на вкус. Попробовали. Да вряд ли понравилась кашалотам эта начиненная керосином закуска. Осталась коса далеко за бортом «Витязя», медленно взвивается сейчас в струях воды, как змея, где-то на небольшой глубине. А коса дорогая, и что без нее будут делать теперь наши сейсмики?

Рассказов разводит руками. Как биолог, не мог и предположить такое. Вроде бы и не вспоминаются ему похожие случаи, когда китовые нападали на корабли и их аппаратуру. Всякое в море бывает!

Я снова сижу в лаборатории у Рассказова, и мы обсуждаем случившееся.

— Вчера мы, кажется, начали разговор о кальмарах...

— Нет, пожалуй, лучше поговорим сейчас о китах и кашалотах — уж очень к случаю такой разговор.

Он достает книгу и вслух вычитывает из нее самое интересное. Я записываю за ним. Удивительное это создание — кит. Самое крупное млекопитающее на свете, нет других животных крупнее кита. Их несколько разновидностей: синие, финвалы, сейвалы, горбачи и кашалоты. Синий кит — крупнейшее животное не только в наше время, но и за всю историю планеты. Весит он в среднем 88 тонн, а вес самого большого из когда-либо пойманных составлял 170 тонн. Можно себе представить такую машину! Ведь он весил

столько же, сколько 2276 человек. Киты ежегодно совершают далекие путешествия. Они способны развивать скорость до 20 узлов в час и сутки идти впереди судна.

— Как жаль, что все еще продолжается на китов охота! — говорит Валерий. — Я уверен, что скоро ее запретят, так же как запретили убивать дельфинов. Прекрасные эти животные, настоящее украшение океана, добрые, мирные, никому вреда не приносят...

— Как это не приносят? Вот косу у нас откусили.

Валерий серьезно возражает:

— За косу они уже давно расплатились с людьми своими жизнями. За последние пятьдесят лет флотилии китобоев только в Антарктике уничтожили свыше миллиона китов. Китов становится на свете все меньше и меньше. Синих осталось так мало, что им трудно найти себе пару. Жизнь в океане мы должны беречь. Вот почему я против убийства даже акул.

ЧУЖОЕ НЕБО

Когда-то я прилетал в Австралию на самолете. Самолет вынырнул из облаков, шасси его прильнули к бетону, и мы оказались в Австралии. Все выглядело слишком будничным.

На этот раз Австралия является не с воздуха — с моря. Издали чувствуешь, что перед тобой не остров, а материк. Ровный горизонт превратился вдруг в длинную, неохватную для взора узкую полоску, более темную, чем поверхность воды. Эта полоска стала постепенно утолщаться, еще больше темнеть. Появилась Австралия.

Австралия... Легендарный южный материк. Сколько сил, мужества, сколько жертв было отдано людьми, чтобы его отыскать в океане! Об этом южном материке упоминалось еще в античных легендах: где-то он существует — огромный, сказочно богатый, ничейный.

Великий испанский мореплаватель Кирос долгие месяцы скитался по океану, чтобы найти легендарную землю. Открыв один из островов в Южном океане, он был убежден, что перед ним — материк. И назвал его Австралией. Не знал, что совершил ошибку. Один из кораблей Кироса под командованием Торреса в октябре 1606 года прошел мимо австралийского полуострова Кэп-Йорк. Но капитан принял Австралию за... остров. Получилось так, что Кирос открывает остров и принимает его за материк, а его подчиненный

Торрес проходит мимо материка и считает его островом. Торрес так и умер, не зная, что он первым увидел Австралию.

Однажды шло по Тихому океану в поисках неоткрытых земель голландское судно «Дейфкен» под командованием капитана Виллема Янца. Пройдя вдоль побережья уже известной мореплавателям Новой Гвинеи, «Дейфкен» продолжал путь на юго-восток. После долгого плавания моряки увидели неведомый берег и решили высадиться. Под их ногами была земля Австралии, пятого континента Земли. Капитан Янц был первым из европейцев, кто ступил на этот континент.

Мы прошли мимо столообразного скалистого и пустынного острова, и за ним открылись небоскребы Сиднея. Они были похожи на странные неземные горы, и чем ближе подплывал «Витязь», тем небоскребы вырастали всё выше и выше, как пробивающиеся из красноватых десен побережья гигантские зубы фантастического чудовища.

Мы подходили к причалу, который находился в центральном районе города. Горбился над проливом знаменитый сиднейский мост, гордость города; рядом с ним, подобно горному хребту, возвышался с высоченными вершинами и глубокими ущельями обширный квартал темных и немного мрачноватых, как надгробья, зданий. Над ущельями висели эстакады, по которым стремительно, будто букашки, сновали бесчисленные автомашины.

Я снова в Сиднее! Прошло десять лет. Пешком отправляюсь по городу.

Говорят, что это настоящий австралийский город, что Австралия наложила на него свой неповторимый отпечаток. А где он, этот отпечаток? В чем? Небоскребы, блеск магазинных витрин, бешеная огненная круговерть световых реклам, фыркающие стада автомашин... Все это я видел в других странах. Может, «австралийское» в Сиднее — прекрасная гавань сияющей голубизны, засыпанная разноцветными лепестками парусов бесчисленных яхт? Или роскошные сиднейские пляжи с чистым и белым, как мука, песком? Они действительно типичные австралийские — нигде таких нет. Многие с моря огорожены крепкими стальными сетками — от акул; нигде не встречается так много опасных акул, как у берегов Австралии. Там, где нет защитной сетки, стерегут акул вертолеты. Они постоянно висят над морем, и летчики высматривают морских хищников. Увидят — и тут же по радио сообщают на берег: «Внимание! Опасность. К пляжу приближается акула!»

...В распахнутое окно кафе вижу голубой мерцающий квадрат телевизора. В квадрате бешено скачут кони. Передача идет с ипподрома. Возле телевизора — напряженные фигуры посетителей кафе. На столах стынут недопитые чашки кофе. Любовь к соревнованиям скакунов в Австралии всенародная.

Австралийцы... Белокожи, веснушчатые, светловолосые... Но разве это настоящие австралийцы? У настоящих — черная кожа, жесткие курчавые волосы. В сиднейской толпе таких не встретишь. Большинство населения Австралии за всю жизнь в глаза не видывало настоящего живого аборигена. Аборигены в Сиднее не живут. Они обитают в самых глухих, самых суровых уголках Австралии. Их мало. В 1788 году их насчитывалось триста тысяч. Теперь в три раза меньше. До последнего времени они были самыми бесправными на земле своих предков. Их даже за людей не считали, презрительно называли «або» и принимали только на самую черную работу.

Третий раз я в Австралии, а настоящую Австралию так и не видел. Даже коренного австралийца не удалось встретить. Но ведь Австралия не только город вроде Сиднея. Австралия за пределами городских окраин, там, где начинаются ее бескрайние равнины.

Я видел эти равнины — в иллюминатор самолета. Мы возвращались из Антарктиды и летели над континентом на север, в австралийский порт Дарвин. Погода стояла солнечная, облака не скрывали землю. Она была желтая, тоскливо-однообразная, почти плоская, и даже с высоты нашего полета чувствовалось, как перекатываются над ней невидимые волны раскаленного воздуха, — казалось, что земля «дышит», как океан. Под нами была настоящая Австралия, суровая, неприятная земля пустынь и выжженных солнцем плоскогорий. Именно где-то там, на этих плоскогорьях, обитают аборигены, прогнанные с плодородных берегов океана белыми пришельцами, аборигены, которых большинство белых австралийцев никогда не видывало.

— Ты слышал что-нибудь о Берке? — спросил сидящий рядом в самолете мой товарищ.

— О Берке? Ничего. Кто такой?

Хочу привести в этой книжке отрывок из дневника десятилетней давности. Вот он.

«...Занесла судьба в Дарвин. Маленький, тусклый от непогоды городок на самой северной оконечности Австралии.

С Тиморского моря ползут полчища стальных туч и утюжат землю, без передыху смачивая ее дождем. Над Центральной Австралией была безоблачная солнечная погода, а здесь край австралийского неба вдруг отсырел.

Небольшая гостиница на окраине. Чистенький номер с провинциальными, в цветочках, шторами, с Библией на ночном столике, с воздушным кондиционером, из которого, как из разбитого окна, несет влажной осенней стужей. Здесь я третий день. Задержались с отлетом наши самолеты — нет погоды.

Деваться некуда. Говорят, где-то недалеко залив и в ясные дни на берегу греются огромные морские крокодилы. На них можно посмотреть издали. Но сейчас крокодилы, должно быть, прячутся от дождя в мангровых зарослях и, лязгая зубами, зевают от скуки».

Я только что закрыл последнюю страницу купленной в Дарвине книжки об истории исследований Австралии. Теперь я знаю, кто такой Берк.

...В 1859 году было решено проложить линию телеграфа из Мельбурна на север через весь континент. Еще никому не удавалось пройти сквозь весь материк от одного берега к другому. И вот понадобилась экспедиция, которая бы отважилась на такой дальний, трудный, полный опасностей путь. Искали опытного человека, который мог ее возглавить.

Изо дня в день в Географическое общество в Мельбурне приходил сорокалетний ирландец Роберт О'Хара Берк. Он работал мелким, незаметным служащим в конторе колониальной администрации. Просил назначить его начальником экспедиции. Ему отказывали, он приходил снова и снова.

Перед его упорством не устояли. Решили рискнуть. Так Берк стал начальником трансавстралийской экспедиции. И вот в конце августа двенадцать человек и караван из 25 лошадей и 25 верблюдов, выписанных специально из Афганистана, отправился в путь.

Через год в Мельбурн вернулась вся экспедиция — кроме самого Берка и трех его товарищей. Стала известна трагическая история этих четверых. Первые месяцы все шло благополучно. Экспедиция прошла по пустыне половину пути. На равном расстоянии от Мельбурна и северного побережья Берк основал сторожевой форт Уилс. Здесь он решил, что в дальнейший путь вести всю экспедицию нет

необходимости. Он оставил в форте весь отряд и налегке с тремя спутниками отправился на север.

Четыре месяца ждала оставшаяся на Уилсе экспедиция возвращения отряда Берка. Отряд не вернулся. Тогда решили, что ждать уже бесполезно, и двинулись в обратный путь.

Мельбурн был в панике. На поиски пропавших двинулись спасательные отряды. Один из них через год случайно наткнулся на стоянку аборигенов. К отряду бросился обросший полуголый европеец со слезами на глазах. Это оказался Кинг, единственный оставшийся в живых из тех, кто пошел с Берком. И он поведал о том, что случилось.

Берк и его спутники пробирались на север с огромным трудом. По пути они потеряли всех выючных животных, страдали от жажды и жары. И наконец добрались до цели своего пути — залива Карпентария на северном побережье Австралии. Поход оказался завершенным, и Берк мог считать, что первым в истории победил страшную австралийскую пустыню. Решили возвращаться обратно в форт. Но возвращение оказалось еще более трудным. Силы были на исходе. По дороге скончался один из спутников Берка. Дальше не шли, а плелись. Вконец измученные, трое добрались до форта. Он был пустым. На столе лежала записка. Экспедиция ушла всего восемь часов назад. Восемь часов назад! Но догнать уже было невозможно. Продовольствия на базе немного. Берк решает идти на запад, к поселениям европейцев у подножия хребта Флиндерс. Кончились последние запасы продуктов. Питаются травой, корешками. Идти уже не могут — ползут по раскаленной, потрескавшейся, твердой, как асфальт, земле. Иссякают последние силы. Лежат под мертвым солнцем и чувствуют, как по капле уходит жизнь. Умирает Берк, умирает Уилс. Кинг берет у Берка пистолет и дневники экспедиции. Но двигаться дальше уже не может. Теряет сознание. И вот тут случается чудо. Неожиданно в этом месте проходили люди из племени аборигенов. Они и спасли Кинга. Так мир узнал о мужестве и трагедии путешественников, бросивших вызов страшной австралийской пустыне и победивших ее.

Вот что я прочитал в книге, посвященной истории освоения Австралии.

Куда идти? Спускаюсь в холл. Немногие обитатели отеля сидят за столиками с недопитыми стаканами и молча смотрят в распахнутые окна, занавешенные дрожащей кисеей водяных струй, стекающих с крыши. За струями видимый мир теряет яркость красок и строгость очертаний, и недале-

кое дерево похоже на неясное изображение на недопроявленной фотографии. На дереве кричит жалобно птица, словно просится на крышу.

Я вспоминаю, что в моем номере на столике лежит пачка конвертов со штампом отеля. Возвращаясь в номер. Выбирая листочки посвежее, обнаруживаю чье-то начатое письмо: «Дорогой Фрэнк! Мне опять не повезло. И завтра я еду на Меллвил, в этот комариный ад. А потом в пустыню. Может, там я его найду...» Дата четырехдневной давности. Значит, жил в номере до меня. Кого-то ищет человек.

Я пишу письмо на Родину. Пишу, будто разговариваю сам с собой, — о дожде, залившем городок, о тучах, которые так низко плывут над землей, что цепляются за верхушки деревьев с большими непахнущими цветами и жгуче-зеленой листвой, о птице, которая все кричит и кричит за окном, как чья-то заблудшая душа...

Потом иду на почту. Ливни вымыли с улиц города даже людей. Тропическое солнце жжет и сквозь тучи, но городок выглядит по-осеннему озябшим и вызывает чувство тоски и неприкаянности. Мне кажется, что, если бы даже небо было чистым, если бы даже шелестели не струи дождя, а праздничные наряды беззаботной толпы, это щемящее чувство не исчезло бы.

В проемы улиц на окраинах городка видны затушеванные дождевым туманом неясные контуры окрестных лесов. Там начинается дикий край с непроходимыми болотами, с джунглями, кишашими змеями и москитами, или каменистыми пустынями, где в погожие дни цепенеют на солнце холодные, как камень, архаические игуаны и зловеще кричат в ущельях белые какаду. Где-то там погибли Берк и его товарищи. Туда из моего номера в отеле ушел человек, чтобы кого-то там найти.

Когда-то порт Дарвин основали миссионеры и авантюристы, которых гнала надежда схватить здесь удачу. И сейчас этот край так же далек и не обжит, как и Аляска, и по-прежнему стремятся сюда или обездоленные в поисках работы, или ловкачи в погоне за наживой.

По пути — пивная. Двери раскрыты настежь. Перед стойкой бармена, как школьники за партой, сутулясь, сидят на высоких табуретках плечистые люди в выгоревших коббойках. У них темные, потрескавшиеся, похожие на обожженный каучук шеи. Они тянут из кружек пиво медленно, как снотворную микстуру. Над ними синими клубами табачного дыма висит сонная одурь.

Захожу купить сигарет.

— ...Значит, прогнал ее, а теперь жалеет... Как без жены?

— Еще бы! Другую здесь даже на скачках не выиграешь!

Я протискиваюсь между разговаривающими, и один из них, трогая на рукаве мокрое пятно, след моего прикосновения, неприязненно бросает мне вслед:

— Еще один новый...

Бармен, сытый и квадратный, как буфет за его спиной, нехотя выговаривает парню, который протягивает ему пустую пивную бутылку:

— Хватит! В долг больше не даю. Этак и я сам скоро пойду на болота давить мошкору, как ты.

Купив сигареты, спрашиваю сидящих у дверей, как пройти на почту. Коротко объясняют, холодно оглядывают меня с головы до ног.

Слышу позади недоброе:

— Новый...

Не любят здесь приезжих. Самим работы не хватает.

На почте прилаживаю к конверту наклейку с надписью «Авиа». Молодой почтарь с унылым лицом неудачника усмехается и кивает в сторону окна. Слышно, как по шиферу крыши соседнего дома монотонно, как телеграфный аппарат, выстукивает вдруг усилившийся дождь. Какая тут авиация!

Взглянув на адрес, почтарь без интереса спрашивает:

— У вас в Москве родственники?

— Да.

— Как там, холодно сейчас?

— Холодно. Там зима.

Он прищелкивает языком, то ли от сожаления, что здесь жарко, то ли от сочувствия к москвичам, и на его лицо на мгновение набегает тень мысли. Но рука привычно проштамповывает конверт и швыряет в ящик стола — со мной покончено. В его опустошенных скукой глазах вновь отпечатываются светлые квадратики мутных от брызг окон.

Я уже давно промок до нитки и поэтому возвращаюсь в отель не торопясь. Сквозь сырые подошвы чувствую тепло навечно прогретых бетонных плит тротуара. Мне навстречу ползут и ползут тучи, драные лохмотья чужого неба над притихшим чужим городком.

...Ночью в гостинице меня будит портье. Возможно, полетим сегодня.

В маленьком автобусе нас везут по дороге, вдоль которой кривятся застывшие в дикарском танце странные австралийские деревья. Заспанная фигура молчаливого шофера на

фоне освещенной фарами дороги кажется глыбой тьмы, которая тяжело смыкается за нашим автобусом, словно захлопывает путь назад.

На аэродроме мы ждем отлета три часа. В зал нагоняют пронизывающую свежесть отдушины центрального кондиционера, и временами через них доносится, как из чрева земли, тревожный гул, будто отзвук уходящих бурь.

На рассвете из низких туч неожиданно выпадает черной тенью большой самолет и идет на посадку. По радио объявляют, что прибыл из Лондона.

В двери вваливается суетливая и шумная публика, раскалывая дремотную тишину зала, как купальщики стоячую озерную гладь... Длиннолицые, с выпирающим кадыком мужчины носятся по залам с паспортами и анкетами, громко спорят друг с другом, с невозмутимыми таможенниками, которые медленно и лениво пережевывают свои английские слова, как жесткие бифштексы. От таможенников мужчины бегут к своим женам и опять кричат, драматически вскидывая руки и грозно поблескивая черными зрачками. Их жены, в темных платках, глазастые, как мадонны, бесцельно с места на место перетаскивают обшарпанные чемоданы, на ходу крикливо браня своих вертлявых черноголовых детей.

— Ох уж эти эмигранты! — бросает на ходу дежурный по залу.

Рядом со мной на диван садится человек. Щеки его поросли щетиной, от этого скуластое лицо с большой розовой родинкой на щеке кажется суровым и неприступным, и даже странно, что на этом лице появляется вдруг простодушная и немного неуверенная улыбка. Короткими, как культипки, пальцами с желтыми скрюченными ногтями он торопливо достает сигарету.

— Бог мой, неужели все позади?

Внимательно поглядев на меня сбоку, вдруг спрашивает:

— Не знаете, куда нас будут отправлять отсюда? Неужели на лесозаготовки?

— Не знаю.

— А в самом Дарвине не требуются хорошие слесари? Я хороший слесарь. Двадцать лет работал на заводе. Меня ценили...

Он с трудом подбирает английские слова, и улыбка его становится еще более беспомощной, как у протянувшего за милостыней руку.

— Мне трудно будет с топором или с лопатой. И пустыни я боюсь. Я ведь уже не молод.

Он минуту молчит.

— Меня зовут Диего Гонсалес, — произносит, сделав легкий наклон головы в мою сторону.

— Откуда вы приехали?

— Из Испании. Из Сьерра-Морены...

— Надолго?

Он опускает глаза и не отвечает.

Сьерра-Морена! Какое красивое название! Сьерра-Морена... Я не знаю, город ли это или провинция, но сразу же представляю почему-то берег синего моря и белые дома с аркадами, и персиковые деревья в цвету, и нежный, как луч солнца, звон гитарной струны... Уехал человек из Сьерра-Морены. Значит, не было ему там места.

Наконец объявляют посадку на наш самолет.

— Желаю вам удачи! — говорю на прощание. — Желаю, чтобы вам повезло и вы нашли работу слесаря в Дарвине.

— Спасибо, — кивает он и безучастно спрашивает: — А вы куда летите?

— Домой.

— На родину?

— На родину!

Уходя, я не вижу, но чувствую его взгляд. Он провожает меня взглядом через весь зал, до самых дверей, которые ведут на посадочную площадку.

Это случилось десять лет назад.

Мне сказали, что настоящее «австралийское» в Сиднее я могу увидеть, пожалуй, только в зоопарке. Он известен — один из лучших в мире. Расположен на высоком, покрытом густыми зарослями берегу. В австралийском зоопарке, понятно, не так уж важно посмотреть, например, индийских слонов. Хочется мне самый первый визит сделать к коала.

Где помещаются коала, знает каждый. Вытянутые руки встречающих провожают меня от одного вольера к другому. А вот и коала. Взглянешь — и хочется улыбнуться: до того смешны! На цементный пол поставлены обрубки сухих деревьев. На ветвях, обхватив сучья лапами, висят странные пушистые существа размером с небольшую собаку. У них тупые, глуповато-добродушные мордочки, круглые, выпуклые, как бусинки, удивленные глаза, пушистые ушки торчком. Это и есть коала — австралийские медведи. Встречаются только в Австралии и на Новой Гвинее, и осталось их совсем мало, говорят, каждый наперечет. В свое время люди немилосердно их уничтожали, все из-за того, что шкурка у коала пушистая, мягкая. И ничем коала от людей защититься не мог.

Когда мы представляем себе медведя, то сразу встает перед глазами бурый, черный или белый гигант с могучими лапами и страшной пастью. Гигант этот может за себя постоять. А коала не только не страшный, но выглядит совсем игрушечным — будто и не живой, висит неподвижно, вцепившись лапками в ствол дерева, и смотрит на вас остекленелыми черными глазками внимательно, жалостливо, будто сказать хочет: «Видите, какой я ненастоящий, похожий на игрушечного, меня совсем нельзя обижать». И даже странно, что одно из этих существ вдруг лениво почесало свое брюшко лапкой.

Теперь, конечно, нужно взглянуть на кенгуру, главное животное Австралии. Ведь оно тоже только здесь да на Новой Гвинее и встречается. Правда, кенгуру в Австралии еще немало, на них разрешена охота, но для нас, европейцев, как и для жителей всех других частей света, кенгуру — животное редкостное, странное. Вот оно прыгает за оградой по просторной площадке. Замрет на минуту, потом вдруг на крепких задних ногах прыгает далеко вперед, как заяц. А передние ноги-лапы кажутся маленькими, бессильными, нелепо тонкими, словно отсохшими, и кенгуру напоминают инвалидов.

...Возвращался я обратно на маленьком пароходике, который ходит от зоопарка к городской пристани. Нашел скамью на носу, смотрел на солнечный простор бухты, на огромные белые и неподвижные корабли, стоящие на рейде, на медленно надвигающиеся на нас прямоугольные и уступчатые хребты городских кварталов.

Передо мной на палубе сидел на корточках матрос и закреплял стальным хомутиком петлю на швартовом канате. Он был немолод лицом, густо черноволос, и глаза его поблескивали свежо и весело.

По палубам прохаживались пассажиры. Вдруг один из них, смуглый и темноголовый, окликнул матроса:

— Фернандо!

И я услышал быструю и звонкую испанскую речь.

Потолковали недолго, но громко, с размахиванием рук, с выразительным движением глаз — испанцы люди горячие и в разговорах, — потом пассажир ушел. Матрос почувствовал на себе мой взгляд, поднял глаза, улыбнулся мне, как старому знакомому, даже подмигнул:

— Станный у нас язык, не правда ли, сэр?

— Почему странный? Испанский язык — один из самых красивых. Я понял, что вы испанец.

— Был им.

— Почему был?

— Да так. Настоящим испанцем можно быть только в Испании. А здесь я неизвестно кто.

— Вы сюда приехали из Испании?

— Десять лет назад.

Я вдруг вспомнил аэродром в Дарвине и человека по имени Диего Гонсалес и его печальные слова.

— Вы приехали не из Сьерра-Морены?

Он даже вытянул шею от удивления.

— Я из Кордовы. Но в Сьерра-Морене у меня много друзей. Вы бывали в Испании, синьор?

— Не приходилось.

— Жаль! Наша страна прекрасна. Не то что Австралия — пустыня, жара...

Он снова потянулся к канату. У него были скрюченные жесткие и почти негнущиеся пальцы, похожие на щупальца краба. Я подумал, что человек, должно быть, привык к очень тяжелому и грубому труду.

— Не знаете ли вы Диего Гонсалеса? Он приехал в Австралию тоже десять лет назад из Сьерра-Морены, — спросил я.

Испанец бросил в мою сторону быстрый удивленный взгляд.

— Это тот, что с родинкой на щеке?

— Да, вроде бы с родинкой.

— Вы знакомы с ним, синьор?

Я коротко рассказал о нашей встрече на дарвинском аэродроме.

— Он мечтал найти себе работу в Дарвине. Он слесарь.

Матрос вздохнул, покачав головой:

— Нет, синьор! В Дарвине Диего работу не нашел. Его отправили в самую глубину, в самое пекло. Кажется, в форт Уилс.

— Тот, который основал Берк?

— Берк? А кто такой Берк?

Я представил себе выжженную солнцем, безводную дикую пустыню и затерянные в ней одинокие домики фор-та — наверное, там сейчас возник поселок. Словно угадав мои мысли, испанец тихо произнес:

— Там не сладко, синьор! Очень не сладко. Но что поделаешь? Мы эмигранты. Люди второго сорта. Приходится терпеть.

Наш пароходик, сбавляя скорость, подбегал к причалу. Справа в глубине бухты на фоне темных прямоугольников портовых складов четко вырисовывался своим стремитель-

ным белым корпусом «Витязь». С его бортов были свешены люльки, и матросы закрашивали подтеки ржавчины у ватерлинии. Завтра мы уходим из Сиднея. К другим землям. И скоро останется позади половина нашего пути к Родине.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Помните ли вы увлекательный роман Стивенсона «Остров сокровищ»? Одиноким, затерянным в океане островок, спрятанные на островке награбленные пиратами золотые монеты и драгоценности. Бунт на корабле, сражение с пиратами, что ни шаг — захватывающие дух приключения.

Сегодня капитан раскрыл в своей каюте на столе морскую карту и ткнул ногтем в крошечную точку на голубом поле океана.

— Вот он и есть, Лорд-Хау. Тоже остров сокровищ. Именно такие одинокие островки в морских просторах любили выбирать пираты, чтобы отдохнуть там от злых скитаний по морям-океанам.

— Как вы думаете, могли ли на Лорд-Хау когда-то прятаться пираты?

— Всякое может быть в океане, — улыбается капитан одними глазами. — Может быть, мы найдем на этом острове такие несметные сокровища, что нашему «Витязю» тяжело будет их везти.

А ведь действительно, еще множество золота, серебра, драгоценных камней не отыскано и, вероятно, уже никогда не отыщется на далеких затерянных островах, на дне океанском около предательских рифов.

Откуда взялись эти богатства? История их любопытна. На протяжении двух веков, с 1550-го по 1750 год, из Испании в только что открытую Колумбом Америку отправлялись корабли. Они возвращались с золотом и серебром, награбленным испанскими завоевателями-конкистадорами у индейцев. Богатства эти были огромными и вызывали зависть у многих. И вот на испанские корабли всё чаще стали нападать разбойники-пираты. Прежде всего французские и английские. Их называли «джентльменами удачи». Они внезапно атаковывали торговые корабли, сходились бортом к борту и дикой ватагой с оружием в руках бросались на испанцев. Обычно истребляли всех, а награбленное делили между собой. Но временами добыча оказывалась столь богатой, что истратить ее всю быстро не было возможности. Тогда часть богатств пираты закапывали в землю на ма-

леньких необитаемых островах. Чтобы не позабыть места захоронения сокровищ, составляли карты, которые тщательно оберегали от любопытства посторонних. За обладание этими картами шли жестокие схватки, и клочки старой бумаги с таинственными знаками были обгажены кровью многих людей. Легенды разнесли по всему миру слухи об «островах сокровищ».

В семидесятых годах XVII века американский судовой плотник Вильям Фиппс случайно достал карту, на которой было точно указано место гибели одного испанского «золотого» парусного корабля — галеона, затонувшего столь быстро, что пираты не успели ограбить его. Под покровительством английского короля Фиппс снарядил экспедицию к месту гибели галеона.

Поиски были долгими и безрезультатными. Фиппс уже отчаялся и решил возвращаться назад. На берегу маленького островка, возле которого шли поиски, он в сердцах топнул ногой. И тут произошло необыкновенное. Из-под ноги его покатился кусок коралла удивительно правильной формы. Когда коралл раскололи, внутри оказался маленький деревянный ящичек. Его раскрыли, и на землю посыпались золотые и серебряные монеты. Начались новые лихорадочные поиски, и через три месяца на борту шхуны Фиппса оказалось более тридцати тонн золота и серебра в слитках и монетах. Это было неслыханное богатство, невиданный успех! Слава Фиппса прогремела по всему миру. Король, получивший такой подарок, в благодарность дал Фиппсу дворянское звание и назначил губернатором одной из заморских английских колоний.

С этого и началась в мире «золотая лихорадка». Имя счастливчика Фиппса стало символом кладоискателей. Лишь бы раздобыть карту, и ты — богач! Но где ее раздобыть? На помощь пришли ловкие люди. Во множестве появились «подлинные» пиратские карты. С ними в погоню за таинственными сокровищами отправлялись в океан ежегодно тысячи искателей легкой удачи. Они верили в эти старые карты, написанные на пергаменте, закапанные воском, исчерченные загадочными каракулями, даже закапанные кровью. И жестоко разочаровались. Карты были фальшивыми. Многие погибали в море, в джунглях, на пустынных островах. Но на место их отправлялись в океан новые легкие верные искатели богатств.

Вот уже около трехсот лет всё еще ищут эти пиратские сокровища. Лишь единицы из тысяч случайно находили клад там, где на карте стоял таинственный знак, лишь у единиц

из тысяч старинные пиратские карты оказывались настоящими. На каждого счастливчика приходились десятки могил погибших, сотни имен без вести пропавших. Недаром над этими кладами веками тяготеет легендарное проклятие, которое грозно произносили над своими сокровищами пираты, когда закапывали их в землю: «Пусть тот, кто дотронется до моего золота, спрятанного здесь, помнит, что обратный путь его не длиннее лезвия ножа».

Так вот, мы идем к «острову сокровищ». Но мы не боимся зловещего пиратского проклятья. Наши геологи действительно намереваются на острове кирками долбить землю и что-то в ней искать. Не золотые монеты. В эти клады они не верят. Иной кусок камня, отколотый от скалы, может стать для науки драгоценнее бочонков, набитых золотом. Да и не только камень.

Как всегда, готовится в поход в лесные заросли за сбором «образцов» Михаил Ахметьев. На нем неизменная рубашка-ковбойка, соломенная фуражка с длинным козырьком, рюкзак за спиной, потрепанные, раздавленные виды кеды.

— Миша, а перчатки ты не забыл?

Он смеется:

— Нет, на этот раз прихватил.

Лорд-Хау и для Ахметьева «остров сокровищ». Ведь Лорд-Хау, как считают некоторые ученые, остаток легендарной Пацифиды, и здесь тоже есть растения, которые встречаются только на этом крошечном, еще меньше, чем Норфолк, клочке суши. Остров настолько маленький, что даже на подходе к нему видишь: обойти можно часа за два-три вдоль и поперек. Принадлежит он Австралии и ничем не знаменит — ни курортом, ни шикарными отелями, только, как говорится в справочнике, роскошны на острове пляжи. Но они пустынные.

Я договорился с Ахметьевым провести наш единственный день на острове вместе. Он рад — помощник ему нужен.

...«Витязь» бросает якорь подальше от берега — опасается наскочить на подводные рифы.

Шлюпка, обходя скрытые под водой камни, над которыми пенятся буруны, доставляет нас к берегу. Он кажется совсем пустынным. Только пару домиков различаем на берегу. С удовольствием ступаем на сочную, ярко-зеленую траву.

Мы уже отвыкли от травы — обыкновенной, мягкой, луговой. Когда я в последний раз ходил по ней? Кажется, несколько месяцев назад где-то в Подмоскowie. На тропических островах, где мы бывали, не растет такая трава —

ласковая, упругая, как ковер, совсем похожая на нашу подмосковную. С первых шагов чувствуем, как мил и тих этот островок. Нет оглушающей тропической жары, ясное, тихое небо над ним, спокойные тона красок в его облике — скалах, лесах, лугах. Чем-то напоминает Крым.

На берегу топчутся дети, светлоголовые, веснушчатые, длинноногие, — типичные маленькие австралийцы. С любопытством рассматривают нас.

— Пиратов на вашем острове нет? — сделав строгое лицо, с шутливой озабоченностью спрашивает ребят один из ученых.

У мальчишек округляются глаза.

— Нет... — бормочут. — Кажется, нет.

— А были когда-нибудь? Не знаете?

— Не знаем.

— Может, и были, — вдруг говорит один из самых веснушчатых. Его серые внимательные глаза смотрят из-под очков на нас вполне серьезно. — Думаю, что наверняка бывали когда-то.

— Клады не закапывали здесь? Золотые монеты, драгоценности?

— Может, и закапывали...

— Не знаешь, где именно?

— Не знаю, — растерянно произносит мальчик. — А вы хотите поискать?

— Намереваемся.

Взрослые, которые тоже пришли на берег встречать нас, смеются. Им нравится этот забавный разговор. А мальчишки так и застыли с широко раскрытыми глазами. Вот ведь для них удивление: откуда-то приплыли на Лорд-Хау люди искать пиратские клады. А они, мальчишки, здесь живут и даже не знают, что остров таит в себе удивительные приключения.

Местные власти предоставляют нам для поездки единственный на острове грузовик, в кузове которого установлена широкая скамья. Извиняются, что автобуса на Лорд-Хау нет. Мы рады и грузовику. Даже на него не рассчитывали — и не предполагали, что на таком островке может быть автотранспорт.

Ехать нам недолго. Длиной остров в пятнадцать километров, шириной — в два... Густо покрыт буйной субтропической растительностью. Мы едем по лесной дороге. Сплетают над нашими головами огромные мускулистые ветви могучие баньяны, свисают с ветвей толстые косы сухих лиан — их можно использовать как качели, звенят цикады,

летают бабочки. Пока едем по дороге, встретили всего двоих — на Лорд-Хау двести жителей. Почти столько же, сколько на нашем «Витязе».

Выезжаем к противоположному концу острова; проселочная дорога кончается, и дальше к берегу идем пешком. Здесь «роскошные» обнажения, как определили с первого взгляда наши геологи. Каменистый берег размыт волнами, и слоистое нутро скалы оголено, как для показа. Забыты красоты острова, никто не обращает внимания на прекрасный песчаный пляж, на гигантские океанские валы, накатывающиеся на берег. Звенят на камнях молотки геологов. У геологов немного лихорадочный, напряженный вид — будто вот-вот накатится океанский вал и унесет с собой этот обломок скалы с такими «роскошными» обнажениями. Отколют кусок камня и рассматривают счастливыми глазами. Я слышу: «олевин», «пирюксен», «базальт». Отколотые куски расхватывают, как сокровища, суют в рюкзаки. Они нашли свой «остров сокровищ». И наверное, искатели кладов, которым посчастливилось «отколоть» пиратские сундуки, не были такими счастливыми, как сейчас наши геологи и геофизики.

А мы с Михаилом Ахметьевым идем в лес. Мы не торопясь шагаем по берегу к подножию огромной скалы, возвышающейся над островом. Скала густо покрыта зарослями, и мы решили в эти заросли проникнуть.

Остров навевает покой. Он тих и приветлив. На лугах за оградками из колючей проволоки бродят сытые коровы. Не видно ни фруктовых садов, ни огородов. Михаил о Лорд-Хау прочитал все, что мог достать. Никогда не бывал здесь раньше, а рассказывает о нем не хуже любого местного экскурсовода. Рассказывает удивительные вещи. Например, на острове почти нет птиц. Их в свое время перебили незадачливые охотники. Потом неожиданно исчезли на Лорд-Хау полезные насекомые. Некому здесь стало опылять цветы — ведь пыльцу-то для продолжения рода фруктовых садов и овощей переносят на своих лапках и крыльях насекомые. Вот почему фрукты и овощи здесь не растут.

— Чем же занимаются жители?

— Разводят скот и вывозят семена знаменитой лорд-хаусской пальмы.

— А что это за пальма и почему она знаменита?

Михаил загадочно улыбается:

— Ты разве забыл, что Лорд-Хау — это, может быть, осколок древней Пацифиды? А Пацифида нам оставила еще немало тайн. Не только в камнях. В растениях тоже. На

Лорд-Хау растет, например, пальма такого вида, какой нигде больше в целом свете нет. Только вот здесь, на этом пятачке, и считает нужным существовать. Семена этой пальмы за большие деньги отправляют в другие страны, и, представь себе, они приживаются. Но самое удивительное — единственно близкий родственник лорд-хауской пальмы встречается в... Южной Америке. Только там!

— Чем же это можно объяснить?

— Тайна. Не раскрытая еще тайна. Ученые никак не поймут, почему родственники вдруг оказались на таком огромном расстоянии друг от друга.

Михаил поднял с тропинки камушек, внимательно взглянул на него и тут же с безразличием откинул в сторону. Сказал серьезно, возвращаясь к прежнему разговору:

— Если бы не было в мире тайн, не было бы и науки.

Тропинка незаметно ведет вдоль морского берега и вдруг на каменистой почве исчезает совсем, придавленная нагромождением огромных камней. Над камнями нависают кроны деревьев. Начинается густой низкорослый лес, по уступам забирается почти до самой вершины горы. В этот лес мы и должны проникнуть как можно дальше, отыскать в нем разгадки новых тайн.

Совсем не просто проникнуть в такой лес. Он дикий, сердитый, негостеприимный. Не хочет подпускать к себе посторонних. Хватает нас за ноги крепкими, как капканы, корневищами, хлещет по лицам колючими ветвями, преграждает дорогу частоколом тугого, будто огромная стальная щетка, кустарника. Забираться нам приходится все выше и выше по крутым склонам, и порой на замшелом камне предательски соскальзывает резиновая подошва кеда, и ты валишься со всего размаха на землю. Уже после первых шагов на моей коленке появилась ссадина, в царапинах руки, на лбу синяк — от столкновения с хитро прикрытым травой валуном. Потрепанный вид и у Миши. Он смеется:

— Вернемся на судно — подумают, что дрались с туземцами.

Мы упорно взбираемся вверх. Так нужно. У нас не просто прогулка по южному лесу. У нас — «экспедиция по сбору научных образцов». Я горд, что являюсь полноправным членом этой экспедиции, которая состоит из двух человек. Миша — начальник, я — его помощник. Миша срывает какие-то листочки, веточки, травинки, внимательно рассматривает, передает мне. Я — носильщик. И еще — его ученик. О каждом образце он дает мне подробное объяснение.

— Это типичный вереск... Это растение с крепкими тем-

ными листьями относится к лавровым... А это панданус. Удивительное растительное существо.

Оно действительно удивительное. Похоже на метлу, воткнутую в землю ручкой. Ствол его не уходит прямо в почву, а как бы приподнят над ней на совершенно прямых, гладких и чистых, словно обструганных и отполированных, корнях; они расходятся от ствола в разные стороны пучком, и кажется — дерево, как какое-то огромное насекомое, имеет множество ног и на этих тонких прямых ногах вроде бы шагает по склону горы. Панданус так и называют «шагающим деревом». Оно действительно передвигается по земле, правда очень медленно. Один корень отсыхает, а вместо него на противоположной стороне нарождается новый, и, когда это происходит со многими корнями, дерево на миллиметры, на сантиметры продвигается в определенном направлении.

Обо всем этом мне рассказывает по пути Ахметьев. Рассказывает с увлеченностью, словно о самом своем любимом. Это его профессия — по сегодняшней растительности определять далекое геологическое прошлое Земли.

— Нам надо забраться как можно выше. Может быть, посчастливится, и мы наткнемся на древовидные папоротники.

Мише очень важно найти на Лорд-Хау древовидные папоротники. Это одно из древнейших растений на земле. Вдруг оно окажется и здесь?

— Если найдем, то можешь из этой находки сделать какой-нибудь важный научный вывод?

— Конечно! — коротко отвечает Миша, посасывая укулотый до крови палец.

Как хочется найти этот древовидный папоротник! Все-таки «важный научный вывод» — немалое дело.

В Ахметьеве я чувствую настоящего ученого, который ради своих целей, из неистребимого научного любопытства, научной увлеченности готов мириться не только с ссадинами и укулами, но и со множеством разных лишений и бед, лишь бы отыскать для науки новое и неизвестное. Он окончил геологоразведочный институт. Много лет работает геологом. Долго трудился на Дальнем Востоке. Кроме геологического факультета, прошел почти весь курс и биологического. Так стал палеоботаником.

Этот невысокого роста плотный человек в очках, почти всегда сосредоточенный, поглощенный думами, вызывает у меня симпатию. Я уверен, что именно такими и должны быть ученые — цельными, увлеченными, ищущими.

Мы взобрались уже довольно высоко. Со скалы, на которую влезли, открывается прекрасный вид на побережье острова, на океан. В прибрежных водах светловатыми разводами — словно молоко разлили — просвечивают сквозь толщу воды коралловые отмели и рифы, вдали в жарком блеске воды застыл темный силуэт нашего «Витязя». Он такой крохотный, что кажется букашкой, которую от берега волной занесло в открытый водный простор. Смотрю на часы. На «Витязе» сейчас время обеда, и я, кажется, чувствую будоражащий запах флотского борща. А мы ведь с Мишей даже и позавтракать сегодня не успели — так торопились на берег.

— Ну что, полезем дальше? Не устал?

— Да нет! Лезем!

Лес над нами зелеными волнами взбирается все выше и выше, туда, где вздымаются отвесные стены похожей на крепостную башню вершины. Вершина упирается в накрывшую ее шапкой тучку, легкую и нежную, как шелковый женский платочек.

Временами Михаил щелкает своим стареньким фотоаппаратом, запечатлевая интересные для него деревья и кустарники. Конечно, все эти растения давно известны науке, нового Ахметьев здесь ничего не откроет. Но для его сообщений о прошлом этой зоны важно не только увидеть растение, но и самому определить его местоположение, с каким соседом растет, где выбирает любимое место для жительства. Каждая деталь важна. Ведь наука и создается из мелочей.

Древовидных папоротников мы так и не находим. Дальше забираться невозможно: скалы становятся неприступными. Пора спускаться вниз.

Известно, спускаться с горы куда труднее, чем подниматься. Ссадин и царапин на наших телах прибавляется. Я немного вывихнул руку, а Миша в кустах обронил экспонетр — искали, искали, да разве в этих кущах можно отыскать что-нибудь потерянное! Экспонетр Ахметьеву нужен для работы. Он огорчен.

— На корабле отдам свой, — великодушно предлагаю я. — Тебе он нужнее.

— Ничего, — говорит он. — Подумаешь, какой-то экспонетр! Главное, собрали много образцов. Ты даже не представляешь, как здорово пополнится сегодня мой гербарий!

Наконец, измученные, исцарапанные, в порванной одежде, добираемся до берега. С облегчением растягиваемся на

траве. Миша снимает очки, протирает их, я вижу его светлые глаза — в них усталость и тихое удовольствие.

— Отличный у нас сегодня денек! — говорит он.

Слышно, как с тихим звоном плещутся недалеко от нас волны в коралловой щебенке.

Пролетела большая, с темными крыльями бабочка. Миша стремительно, с удивительной проворностью для своей полноватой фигуры вскакивает и, сорвав с головы жокейскую фуражку, устремляется в погоню за бабочкой. Не догоняет, возвращается ко мне огорченный, снова растягивается на траве.

— Бабочка бы тоже пригодилась для коллекции, — объясняет, справляясь с тяжелым дыханием.

Мы минуту молчим.

— Вот так, как сейчас бабочку, я пытался однажды ловить шапкой птичек на одном северном острове.

И я узнаю удивительную историю, которых, наверное, в жизни Ахметьева было немало. Однажды в холодном Охотском море вертолет высадил Ахметьева и еще одного молодого геолога на небольшой остров. Им предстояло здесь пробыть всего один день, провести исследования. Утром другого дня вертолет вернется и заберет на материк. Но утром вертолет не прилетел, и на другой день не прилетел, и на третий... Оказывается, в этом районе он был единственным и неожиданно испортился. Сняли геологов с острова только через полмесяца. Можно представить, во что им обошлись эти две недели! Ведь продуктов-то всего было на сутки. Питались корешками, корой кустарника. Однажды удалось камнями подбить двух маленьких птиц. Товарищ Ахметьева все чаще и чаще стал испытывать от голода галлюцинации — что-то вроде болезненных сновидений наяву. На пятнадцатый день, когда прилетел наконец вертолет, оба лежали рядом на скале и, потеряв последние силы, ждали смерти.

...Передохнув, мы осторожно извлекаем из рюкзаков наши находки — листья, ветки, семена, — и на каждую находку Миша старательно выписывает паспорт: где именно была найдена и при каких обстоятельствах.

— Отличный у нас сегодня денек!

Вот и Михаил Ахметьев нашел на острове свои сокровища. Он счастлив. Мы идем по тропинке к причалу, где нас должен ждать катер, за нашими спинами рюкзаки, туго набитые, но удивительно легкие.

Подходят к причалу и геологи. Их рюкзаки потяжелее — в них камни, и геологи сгибаются под тяжестью ноши.

С лихорадочным любопытством взирают на нас собравшиеся на берегу мальчишки. Глаза горят нетерпением: неужели вправду эти чужеземцы все-таки отыскиали на Лорд-Хау пиратские клады?

Геологи с облегчением сбрасывают рюкзаки на землю, мы снимаем свои, кладем рядышком. Мальчишки осторожно подходят ближе, заглядывают в раскрытые рюкзаки: обыкновенные камни, обыкновенные листья и ветки... А где же золотые монеты, старинные кубки, пиратские кинжалы?

Все смеются. Мальчишкам объясняют: не кладоискатели мы — ученые. А зачем нужны эти камни, эти листья и ветки — разговор долгий. Пусть спросят учителя в школе — он объяснит. Он скажет, что самое дорогое богатство, которое может приобрести человек, — это знания. И никакие золотые монеты не сравнятся с таким богатством.

ОКРАИНА ЗЕМЛИ...

С детства со словом «юг» мы непременно связываем тепло и солнце. «Уехал отдыхать на юг» — значит куда-то к Черному морю, на раскаленные солнцем пляжи. И все потому, что мы северяне и привыкли думать, что земли, которые южнее нашей земли, обязательно должны быть теплее. Но до определенной линии — до экватора. За экватором, если направляешься на юг, то снова приближаешься с каждым шагом ко льдам и выюгам, к Южному полюсу Земли.

«Витязь» идет на юг. Давно остались за кормой экваториальные широты, давно прошли мы южный тропик, и все больше холодают волны за бортом корабля. Заброшены в рундуки — каютные шкафы — шорты и летние рубашки. Мы натянули на себя шерстяное. Задраены иллюминаторы, на палубу выходить неохота — ветер холодный, порывистый, ветер с юга, с ледяных просторов недалеко уже Антарктиды. Он рвет в злобе чехлы на шлюпках, проскальзывает в щели, незримыми ледяными змейками заползает в каюты, зябко опутывает ноги. А ведь еще недавно мы изнывали от жары.

Вот бы сейчас хотя бы чуточку тропического тепла! Никогда не угодишь человеку!

Над серо-свинцовыми волнами тяжело парят огромные белые птицы, наши единственные верные спутники. Где-то они сменили чаек — чайки не любят холода — и теперь неотступно следуют за судном. Это альбатросы, одни из самых больших птиц на земле. Некоторые из них распахивают

крылья на три метра. Альбатросы встречаются только в этих южных, близких к Антарктиде, широтах.

По левому борту в туманной дымке проступают берега Новой Зеландии — земли, которая дальше всех других «уплыла» в океан. Это остров Южный. Берега гористые, серые, покрытые лесами, и нет в них уже привычной нам яркости тропических красок.

Я стою на мостике. На вахте второй помощник капитана, светловолосый молчаливый молодой человек.

Он задумчиво глядит на море, на недалекие берега и улыбается тихо и мягко.

— Похоже, что подходим к родным берегам. Так и кажется, что сейчас войдем в бухту Золотой Рог, станем к причалу во Владивостоке и кто-то будет нас на берегу ждать...

Мы долго молчим, вспоминая о Родине.

— Удивительно! — продолжает вахтенный. — Куда забрались! От Владивостока — девяносто градусов. Там сорок пятая широта и здесь сорок пятая, только южная. Выходит, до родных берегов четверть земного шарика. А всего туда и обратно с нашими петляниями и поворотами всю земную окружность пройдем — кругосветка у нас получится.

Обычно сдержанный вахтенный помощник на этот раз не скрывает своего удовольствия. Впервые забрался так далеко от Родины, хотя моряк бывалый. А я был еще дальше — в Антарктиде. Я смотрю на карту. Антарктида-то совсем близко — вот она белой кляксой растеклась по карте.

— «Витязю» до нее не больше трех суток ходу, — говорит вахтенный. — А судно быстроходнее, пройдет и за двое суток.

Нам идти не в Антарктиду. Входим в неширокий пролив, отделяющий новозеландский остров Южный от необитаемого островка Стюарт. Пролив пустынный — ни одного корабля навстречу. Только в надвигающихся сумерках по правому борту где-то зябко вздрагивает огонь маяка.

Пришел на мостик капитан в теплом свитере. Бобрик на голове торчком — озяб наш капитан. Склонился над картой, поводил по ней циркулем, сделал на бумажке какие-то расчеты, потом озабоченно снял со стены микрофон судового радио. И вот над палубами, по каютам динамики разнесли его голос: «Дорогие товарищи! Сообщаю, что после шестидесяти девяти дней пути, пройдя 12 655 миль, наш «Витязь» впервые за долгие годы своего плавания через пять минут достигнет самой крайней точки обитаемых земель Восточ-

ного полушария, определяемой южной широтой 46.47.5, восточной долготой 169 и на траверзе мыса Слуп новозеландского острова Южный повернет на север. Теперь каждая миля пути приближает нас к Владивостоку. Поздравляю вас с завершением первой половины рейса и началом пути к берегам Родины».

Капитан повесил микрофон, помолчал минуту, потом вдруг взглянул на меня и улынулся:

— Вот так-то! — И с облегчением вздохнул, как человек, завершивший добрую половину нелегкой работы.

А спустя пять минут приказал рулевому:

— Курс семьдесят.

— Есть курс семьдесят! — четко повторил рулевой.

«Витязь» стал медленно поворачивать влево, и во мраке залива басовито загредел его гудок, оповещающая всех, что мы повернули на север, к берегам Родины!

Вот как далеко вытянулся наш маршрут! От крошечного острова Лорд-Хау на крайний юг, обогнем Новую Зеландию и на другой день пришьвартуемся в новозеландском порту Данидин. И уж оттуда еще дальше на север, к новым островам и странам.

...И вот мы в Данидине. Чужой, незнакомый город на берегах длинного и узкого залива. Но я знаю, куда мне нужно ехать прежде всего. Бегу в ближайшее туристское агентство и прошу карту города. Ага! Вот здесь! Я должен добраться вот до этого места на берегу залива, до этой горы.

Шофер такси с полуслова понимает, куда ехать. Асфальтовая дорога, извиваясь, долго бежит вдоль залива, потом мы неожиданно сворачиваем на более узкую, боковую, потом на другую, еще уже, и она, петляя, без торопливости забирается по склонам холма на его вершину. Выскакивает автомашина на небольшую асфальтовую площадку и замирает перед обрывом. На площадке над крутым склоном холма — обелиск, простой, сложенный из камня четырехметровый столб. К нему приделана бронзовая доска, и на ней слова: «Капитан Роберт Фалькон Скотт, доктор Эдвард Адриан, Уилсон, капитан Лоуренс Отс, лейтенант Генри Бауэрс, лейтенант Эдвард Эванс отплыли к Неведомой земле из этого порта 29 ноября 1910 года и достигли Южного полюса 17 января 1912 года, откуда отправились в обратный путь». Под этим текстом высечены фразы последнего перед гибелью письма капитана Скотта, знаменитого письма, которое кончается мольбой к людям: «Ради бога, не оставьте наших близких!» А еще ниже — старинное из-

речение: «...и придет время, и дети спросят отцов своих, что означают эти камни».

Я долго стоял возле обелиска. С уступа скалы открывался вид на залив, который, отесняя гористые берега, широкой горловиной выходил в океан, полыхающий на горизонте синевой. Внизу приваливались к причалу черные массивные туши торговых кораблей — краны грузили на них толстые бревна, — к склонам холма лепились уютные белые домики под красными черепичными крышами, колыхались возле домов розовыми облачками кусты цветущих гортензий, скользили низко над землей белые чайки...

Я стоял, смотрел на залив и думал о том, что было здесь шестьдесят лет назад. На этот холм однажды пришел капитан Скотт со своими товарищами. Присели на камни и долго глядели на свежий простор залива, на просвечивающий вдали океан и, наверное, думали о том, что их ждет за океаном в далекой, неведомой Антарктиде. Потом в молчании спустились с холма, пошли в порт. Через несколько часов по этому заливу ушла в океан «Терра-Нова», судно экспедиции Скотта. Данидин был последним городом и портом, который видели Скотт и его товарищи, те, что ушли вместе с ним к полюсу, и эти холмы, поросшие соснами, и мирные ярко-зеленые луга в долинах были последним зеленым миром в их жизни. Обратно из Антарктиды «Терра-Нова» уже возвращалась без них.

Я вспомнил нечеткий, расплывшийся в лондонском тумане силуэт старого судна с тремя тонкими в паутине тросов мачтами и высокой старомодной трубой. Гуляя по центру Лондона, я однажды набрел на это стоящее у берега Темзы судно и был счастлив неожиданной встречей. На борту прочел гордое имя: «Дискавери» — «Открытие». На этом корабле Скотт совершил свое первое путешествие к берегам Антарктиды, сделавшее имя скромного морского офицера известным всему миру. Теперь «Дискавери» поставлен на вечный причал на Темзе, и на борту его — музей, посвященный Скотту.

Однажды на борт «Дискавери» в Лондоне поднялся Константин Георгиевич Паустовский, и в руках у него была галета капитана Скотта, которую я привез писателю из Антарктиды в подарок.

Мужественный и благородный капитан Скотт был одним из любимых моих героев с детства. Когда однажды мне попала в руки книга «Последняя экспедиция Р. Скотта», я прочитал ее в одну ночь и с тех пор искал все, что написано о подвиге Скотта. И вот однажды встретился со

старым, полузабытым рассказом «Соранг» Паустовского... Это маленькое взволнованное повествование об экспедиции Скотта и о члене этой экспедиции Отсе.

В чудовищный холод, сквозь бураны и метели от берега моря Росса, что омывает часть Антарктиды, кучка отважных людей пробиралась в центр континента, к загадочному Южному полюсу Земли, на который еще не ступала нога человека. Сотни километров пешком. И наконец обессиленные, измученные люди достигают своей желанной цели — полюса. И вдруг обнаруживают, что над полюсом развевается норвежский флаг. Всего за неделю до Скотта на полюс прибыл Амундсен, знаменитый норвежский путешественник. Перед отплытием из Норвегии Амундсен держал в тайне намерение совершить экспедицию к еще не открытому Южному полюсу, и чужой флаг, который Скотт увидел во льдах Центральной Антарктиды, был для него полной неожиданностью. С тяжелыми сердцами отправлялись англичане в обратный путь. Их опередили! Честь открытия полюса им не принадлежит.

Страшен был путь назад. Снова невыносимые морозы, ураганы. Умер, не выдержав испытаний, здоровяк Эванс. Отс отморозил ноги. Его везли товарищи на нартах. И вот однажды, чтобы не быть обузой, Отс ушел из лагеря. «Он сказал: «Пойду пройдуся. Может быть, не скоро вернусь». Он вышел в метель, и мы больше его не видели». Так записал Скотт в своем дневнике, воздавая должное мужеству и благородству товарища. Записку, написанную Отсом перед смертью, только через много лет член береговой группы экспедиции русский матрос сумел привезти в Шотландию к женщине, которую когда-то любил погибший. Я почти наизусть знал слова этой записки; Отс вспоминал о теплых, летящих над землей, подобно дыму, дождях над Шотландией, о соленом воздухе осенних полей с неубраным клевером...

Погиб не только Отс — никто из членов экспедиции не добрался до берега моря Росса, где была база экспедиции. Сам капитан Скотт, умирающий в палатке от голода, холода и беспредельной усталости, написал знаменитое последнее письмо на родину. Он рассказывал в нем о мужестве товарищей, о последних днях их жизни, он просил Англию позаботиться о родных и близких погибших полярников. Дневники капитана Скотта и его последние письма — потрясающий документ мужества, верности и благородства, и подвигом шотландца Роберта Фалькона Скотта могут гордиться все люди на Земле.

И вот так случилось, что судьба еще больше меня сблизилась с героем моего детства капитаном Скоттом.

...Мак-Мердо. Американская полярная база на берегу моря Росса. Два советских самолета, совершающих первый в истории перелет из Москвы в Антарктиду, на три дня приземлились в Мак-Мердо перед завершением перелета в Мирный.

В нескольких километрах отсюда, на каменистом мысе Армитэдж, стоит небольшая деревянная хижина. Это и есть база капитана Скотта, откуда он начал путь на Южный полюс и до которой на обратном пути так и не добрался.

В Мак-Мердо сегодня американцы справляют рождество, и мы с моим товарищем по экспедиции Юрием Гавриловым не надеемся найти провожатого. Решаемся идти одни на свой страх и риск. Просто невозможно нам не пойти, раз так близко отсюда хижина Скотта.

Нам предстоит преодолеть льды залива. Лед потрескался, и путь опасен. В руках у нас палки. Мы тычем ими в снег. Если палка погружается слишком глубоко, уходим от этого места в сторону: значит, здесь трещина, можно угодить в воду.

Наконец добираемся до мыса. По скользким склонам с трудом карабкаемся на его вершину. Отсюда открывается такая картина, что у нас дух захватывает... Гладкая, вылизанная ветрами белая равнина, матовые спины ледников, за ледниками — синие, как тени, пики невысоких гор; за ними — опять ледяная равнина. И так на тысячи и тысячи километров.

Одиноко примостилась на дикой скале хижина. Четыре стены с дощатой крышей. Доски на одной из стен оторваны. Внутри до самого потолка твердый, как суглинок, годами спрессованный лед.

Каждый предмет кажется значимым. Кусок поломанной нарты, расколотый котелок... К перекладине подвешена тушка поросенка. С одной стороны, обращенной к дому, она целехонька, словно только вчера веселый, никогда не унывающий Отс прицепил ее со словами: «Вернемся и устроим пир на славу!» С другой — иссушена солнцем. Десятилетия висит поросычья тушка, не гниет: в Антарктиде нет микробов.

Из-под снега торчит уголок жестяного ящика. Мы находим острые щепы и с трудом откапываем. На крышке надпись: «Глазго. 1908». Глазго — это город в Шотландии. Осторожно вскрываем крышку. В ящике — галеты.

Я беру две галеты, бережно заворачиваю в носовой платок. На моей ладони желтоватый прямоугольник сухого хлеба. Последние удары чьего-то сердца, уходящее тепло рук, еще одно отчаянное усилие мускулов, скрип снега под ногой в последнем шаге — все это в куске черствого хлеба. И сейчас он в моей руке только потому, что кому-то в жизни, в целой жизни, не хватило всего-навсего именно этой галеты, этого кусочка сухого, черствого хлеба.

Возвращаемся в Мак-Мердо. Около американской полярной станции на скале стоит знаменитый крест с надписью: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В память экспедиции капитана Скотта. Эти слова я запомнил с детства. Они всегда были для меня олицетворением подлинного мужества.

Вернувшись в Москву, я сразу же позвонил по телефону Константину Георгиевичу Паустовскому и сказал, что привез ему подарок из Антарктиды. Писатель был не очень здоров, но просил меня приехать в тот же день.

Из двух галет капитана Скотта я взял одну и повез Паустовскому.

Когда я протянул ему свой подарок и рассказал, что это такое, то увидел, как у этого немолодого, много повидавшего и пережившего человека глаза, как у ребенка, посветлели от радости. Он осторожно, будто птенца, положил галету на ладонь и долго молчал... Потом тихо произнес:

— Завидую вам. Всю жизнь мечтал побывать в Антарктиде. Капитан Скотт был и моим любимым героем...

И в этот момент мне вспомнились прочитанные в одной из книг Паустовского слова: «Наряду с самым сильным сожалением о быстротечности времени есть еще одно, липкое, как смола. Это — сожаление о том, что не удалось — да, пожалуй, и не удастся — увидеть весь мир в ошеломляющем и таинственном разнообразии».

А года два спустя приехал Паустовский в Лондон, отыскал на Темзе пришвартованный навечно «Дискавери» и поднялся на его борт.

— Вот взгляните, — сказал он работникам музея, — какое сокровище мне привезли из Антарктиды!

...В моей библиотеке хранится давнего издания книга рассказов Паустовского, и на титульном ее листе рукой автора написано: «...В благодарность за драгоценный подарок — галету капитана Скотта».

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Над Океанией сезон дождей. Еще недавно такое яркое и высокое небо тропиков вдруг словно закоптилось серыми тучами, отяжелело влагой, грузно навалилось на океанскую ширь. Наши каюты набиты липкой, влажной духотой.

Мы проходили над северо-западной частью разлома Тонга-Кермадек, глубокой и узкой впадины в океанском дне.

Утро не предвещало ничего отрадного. Сыпал мелкий, хотя и не холодный, но так похожий на наш северный унылый осенний дождь. И кто мог предположить, что именно такой неприветливый день вдруг станет одним из самых значительных за многие месяцы наших скитаний по океану!

...Я сидел в каюте, работал. Вдруг оборвалось привычное дрожание палубы под ногами, и на всем судне застыла почти деревенская тишина: где-то в глубинах судна остановили машину. Значит, снова ложимся в дрейф. Наверное, будут драгировать.

Долгая однообразная работа это драгирование, на много часов. Под «Витязем» толща воды в несколько километров. Пока опустят в эту пучину драгу, пока поковыряют зубастой драгой дно, пока подымут — день прошел. Сколько уже было таких драгирований!

...Щербатые доски палубы потемнели от дождя. Тоскливо подвывала лебедка, словно жаловалась на однообразие своей работы. Вынесенный за борт туго натянутый стальной трос пикой прокалывал волну. У лебедки в мокром вылинявшем платье стояла Наташа Куренцова и задумчиво глядела себе под ноги. Ее небольшая плотная фигурка чуть ссутулилась и, казалось, продрогла насквозь. Кто поверит, что мы недалеко от экватора.

Сегодня у лебедки командует она. Руководитель драгировок вместе с береговой партией геологов сейчас где-то в джунглях одного из островов. Странно представлять Наташу Куренцову в роли начальника. Вроде бы незаметный человек на судне. Лицо строгое, глаза неподступные, молчаливица.

Ее товарищи по работе боцман и электрик тоже промокли до нитки, угрюмо сосредоточены — не подходи! Да еще тоскливая сыпь дождя в растекшихся по палубе лужах... Потоптался я молча на корме и пошел на мостик потлоковать со штурманами. На мостике всегда интересно.

К полудню ковш драги наконец достиг дна. Об этом я услышал от кого-то на ходу. Заглянул на корму: как там

Куренцова? К прежней тройке у лебедки присоединился капитан. На плечи накинуд плащ, и странно было видеть торчащие из-под осеннего непромокаемого плаща голые капитанские ноги в босоножках. Капитан стоял у борта, поглядывал то на трос за бортом, то на стрелку лебедки, показывающую натяжение троса, и хмуро бросал в коробок портативного радиопередатчика, который держал в руке, слова команды на мостик: «Малый вперед!.. Право руля!.. Малый назад!..» Как и многие в этот непогожий день, капитан был не в духе. Дрейф оказался неподходящим для драгирования — драгу несло по склону подводной трещины к ее дну. А пробу следовало взять не со дна, а именно со склона, где, как определила по показаниям эхолота Куренцова, выходы твердых пород.

...«Малый вперед!.. Стоп!.. Малый назад!..» И так три часа подряд. Четыре одинокие фигуры у лебедки под дождем и ветром. Казалось, их послали на корму в наказание.

Днем я набрался смелости подойти посмотреть, как получается с драгированием у Куренцовой. Но новый начальник драги довольно сурово выставил меня за оградительные канаты. Визит пришелся на неподходящий момент. Стрелка натяжения пружины на лебедке подошла к ризке в шесть тонн — момент критической нагрузки. Лебедка угрожающе грохотала, словно хотела вырваться из своего стального гнезда. Где-то под нами в холоде и мраке океанской глубины драга либо за скалу зацепилась, либо в расщелину угодила, и судно словно на якорь встало. Опасная ситуация! Трос может лопнуть, и тогда его конец, как пулеметная очередь, одним махом сметет всех, кто находится поблизости. Поэтому во время драгирования зона лебедки ограждена канатами, посторонних сюда не пускают. Они обычно стоят подальше от трапа, ведущего на прогулочную палубу. Но посторонних в эти часы на корме не было — кому охота мокнуть под дождем.

Шла драга легко, отчего лица стоящих у лебедки заметно помрачнели. Похоже, зря старались, идет драга порожней. Мне стало жаль Куренцову. Все же первое самостоятельное драгирование!

И вот все позади. Ржавый зубастый ковш драги со свисающей нейлоновой сеткой, словно чудище морское, повис над палубой. Самый напряженный момент. Необычного не ждут, и все же... Не так уж много провели ученые драгировок в Мировом океане. Океанское дно еще таит в себе множество нераскрытых тайн. Куча студеного донного ила, оказавшийся в иле камень, глубоководная морская звезда, ра-

кушка — все интересно. Ведь добыто-то на глубине семи километров.

Взглянули на сетку ковша, разочарованно вздохнули. В сетке — дыры. У Куренцовой устало опустились плечи, словно она только сейчас почувствовала тяжесть тропического дождя. Володя Петроченко лениво потянул шнур сетки вроде бы для порядка, хотя и так ясно — она пуста. И в то же мгновение что-то большое, тяжелое рухнуло вниз, гроыхнуло на жестяном противне, стоящем на палубе. В противне лежал увесистый, размером с лошадиную голову, зеленый валун.

Увидели его и ахнули, глазам своим не поверили и, забыв об опасно повисшем над палубой ковше драги, бросились к валуну. Осторожно, как новорожденного принца, подняли и понесли в лабораторию.

— Что это? — спросил я кого-то.

— Серпентизированный перидетит.

— Что? Что? — не понял я.

Мне коротко разъяснили:

— Кусок мантии Земли!

В плотной толпе на палубе затерялось вылинявшее платье Куренцовой. Только на мгновение между чьих-то плеч я увидел ее широко раскрытые удивленные глаза, и мне показалось, что из-за туч выглянуло солнце.

Лаборатория набита до предела. Не сумевшие втиснуться стояли в очереди в коридоре, как на открытии модной выставки. Камень лежал на столе, и со всех сторон к нему тянулись руки — щупали, гладили, чуть ли не нюхали, слова хорошие о нем говорили, и мне казалось, он вот-вот, как младенец, пискнет от удовольствия.

Протиснулись к столу иностранцы, участники нашей экспедиции — японцы, американцы, — поздравили с успехом.

Наташа стояла возле валуна и временами легонько касалась его зеленого матового тела, словно снова и снова хотела убедиться, что он действительно существует. Рука у Наташи была доброй, мягкой и осторожной, как у матери над люлькой младенца.

Я подумал, что, должно быть, морской владыка Нептун решил сделать сегодня Наташу избранницей удачи и положил ей на память в ковш драги камень, которому, как сказал начальник экспедиции, цены нет. Добавил он и такие слова: «Один этот камень уже оправдал всю нашу экспедицию».

...На континентах под земной корой на глубине 40—

50 километров лежит таинственная мантия Земли. В океанах она подходит к поверхности дна немного ближе, но редко, очень редко мантийные породы пробиваются на поверхность океанского дна. Найти их и поднять на борт — редкая удача, такие находки наперечет в мировой науке. В Тихом океане, например, были сделаны всего две, и обе — американцами. А советские ученые еще ни разу не поднимали со дна Тихого океана образцы мантийных, или, как их еще называют, ультраосновных, пород. Наталья Куренцова сделала это первой. Эта находка — большой успех для науки, даже иностранные газеты потом сообщили о ней.

— Наташа, ну расскажите, как все было?

— А что рассказывать? Просто нам сегодня повезло.

Но везение не приходит просто так. Оно чаще всего посещает тех, кто многое делает для этого, кто сам ищет свое везение. Наташа искала. Не так-то просто руководить драгировкой. Нужно по всем требованиям науки выбрать подходящую для взятия пробы точку в разломе. Накануне всю ночь неотступно сидела Наташа у ленты эхолота, изучала глубины, прикидывала, высчитывала, где лучше лечь в дрейф, чтобы там, в недоступной для глаза семикилометровой океанской глубине, ковш драги лег именно на склон разлома, чтобы точно пришелся по склону, сделал хорошие зацепы...

Поздним вечером на палубе у борта я встретил руководителя экспедиции. Мы молча смотрели с ним в темный, неприятный океан. Шел дождь.

— Для тропиков на редкость неприветливый день... — сказал профессор. — Настоящая северная осень.

— И именно в такой день...

Профессор улыбнулся:

— Именно в такой день... — Помолчал минуту. — А вы обратили внимание, какое прекрасное лицо было сегодня у Наташи?

УЛЫБКА ТОНГА

Снова бесконечный океан, и только мы в нем. Много дней ни одного судна на горизонте. Потерялись мы в этом пространстве, и кажется, что и не отыскать нас никому. И как это разбираются наши штурманы, куда нам идти?

Сейчас подплываем к главному острову королевства Тонга. В рассветной дымке влажного тропического утра впереди по курсу корабля мы увидели взлетающие высоко в

воздух, как гейзеры, белые буруны на скрытых под водой предательских рифах. За бурунами медленно проступали очертания острова — длинная, узкая сине-зеленая полоска на лазурной груди океана. Зубчатая от пальм, она напоминала хребет морского дракона, который улегся на мелководье.

...На карте острова Тонга имеют второе название — острова Дружбы. Так их назвал в свое время капитан Джеймс Кук.

Джеймс Кук... Как часто на нашем долгом пути приходилось вспоминать это имя! Мемориальная доска в его честь на Новой Каледонии, обелиск на месте его высадки на Норфолке: «Здесь ступил на землю Норфолка капитан Джеймс Кук». В Австралии в сувенирных магазинах продаются медали в честь двухсотлетия высадки на этом континенте Кука. Подходим к Новой Зеландии — перед нами пролив Кука, приглядишься к карте — острова Кука, горные вершины Кука... Вот ведь какую память в мире оставил о себе этот сын батрака, который смог окончить только начальную школу. Ученик бакалейщика, юнга на угольном судне, матрос, помощник штурмана, капитан... Он стал величайшим исследователем Южных морей. Кук открыл немало островов, а главное — многие уже открытые ранее исследовал как ученый. За три многомесячных плавания по Тихому океану сумел впервые создать довольно точную для того времени географическую карту Великого океана — от крайних северных до крайне южных широт, дал полное научное описание нравов и обычаев жителей тихоокеанских островов. Он не ошибся, назвав тонганцев народом дружелюбным и сердечным. Жители далеко не всех островов, на которых бывал Кук, встречали его с распростертыми объятиями. Здесь же приветствовали улыбками. Кук первым сообщил миру, что есть на свете острова, где люди всегда улыбаются.

И мы убедились в этом сами. Едва «Витязь» пришвартовался к маленькому причалу, мы тут же получили в подарок первую тонганскую улыбку. Ею одарила «Витязя» девушка в черном платье, которая вышла на балкон крошечного морского вокзала, — темноволосая, стройная, с живым лицом, типичная полинезийка. Над балконом на флагштоке развевался красный с крестом флаг королевства Тонга — государства, которое совсем недавно объявило о своей полной независимости.

И милая улыбающаяся девушка на балконе морского вокзала, и флаг над ней в момент нашей первой встречи с Тонга сразу создали нам хорошее настроение.

Выходит, за двести минувших лет со дня высадки здесь Кука тонганцы не разучились улыбаться, хотя у этого небогатого народа была не такая уж легкая жизнь — испытали и войны, и несправедливости иноземцев, и стихийные бедствия, которыми постоянно грозит островам не такой уж «тихий» океан. Улыбаются. Всюду непременно встречают тебя улыбкой, незнакомые люди махнут рукой, когда проходишь мимо, предложат банан или кокосовый орех, если вдруг окажешься рядом с их домом. Тонганцы умеют радоваться жизни, той жизни, которая выпала им на долю: красоте своих крошечных островов, где на рифах на закате, будто павлиньи хвосты, распускаются каскады брызг ревущих волн, глотку прохладного молока кокосового ореха, удачно пойманной рыбе, розовому цветку хибискуса, заткнутого за ухо.

Нукуалофа, столица Тонга, — единственный в королевстве город, вернее, городок, вернее, небольшой живописный поселок. В переводе — «Земля любви». Мы достали такси и отправились в путешествие по острову по единственной асфальтированной дороге на Тонга-тапу длиной в пятнадцать километров — меньше расстояния от центра Москвы до ее окраины.

Идет непрерывный дождь. Над Океанией начался сезон дождей: ведь здесь не бывает ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени. Времена года делятся на два периода: на сухой и дождливый. Сейчас сезон дождей, самый благодатный на этой земле. Под непрерывными теплыми струями, стекающими с небес, пышно расцветает роскошная природа тропиков. Дождям здесь радуются, как празднику. Особенно жители коралловых островов. Ведь на этих островах нет ни ручьев, ни рек. Воду берут с неба. Ее заготавливают, как дрова, — впрок. Для дождевой воды роют специальные ямы, делают бассейны, собирают воду в цистерны. Вода на коралловых островах дорогая и высоко почитается людьми. В засушливый сезон каждый глоток в цене.

Дорога идет вдоль бесконечных посадок пальмовых рощ. И здесь пальмовая копра — главный предмет вывоза с острова. Нас даже предупредили, что мы не имеем права не только рвать кокосовые орехи с деревьев, но и подбирать их с земли. На Новой Гвинее таких ограничений не было — бери сколько хочешь. Здесь же остров маленький, каждая пальма на счету: ведь кокосовая пальма — кормилец тонганцев.

Все-таки недаром Кук назвал эти острова Островами Дружбы! Притормозили около небольшой деревушки. Не-

сколько хижин, напоминающих сплетенные из пальмовых листьев большие корзины. Ни оконных рам, ни стекла, ни дверей — лишь отверстия для прохода и света. Только оставились, как из отверстий вышли смуглые мужчины и женщины и тут же одарили нас улыбками, руками помахали, как старым знакомым.

Деревня названа на туристских картах достопримечательной. В центре ее несколько высоких малолистных деревьев с крепкими толстыми ветвями. На ветвях, будто странные темные плоды, головами вниз висят летучие лисы. Их великое множество, и странным кажется, что не ломаются ветки под тяжестью этих живых плодов. Взлетят, медленно, тяжело, без птичьей легкости, покружатся над деревьями, лениво опустятся на ветви и тут же переворачиваются вниз головой. Так вверх тормашками они привыкли висеть, это их любимая поза.

Нас быстро окружают обитатели деревни. Подошел человек, в руках держал летучую лису, растянув ее длинные кожаные перепончатые крылья. У лисицы маленькая, в коричневом пушке голова, острая хищная морда с игольчатыми, опасно торчащими зубами; она раскрывает пасть и угрожающе пищит. Прибежали дети, стали совать нам сувениры — купи!

Бусы из ракушек, деревянные божки. Потом пришли продавцы посолиднее. Пригласили в хижину: что за торговля под дождем!

Хижина снаружи вроде бы невзрачная, крохотная, а внутри оказалась довольно просторной. Влажные от дождя пальмовые стены пахли прелой травой. Никакой мебели, только циновка на полу, да постельное тряпье у стены, да картинки, вырезанные из заграничных журналов и приколотые к стене. Пригляделся я к картинкам, и вдруг защемило у меня сердце. Среди рекламнопестрых от обилия красок лиц каких-то заокеанских красоток, роскошных джентльменов с бутылками вина или кока-колы в руках, седовласых президентов и темноликих туземных вождей вдруг блеснула такая простая, такая своя, до боли близкая улыбка человека, с которым мне однажды посчастливилось встретиться. Это было десять лет назад на аэродроме в Дели. Я протянул ему бутылку кока-колы, потому что человеку захотелось пить, он благодарно кивнул, и на его лице вдруг вспыхнула улыбка, которая уже не забудется никогда, которую буду помнить, беречь я всю жизнь, как бесценный подарок.

— Вы знаете, кто это? — спросил я хозяина дома.

— Гагарин. Первый в мире космонавт,— ответил он, немного удивленный моим вопросом.

Мы оба помолчали, всматриваясь в портрет.

— Он из России,— сказал хозяин дома.— Есть такая большая страна на севере. Вы слышали о ней?

— Слышал,— сказал я.

— Он был веселым человеком.— Хозяин провел смуглым худым пальцем по портрету.— Улыбался так, как тонганцы, когда они утром выходят на берег океана и видят, что океан спокоен, красив и добр к людям.

— Спасибо! — сказал я хозяину.

— За что? — удивился он.

— За ваши слова.

Тонганец внимательно взглянул на меня и молча стал разворачивать рулон тапы, чтобы я любовался его искусством. Тапа широко легла на простор пола хижины. Так я впервые увидел собственными глазами знаменитую тапу, о которой столько слышал.

Лежал передо мной кусок то ли материала, то ли плотной бумаги, похожей на пергамент, и был этот кусок разрисован черной краской — рисунок непонятный, хитростный, с какими-то странными цветами, таинственными знаками, распластанными крыльями летучих лис.

Так вот она, тапа! Именно из нее делали полинезийцы себе одежду, ковры, циновки, одеяла до того, как европейцы познакомили их с текстилем. До сих пор на островах Тонга по большим праздникам мужчины и женщины надевают традиционный наряд из тапы — юбки, кофточки, накидки.

А делают тапу так. Выбирают подходящее фикусовое дерево определенной толщины, снимают с него большой кусок коры и кладут его на три дня в воду размягчить. Потом вытаскивают на ровную площадку, и женщины колотушками много часов бьют луб, чтобы была нужная толщина и мягкость. Так получается кусок прочной материи, на ощупь напоминающей шелк. Потом наносят на него рисунок. В каждой семье для этого есть свой трафарет. Трафарет прикладывают к материалу и смачивают прорези в нем бесцветным соком пандануса. Затем выставляют на солнце обязательно утром и обязательно на берегу под мягкий морской ветерок. И вот тут, как на фотобумаге, опущенной в проявитель, на тапе начинают медленно проступать темно-коричневые узоры. Тапа готова.

Труд, оказывается, не простой.

Что там за следующая достопримечательность по туристской карте?

Ага! Обелиск. На бронзе обелиска читаем, что на этом месте в 1773 году высадился капитан Джеймс Кук. Опять Кук! Обелиск в густой оправе цветов. Сразу видно — место почитаемое.

...Шофер везет нас к следующей точке, отмеченной на туристской карте. Вот оно, таинственное сооружение Ха-амонг-а-Мауи, о котором до сих пор ведут спор ученые-историки. Густой лес на берегу — пальмы, баньяны, папоротники. Ярко-зеленая лужайка. На ней странное сооружение, напоминающее ворота и сложенное из огромных каменных плит, каждая в 30—40 тонн. Никто не знает, зачем были построены эти великанские, высотой в двухэтажный дом, ворота, каким образом древние тонганцы, не знавшие ни металла, ни колеса, создали эти плиты, доставили их на место и подняли на такую высоту. Легенда утверждает: ворота были сооружены при одиннадцатом короле Тонга — Туи, в 1200 году, в качестве въездной арки королевского дворца, который уже давно разрушен.

Недалеко от ворот расположены старинные курганы, в них похоронены древние короли Тонга.

Древний королевский род на Тонга — тоже историческая загадка. На некоторых соседних с Тонга островах еще недавно люди пребывали в первобытном состоянии, еще недавно процветало среди них людоедство, а здесь, на Тонга-тапу, веками властвовали короли, и жили во дворцах, и имели придворных, и считали себя сыновьями Солнца.

Когда в 1953 году остров Тонга-тапу посетила английская королева Елизавета II, ее встретили здесь с почестями. Ночевала она в королевском дворце в столице Тонга — Нукуалофе, всю ночь ее охраняли сто тонганцев с горящими факелами, а утром Елизавета II была разбужена нежными звуками тонганской свирели, на которой умудряются играть носом. Почести были большие, но теперешний король Тонга Георг Тупоу IV перед английской королевой держался как равный. Пусть под властью Елизаветы вся Британская империя, а у тонганского короля лишь несколько небольших островов с крохотным населением, зато королевский род Георга Тупоу IV намного старше английского королевского рода. История Тонга хранит имена тонганских правителей уже на протяжении тысячи лет, и нынешний король может назвать своих предков, правивших страной еще до завоевания норманнами Англии.

Немного достопримечательностей на небогатых островах Тонга: летающие лисы, место высадки Кука, красивые пляжи, гробницы древних королей и, конечно, сам нынешний

тонганский король. Его профиль вычеканен на тонганских монетах, он изображен на тонганских марках. Марки огромные, как винные этикетки, красочные, с золотом и серебром, и все, кто приезжает на Тонга, непременно покупают марки — у коллекционеров они высоко ценятся, считаются редкими. И я купил марки. И сразу же вспомнил о Кате, моей школьной подруге. Тогда мы даже и не слыхивали о том, что на островах Тонга существуют такие удивительные марки.

Когда мы подошли к ограде королевского дворца, то в саду на постаменте увидели огромные, со стол размером, зубастые раковины тридакны. Значит, король, как все полинезийцы, тоже верит в будто бы счастливые свойства океанских ракушек — они приносят удачу! У ворот солдат в берете вытянулся в струнку и отдал нам честь. В саду розовым, сиреневым, желтым пламенем полыхали прекрасные тропические цветы. Всего несколько лет назад в этом королевском саду обитало удивительное создание, которое почиталось в Тонга как нечто священное. В 1773 году капитан Кук подарил королю Тонга черепаху. Она прожила почти двести лет, переходя по наследству от одного короля к другому. Звали ее Туималила. За свою долгую жизнь она прошла через многие испытания. Большая вмятина на ее панцире появилась в результате столкновения с автомашиной. За несколько лет до смерти Туималила совершенно ослепла, случайно попав в загоревшийся кустарник. Черепаха пользовалась огромной любовью не только в королевской семье, но и среди тонганского народа. Ее изображение даже вычеканено на тонганских монетах. Жаль, что не застали мы в живых Туималилу. Она умерла от старости.

Жарко. Наверное, в тени за тридцать. Дождь перестал, и солнце печет немилосердно. А мы при полном параде — в костюмах, при галстуках, отутюженные, накрахмаленные, торжественные. Когда шли по улицам к дворцу, чувствовали на себе изумленные взгляды тонганцев. Невиданное здесь дело, чтобы в этакую жару люди прогуливались в шерстяных костюмах. Так же необычно, как в Москве в морозный день встретить человека, который бы шел в шортах и рубашке-безрукавке. Ничего не поделаешь: требования этикета! К королю на прием нужно явиться во всей форме. Приходится терпеть.

У входа нас церемонно встречает дворецкий. Правда, он не в мундире, не во фраке, а в белой рубашке с галстуком и в полинезийской юбке — саронге. Дворецкий долго выясняет, кто из гостей какое положение занимает, кто самый

главный, кто самый старший. Наконец строит нас, как школьников, по возрасту и званию. Очередь длинно вытягивается по коридору. В тронный зал к королю пускают по одному. Король восседает у окна не на троне, а на кушетке. Это огромный массивный мужчина, ему не надо даже вставать, чтобы сразу на глаз определить: ростом под два метра. Наверное, самый крупный человек в своем королевстве. Одет в просторную серую рубаху и в светлый саронг, подпоясанный широким поясом. Я с удивлением обнаруживаю, что ноги у короля голые, на пальцах висят огромного размера босоножки.

Широкое мясистое лицо Георга Тупоу IV величественно-невозмутимо. Он ни разу не улыбнулся. Даже странно, чтобы тонганец не улыбался! Но может быть, королю не положено слишком откровенно проявлять свои чувства? Королевская улыбка тоже высоко ценится.

Георг Тупоу IV серьезно выслушал руководителя экспедиции, который рассказал ему о нашем путешествии.

Потом, помолчав, сказал:

— Мы рады, что вы приплыли на наш остров. Наше государство с удовольствием принимает всех добрых гостей. Мы хотим дружить со всеми странами. И конечно, с Советским Союзом. Вашей страной мы очень интересуемся.

И вдруг король улыбнулся — широко, добродушно, искренне, совсем по-тонгански:

— У меня в коллекции есть русская балалайка.

Он кивнул дворецкому, и тот, пятась к двери (оказывается, придворные здесь не имеют права показывать королю спину — неприлично, неуважительно), выскочил из зала и через минуту принес балалайку. Обыкновенную русскую балалайку. Король нежно погладил ее лакированные бока, потрогал огромным толстым, как сарделька, пальцем струны, уверенно провел по струнам рукой, и в зале зазвенела нежная и простенькая мелодия.

— Это наша национальная песня, — сказал король. — Вы, русские, должно быть, все играете на балалайке?

Из десятирых только один заместитель начальника нашей экспедиции имел какое-то представление, как обращаться с этим инструментом, который у нас в стране давно вышел из моды. Он даже решился взять ее в руки и что-то на ней изобразить. И вдруг получилось совсем неплохо. В тронном зале тонганского короля Георга Тупоу IV весело звучало «Светит месяц, светит ясный...», Король слушал, кивал одобрительно головой и широко улыбался.

А за окнами маленького королевского дворца слышались

крики, свист, аплодисменты. Рядом с дворцом на зеленой лужайке играли в футбол наши моряки со сборной командой Нукуалофы. В такую жару — и футбол! Но что поде-лаешь — тонганцы сами предложили сыграть. Пришлось нашим ребятам согласиться. Ведь это же первый в истории международный футбольный матч СССР — Тонга!

— Ваши с нашими в футбол играют... — сказал король, когда балалайка замолчала.

В словах короля, мне показалось, прозвучала печаль. Я подумал, что, наверное, не очень-то просто быть королем. Ему бы сейчас быть там, на лужайке, сидеть на траве, поджав под себя ноги, как все остальные его подданные, болеть за своих парней, волноваться, аплодировать. Ан нет. Не может его величество вот так, запросто, появиться в народе. Даже просто прогуляться по городу и то ему, должно быть, по рангу не положено. Обязательно в машине. А машина у него огромная, красивая — стоит тут же у дворца. Только куда королю ездить на этой машине? Ведь дорога-то длиной в пятнадцать километров.

Когда мы чинно, с церемониями простились с его величеством и вышли за пределы дворца, то узнали, что матч уже закончился, что был он боевым, острым и что наши ребята проиграли со счетом: три — один.

Я представил, что вот сейчас дворецкий с поклоном до-кладывает королю о том, что тонганцы в футболе победили русских, и король удовлетворенно кивает. Ведь на таком малюсеньком острове и это — немалое событие. Наверное, у короля весь день будет хорошее настроение.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

На листке отрывного календаря, что висит на стене нашей каюты, выгнула крутую шею девятка. Сегодня 9 февраля 1971 года. День удивительных событий.

Вокруг нас по-прежнему пустынный жаркий океан. В нем решительно ничего не происходит. Над океаном жаркое небо с редкими кучевыми облаками. Оно тоже пустынное, даже птиц морских не видно. Но мы стоим на палубе и с напряжением вглядываемся сквозь стекла темных очков в слепящий небосвод. Конечно, ничего мы в нем не увидим. События произойдут в сотнях миль от нас. Но вдруг? Вдруг случится какая-либо ошибка в расчетах, а сотня-другая миль в этом случае — пустяки. Капитан сказал: «Быть готовыми в случае необходимости прийти на помощь». Понят-

но, мы надеемся, что все кончится благополучно и эти трое окажутся точно в намеченном месте, но всякое может случиться, и витязяне в любой момент готовы спустить за борт спасательные шлюпки, а мы, члены экспедиции, не выпускаем из рук кинокамеры и фотоаппараты.

За нашими спинами распахнута дверь радиорубки. Ре-продуктор приемника выбрасывает хриплые обрывки английской речи. Речь многоголоса, напряженна, отрывиста — в ней быстрота событий и тревога ожиданий. Даже тем, кто английский не понимает, ясно, что где-то происходит нечто необыкновенно важное.

Так и есть на самом деле. «Витязь» приближается к островам Самоа, а именно в их районе в эти минуты должны приводниться американские астронавты, которые возвращаются с Луны.

Мы прислушиваемся к обрывкам английских фраз: «Астронавты вошли в атмосферу Земли... Скорость тридцать тысяч километров в час... Покинули ракету... Опускаются в кабине на парашюте — десять метров в секунду». Чей-то дрожащий от волнения голос отсчитывает: «Три, две, одна, ноль...» Пауза. У нас замирают сердца. И уже другой голос: «Приводнились! Кабину заметил поисковый вертолет. Идет к месту спуска».

Вздыхаем с облегчением. Вернулись! Целы и невредимы эти отличные, мужественные парни. Мы рады их успеху. Это успех всего человечества. Ведь и мы тоже работаем для всех людей.

...Три американских астронавта. Портретов мы их еще не видели. Наверное, такие же простые, добросердечные парни, как те, что были на «Махи». Их имена теперь уже не забыть. Будем гордиться этими парнями так же, как американцы гордятся тем, что на свете существовал Гагарин, что существует среди них Армстронг, человек, который первым ступил на Луну.

У нас на борту «Витязя» гость — молодой американский ученый Клиф Марч. Приятно его, американца, поздравить с этим успехом.

Клиф Марч делит с нами наш стол с неизменным флотским борщом, нашу нелегкую работу в лабораториях, наши муки в жарких каютах. А сегодня мы делим с ним нашу общую радость по поводу удачного лунного эксперимента.

— Клиф! Поздравляем с благополучным возвращением астронавтов!

К американцу тянется множество рук.

Клиф, как всегда, улыбается одними глазами.

— Моя личная заслуга в этой истории не столь уж велика.

На все случаи жизни приготовлена у Клифа шутка. Он явно не настроен вдаваться в подробности успеха очередного космического эксперимента. Не любит Клиф громкой фразы. Быстрым движением вдруг вытаскивает из-за уха карандаш и втыкает его острием в щель на палубе:

— Взгляните! Разве не удивительно?

— Что удивительно? Карандаш?

Клиф с шутливой укоризной смотрит на меня:

— Такое событие происходит у вас на глазах, а вы не замечаете!

Приглядываюсь к карандашу — ничего не понимаю. Просто торчит из палубы красный остро отточенный карандаш.

— А тень где? — мягко, тоном доброго наставника, проходящего на помощь бесптолковому ученику, говорит Клиф. — Тень?!

Тень... Действительно, нет тени! Вот чудеса! Над нами ярко светит солнце, а его лучи вроде бы карандаша и не касаются. И Клифа не касаются, и рядом со мной нет моей тени, и даже фок-мачта будто прозрачная. Мир без теней. Никогда не переживал такого. Я потерял свою тень! Требуется как-то...

Пошел к штурманам за разъяснениями. А штурманы ничему не удивляются. «Что тут особенного? Бывает и такое!» Объясняют: просто нам повезло. Около двенадцати часов дня «Витязь» оказался в той географической точке, на той широте и долготе, в которой в полдень солнце находится в полном зените. Поэтому лучи его падают на океан совершенно отвесно, словно к каждому из лучей подвесили грузик. Значит, тень находится сейчас под карандашом, под Клифом, под фок-мачтой. Оказаться именно в двенадцать часов дня в такой точке земного шара — редкая удача. Вот каким необычным оказался сегодня день 9 февраля.

Но это еще не все сюрпризы, приготовленные этим днем. В вахтенном журнале я прочитал запись, которую сделали двенадцать часов назад, на рубеже сегодняшних и вчерашних суток. Вот она: «9 февраля 1971 года. Вторник. Случай с полуночи. Сува-Апия (это курс, по которому мы идем, — из столицы Фиджи в столицу Западного Самоа). 00 час. 00 мин. В связи с пересечением демаркационной линии перемены дат с запада на восток повторяем дату 9 февраля 1971 года».

Сегодня утром на отрывном календаре в нашей каюте листок за вчерашний день остался нетронутым. Вчера было

девятое, сегодня тоже девятое. В моей жизни впервые повторяется один и тот же день — вторник. А вот через три дня, когда «Витязь» снова будет пересекать эту удивительную линию времени, направляясь обратно из Западного Самоа в Фиджи, в вахтенном журнале появится такая запись: «13 февраля 1971 года. Суббота. Случай с полуночи. Апия-Сува. 00 час. 00 мин. В связи с плаванием в долготе 12-часового пояса капитан принял решение дату 12 февраля 1971 года пропустить».

Вот так и случилось: взял капитан и по собственной воле изъял из нашей жизни полнехонький февральский день, да еще какой — пятницу, «легкую» милую пятницу, которая у нас на Родине предшествует двум выходным дням. Получается, что в прожитых днях моей жизни я теперь недосчитаюсь одной пятницы, зато окажется в ней один «лишний» вторник. Если меня кто спросит: «А что вы делали 12 февраля 1971 года?» — я вполне серьезно отвечу: «Ничего не делал. Даже не жил в этот день. Просто в моей жизни этого дня не существовало вообще». Пожалуй, такой ответ может у людей вызвать сомнение относительно моих умственных способностей. Подумают: наверное, перегрелся под тропическим солнцем.

А объясняется все просто. Пересек «Витязь» 9 февраля 1971 года сто восьмидесятую долготу и вступил в Западное полушарие Земли. За бортом все тот же Тихий океан, все та же легкая зыбь в океане, все то же колющее тропическое солнце в небе. Никаких необыкновенных событий в природе не произошло. А мы оказались... во вчерашнем дне. Линии времени в океане не видели — она прочерчена лишь на картах.

Каждый меридиан земной поверхности имеет свое измерение времени. Меридианов по земному шару можно провести бесчисленное количество, и в каждом будет свое местное время. Даже на восточной и западной окраинах Москвы истинное время разное. Вести счет времени по меридианам каждого мелкого населенного пункта на земле, понятно, невозможно, поэтому исторически сложилось так, что люди вели этот счет по ограниченным зонам: по солнечному времени ближайшего замка или города, а позже — столицы области или страны. Так появились понятия: «парижское время», «петербургское время»...

Но с развитием мореходства, телеграфа, железных дорог такой счет стал неудобным. Например, при плаваньи по морю для того, чтобы судовые часы всегда показывали верное местное время того меридиана, на котором судно нахо-

дится, надо было бы непрерывно переставлять стрелки часов вперед при плавании к западу и назад, если шли на восток. В прошлом так и делалось один раз в сутки — в полдень. Но это было очень неудобно и часто приводило к путанице.

И вот в конце XIX века ученые решили навести порядок в земном времени. В 1884 году на международном астрономическом конгрессе была принята система поясного времени. Ученые разделили всю земную поверхность по меридианам на 24 часовых пояса. В Англии есть город Гринвич, в котором находится знаменитая Гринвичская обсерватория. Пояс, центром которого был меридиан Гринвича, решили считать начальным, или нулевым. От него и идет нумерация поясов. По всей территории данного часового пояса принимается одинаковый счет времени, равный времени на центральном меридиане этого пояса. И Москва, и Ленинград, и Киев, и Рига, хотя и находятся друг от друга в сотнях километров, имеют одно и то же московское время, потому что расположены в одном поясе.

Центральные меридианы соседних поясов отстоят друг от друга на карте на 15 градусов, а солнце проходит эти 15 градусов за один час. Значит, поясные времена отличаются друг от друга ровно на один час.

Если мы плывем на восток, то с каждым поясом время будет увеличиваться на час, если же плывем на запад — настолько же уменьшаться. Раз так, то должен оказаться один центральный меридиан, на котором разница в поясном времени равна 24 часам, то есть средним суткам. Такой пограничной линией для смены дат принят меридиан в 180 градусов. Взгляните на карту: от Северного полюса он проходит по Ледовитому океану, по Берингову проливу и, пересекая Тихий океан, завершает свой путь у Южного полюса. Он очень удобен: целиком проходит по поверхности моря, не разделяя островов одной группы или населенных пунктов. По разные стороны этой линии в один и тот же момент считаются различные календарные даты. Вот так и получилось, что «Витязь», подходя к концу дня 9 февраля к 180-му меридиану, пересек его и снова очутился в 9 февраля: ведь по ту сторону линии день, отмеченный этой датой, еще только начинался. Если бы мы, пренебрегая всеми этими премудростями, по-прежнему вели привычный счет дней, то завтра бы на островах Западного Самоа, которое находится тоже в Западном полушарии, случилось бы недоразумение — мы бы оказались во вчерашнем дне. И самоанцы над нами бы посмеялись: вот, мол, как торопятся

жить! Но от этого избавил нас капитан, который приказал нам прожить лишний вторник.

Вот какой удивительный был день сегодня. Для всех, кто на борту «Витязя». А для одного нашего именинника в особенности. Дело в том, что 9 февраля у него день рождения. Вчера мы приходили в гости к имениннику, поздравляли.

Нельзя быть невнимательным. Ведь сегодня опять девятое. Надо пойти, поздравить еще раз. Почему бы не использовать такой редкий случай, чтобы самым законным образом оказаться снова в гостях?

ПУТЬ НА ВАЭА

С чего бы начать мне этот рассказ? События в нем будут происходить в Тихом океане, как и все события, о которых говорится в этой книге. Но началась история для меня давным-давно на берегу Черного моря. Вот с Черного моря, с большого и красивого города Сочи, я и поведу рассказ.

Мне было двадцать три года. Приехал вечером в порт и увидел у причала белый пароход. На борту прочитал: «Украина». Он показался мне таким большим, красивым, манящим, что я решил именно на нем и уплыть. Было поздно, билетов на «Украину» в кассах уже не продавали, а отходило судно в пять утра.

И вот тогда я решился на хитрость. Подошел к судну и стал следить за дежурившим у трапа матросом. Часа в два ночи он на минутку отошел от трапа, чтобы размяться на пустынном причале, я воспользовался этим и ловко взбежал на борт.

Осмотрел палубу корабля, побродил по коридорам... Приткнуться некуда. Обнаружил незапертую дверь салона первого класса и задумал обосноваться здесь. В салоне ни души. Прекрасное место для ночевки «зайца»-безбилетника! С удовольствием плюхнулся на диван и вдруг обнаружил на нем книгу, совсем новенькую, еще не читанную, со слипшимися под типографским прессом страницами. На обложке прочитал: «Роберт Льюис Стивенсон. Остров сокровищ». И еще прочитал: «Архангельское областное государственное издательство. 1950 год». Издалека добиралась книга до Черного моря! Мне повезло: пароход, куда-то уплывающий, тихий салон, мягкий диван да еще отличная книга! Я ее читал раньше. И не раз. Но ведь эту книгу можно «проглатывать»

снова и снова. И вот читаю об удивительных приключениях юного Джима Гокинса, и мне кажется, что нахожусь не в салоне «Украины», а в каюте «Испаньолы» и завтра наша шхуна отправится в океан на поиски пиратских сокровищ.

В шесть утра «Украина» отчалила, и я пошел искать корабельное начальство, чтобы объявить себя «зайцем».

На мостике стоял в белой морской фуражке молодой помощник капитана. На вид он был старше меня года на три. Я признался: вот, мол, пробрался «зайцем», но готов купить билет на борту или даже заплатить штраф. Он улыбнулся:

— Билетами на борту не торгуем. Штрафов тоже не налагаем.— И поинтересовался: — А вы куда путь-то держите?

— Никуда,— отвечал я чистосердечно.— Вообще!

Так я познакомился с четвертым помощником капитана Андреем Матюхиным. Показал ему книгу, найденную в салоне: вот кто-то забыл, нельзя ли поискать по радио владельца. Матюхин повертел книгу в руках, полистал странички, задержал взгляд на одной из них, прочитал вслух: «Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне, с боцманом, играющим на рожке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!»

Взглянул на меня задумчиво, мягко, почти по-детски улыбнулся:

— Из-за этой книги я и стал моряком.

Когда Матюхин освободился от вахты, мы встретились с ним на шлюпочной палубе. Стояли у борта и смотрели на недалекий берег, над которым клубились белые тучи, а за тучами синели острые вершины Кавказских гор.

— Разве это плавание! — говорил Матюхин.— До берега запросто и без лодки доберешься. В океан бы!

Он облокотился о борт и рассеянно взглянул на белые буруны волн, выходящие из-под форштевня судна.

— На Таити бы! Или еще лучше на острова Самоа...

— Почему именно на Самоа? — спросил я.

Матюхин сделал неопределенный жест рукой:

— Не знаю... Почему-то хочется на Самоа.

Он помолчал, потом вдруг спросил:

— Вы что-нибудь читали об островах Самоа?

Я не читал о них. Даже не очень-то ясно себе представлял, где они находятся. Знал: где-то в Тихом океане.

— Почитайте! — посоветовал он.— Удивительные тропи-

ческие земли! Может быть, вам когда-нибудь повезет и вы побываете на островах Самоа. Всякое может случиться...

— Вряд ли случится, — сказал я.

...Когда мы с ним расставались в Сухуми, он весело сказал:

— Следующий раз встретимся на Самоа.

— Согласен! — охотно поддержал я его шутку. — На Самоа так на Самоа. А почему бы и нет?

Десять лет спустя я оказался в индийском городе Бомбее. Только что в порт вошел корабль под красным флагом. Он был большой, ослепительно белый и напоминал айсберг. Вместе с нашим консулом мы поднялись на его борт и прошли в каюту капитана. Капитан оказался молодым, статным, у него были яркие живые глаза и звонкий голос.

— Капитан, на «Украине» вы плавали?

— Плавал когда-то...

Он, Матюхин! Конечно, изменился за десять минувших лет, над переносицей морщинки появились, походка стала степенной, «капитанской». А глаза все те же — готовые удивляться.

— Вот не ожидал, что в Бомбее встретимся! Думал — на Самоа! — сказал я.

Он быстро взглянул на меня:

— Вы там побывали?

— Нет. А вы?

— Не довелось...

Мы рассмеялись.

— А подобрались мы с вами к Самоа уже довольно близко, — сказал Матюхин. — Чуть-чуть осталось... Только эти «чуть-чуть» можно за всю жизнь не преодолеть.

Матюхин показывал нам судно, знакомил с экипажем, потом пригласил пообедать в кают-компанию. И уже больше не возвращался к разговору о легендарных для нас островах Самоа. Я подумал, что с годами тускнеют юношеские мечты, о них уже вспоминаешь с улыбкой: мало ли о чем мечтаешь в юности! И я даже немного удивился, когда при расставании Матюхин вдруг сказал:

— В Западном Самоа есть порт Апия. Над портом возвышается небольшая гора. Называется она Ваза. Если вам все-таки доведется побывать на острове, подымитесь на эту гору. На ее вершине вы обязательно вспомните нашу первую встречу на борту «Украины».

— Вряд ли доведется, — сказал я.

Прошло еще десять лет. Я стою на вершине горы Ваза. Так уж мне повезло: занесла судьба в Западное Самоа, на

остров Уполу. Передо мной вздыбленная к небу океанская синь, и подковка бухты, и маленький причал, к которому привалился крошечный белый кораблик — наш «Витязь». Небо чистое, прозрачное — ни облачка в нем. Даже странно: куда подевались недавние тучи? Ведь всего два часа назад шел дождь. Он начался позавчера и затихал лишь на короткое время. В дождь напрасно пытаться залезть на эту гору — тропинка к вершине крутая, каменная, скользкая, вьется по опасным уступам скал в густых зарослях тропической растительности. Гора не столь уж высока, метров сто, но какой простор открывается с ее вершины! За моей спиной мягко гребатся покрытые древними лесами горы острова Уполу, главного острова государства Западное Самоа. Остров удивительно красивый. Вчера я совершил небольшое путешествие по нему. Видел в горах гигантские водопады, с грохотом срывающиеся в темные, жуткие, словно бездонные трещины ущелий. Поражался деревьям-великанам в долинах.

Вечером бродили по Апии, тихому провинциальному одноэтажному городку, укутанному в густую зелень. Вечером Апия особенно привлекательна. Воспользовавшись перерывом в дожде, по набережной прогуливались парни и девушки в ярких рубашках и платьях, перешучивались друг с другом, громко смеялись. Тепло и уютно светились огоньки в домах, скрытых в зарослях. Из домов слышался звон гитары. Стрекотали в кустах какие-то насекомые, в свете фонарей порхали огромные темнокрылые бабочки — казалось, из ночного неба осыпаются мягкие хлопья черного снега.

Мой взгляд снова устремился к бухте, где у причала стоит «Витязь. Ровно сто лет назад здесь тоже стоял «Витязь», только куда меньшего размера. Это был «дедушка» нашего судна, русский военный корвет. На его борту находился Миклухо-Маклай, который держал путь в Новую Гвинею. В своем дневнике Маклай рассказывал о красоте природы острова Уполу, об обычаях и нравах островитян, о том, как хозяйничают здесь колонизаторы — англичане, немцы, американцы.

...Я стоял на вершине горы Ваза, смотрел на бухту, на город, на горные хребты острова и думал о его судьбе, его прошлом, настоящем и еще о своей давнишней встрече с четвертым помощником капитана на Черном море у кавказских берегов, а потом и с капитаном в Бомбее... «Подымитесь на эту гору. На ее вершине вы обязательно вспомните нашу первую встречу». Удивительно! Знать бы мне тогда,

двадцать лет назад, когда я тайком пробирался безбилетником по трапу «Украины», что мой путь странным образом соприкоснется с судьбой Матюхина, который стал моряком потому, что прочитал в детстве «Остров сокровищ», приведет этот путь в Бомбей на встречу с мечтателем капитаном, а потом по скользкой горной тропе вот сюда, на вершину горы, что возвышается у берега далекого тропического острова. Мне нелегко было сейчас подниматься на эту вершину. Местные жители не советовали — после дождей дорога опасная. Но я все-таки решился на этот путь. Я обещал это сделать капитану Матюхину.

Где он сейчас? На каких широтах его судно? Был ли в Самоа? Вряд ли. В Апию советские суда еще не заходят. Наш «Витязь» одно из немногих — по пальцам сосчитать, — которые навевались сюда. Значит, мне повезло больше, чем Матюхину, хотя он и капитан дальнего плавания. И сейчас на вершине горы Ваа у мраморной плиты я стою склонив голову, как посланец мальчишеской мечты и моей, и Матюхина, и множества наших сверстников, которые даже в снах видели далекие таинственные острова, звавшие к приключениям, мужеству и открытиям. Под плитой лежит человек, который так много сделал для мальчишек во всем мире, чтобы они стали мечтателями.

На плите выбиты строфы стихотворения:

...На камне моем вы напишете так:
Здесь его дом, его давний маяк,
Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник — из чащи лесной.

И крупными буквами такое знакомое нам имя:

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН.

Вот, оказывается, где лежат останки знаменитого английского писателя, любимца молодежи! Вот где он нашел свой «остров сокровищ»!

До посещения Апии я не знал, что его могила здесь. Теперь понял, почему мечтал об островах Самоа молодой моряк со старого черноморского теплохода «Украина».

...7 декабря 1889 года в Апии сошел с борта судна высокий, худощавый человек вместе с женщиной небольшого роста, с необычно выразительными лучистыми глазами. Это был Стивенсон со своей женой Фенни. Он приехал на Самоа уже всемирно известным писателем — автором «Острова со-

кровищ», романов «Похищенный», «Черная стрела»... На самоанский берег Стивенсон сходил не для того, чтобы полюбоваться красотой острова, — сходил навсегда. Иного выхода не было. Он страдал тяжелым заболеванием легких и бронхов. Лишь острова Океании с их мягким климатом могли спасти человека.

Фенни была самым большим другом в жизни Льюиса. Однажды, путешествуя по Франции, он встретил прелестную американку Френсис Ван де Грифт Осборн. Они полюбили друг друга, и Фенни стала верным спутником жизни писателя.

Стивенсоны купили участок на склоне горы Ваза и построили дом среди тропического леса. Самоанцы сразу же полюбили больного англичанина. В трудное для них время писатель горячо защищал их от колонизаторов. «Невозможно здесь жить и не чувствовать очень болезненно чудовищного хозяйничанья белых. Я пытался не вмешиваться и глядеть на все со стороны, но это оказалось выше моих сил». Эти слова взяты из дневника писателя. Стивенсон защищал самоанских борцов за свободу от преследований колонизаторов, обращался с призывами к мировой общественности, требовал, чтобы Англия, Германия и Америка перестали вмешиваться в дела самоанцев.

Но самочувствие писателя все ухудшалось. 3 декабря 1894 года Роберт Льюис Стивенсон скончался. И тогда самоанцы построили Дорогу Скорби. Она шла от дома писателя к вершине горы Ваза.

По этой дороге сегодня я и поднялся на Ваза, где нашел вечный покой Стивенсон — Туситала, «Пишущий истории», а рядом с ним его верная Фенни — Аилела, как ее называли самоанцы, — «Летающее облако».

...Я стоял возле могилы Льюиса и Фенни, смотрел в океан и думал о своем детстве. Мы мечтали тогда об удивительных землях, в которых можно найти удивительные сокровища. Но найти сокровища — это еще не есть счастье. Счастливым человек может быть лишь тогда, когда он не находит, а отдает. Вот здесь, под этой плитой, лежит человек, который отдал людям, миру, земле этой самое великое сокровище — свое щедрое сердце. И небольшой тропический остров, такой богатый роскошной природой, гостеприимными людьми, стал еще богаче. И теперь всегда, когда мне в руки попадает знакомая с детства книжка о необыкновенных приключениях юного Джима Гокинса на затерянном в океане острове, я буду вспоминать вечнозеленые берега Уполу, одетую в тропический лес гору Ваза, вершину ее, над которой ка-

тятся волны свежих океанских ветров, буду вспоминать добрый кожаный диван в ночном салоне «Украины», забытую на нем кем-то книжку, изданную в Архангельске, Матюхина, задумчиво глядящего на зеленые черноморские волны, наши мечты о странствиях и открытиях.

Я долго вглядывался в вольный простор океанской сини и вдруг увидел на горизонте светлую точку. Она медленно приближалась, становилась крупнее и отчетливее. К острову подходил корабль. Может быть, он из России?

Как-то мне снова довелось побывать в Туапсе. У причала вдруг увидел белые борта судна, такого знакомого, такого близкого, что у меня сжалось сердце. Это была «Украина». Жив еще старый теплоход, по-прежнему трудится, по-прежнему шлепает по волнам на недолгих своих трассах от одного черноморского порта к другому. Я не раздумывая взял билет до Сочи и по знакомому трапу поднялся на борт судна. Побродил по его палубам, заглянул в салон первого класса, нашел тот диван — обивка на нем была уже новая, яркая, в модном пластике. Поднялся на шлюпочную палубу, встал у борта, на том самом месте, где мы когда-то говорили с Матюхиным о Самоа.

Теплоход медленно, неуклюже, по-стариковски лениво отваливал от причала, словно ему не очень хотелось расставаться с покоем твердой земли. На пирсе стояла юная тоненькая девушка в белом платье, махала рукой и кричала: «Счастливого плавания!» Это напутствие предназначалось юноше, который на баке помогал матросам свертывать швартовы. На головах у матросов были морские фуражки с золотыми кокардами-«крабами» над козырьками. И на юноше была такая же фуражка, только совсем новенькая, и золото «краба» на ней полыхало огнем.

Когда судно вышло в море, юноша, проходя по шлюпочной палубе, увидел меня и строго сказал:

— Не свешивайтесь над бортом! Это, извините, не пруд, а море!

НАША ТРОПА В ОКЕАНЕ

С детства любил я разглядывать географические карты. Всегда покупал их, особенно карты «экзотических» районов — Чукотки, Антарктиды, Океании. Иная вроде приключенческой повести. Одни названия чего стоят, сколько фантазии пробуждают! Бродишь взглядом по диким скалам чукотского побережья: Амбарчик, Коса двух пилотов, мыс

Дежнева... Связаны эти названия с удивительными приключениями, с мужеством и упорством людей. Особенно любил я рассматривать на карте белый блин Антарктиды. Вот уж где почти каждое географическое наименование вызывает почтительный трепет: Полюс недоступности, море Росса, вулкан Эребус, что в переводе — ад, Земля Королевы Мод, Земля Адели...

Океания... Даже карту ее и то великое удовольствие рассматривать. Дружные семейства больших вулканических островов, цепочки солнечных атоллов. Некоторые из них совсем крошечные, на карте и названий-то не имеют. Их многие тысячи. Неужели все открыты и исследованы? Не может того быть! Наверняка что-то осталось не пойманное подзорной трубой морехода. Вот бы отправиться на поиски неизвестных земель в те края и первую открытую мной землю назвать красивым женским именем, например именем моей матери. Лишь бы взрослым стать поскорее!

Поздний вечер. Давно разошлись по своим душным каютам не занятые на вахтах моряки и ученые, а я сижу в штурманской, правую щеку мою греет пластмассовый раструб абажура настольной лампы, она бросает пучок белого света на голубое поле карты, которая расстелена на столе. На карте написано: «От Фиджи до Соломоновых островов». Тот участок океана, который нам предстоит пройти за несколько дней. Рядом со мной сидит Эдуард Креславский, сотрудник Ленинградского гидрографического института, не очень разговорчивый и всегда озабоченный молодой человек. И когда он только отдыхает! И ранним утром, и ночью я неизменно вижу Эдика либо в штурманской склоненным над картами, либо на крыле мостика с секстантом в руках — «ловит» в небе звезды, чтобы определить наши координаты. Сейчас Эдик неожиданно стал разговорчивым. Рассказывает мне о лежащей перед нами карте. Удивительные вещи рассказывает. Оказывается, неожиданностей может быть немало на нашем пути. Особенно в этом районе, где не пролегают трассы торговых кораблей, где лишь временами плавают мелкие суденышки местных грузовых линий. Район один из самых пустынных. И столько в нем еще неясного, неизученного, неожиданного! Даже значится на карте предупреждение морякам: «Ввиду недостаточной географической изученности района Соломоновых островов при плавании следует соблюдать осторожность».

Смысл этого предупреждения становится особенно убедительным, когда на той же карте читаешь дополнения: «По донесению 1945 года банка Шарлотт находится в 14 милях

юго-восточнее положения, указанного на карте». Ничего себе «поправочка»! Четырнадцать миль — это больше двадцати километров. Если не обратить внимания на такое предупреждение и, как говорят моряки, «шлепать» в обход банки, то на нее, эту каверзную банку, а иначе говоря — песчаную отмель, как раз и угодишь.

Гляжу на карандашную ниточку будущего курса «Витязя», вычерченную штурманом на карте. Мы проходим вблизи затерянных в водных просторах, забытых людьми крошечных островов и банок, которые, должно быть, никто и не посещает. Читаю: «Банка Пандора. По донесению 1971 года», «Банка Хокинс. По донесению 1882 года». Старина-то какая! Выходит, с тех далеких времен возле этих клочков земли не бывало ни одно судно. Даже довольно заметный архипелаг Санта-Крус на карте поставлен под сомнение предупреждением: «Острова Санта-Крус нанесены по старым съемкам, и их положение на карте может не соответствовать положению на местности». Надпись эта совсем уже вызывает тревогу. Значит, ночью, плавая в этом районе, смотри в оба, а то угодишь прямо в остров.

На картах обжитых районов океана синее поле водной поверхности обычно густо усеяно цифрами: это данные глубин. А на той карте, что сейчас перед нами, цифирки редкие, вытянулись они кое-где узким черным муравьиным шляхом. Значит, исследований глубин в этом районе специально не проводили. Прошли однажды куда-то два-три больших корабля с эхолотной службой по борту и оставили навсегда на карте свой след — цепочки цифр. И наш «Витязь» оставит такую же длинную цепочку — круглые сутки в лаборатории, что у камбуза, работают его эхолоты. Данные, которые эхолоты соберут, отправят в международный картографический центр. Выпустят новую карту, и на ней останется след и «Витязя». И другие моряки будут нам благодарны, пойдут по нашему пути уже с уверенностью, зная о здешних глубинах. Выходит, есть еще что открывать в Океании!

— Не удивлюсь вовсе, — говорит Эдик, — если встретится нам на пути какой-нибудь крошечный коралловый островок, до сих пор не нанесенный на карты.

Эдик рад, что «Витязь» забрел в такие захолустные районы океана. Самая работа для Креславского здесь. Здесь он чувствует себя Колумбом. Впервые определить глубины там, где за всю историю Земли ни разу никто не пытался узнать, далеко ли от поверхности дно, — великая удача. И когда появится новая карта этого района, ее соавтором вместе с

великими мореплавателями прошлого Меданьей, Кирсом, Бугенвилем, Лаперузом, Куком, Беллинсгаузеном и Лазаревым, бороздившими когда-то эти воды, будет и молодой ученый из Ленинграда Эдуард Креславский.

— Эдик, вы довольны нашим путешествием?

— Еще бы! Всю жизнь бы вот так плавал. Ведь столько еще в мире неоткрытого!

Заходит к нам в каюту четвертый помощник капитана. Он еще совсем юный человек, но слывет отличным штурманом. Невысокого роста, темноголовый, с модно причесанными кудрями, и пиджак носит длинный, под старинный скюртук, брюки расклешены — так велит новая мода. Но сейчас в безрукавке и шортах. Даже ночью мы не спасаемся от духоты — самые жаркие широты проходим.

— Ничего,— говорит штурман,— теперь до вершины горки осталось совсем немного, а потом перевалим и покажемся вниз — к дому, к прохладе.

Склоняется над штурманской картой, водит по ней циркулем, полные губы его шевелятся, словно он молитву читает,— что-то высчитывает. Наконец подымает голову и задумчиво говорит, ни к кому не обращаясь:

— А завтра на заре мы подойдем к острову Малаита. Завтра мы увидим эти «страшные Соломоновы острова». — Бросает на карту циркуль и мечтательно произносит: — Вот бы высадиться!

Я про себя улыбаюсь его словам, тону, с которым они произнесены, юношескому блеску в глазах молодого моряка. Повезло мне с моими товарищами по экспедиции. Нет у нас на борту равнодушных к миру, в котором оказался «Витязь». Многие из них люди бывалые — немало поплавали, немало повидали, а всегда готовы чему-то вновь удивиться: новому острову на пути, новому человеку, с которым познакомились на берегу, тропическому закату, неистовому шторму, морской птице, которая вдруг встретит в океане «Витязь». Даже самые бывалые, уже солидно пожившие на свете, неизменно кажутся мне молодыми в эти месяцы нашего долгого путешествия. Ведь человек остается юным до тех пор, пока он не перестает удивляться миру, в котором живет.

Утром на заре я тороплюсь на палубу. Сегодня океан на редкость гладкий и спокойный — поблескивает розовым шелком, сливается на горизонте с розовым рассветным занавесом неба. В розовом мире голубоватой треугольной заплатой — остров. Это Малаита. Мы подошли к первому из этих «страшных Соломоновых островов».

Мы уже давно в пути. Уже заметно устали от однообра-

зия морского плавания, жары, штормов, высадок на берег, таких коротких, что вкладываешь в три-четыре дня пребывания на суше, кажется, месячный запас энергии — лишь бы побольше увидеть, подальше уехать. Все чаще вспоминаем о доме, о родной земле. Но скажи нам сейчас: решено высадиться на Соломоновых островах, решено здесь задержаться на две недели — и большинство воспримут эту новость с радостью. Не только потому, что каждая высадка на незнакомой земле — большая удача для путешественника. Еще и потому, что это Соломоновы острова. Сколько мы о них читали удивительного, странного, неожиданного!

В Библии упоминалось, что существует на свете сказочная страна Офир, откуда привозил золото мудрый царь Соломон. Она находится в южных морях, где-то между Старым и Новым Светом. Копи царя Соломона неистощимы. Из этой таинственной земли царю доставляли драгоценные металлы, слоновую кость, обезьян, павлинов. Легенда долго жила в средние века. Все чаще говорили о необходимости снаряжения экспедиции для поисков таинственной страны.

И вот в ноябре 1567 года отправляются в путь два испанских корабля с экспедицией, которую возглавляет Альваро Меданья. На восемьдесят первый день пути впередисмотрящий радостно сообщает, что видит землю. Испанцев встречают вооруженные туземцы, но враждебности они не проявляют. Ступив на берег, Меданья чувствует разочарование. Остров вовсе не похож на сказочную страну Офир и соседние с ним острова тоже. Тяжелый климат, непроходимые джунгли, опасные насекомые и змеи. Золота нет и в помине. Даже продовольствие достать трудно. Начались массовые болезни, стычки с островитянами. И тогда корабли повернули обратно. Но Меданья убежден, что ему все-таки удалось открыть Соломоновы острова, что поиски золота нужно продолжать. Нужно снарядить туда новую экспедицию.

После Меданьи было несколько экспедиций на Соломоновы острова. Никто не нашел там золота — только гибель, болезни, вражду туземцев. И Соломоновы острова прозвали «страшными». Это слово на столетия приклеилось к семейству тропических земель, к которому подплывал сейчас «Витязь».

С середины XIX века острова стали все чаще посещаться европейцами, особенно английскими военными кораблями. В 1845 году группа миссионеров высадилась на острове Сан-Кристоболь, но все были убиты или вымерли от малярии. Шесть лет спустя Бенджамен Бойд, предприниматель

из Австралии, на собственной яхте отправился к островам Гуадалканал и Сан-Кристоволь с намерением создать независимое государство Соломоновых островов, но был убит туземцами. Двадцать лет спустя попытались утвердиться на острове епископ Петиссон и командор Гуднафа. Их тоже убили.

Малаита... Один из самых заповедных среди Соломоновых островов.

Вот что пишет Джек Лондон в своем произведении «Путешествие на «Снарке» о встрече с жителями Малаиты:

«Соломоновы острова вообще находятся на краю света, вернее, на задворках цивилизации... Если бы я был королем, то в качестве самого ужасного наказания для моих врагов я бы применял ссылку на Соломоновы острова. Но следом за этой мыслью в голову приходит другая: даже будучи королем, вряд ли я стал бы поступать так жестоко».

Лондон в самых мрачных красках описывает Соломоновы острова. Страшные джунгли, болезни, лихорадка, глухая враждебность туземцев, убийства. «Команды судов, пробывших более или менее продолжительное время на Соломоновых островах, страдают от ран и язв, почти всегда переходящих в злокачественные». О жителях Малаиты Лондон пишет: «Одного взгляда на них было достаточно, чтобы убедиться, что это самые доподлинные людоеды, охотники за человеческими черепами».

А вот что пишет уже в наше время Кэролайн Майтингер, автор известной книги «Охота за головами на Соломоновых островах»: «Внутренние районы остались неисследованными и не контролируются властями... Всего лишь неделю назад малаитяне горной деревушки Синаранго уничтожили целую группу представителей администрации».

Соломоновы острова довольно долго оставались недоступными для ученых. В 1896 году научно-исследовательское судно «Альбатрос» высадило на одном из островов известного австрийского геолога фон Норбеска и вместе с ним несколько европейцев-ученых. Отряд должен был провести здесь первую геологическую съемку. Но на геологов напали ярко раскрашенные обнаженные туземцы, вооруженные топорами. Европейцы были убиты и, видимо, съедены. Это событие на полвека отбило охоту у ученых проводить обследования островов. Но последние десятилетия принесли немало перемен и на Соломоновы острова¹. И все-таки для геологов архипелаг, особенно Малаита, во многом загадка.

¹ 7 июля 1978 г. Соломоновы острова провозгласили свою независимость.

Несмотря на ранний час, на палубу высыпали люди. Любопытно взглянуть на Малаиту, у которой такая дурная слава. Пришел начальник экспедиции. Долго держал у глаз бинокль, потом оглядел собравшихся у борта:

— Вот где нашим геологам распрямить плечи. Не остров, а прямо-таки одно геологическое удовольствие.

— А что? Мы не против распрямить плечи, — поддержали на палубе. — От удовольствия отказываться глупо. Может, высадимся?

Профессор развел руками, изображая бессилие:

— Рад бы в рай, да грехи не пускают.

— Какой же это рай?! Ад! Мы в ад хотим. Именно ад нам и нужен.

— Увы! В наше время на посещение даже ада требуются въездные визы. А их у нас нет. — И, уже погасив улыбку, наморщив по привычке лоб, серьезно добавил: — А все-таки на Малаите мы побываем. Не в этот раз, так в следующий.

ТРИ ТОЧКИ, ТРИ ТИРЕ...

Наконец, как говорят моряки, мы «забрались на горку» — пересекли экватор. И теперь «катим» вниз. Приятно сознавать, что мы уже в родном Северном полушарии, что скоро увидим Полярную звезду. Неуютно без нее под чужими южными звездами, словно в доме, где вместо всегдашних, с детства привычных фотографий близких вдруг повесили изображения незнакомых людей.

Путешествие в океане то и дело приносит неожиданности. За последние три дня сразу побывали в трех сезонах года. 28 февраля на подходе к острову Новая Ирландия мы еще были в лете Южного полушария. 1 марта, когда пришли в Кавьенг, главный город острова, в Южном полушарии наступил первый день осени. А в Северном — первый день весны. Сутки спустя, пройдя экватор, «Витязь» плывет уже по весне. Весна? В такую жару так трудно представить нашенскую милую прохладную весну! Да еще «приправлена» жара крепким штормом. Сколько мы их пережили по пути! Сильная килевая качка. «Витязь» будто хочет поднырнуть под большую волну и плыть дальше под водой, потому что ему надоело ковылять по жестким, как скалы, гребням. Временами судно содрогается в мелкой дрожи. Это волна обнажает подводную часть его кормы, и винт начинает бешено вращаться в воздухе.

Нельзя безразлично глядеть в штормовое море. Оно вы-

зывает либо страх, либо почтительное восхищение, либо неистребимое стремление побороться с ним. Когда моряку желают счастливого плавания, то прежде всего имеют в виду гладкое море без ветров и штормовых волн. Иные штормы идут навстречу кораблю, как кара небесная, как испытание мужества и силы, и корабль выходит из бури, будто из кошмарных снов. Случается, что и не выходит. Пролетел над океаном черной косматой тенью шторм — и нет уже в океане корабля, большого корабля с каютами, где на стенах висели фотографии любимых, с камбузом, где на плите варился в котле борщ, с седым капитаном, который, стоя на мостике, любил мечтать о том, как вернется на сушу, возьмет отпуск и отправится с сыном к озерам поохотиться на уток. Известный путешественник Алан Бомбар считает, что ежегодно в морях и океанах погибает около двухсот тысяч человек. Двести тысяч — это население большого города.

Шторм... Нам, сухопутным людям, даже небольшое волнение порой кажется страшным штормом. Стоишь на набережной в Сочи, смотришь на пенистое море и ахаешь: «Шторм-то какой! Баллов шесть!» — определит один. «Побольше, — скажет другой. — К восьми подбирается». А на самом-то деле и четырех не наберется.

Пошел я на мостик, взял у штурманов справочник «Мореходные таблицы». Вот что вычитал про штормы и волнения. Больше девяти баллов волнение на море не определяется. Девять — это предел, это ураган страшной силы. Справочник называет такое волнение «исключительным», высота волны превышает одиннадцать метров.

Подобные ураганы не столь уж часты, и каждый из них становится известным в мире. В октябре 1960 года на берега Бенгальского залива налетел ураган невероятной силы. Я в это время находился в Индии и услышал, как верующие люди говорили: это бог разгневался. Индийские газеты в течение многих дней сообщали всё новые и новые подробности катастрофы. Все прибрежные районы были опустошены, погибли тысячи людей. Волна, которая обрушилась на берег, достигла высоты десяти метров. Многие суда были затоплены либо выброшены на берег.

А как определить, когда шторм, когда просто волнение? Шторм на море — это не только волны и крепкий ветер. Когда волнение пять баллов, а ветер шесть, моряки такую обстановку штормом не назовут. В понятие «шторм» вкладывается нечто более серьезное. Вот когда пена широкими, плотными, сливающимися полосами покрывает склоны волн, отчего поверхность моря становится белой и лишь местами

во впадинах волн видны темные участки не вспененной воды, — вот тогда вахтенный в судовом журнале и напишет: «На море шторм». Значит, волнение моря определяется в восемь баллов, а ветер в девять, скорость ветра достигает 20 метров в секунду, или 72 километров в час. На земле при таком ветре наблюдаются небольшие повреждения строений, ломаются ветви деревьев, сдвигаются с места легкие предметы.

Ветер продолжает крепчать, море круче «закипает», все больше белеет от пены... «Сильный шторм», потом «жесточкий шторм», потом «ураган». Ураган... Поверхность моря покрыта плотным слоем пены. Видимость ничтожна. Волнение предельное — 9 баллов. Ветер — 12 баллов. Скорость ветра достигает 29 метров в секунду или свыше 104 километров в час. В такой ураган на земле наблюдаются катастрофические разрушения — обваливаются крыши деревянных домов, деревья вырываются с корнем...

Я иду в радиорубку.

— Японец тонет. Какой-то «Мару», — объясняет мне радист. Показывает на карту: — Вот здесь, к востоку от Курил. Потерял управление, волной захлестывает.

Я вслушиваюсь в тревожный писк морзянки. Три точки, три тире, три точки... Работает приемник на «частоте бедствия». Каждый час в течение шести минут — от пятнадцатой до восемнадцатой и от сорок пятой до сорок восьмой — на этой частоте в эфире наступают минуты молчания. И так сорок восемь раз в сутки. Для радистов эти минуты неприкосновенны. Радисты напряженно вслушиваются в эфир: не позовет ли кто на помощь?

Сейчас зовет японское судно. Оно за тысячи миль от нас. Помочь мы ему не можем. Где-то среди бушующих волн — терпящие бедствие люди, такие же моряки, как и на «Витязе».

Три точки, три тире, три точки... «Спасите наши души!» Может быть, недалеко другие корабли? Может быть, они уже мчатся на всех парах на помощь? Люди не должны погибнуть!

Корпус «Витязя» содрогается под тяжким ударом волны. Стоит приоткрыть дверь на палубу, как слышен многоголосый вой ветра в снастях — словно души погибающих взывают о спасении. Становится тоскливо. И невольно думаешь о далекой земле, о доме, о близких.

Захожу в каюту к начальнику экспедиции. Над столом склонились две головы ученых. На столе расстелена географическая карта. Палуба под ногами ходит ходуном, и крен

судна то выкидывает сидящих из кресел и прижимает грудью к столу, то вдавливают в кресла так, что звенят пружины.

Я слышу:

— Особенно любопытно поработать вот в этой зоне. Думаю, здесь судну стоит задержаться подольше...

Задержаться судну? Я в недоумении. Вроде бы все морские работы в океане закончены, идем домой. Неужели снова решили поковырять дно драгой или повзрывать океан? Но, взглянув на карту, разложенную на столе, догадываюсь: разговор о будущем. На карте — очертание Северной Атлантики. В этот район через несколько месяцев наши ученые собираются в новую экспедицию. Не дает им покоя мантия Земли.

— ...Если мы пойдем от Гренландии на восток, то разлом можно проследить по всей его длине...

Мы только что покинули берега тропической Новой Ирландии, еще долгий путь до берегов Родины, а они уже говорят о белой, покрытой льдами Гренландии. И там, в Северной Атлантике, будут штормы, будет изнуряющая качка и ледяные ветры... Но у людей есть цель. И ничто не остановит их. Штормы? «Штормы, жара, холод — это просто некоторые неудобства, которые создает природа, пытаюсь скрыть от нас свои секреты. Но все-таки мы ее одолеваем», — сказал мне однажды Олег Сорохтин.

Одолевать ее не просто. И немало таких «неудобств», как штормы, пережили ученые «Витязя» — они участвовали во многих морских экспедициях. Их наука требует тяжелого труда, лишений, требует быть всегда готовыми ко всем опасностям, которые таит в себе океан. Тот, кто связал свою судьбу с океаном, не может рассчитывать на покойную жизнь.

Я иду на дежурство у эхолота. Мерный электрический шум аппарата глушат раскаты волн за бортом. Уцепившись за эхолот, чтобы меня вместе со стулом не отбросило к противоположной стенке, я записываю в вахтенный журнал очередные показания: «Время: 22.45. Глубина: 4.543 метра». До записи следующих данных у меня пять свободных минут. Поднимаю трубку телефона и набираю номер радиорубки:

— Как там японец?

— Идут ему на помощь сразу три судна.

— Успеют?

— Должны успеть!

Однажды мне случилось быть в кабинете министра морского флота нашей страны. Министр подошел к стене, нажал кнопку, и портьера медленно поплыла в сторону, открывая огромную, во всю стену, карту мира. На голубых ее полях, обозначающих моря и океаны, было множество разноцветных макетиков кораблей.

— Все эти суда, — сказал министр, — сейчас в плавании и находятся примерно в тех местах, на которых расположены их макеты на карте.

Макетиков было так много, что я и не пытался их сосчитать. Подумал: за каждым из этих крошечных корабликов — большое судно, которое сейчас где-то далеко: или в океанском просторе, или на подходе к чужому порту, под солнцем тропиков или под тугими струями арктических ветров... За каждым — тысячи моряков, со своими судьбами, радостями и бедами, надеждами и мечтами. А надежды и мечты у всех моряков одинаковы в главном: благополучно завершить рейс и вернуться к родным берегам. Мечту о возвращении домой моряк уносит с первой же минуты, едва судно покинет родной порт.

Сотни макетиков-кораблей на карте, в разные стороны их пути, но конечная цель каждого — Ленинград или Одесса, Мурманск или Владивосток... Корабли уходят, чтобы возвращаться, и возвращаются, чтобы уйти. Такова уж доля кораблей — они вечные скитальцы и причалы им только снятся.

Последние дни перед возвращением в родной порт на кораблях праздник. Наверное, в Москве на такой же, как у министра, карте Иван Дмитриевич Папанин, командующий научным флотом Академии наук, уже повернул макетик нашего «Витязя» носом на север и на звонки родных и близких его сотрудники отвечают: ожидаем судно к такому-то числу. Никогда не скажут: судно будет тогда-то! Ожидаем... В море ничего нельзя точно предсказать.

Так вот, мы идем домой. Еще немало миль осталось «Витязю» преодолеть до Владивостока, а путешествие наше уже закончилось. Это случилось в тот момент, когда от берегов острова Новая Ирландия мы повернули на север. Теперь мы уже не путешествуем, а добираемся до дома. И у всех «береговое» настроение. Соскучились. Почти пять месяцев в пути. По радио передают: «Во Владивостоке температура ниже нуля, сильный ветер». Ну и ладно! Зато Владивосток — это уже дом, хотя пока и холодный, продуваемый ветрами. Свой

родной дом, и ни на какие тропические красоты его не променять.

В преддверии дома люди становятся добрее, мягче, снисходительнее друг к другу. Разное бывало: изматывала качка, изнуряла жара, удручало однообразие жизни, пустота океана, тягучесть морского времени — иногда ссорились из-за пустяков, просто не выдерживали нервы. Дальнее плавание — немалое испытание для психики человека. Куда ни шагнешь — все одни и те же борта, одни и те же лица, как в коммунальной квартире, накрепко закрытой от окружающего мира на замок на пять месяцев. Теперь близость встречи с Родиной сглаживает все острые углы, и прежние ссоры кажутся мелкими. Даже научные противники говорят о своих непримиримых гипотезах с юмором и добродушием, охотно смягчают временами вновь назревающую схватку удобной всем фразой: «Поживем — увидим».

В лабораториях загоняют гвозди в ящики с оборудованием, отколотыми от островов камнями, лентами разных записывающих аппаратов, образцами донного грунта. В каютах пакут чемоданы — они закрываются с трудом: втиснуты в чемоданы найденные на берегах ракушки, подобранные на островах кокосовые орехи, добытые в путешествиях экзотические сувениры.

В гладилке длинная очередь — до бритвенной остроты утюжат брюки. Радисты пускают в динамики только веселую музыку. Главный эхолотный командир Галина Агапова снова из ученого превратилась в парикмахера — беспощадно режет ножницами наши лохмы.

«Витязь» покачивается на мелкой волне, волна уже не океанская — морская: вошли в Японское море. Туманная, непогодная дымка вымазала море и небо унылым серым цветом. Я не торопясь хожу по палубам. Мне грустно. Трудно поверить, что очень скоро расстанусь с «Витязем». Витязь... Звучит привычно, будто название улицы, на которой прошло детство. Пять минувших месяцев кажутся пятью годами — морское время неторопливо. За эти месяцы-годы каждый болт, каждая доска на палубе вроде бы стала частью твоей жизни, с которой просто невозможно расстаться.

Подымаюсь по трапу на мостик. Сколько времени я провел здесь вместе со штурманами и рулевыми, славными парнями, отличными моряками! Наблюдал их во время штормов, в минуты опасных подходов к берегам незнакомых островов, разговаривал с ними о разных разностях в открытом океане, когда покойный, не сулящий тревоги простор располагал к неторопливой беседе, доброй шутке, к воспоми-

нениям и мечтам. Отсюда, с мостика, в мощный морской бинокль я порой первым отыскивал на зыбкой линии горизонта неведомую землю, к которой мы держали путь, и был счастлив, что оказывался именно первым, хотя мой восторг первооткрывателя вызывал снисходительные улыбки штурманов.

Шлюпочная палуба... Железный домик радиорубки... Толстая, как у сейфа, с мощными задвижками — чтоб ветром или волной не сорвало, — дверь. С каким волнением мы перешагивали порог этой двери, после того как по радио на все судно возвещали, что ты сегодня счастливец — ожидает в рубке радиограмма!

Спускаюсь на прогулочную палубу. С ней связан нехитрый наш отдых в свободные от вахты часы. Вечерами здесь крутили старые фильмы, и мы приходили их смотреть в четвертый, пятый, шестой раз, потому что решительно нечем себя занять, когда прочитаны, кажется, все книги, которые были на борту судна.

Корма... Или корма, как говорят моряки, делая ударение на «о». Это место на судне особенно памятно нам. С ним связан наш нелегкий научный труд. Сюда сбегались мы, когда лебедка поднимала со дна океана драгу, и с волнением ждали: вдруг принесет на этот раз драга что-нибудь необыкновенное? И однажды она принесла кусок мантии Земли.

Здесь, на корме, под ветром и дождем я провел немало часов, участвуя во взрывных работах — связывал чурки тротила и по сигналу дежурного вместе с другими бросал опасный груз за борт; проходили секунды, и «Витязь» содрогался от тяжелого взрыва где-то в недрах океана. После каждой такой смены ныла спина и сводило мускулы на руках — за борт мы порой швыряли порции взрывчатки весом в сто килограммов.

...Памятна нам эта корма. Здесь погиб при взрыве наш товарищ Николай Глебов, у этого борта мы прощались с ним навсегда под свист штормового ветра и под звуки «Лунной сонаты».

Хожу по палубам «Витязя». Заглянул в кают-компанию. В ней и клуб наш, и лекционный зал, и столовая. Здесь собирались, чтобы встретить праздники, выступали с докладами наши и иностранные ученые. Вот за этими столами за месяцы плавания каждый из нас съел по триста тарелок борща и выпил по пятьсот стаканов компота.

Я хожу по палубам «Витязя» — прощаюсь с судном, с его людьми. Многих вряд ли когда увижу вновь, особенно моряков из экипажа «Витязя»: живут во Владивостоке, вернее,

прописаны в нем, а жизнь — в море. Придет судно в родной порт, постойт месяц и снова отправится скитаться. Такова доля кораблей и моряков. Мне кажется, что со многими из моих товарищей по экспедиции я не просто провел время в далеком пути, а пролежал в одном окопе — морская дружба, как и солдатская, скрепляется испытаниями. И жаль, что приходится расставаться с этими надежными людьми.

Почти пять месяцев в пути... Сорок девятый рейс «Витязя» не назовешь рядовым. Один из самых долгих и дальних в его биографии. На всю жизнь запомнится. И не только встречами с экзотическими островами, лихими штормами и торжественными тропическими закатами — прежде всего научной работой. Возвращаемся не с пустыми руками. Не так уж объемист наш научный багаж, который везем на Родину из рейса. Несколько ящиков с камнями с островов и морского дна, несколько ящиков с рулонами лент осциллографов, эхолотов, профилографов, магнитометров... На лентах прямые и кривые линии, закорючки, цифры — для непосвященных скучища. Неужели ради этого унылого художества нужно было людям забираться на край света, страдать от жары и штормов, порой рисковать здоровьем и жизнью? Но так думать может только человек, далекий от науки. Для ученых же эти ленты — огромное богатство, таинственные письма, в которых ключ к еще не разгаданным секретам природы... Эти письма предстоит расшифровать, обработать, изучить, обдумать, и работа над ними продлится месяцами, может быть годами. Сорок девятый рейс «Витязя» еще долго будет продолжаться в научных лабораториях и за письменными столами ученых.

Раскрыли ли мы какую-нибудь тайну на краю света? Доказали ли, например, наши витязяне-мобилисты, что континенты все-таки движутся? Вряд ли кто из них будет утверждать это. Но к доказательствам приблизились. Это уже бесспорно. И вполне удовлетворены результатами. Великих открытий не сделали, но по крупицам немало набрали новых сведений, для того, чтобы эти открытия произошли в будущем. Наука — это тяжелый труд, это муравьиная работа по собиранию фактов. Из малого рождается великое. Так вот, ходил в океан «Витязь» за малым. И ходил не зря. Он возвращается домой еще более опытным и мудрым.

Только что склянки в машинном отделении отбили полночь. Фигуры на мостике словно грибы, вырезанные из мрака. На мостике тишина. Мрак кажется еще гуще от тревожного напряжения. Нелегко подводить судно к берегу крошеч-

ной ночью — пусть даже впереди твой родной порт. Как глаза странных морских чудищ, слабо светятся стеклянные кругляки компасов, табло машинного телеграфа, смотровая щель лоцатора.

Впереди по курсу край ночного неба будто припудрен легкой пылью света. Там Владивосток. Справа и слева по борту таинственно блуждают во мраке одинокие красные и зеленые огни. Это идут корабли.

— Вошли в пролив Восточный Босфор, — тихо говорит вахтенный помощник.

В отвесах палубных огней в забортной черноте вдруг проступают какие-то странные белые пятна. Лед!

— Надо же! Лед! Даже дико! — ворчит капитан.

У него глухой, простуженный голос. Кажется, у капитана начинается грипп, отлежаться бы ему в каюте, но он хочет сам завершить последние мили нашего пути. Как это: подходим к Владивостоку, а капитан на койке! Нет уж, здесь дело чести!

— Держать триста один!

— Есть держать триста один!

Горловина залива расширяется, и в смотровые стекла мостика ударяет дождь огней — они цепочками тянутся по берегам бухты Золотой Рог, мерцают на стоящих на рейдах судах, густо карабкаются по склонам возвышающейся над городом горы, густеют у ее вершины, красным пунктиром забираются еще выше, в небо, по невидимой во мраке стреле телевизионной башни. Вот и Владивосток!

Вахтенный матрос на мостике кому-то докладывает по телефону:

— Температура воздуха — четыре, воды — семь. Ветер слева по носу — два балла. Обороты машины — сто двадцать...

Веселый поток огней все шире врывается во мрак за бортами судна, буравит его, рвет на части вспышками маяков и сигнальных фонарей, высвечивает напряженные лица стоящих на вахте. Кажется, что мы плываем в праздник.

— Десять девяносто пять!

— Есть десять девяносто пять!

Я чувствую, как у меня гулко колотится в груди сердце. Стоящий рядом со мной помощник улыбается — в свете огней я вижу блеск его зубов.

— А дома все-таки лучше всего!

Капитан прижимается горячим лбом к смотровому стеклу.

— Левый якорь вытравить до воды! Правый оставить!

Звонит машинный телеграф: «малый ход», «стоп», «малый назад», «стоп», «малый вперед», «стоп».

— Отдать левый якорь! — Голос капитана такой, как всегда, когда он приказывает: резкий, решительный, но сейчас эти три слова команды — «отдать левый якорь» — звучат для нас по-особому, значимо, будто последняя строка в песне.

Всплескивает вода за бортом под ударом якоря. Вот и все! Вот и прибыли! За кормой «Витязя», где развевается наш полинявший под тропическим солнцем флаг, двадцать шесть тысяч пройденных морских миль — больше окружности земного шара. Выходит, мы совершили полторы кругосветки.

Приходит на мостик начальник экспедиции, протягивает капитану руку:

— Поздравляю! Всё теперь уже позади!

На бледном, нездоровом лице капитана пробивается слабая улыбка.

— Всё позади и всё впереди...

Долго молчат, устало поглядывая на огни города.

— Неплохо мы поработали.

— Неплохо!

Рассвело. Над бухтой Золотой Рог медленно вставало чистое и холодное солнце.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Представляю, какой шум поднимется, когда ребята соберутся в классе в первый день после каникул. Каждый станет надрывать горло, перебивая другого, добиваясь, чтобы слушали именно его, потому что, как ему кажется, он провел лето интереснее всех — куда там другим! Васин, конечно, будет кричать громче остальных, вскочит на стул, взмахнет рукой: «Тише! А кто из вас был на Енисее? — и победоносно оглянет притихших ребят. — Никто! А я был. Целых два месяца. И на вертолете над тайгой летал. И диких оленей видел. И...»

Начнет Васин хвалиться — не остановишь. У него отец в геологической партии где-то в Сибири и на лето обычно Валерку забирает к себе. Конечно, есть что Васину порассказать! Да и другим тоже. Саенко, например, с родителями отправился в поход на байдарках по озеру Селигер.

А что расскажу я? Поначалу все было просто замечательно! Еще бы: в Крым отправился, к берегам самого синего моря! Вез набор лесок и крючков — столько, что всю рыбу в Черном море можно выудить. И маска для подводного плавания была, и легкий рюкзак, и новые, пахнущие резиной кеды для похода в горы.

Но начну все по порядку. На море я никогда не был. Проморские путешествия немало книг прочитал, и не только «Дети капитана Гранта», или «Таинственный остров», или «Алые паруса» — и про Кусто, и про Хейердала... А вот настоящего моря не видывал. «Слишком многого хочешь! — говорил отец. — А знаешь, когда я впервые побывал на море? Тогда, когда мне минуло четверть века: то денег для поездки не оказывалось, то времени не выкраивал».

Мне не пришлось, как отцу, ждать четверть века, чтобы с разбега нырнуть в теплую черноморскую волну. Отец однажды сказал: «Хотели укатить на юг всей семьей, да мамин отпуск сорвался — не пускают маму летом на отдых. Значит, уедем мы с ней осенью — грибы собирать. А ты, Антошка, с бабушкой отправляйся-ка в Крым. Дядя Коля снимет для вас в Планерском комнату, у него там есть знакомые. Ну как? Возражений нет?» Отец широко улыбался, радовался, что преподнес мне такую новость. Я чуть ли не до потолка прыгал от восторга.

Короче говоря, мои родители посадили нас с бабушкой в поезд на Курском вокзале в Москве, я увидел в оконном стекле веселые, прищуренные глаза отца и широко раскрытые, чуть тревожные мамыны, потом поднятые, словно по команде, две руки — большая и сильная, а рядом с ней худенькая и маленькая. Помахали эти руки нам на прощание, и мы помчались на юг.

Утром в купе вагона я положил на столик толстую тетрадь, открыл первую страницу, взял фломастер и написал крупными буквами: «ЛЕТНИЙ ДНЕВНИК». В углу страницы старательно вывел дату. С этой даты и начал описывать все, что со мной должно произойти во время удивительного путешествия на юг и, конечно, необыкновенной, полной приключений жизни там, на юге. Дело в том, что Мария Николаевна, наша учительница по литературе, дала задание на лето: написать расширенное сочинение о своих каникулах, причем, как она сказала, непременно в литературной форме: мол, одной-двумя страничками не отделаться, писать подробно. А осенью она в школе проведет конкурс сочинений.

Сочинять я люблю. Когда отец уезжает в командировку во Владивосток или Хабаровск, я посылаю ему длинные письма. Он говорит, что читать их интересно. — А ведь это самое главное — чтобы интересно было.

Наш поезд мчался с огромной скоростью. Громко стучали под вагонами колеса, телеграфные столбы за окном валились как подрубленные. На первой странице своего дневника на-

писал я про все, что видел в пути: про телеграфные столбы, про толстых дядей и тетей, которые в полосатых пижамах важно прогуливаются по перрону во время остановок поезда (неужели они тоже едут на юг «поправляться», как и я?). Писал про многие другие интересные и не очень интересные вещи, которые попадались на глаза.

В Симферополе нас встретил дядя Коля, папин друг, который приехал в Крым из Москвы на своей машине. На его «Москвиче» мы и добрались с ветерком до Планерского. И здесь есть на что поглядеть. Хотя бы вот эта горища, которая возвышается над берегом моря. Называют ее Карадаг. Дядя Коля сказал, что это вовсе не гора, а горушка. Высота у нее несерьезная. Но ведь я и такой не видел никогда в жизни.

Дядя Коля снял для нас с бабушкой комнату в небольшом домике на окраине Планерского. В комнате всего одно окно, две железных скрипучих кровати и разошедшийся шкаф, куда мы сложили наши вещи. Из окна видна дорога, по ней курортники ходят к морю, за дорогой — домишки один за другим забираются на холмы. Постепенно повышаясь, холмы превращаются в склон Карадага. Вечерами, когда солнце садится за морем, Карадаг становится черным и неприветливым. Дядя Коля сказал, что если около вершины горы висит облако — ожидай дождя. А дожди здесь бывают южные — проливные, сильные.

Карадаг и стал причиной всего того, что со мной приключилось и что в конце концов превратилось в эту книгу. И еще — Ленка. Пора о ней рассказать. Ну, прежде всего, как она выглядит. Представьте себе две длинных-предлинных ноги, которые сами по себе ходят по земле; на ногах-ходулях держится хилое девчачье тельце, а на нем на длинном стебельке шеи — круглая голова с белым, засыпанным крупными веснушками лицом, круглыми, как у куклы, глазами и двумя русыми косичками, наскоро заплетенными в два тощих хвостика и торчащими в разные стороны. Когда я впервые взглянул на Ленку, то подумал: похожа на какой-то предмет, необходимый на занятиях в школе. На какой же?.. И догадался: на циркуль! «Послушай, так ты же настоящий циркуль», — сказал я. Она вначале обижалась, а потом привыкла. Так и стал ее называть Циркулем.

Ленке, как и мне, четырнадцать. Она тоже окончила этой весной седьмой класс, ходит в студию живописи, потому что, как сказали мне, у девочки обнаружили талант. Живет в Симферополе, приехала в Планерское погостить на каникулы к бабушке. А бабушка ее и есть хозяйка дома, где мы

сняли комнату. Так что Ленка теперь будет мне попадаться на глаза с утра до вечера. И это, честно говоря, меня не очень-то обрадовало. Девчонка есть девчонка. Даже если не шибко воображает, то все равно говорить с ней не знаешь о чем.

Когда я увидел Ленкину оттопыренную губу, то решил: «Недотрога». Но недотрога вдруг спросила: «В горы не боишься ходить?» Я не понял, к чему она клонит, но презрительно дернул плечом: «А чего тут бояться?!» Не растолковывать же незнакомой девчонке, что в горах я никогда не был, поэтому знать не знаю, боюсь ли ходить туда или нет. Но думаю, что не боюсь. Чего особенного! Лезь по скалам вверх, да и только! Главное, не сорваться.

Недотрога сказала:

— Говорят, если забраться на самую вершину Карадага, то оттуда видны берега Турции.

Я не поверил:

— Врешь!

Она вовсе не обиделась.

— Я же сказала: говорят... Мне ребята на пристани говорили. Если подняться на Карадаг, когда солнце только-только выйдет из-за гор и будет светить в сторону Турции, как огромный прожектор, то с самой карадагской вершины совсем просто увидеть турецкие берега — они не высокие и желтые, потому что песчаные.

Она взглянула мне в лицо серыми немигающими глазами.

— Я хочу забраться на Карадаг и посмотреть. А вдруг правду ребята говорят?

Замолчала, явно дожидаясь от меня ответа.

— Пойду с тобой! — решительно сказал я. — Мне тоже интересно взглянуть, какая она, эта самая Турция.

Поход на Карадаг — целая военная операция, надо ее подготовить. Ясно, главными противниками героической экспедиции будут наши добрые бабули. Здесь уж сомнения нет. Поэтому нам с Ленкой надо было придумать подходящую отговорку, чтобы усыпить бдительность «противников». Конечно, обманывать бабушек нехорошо, но разве по доброй воле одних нас на Карадаг отпустят? Ленка предложила схитрить. Сказать, что, мол, собираемся идти в поле за Планерское кузнечиков ловить. Водятся там огромные кузнечики, и ловить их лучше всего на заре, когда в поле не так жарко.

План Ленкин мне понравился. Хитрющая девчонка, ясно! Но мы условились: вернемся с Карадага и честно скажем,

где были. Будут ругать, грозить, что напишут родителям, но ведь это лучше, чем таить обман дальше.

Короче говоря, решили мы организовать самую настоящую экспедицию. Ленка в Планерском не первый год, многих знает. Знакомая ей женщина, которая работает в санатории, принесла из санаторной библиотеки две книги о Турции и сборник рассказов турецкого писателя Назыма Хикмета. Мы решили, что, прежде чем идти на Карадаг, прочтем эти книги. О стране, на которую ты хочешь взглянуть, надо заранее знать.

Книги мы прочитали за два дня. Я — одну, Ленка — другую, а потом менялись. Бабушка даже удивилась: «Что это ты вдруг за книги взялся в такую погоду? Лучше бы гулял». Взглянула на название книги: «Турция», удивилась еще больше: «Уж не в Турцию ли собрался?» — «Ага! — согласился я. — Как раз туда и надумал». Бабушка улыбнулась: «Вплавь не доберешься. Далеко!»

Не догадалась!

Готовы к походу мы были через три дня. Ленка тайно запасла несколько бутербродов, я достал бутылку с пробкой и налил в нее вчерашний холодный чай. На мои карманные деньги купил двести граммов леденцов. Провиант на поход был готов. А все остальное просто — рубашка, джинсы да кеды. Еще взял с собой блокнот с шариковой ручкой — записывать впечатления, перочинный ножик — на всякий случай: все-таки горы, мало ли что, оружие иметь нужно. А Ленка положила в мешок альбом для эскизов и цветные фломастеры.

Договорились, что спать этой ночью не будем. Как только бабули увидят первый сон, мы тихонечко выберемся из дома и отправимся на пляж. Там у моря посидим до рассвета.

Честно говоря, хотя я и наставлял Ленку точно выполнять задуманное, хотя и чувствовал себя в этой экспедиции главным, именно по моей вине все чуть не сорвалось. Просто-напросто заснул. Вечером, когда погас свет в нашей комнате, я долго лежал с открытыми глазами, все ждал, когда бабуля засопит в своем темном углу. А сопит она так тихо, ласково, мирно, что веки у тебя сами собой тяжелеют. Так со мной и случилось...

Разбудила меня Ленка. В окно влезла — я у открытого окна сплю. Схватила за руку, дернула, зашипела:

— Эх ты, соня! Турцию чуть не проспал.

Я мгновенно вскочил. Пружины в кровати зазвенели, как колокола. Взглянул на спящую бабушку. Не пошевелилась. Схватил заранее оставленный у кровати рюкзаки с походны-

ми вещами и сиганул за Ленкой в окно. За окном стояла темень — глаз выколи.

Так начался наш поход. Чем окончился? Рассказывать не хочется. Случилась глупая история. Дождались мы с Ленкой на пляже того часа, когда небо за невысокими здешними горами стало медленно светлеть. И пошли.

Камни были скользкие, и крутая тропа под подошвой кеда ненадежна. То Лена, то я падали, и Ленка даже немного рассадилась себе локоть. Но мы упорно лезли вверх, а над нашими головами все ярче разгорался рассвет.

До вершины оставалось не так далеко, мы уже радовались предстоящей победе, когда почти на ровном месте я поскользнулся, почувствовал, что теряю под ногами опору, пытался свободной рукой схватиться за воздух, даже подпрыгнул, как кот, в которого швырнули палкой. И рухнул на камни. Почувствовал боль в щиколотке правой ноги. Попытался вскочить, сделал несколько шагов и снова повалился наземь. Подбежала Ленка с протянутой рукой, попыталась меня поднять. А я от боли кусал губы. Боль была невыносимая. Я стонал, и мне даже не было стыдно Лены.

Стало ясно: идти не могу и без посторонней помощи из гор не выбраться. Лена нашла недалеко от тропы покрытое сухой травой ровное местечко, помогла мне переползти туда, приказала не хныкать и отправилась вниз к поселку за помощью. Я понимал, что раньше чем через три часа подмоги не дожждаться. Приготовился к долгим мучениям и, честно говоря, в один момент даже заплакал от боли и обиды.

Но помощь пришла неожиданно быстро — как в сказке! Превозмогая боль, я подполз к краю обрыва, с которого спускалась моя злополучная тропа, глянул вниз. Вдруг у подножия горы увидел, как прыгают в воздухе русые косички-хвостики, перевязанные красными ленточками. И шла Лена не вниз, а вверх; рядом с ней, широко переставляя ноги, шагала незнакомый мужчина, голова его отсвечивала на солнце серебром.

Наверное, не прошло и часа, как они оказались возле меня. Из-за скалы вместе с Леной вышел высокий и худой человек, склонился надо мной и спросил:

— Это ты дал сигнал SOS?

Человек улыбнулся. Я увидел, что один из его передних зубов наполовину сломан, что у глаз этого человека много веселых морщинок, что волосы на его голове коротко подстрижены, топорщатся ежиком и такие седые, что кажутся металлическими.

Осторожно, но решительно, несмотря на мои стенания, снял с моей ноги кед, пощупал ногу в щиколотке.

— Ясно! — сказал озабоченно, осмотрев ногу. — Наскочил на риф и получил пробойну. Придется тебя обратно в порт доставлять на буксире, хода своего нет.

Он подцепил меня длинными ручищами, как мешок закинул за спину, приказал крепко держаться за его плечи и, медленно ступая, нащупывая каждый шаг, двинулся к тропе.

Сколько времени мы спускались, не знаю. Запомнилась только страшная боль в ноге, натруженное дыхание моего спасателя, восклицания озабоченной Лены, которая шла впереди и подсказывала каждый шаг:

— Осторожно — камень скользкий, осторожно — лужа, осторожно...

Иногда человек, выбившись из сил, опускал меня на землю, чтобы передохнуть. Мне было стыдно за то, что меня несут, как маленького, я ведь не пушинка. Нога болела, ступня, казалось, оторвана и вместо нее зияющая рана. Но я все крепче стискивал зубы, чтобы не кричать.

Когда меня дотащили до дома и опустили на ступеньки порога, седой человек сказал:

— Ты, парень, вел себя, как настоящий мужчина. Из тебя выйдет толк.

Ну, а теперь остается рассказать конец этой истории. Можете себе представить, что было с бабулей, когда она выскочила из дома и увидела внука лежащим на ступеньке лестницы! После этого два дня продолжалась карусель. Везили в Феодосию к врачам, делали рентген, заливали ногу гипсом — оказался перелом. Объявили: месяц с койки не сходь!

С перебинтованной ногой я лежал на кровати, тоскливо смотрел в потолок, по которому ползали ленивые летние мухи, и, должно быть, вид мой был таким несчастным, что бабуля не сказала ничего в мое осуждение. Моя добрая бабуля произнесла всего одну фразу: «Испортил себе лето!»

Конечно, испортил! Настроение от этого было скверным.

На другой день после этого неудачного похода к нам в дом пришел Абу.

Все, что я вам рассказывал раньше, лишь предисловие к книге. Настоящее ее начало с того момента, как в наш дом пришел Абу. Не удивляйтесь такому странному имени. Оно вроде бы из восточной сказки. Но ничего таинственного в нем нет — Андрей Борисович Утехин. Именно так и зовут высокого седого человека, который помог мне в горах. Абу —

это просто начальные буквы его имени, отчества и фамилии. Сам предложил так его называть:

— Андрей Борисович! Длинно! Лишние слова! Лучше зовите просто Абу.

— А что такое Абу? — не понял я.

Он пояснил. Когда-то в юности служил на торговом судне, ходил на нем из Архангельска по северным морям; однажды его судно, застигнутое внезапными морозами, было вынуждено зимовать возле небольшого чукотского стойбища. За долгие месяцы зимовки сблизился с ребятей из стойбища, втянул в спортивные занятия, ребята часто приходили к Утехину на судно. Словом, сдружились. «Андрей Борисович» произносить маленьким чукчам было не просто, так они взяли и переименовали на свой лад — Абу. Утехину новое имя понравилось.

Абу так Абу! Мне тоже показалось оно удобным и хорошим именем...

Началась наша дружба с того дня, когда он впервые пришел меня проводить.

Абу — настоящий человек. А ко всему прочему он еще имеет замечательную профессию — капитан дальнего плавания. Много лет плавал на разных торговых судах. В Планерское приехал в отпуск. Отпуск у капитанов бывает большой — три месяца. Месяц Абу решил провести в доме, где прошло его детство.

— Не повезло тебе, дружище! На вершине Карадага побывать, конечно, интересно...

— А Турцию оттуда видно? — спросил я.

Он удивился:

— Турцию? Да как же ее, Турцию, можно увидеть с такой горушки? Даже будь здесь сам Эверест, с его вершины все равно Турцию не разглядели бы!

Я в упор взглянул на Ленку:

— Эх, ты! — Почувствовал, как у меня задрожали губы. — Эх, ты! Обманула, значит?

На белом Ленкином лице медленно проступили красные пятна.

— Я же не знала... мне так ребята сказали. Я... я...

В ее глазах блеснули слезы. Абу поднял руку:

— Не ссориться! Расскажите все по порядку.

Я рассказал. Обо всем! О том, как я мечтал написать в своем школьном сочинении про то, что своими глазами видел берега Турции, о том, как готовились к походу, как читали книги по Турции. А что напишу теперь? Про то, как по потолку мухи ползут? Или о несладкой дыне, которую

принесла мне Ленка? Или о том, как на кухне ворчит бабуля?

Брови Абу строго сдвинулись:

— Не тот тон держишь, дружище! Пустяк: трещина в ноге! В твоём возрасте заживет быстро. Небольшой печальный эпизод, а ты из этого делаешь трагедию.

Он помолчал.

— Говоришь, о Турции хотел написать? — Вдруг внимательно посмотрел на меня. — Я вижу, ты любишь придумывать всякие истории.

— Люблю.

— А ты? — спросил Абу Ленку.

Ленка еще не перестала на меня обижаться, сидела надутая, но все же утвердительно кивнула.

— Вот и хорошо! — улыбнулся Абу. — Предлагаю вам двоим вместе со мной отправиться в Турцию.

— Как так? — не понял я.

— А очень просто. Живем мы с вами сейчас на море. Значит, морем и отправимся. Считайте, что в недалекой отсюда Феодосии у моряков получили мы с вами новую яхту для дальних плаваний. Крепкую, надежную, с сильным двигателем и хорошей парусной оснасткой. Корпус у нее белый, а паруса оранжевые.

— Красиво! — восхищенно прошептала Ленка и впервые улыбнулась. — А как яхта называется?

— Важный вопрос! Для корабля хорошее имя первейшее дело. Давайте подумаем, — сказал Абу.

Я ничего не понимал:

— Как же мы отправимся в Турцию, когда у меня вот... нога?

Абу и Ленка рассмеялись.

— Чудак! — сказала Ленка. — Так ведь это же не правду, а понарошку, это же будет придумка, мечта... — Она взглянула на Абу: — Верно я говорю? Мечта. — Ее лицо вдруг стало серьезным, она тихонечко хлопнула в ладоши и выдохнула: — Мечта!!!

— Не понимаю, — сказал Абу.

Лена зазвенела, как колокольчик:

— Придумала! Придумала! — Стала прыгать у моей кровати. — Яхту мы назовем «Мечта».

Абу широко улыбнулся:

— Молодец! Отличное название! Я — «за»! А ты? — Он обернулся ко мне.

Что тут скажешь, конечно, обидно, что не я, а Ленка придумала такое название, но оно для яхты вполне подходило.

— Тоже «за»! — промямлил я, хотя еще до конца не понял, что же задумал Абу.

А тот весело блеснул глазами:

— Значит, все в порядке. Судно есть, название у судна имеется, горючее, провиант и воду погрузим сегодня ночью, а утром возьмем курс на Турцию. Я буду капитаном, Антон — старшим помощником, Лена — вторым помощником. Кроме того, все мы одновременно станем матросами, мотористами, штурманами, коками... Он поднялся, протянул мне руку, пожал крепко, как взрослому: — До завтра! Продумай как следует, что надо с собой взять для путешествия. — Обернулся к Ленке: — Ты тоже подумай. Утром я сюда приду, мы всё погрузим на борт и отправимся.

— А карты у вас есть? — спросил я. — Карты, по которым мы будем прокладывать наш маршрут?

Абу озадаченно наморщил лоб.

— Хорошо, что сказал. О картах как-то и не подумал. А какое же у нас будет плавание без мореходных карт? Пойду добывать карты и пригляжу, чтобы ночью на судно доставили горючее для двигателя, воду и провиант.

Они с Леной ушли, а я остался лежать в замешательстве. Вот ведь что придумали: путешествие в Турцию! Как же это мы будем путешествовать, когда я лежу в кровати? Игра какая-то получится, что ли? Выдумка, мечта... И с кем выдумывать-то? С Ленкой? А что она может знать о море и о Турции? Да разве она может быть членом экипажа яхты в таком плавании? Подумаешь, второй помощник! Болтушка она, и все. Наслушалась всякой ерунды: Турция — с Карадага! стыдно было перед Абу.

Я до вечера думал о завтрашнем «путешествии», и чем больше думал, тем мне грустнее становилось. Не получится у Абу ничего с этой затеей! У меня противно ныла нога, в комнате было душно, на оконном стекле жужжали мухи.

Перед тем как заснуть, я подумал, что в дорогу, пожалуй, надо обязательно взять шариковую ручку и толстую тетрадь — для дневника.

«ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...»

Абу пришел на другое утро. На голове черная капитанская фуражка с золотым «крабом», будто он в самом деле собрался в плавание. Бабуля была так ему рада, что не знала, куда усадить: предлагала чайку, пирожки, которые испекла накануне. И всё: «Андрей Борисович, Андрей Бори-

сович!», а мне делала страшные глаза, когда я называл гостя «Абу». Это имя бабушке не нравилось.

Абу сел в старое кресло, которое ради гостя было принесено из хозяйской гостиной; кресло скрипучее, с вытертым плюшем, с продавленными пружинами, но сидеть в нем уютно.

Рядом с Абу на стуле разместилась Ленка. Около моей кровати окно было распахнуто настежь. Абу взглянул через окно на Карадаг, потом на меня, Лену, перевел взгляд на бабулю, которая снова забежала в мою комнату, чтобы еще раз спросить Абу, не хочет ли он хотя бы холодного молочка.

— У меня, товарищи, есть дурная привычка — я курю, — сказал Абу тихо. — Надеюсь, что от этой привычки я скоро избавлюсь, потому что твердо решил в нынешнее лето бросить курить. Разрешите мне несколько затяжек?

Он медленно набил трубку желтым пахучим табаком, прижег табак, прикрывая люльку большим пальцем правой руки, медленно затянулся и, так же не торопясь, выпустил дым из ноздрей в сторону открытого окна. На его сухом длинном лице отразилось удовольствие, у глаз образовались пучочки морщинок, а глаза стали задумчивыми и строгими.

— Вот какое дело, ребята! — сказал Абу. — С отплытием порядок. Яхта стоит у причала. Все необходимое мы с вами погрузили на ее борт, навигационные карты готовы, разрешение на выход в море имеется...

Он вынул из кармана конверт, на который были наклеены яркие почтовые марки.

— Надо сегодня зайти на почту, отправить это письмо, — продолжал Абу. — Дело в том, друзья, что в Болгарии у меня есть давний друг, очень хороший друг...

Он минуту помолчал:

— Однажды мой сухогруз стоял у берегов Ганы на рейде порта Такоради — мы привезли в Гану автомашины и должны были взять какао-бобы. Жара, влажность — нелегкий район. И надо же такому случиться: как раз накануне того дня, как мое судно собиравшись поставить к причалу, случилась беда. У меня и раньше побаливало в правой стороне живота. А тут вдруг крепко схватило. Корабельный фельдшер определил: «Приступ аппендицита». Нужна немедленная операция. Сам фельдшер делать не решался... А тут, как назло, разыгрался шторм. Стоим на рейде, далеко за пределами порта, фактически в открытом океане. Ночь, ветер свистит, теплоход валит с борта на борт, а меня крутит — боль в животе нарастает. Нужно вызывать хирурга с берега.

Четверо ребят-матросов сумели спустить в кипящее море бот и ушли в ночь. Я об этом не знал, а то бы воспротивился: дело затеяли опасное. Вскоре я впал в бессознательное состояние. Пришел в себя уже после операции. Открыл глаза и вижу над собой усатое лицо и нос крючком, как у орла, и темные смеющиеся глаза.

«На здоровье!» — сказала эта усатая физиономия.

Так я познакомился с Тодором Карабойчевым, болгарским хирургом. Нелегко было ночью отыскать хирурга. Оказалось, что в местном госпитале работает болгарин, опытный специалист. «Помогите, наш капитан умирает». Уговаривать не пришлось. На предельных скоростях автомашина домчалась до причала, где стоял бот. И вот в штормовую темень бот отправился в океан. Все прошло благополучно, но я представляю, как рисковали пассажиры бота. Шторм в ту ночь был крепкий. В нашем судовом лазарете Карабойчев вместе с фельдшером вспороли мне брюхо и спасли от гибели. С того дня мы и стали друзьями с Карабойчевым. Он давно вернулся в свою родную Болгарию, работает в Варне хирургом в курортной больнице.

И вот через два дня исполняется моему другу пятьдесят лет. Написал я поздравительное письмо, да запоздал с отправкой: адреса никак не мог отыскать — блокнот куда-то затерялся, и обнаружил пропажу только сегодня. За два дня не дойдет письмо до Варны, а жаль! Хотелось бы к сроку...

— Как же быть? — вздохнула Лена, и ее лицо печально вытянулось.

Меня вдруг осенило:

— Куда мы завтра уходим на яхте?

— В Турцию, — сказал Абу.

— Так давайте маршрут изменим и завернем вначале в Болгарию. Пусть письмо идет своим путем — почтой, а мы на яхте прибудем в Варну и поздравим вашего друга лично. Как вы думаете?

Абу улыбнулся:

— Именно так я и думаю. Отличная идея!

— Значит, идем вначале в Болгарию? — обрадовалась Ленка.

— Завтра, — кивнул Абу, — отправляемся в путь. А ты, Леночка, беги сейчас в библиотеку, забирай все книги, которые найдешь про Болгарию, тащи к Антону. Читайте, выпишивайте. Постарайтесь как можно больше узнать про страну, особенно про Варну.

Абу спрятал письмо обратно в карман, встал:

— Ну, я пошел на почту.

Он поднял в приветствии руку:

— По морям, по волнам...

Я весело подхватил:

— Нынче здесь, завтра — там...

...В девять ноль-ноль другого дня мы отдали швартовы. Абу скомандовал: «Полный вперед», я вытянул почти до отказа рукоятку газа, и мотор нашей яхты стал уверенно и мощно рассекать набегающую волну.

Абу, Лена и я стояли в рулевой рубке. Мы были счастливы. Ленка растягивала рот до ушей; казалось, что даже веснушки на ее щеках прыгают от удовольствия. Абу улыбался тоже, но сдержанно, как и положено капитану.

Мы стояли в рубке, следили за приборами. Абу держал руки на штурвале, нос судна целился в открытое море. Временами мы посматривали в сторону кормы — за нашими спинами, за толстыми стеклами задней стенки рубки уплыла все дальше и дальше от нас родная земля. Яркое утреннее солнце, золотом отсвечивало на гребнях волн, свежий, пахнущий морем ветер гулял по рубке, тербил наши волосы.

Абу первым начал:

...Буря, ветер, ураганы,
Ты не страшен, океан!

Мы с Ленкой подхватили:

Молодые капитаны
Поведут наш караван...

Мы пели любимую песню Абу, которая ему запомнилась с детства, с далеких довоенных времен, песня, которая, может быть, и вывела его на дорожку моряка.

И с победой возвращались
К тихой гавани домой...

Мы пели песню, и ветер подсвистывал в снастях нашим голосам.

Перед нами открытое море, и наше судно мчит на запад, к берегам Болгарии. Не на всех парусах, а на всех лошадиных силах, которые заключены в мощном дизеле «Мечты». А паруса мы пока не трогаем. Абу сказал, что нам в пути еще предстоит обучиться ставить, убирать и маневрировать под парусами. А дело это сложное.

Мы с Леной не теряем времени даром. Прежде всего с помощью Абу учимся управлять судном.

Старались вовсю и, кажется, добились некоторых успехов. Судно нас слушалось. Штурвал на нем легкий, даже Лена со своими девчачьими силами легко с ним справляется. А я тем более. Абу похвалил:

— Кажется, из вас получатся отличные рулевые. За это я спокоен. Теперь нам надо освоить штурманское дело. Оно посложнее...

Лена решительно заявила:

— Все готова делать: стоять на штурвале, крепить паруса, готовить вам обеды, даже мыть за вас посуду и драить палубу, но штурманом быть не могу: с математикой я не в ладах, такое навычисляю, что вы не в Болгарию попадете, а будете ходить по кругу в центре Черного моря.

Мы пожали плечами: что ж делать с девчонкой, придется уважить просьбу.

Так мы поделили обязанности. В полдень Лена заявила, что пора нас кормить, и отправилась на камбуз. Мы были довольны: теперь у нас есть добровольный кок.

Через час на яхте зазвенел гонг: обед готов.

А после обеда произошло событие, о котором мы должны были записать в вахтенном журнале. Делать записи в этом журнале Абу поручил мне.

— В журнале записи должны быть краткими, — поучал Абу. — Но поскольку рейс у нас необычный, в этом путешествии мы впервые открываем неведомый мир, нас наверняка ждет немало приключений, вахтенный журнал можно превратить в путевой дневник.

Значит, я получил еще одну обязанность на борту «Мечты» — быть летописцем. Это было мне на руку — ведь предстояло писать для школы летнее сочинение. А что может быть лучше нашего путешествия для такого сочинения?

Так вот вскоре после обеда мы в открытом море встретили огромный пассажирский теплоход. Во время нашего пути из Планерского суда появлялись то и дело, но шли они далеко. А этот вдруг выполз из-за горизонта прямо по нашему курсу, и мы сразу же поняли, какой он большой.

— Пассажир! — сказал Абу, присмотревшись через бинокль к синему пятнышку на самом краю моря. — «Иван Франко» или «Шота Руставели».

Но он ошибся. Когда громадина приблизилась к нам настолько, что можно было в бинокль разобрать ее имя, мы прочитали: «Михаил Лермонтов».

— У меня на нем приятель капитаном, — радостно сообщил Абу.

Какое это было красивое судно! Черный борт, ослепитель-

но белые палубные надстройки, красный кант на дымовой трубе, а высотой больше семиэтажного дома.

— Семь этажей! — изумлялась Лена. — Настоящий плавающий дом! Вот бы на нем прокатиться!

— На судах не этажи, а палубы, — заметил Абу.

Он снова приставил к глазам бинокль, долго рассматривал приближающееся судно.

— Порт приписки Ленинград, — сказал Абу. — Значит, на Черное море он попал с круизом. Должно быть, какая-нибудь иностранная компания зафрахтовала, то есть наняла судно для развлекательного путешествия туристов.

Красавец теплоход проходил от нас в полумиле. Абу вдруг шагнул на корму, быстро достал из ящика несколько разноцветных флагов, прикрепил к линю, ловким и точным движением вознес к вершине мачты.

Как красиво они затрепетали на ветру!

— Это я поднял выраженное флагами приветствие: «Счастливого плавания!» — пояснил Абу.

Можете себе представить, как мы обрадовались, когда через несколько минут на мачте «Михаила Лермонтова» нам в ответ поднялись такие же флаги: «Счастливого плавания!» На палубах теплохода собралось множество пассажиров, они махали нам руками, шляпами, платками. А еще через две минуты удаляющийся теплоход вдруг огласил море тремя мощными басовитыми гудками — попрощался с нами. Мы прыгали от восторга. Еще бы! Такой гигант нас заметил и обошелся с нами, как с равными.

Абу задумчиво улыбался.

— Это была не просто морская вежливость, — сказал он. — Я думаю, приветствовали нас так потому, что наша яхта называется «Мечта».

ОН БУДЕТ ЖИТЬ

Берега Болгарии показались неожиданно. Первой их обнаружила опять же Ленка. Как закричит:

— Земля, земля!

Глазастая! Без бинокля разглядела. Не зря называется художницей.

Абу склонился над штурманским столиком, поводил по расстеленной на столике карте циркулем, сделал расчеты на листке бумаги и торжественно объявил:

— Выходим на траверс Варны. По предварительным расчетам, в Варне будем через три часа.

Поначалу Болгария представилась узенькой синей полоской на горизонте. Потом полоска стала утолщаться, верхняя кромка ее забугрилась — это обозначались контуры далеких гор. Над «Мечтой» с криком носились болгарские чайки, словно приветствовали нас... Все чаще попадались навстречу суда — торговые, танкеры, рыболовные.

Мы с волнением подходили к Варне. Кварталы старинных домов соседствовали с большими районами новостроек. Варна утопала в густой зелени, и сразу было ясно, что это большой и курортный город. Нам кое-что удалось прочитать о нем еще в Планерском. В вахтенный журнал я вписал: «Подходим к порту Варна. Это третий в Болгарии город по численности населения. Основан в VI веке до н. э. греческими колонистами. Крупный современный порт. Различные промышленные предприятия. Оперный и драматические театры, богатый приморский парк...»

Мы отдали швартовы в том районе порта, где пристают катера и яхты. Абу лихо подвел «Мечту» к деревянному причалу. На причале швартовый конец поймал загорелый парень в белой морской фуражке, крикнул, обнажив крепкие зубы:

— Здравейте!

Мы прыгнули с яхты на доски, и Абу весело объявил:

— Поздравляю с прибытием на землю братской Болгарии!

Было утро. Мы решили, что прежде всего отыщем Карабойчева, а уж потом осмотрим Варну; может быть, даже съездим на знаменитый курорт Золотые Пески.

Парень в морской фуражке представился: зовут Бойчо, работает в порту техником, а в свободное время занимается парусным спортом. Сказал, что рад приветствовать советских яхтсменов и готов помочь во всем.

— Спасибо! — обрадовался Абу. — От помощи не откажемся. Нам нужно отыскать друга. Он живет...

Абу достал из кармана листок бумаги и протянул Бойчо.

— Это на другом конце города, — сказал Бойчо, взглянув на записку. — Пойдемте!

Мы прошли мимо портовых построек, складов и пакгаузов и вскоре оказались на большой улице. Густым потоком мчались по ней автомобили, по тротуарам двигалась шумная толпа горожан. Я пригляделся к болгарам. В большинстве черноволосы, с темными глазами, по-южному смуглые. У некоторых мужчин такие замечательные усы, что глаз не оторвешь. Многие молодые женщины похожи на артисток — прямо в кино снимай. Я сказал об этом Абу.

— Болгары — красивый народ, — кивнул он. — Это ты точно подметил. И самое главное — добросердечный.

— Может быть, нам лучше пешком добраться до места? — спросил я. Хотелось поглядеть на Варну.

Бойчо утвердительно закивал головой, но почему-то словами высказал несогласие.

— Нет! Идти далеко, лучше на такси.

Я его спросил, бывал ли он в Советском Союзе? Он энергично из стороны в сторону завертел головой и сказал, что бывал на торговом судне в Одессе.

Мы с Леной недоуменно переглянулись: так был или не был?

Абу рассмеялся:

— Как же вы это, друзья мои, не вычитали в книжках о Болгарии, что в этой стране, когда говорят «да», то отрицательно вертят головой, когда — «нет», то, наоборот, кивают вроде бы утвердительно. Конечно, для нас с вами непривычно, но так принято у этого народа. В разговоре с болгарами внимательно контролируйте движение своей головы.

Мы все весело смеялись, а Бойчо больше всех.

Наконец мы добрались до нужного района и вскоре очутились на тихой зеленой улочке с невысокими, в два-три этажа, домами, с тенистыми тротуарами, над которыми развесили свои кроны старые деревья. Без труда отыскивали нужный дом, поднялись по прохладной лестнице на второй этаж, нажали кнопку звонка. Дверь почти сразу же открылась, и на пороге мы увидели невысокого полного человека с розовым лицом, на котором, будто дорогое украшение, торчали пышные, ухоженные, слегка седеющие усы. От изумления человек раскрыл рот, и усы его оттопырились, как у таракана.

— Андрюша! — басом выдохнул он, делая шаг вперед и раскрывая для объятий руки. Но не обнял, а так и застыл с раскинутыми в стороны руками. — Нет, это не ты! Не может такого быть!

— Я! Я! — смеялся Абу, прижимая к груди друга. — Прибыл тебя поздравить!

Карабойчев чуть его отстранил:

— Значит, ты помнишь, что мне сегодня, мне сегодня...

— Пятьдесят! — закончил Абу. Он сделал движение рукой в нашу сторону: — А это мои юные друзья — Антон и Леночка, экипаж нашей яхты, и Бойчо, наш новый друг, который показал дорогу к твоему дому.

Карабойчев еще шире распахнул дверь:

— Заходите, друзья, будете сегодня моими самыми дорогими гостями. Счастлив, что вы приехали!

Он познакомил нас со своей женой, с дочкой, с разными родственниками, молодыми и пожилыми, которых оказалось великое множество. По обстановке в квартире сразу было видно: у хозяина большой праздник. В комнатах накрытые для гостей столы. На столах, полках, сервантах, тумбочках в вазах стояли огромные букеты цветов. Все были нарядно одеты, все сияли улыбками, особенно хозяин. Я не очень-то мог понять, почему они так радуются, когда человеку исполнилось пятьдесят. Полвека — это же так много! Но Тодор Карабойчев не был похож на пожилого человека. Хотя его черная шевелюра, его пышные усы отдавали заметной проседью, хотя из-под его пиджака выпирал довольно солидный животик, наш новый друг оказался человеком веселым, заводным, вертелся по квартире как волчок, бросал распоряжения, на ходу обменивался фразами с Абу: «А помнишь тогда...», «А встречал ли ты?..», помогал расставлять на столе тарелки и бокалы.

Дверь в квартиру почти не закрывалась. Приходили все новые гости — нарядные, торжественные, обнимались с Карабойчевым, вручали ему цветы, свертки, перевязанные яркими шелковыми ленточками, говорили по-болгарски всякие приветственные слова, которые мы не понимали. Когда собралось человек пятьдесят, не меньше, хозяин позвал гостей к столам.

И вот наконец все уселись, в бокалы было разлито вино, кто-то из самых седых и пожилых уже покручивал усы. Ждали первого торжественного тоста. Вдруг в дверях раздался еще один звонок — длинный, настойчивый. Все решили, что пришел запоздавший гость. На пороге появился юноша в кожаной куртке. В одной руке он держал шлем мотоциклиста, в другой — конверт. Протянул конверт Карабойчеву. Тот взял его с улыбкой — должно быть, считал, что пришло очередное поздравление, не торопясь вскрыл, вынул листок с текстом, пробежал текст глазами и вдруг нахмурился. Некоторое время молчал, потом поднялся и сказал:

— Дорогие гости! В молодежном лагере на Золотых Песках случилась беда с югославским студентом. Срочно вызывают на консилиум. Может быть, придется делать операцию.

Он обвел взглядом сидящих за столом встревоженных гостей, улыбнулся и бодро заявил:

— Праздник не отменяется. Считайте, что я с вами. Вернувшись, надеюсь вас еще застать здесь.

Абу поднялся из-за стола вместе с хозяином.

— Мы поедем с тобой, Тодор, если не возражаешь. В Варне у нас только один день, и утром нужно отправляться в путь. А я так давно тебя не видал.

— Конечно!— обрадовался Карабойчев.— У меня в машине хватит места для всех.

Автомобиль мчался на полной скорости по шоссе, которое тянулось вблизи моря. За рулем сидел Карабойчев, рядом с ним Абу, а мы с Леной — на заднем сиденье. Ехали по знаменитому на весь мир болгарскому черноморскому побережью. Мы глядели во все глаза, стараясь как можно больше увидеть и запомнить. Казалось, попали в мир счастливых и веселых людей. Повсюду встречались загорелые мужчины, женщины и дети с беззаботными лицами.

— Это отдыхающие,— пояснил Карабойчев.— Курорты у нас международные, приезжают со всех концов света. Нравится им наше болгарское побережье.

Нам с Леной оно тоже понравилось. Рябило в глазах от ярких красок — желтые пески пляжей, синие, красные, оранжевые солнечные зонты, пестрые купальники отдыхающих, белые стены огромных, уходящих в небо корпусов санаториев и гостиниц в зеленых волнах садов и парков, горы где-то в глубине страны и ярко-голубое море, торжественное, праздничное, зовущее к себе.

— Ох, как хочется искупаться!— вздыхала временами Лена.

Я пытался увещевать ее:

— Какое купание, когда человек в беде!

Она покорно кивала:

— Я ведь просто так...

Наконец мы остановились возле красного двухэтажного здания больницы. Карабойчев так резко затормозил перед подъездом, что я чуть не ударился грудью о переднее сиденье. У дверей его ждала женщина в белом халате. Я увидел, как вдруг изменилось лицо хирурга. Теперь оно стало суровым.

— Побудьте здесь!— приказал он нам.— Об обстановке сообщу.

И тут же скрылся за дверями. Мы вышли из машины, сели на скамейку в тенистом саду. По дорожкам бродили люди в одинаковых зеленых больничных халатах. Лица у них были совсем не такие, как у тех, кого мы видели на пляжах и приморских скверах,— бледные, худые, вовсе не беззаботные. Не очень-то весело попасть в больницу даже в таком прекрасном месте.

Меж стволами деревьев больничного сада проступала сияющая синь недалекого моря, в ветвях звенели воробьи, из окон соседнего дома доносилась музыка — кто-то заводил радиолу, было нежарко и тихо. Мы молча сидели на скамейке и думали о югославском юноше.

— Хочу верить, что все с ним будет в порядке, — сказал Абу задумчиво, набивая табаком свою старую трубку. — Тодор Карабойчев — отличный хирург, он может делать чудеса.

— А что же все-таки с югославом случилось? — в который раз спросила Лена и, снова не получив ответ, вдруг предложила: — Может быть, нам пойти узнать? А?

Я разозлился: то купаться хочется, то не терпится узнать о том, что ей не считают нужным говорить.

— Помолчи! — обрезал я, и она, надув губы, затихла.

Через полчаса из больницы торопливо вышел Карабойчев, повертел головой, отыскивая нас в саду. Мы поспешили ему навстречу.

— Ну, что? — спросил Абу.

Карабойчев улыбнулся одними глазами:

— Парня спасем! Хотя потрепало его крепко. Приехал из Югославии на мотоцикле. Живет в Дубровнике. Студент исторического факультета. Изучает интересную проблему — древние связи между Дубровником и Варной. Оказывается, еще в восьмом веке из Дубровника в Варну заходили торговые корабли...

— А что же все-таки с ним случилось? — тихо спросила Лена.

— Обычное дело, — вздохнул Карабойчев. — На полном ходу врезался на мотоцикле в дерево. Несколько переломов и кровоизлияние в желудок. Сейчас готовят к операции.

— Оперировать будешь ты? — спросил Абу.

— Нет! Приехал профессор Стоянов. А я ассистентом... — Карабойчев взглянул на часы: — У меня в распоряжении пятнадцать свободных минут. Давайте-ка заглянем в ближайшее кафе.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Ленка, но, взглянув на меня, тут же затихла.

Недалеко от больницы в конце тенистой аллеи пряталось небольшое кафе, построенное под крестьянскую избу: стены бревенчатые, крыша дощатая, столы и скамейки тяжелые, из грубых брусков, на стенах полки и на них глиняные кувшины.

Карабойчев попросил официанта принести «что-нибудь быстрое», и нам предложили блюдо, похожее на шашлык,

только очень перченое, целый кувшин холодного, со льда, виноградного сока и вкусные, хрустящие корочками лепешки.

— Вот наконец я и встречаю свое пятидесятилетие! — усмехнулся Карабойчев. — У нас, у хирургов, всегда не так, как у людей. Будем надеяться, сегодня все пройдет удачно... Такой славный парнишка! В сознании. Мужественно терпит страшную боль. Переживает, что катастрофа сорвала его планы. Ехал в Варну, торопился к отходу югославского теплохода. Через два дня в Дубровнике открывается международная историческая конференция, посвященная древним связям народов, населяющих южные европейские моря. Благович должен был выступать на ней. И вот все сорвалось. Попросил меня отослать рукопись в Дубровник на конференцию — пусть друзья за него хотя бы огласят его работу. Почтой отправлять боится. Ведь единственный экземпляр. Просил позвонить в Варну в порт: не идет ли в Дубровник попутное судно. Мы звонили — нет таких судов, и не ожидается. Что делать с рукописью — не знаю. Студент говорит, что от этого доклада зависит его диплом и научное будущее. — Карабойчев вдруг решительно схватил вилку: — Заговорил я вас, а вы голодные!

Некоторое время мы молча жевали шашлык, запивали холодным виноградным соком.

— Вкусный сок, — похвалила повеселевшая Лена.

Карабойчев вздохнул:

— А у меня дома гости, должно быть, разгулялись сейчас вовсю. Тост за тостом...

— Знаю, за что они сейчас поднимают тосты, — сказал Абу. — За то, чтобы ты спас югославского парня.

Поели мы быстро и вышли на улицу. Подходя к больнице, Карабойчев вдруг спросил Абу:

— Послушай, как мне помнится, у тебя кровь третьей группы с отрицательным резусом?

— Да! — удивился Абу. — А что?

— Да так... — неопределенно ответил болгарин. — Очень редкая у тебя группа крови.

Абу остановился.

— Ты что-то не договариваешь, Тодор. Отвечай!

Карабойчев потрогал свои усы.

— Видишь ли, именно такая кровь у югослава. Придется делать переливание, а нужной крови в больнице не оказалось. И донора подходящего нет. Послали в Варну. Но вдруг доставку задержат?... — Он посмотрел на часы: — А операцию нужно делать немедленно. Сейчас уже там все готово.

Мы взглянули на Абу. У него решительно сжались скулы.

— Я готов! — сказал коротко. — Куда идти?

Карабойчев обнял его за плечо:

— Я не сомневался, дружище, что ты так и скажешь. Но пока идти никуда не надо. Надеюсь, кровь все-таки привезут из Варны.

— А если не привезут?

— Тогда я позову тебя, хотя мне не очень-то приятно дорогого гостя, приехавшего ко мне на юбилей из другой страны, вместо того чтобы посадить за праздничный стол, класть на стол операционный.

— Ты же тоже не собирався встречать свой юбилей в больнице!

Карабойчев развел руками.

— Посидите пока в саду. Если понадобится, за тобой пришло. Если нет — идите к морю, погуляйте, передохните, а сюда возвращайтесь часа через три, не раньше.

Он махнул нам рукой и ушел твердыми шагами уверенного в себе человека.

Мы сели на нашу прежнюю скамейку. Я хотел что-то сказать Абу, ну как-то выразить ему свое восхищение, но Абу предложил:

— Ребята, давайте я кое-что расскажу о Болгарии и болгарях. Это не только добрый, но и сильный народ. Между прочим, знаете ли вы, что легендарный Спартак, вождь восставших рабов Древнего Рима, родился в Болгарии. В небольшом городке, который расположен не так далеко от Варны, стоит памятник Спартаку...

Из дверей больницы выбежала женщина в белом халате и скорым шагом направилась к нам.

— Это за мной, — сказал Абу. Он положил нам на плечи руки. — Вам приказ: идти гулять к морю, как можно больше увидеть, запомнить, чтобы потом подробно записать в вахтенном журнале. — Он нажал пальцами на наши плечи: — Вы слышите? Это не просьба, а приказ капитана! А через три часа явиться сюда и ждать нас с Тодором. Надеюсь, что мы сообщим вам добрую весть.

— Есть, товарищ капитан! — сказал я.

— Есть, товарищ капитан! — повторила за мной Лена.

Приказ мы с Леной выполнили. Три часа бродили по набережной и улицам курорта, смотрели на людей, дома, природу, немного позагорали на пляже под лучами заходящего вечернего солнца, даже искупались.

Но все-таки настроение у нас было не такое уж безза-

ботное. Все на ум приходило: как там югослав, как наш отважный Абу?

К больнице пришли раньше положенного часа. Сели на знакомую скамейку. Смеркалось. Больничная дверь открывалась все реже и реже. Потом быстро стало темнеть, и в корпусе вспыхнули окна. На втором этаже четыре окна горели особенно ярко. Может быть, именно там и идет операция?

— Так вот где они прячутся!

От неожиданности мы вскочили. Около скамейки стоял Карабойчев и вместе с ним Абу.

— И давно вы здесь?

— Не очень,— пробормотал я.

— Выполнили приказ, посмотрели, что было задано посмотреть? — с шутливой строгостью спросил Абу.

— Посмотрели...

— То-то! А мы тоже выполнили приказ: операция прошла успешно. Тодор говорит: юноша будет жить.

— Да,— подтвердил Карабойчев.— Сделали все, что могли, и в этом помог Андрей Борисович, или, как вы его зовете, Абу. Его отважная капитанская кровь теперь течет в жилах юного югослава.

— Можно, я вас поцелую? — вдруг тихо спросила сияющая Лена, взглянув на Карабойчева.

Тот расхохотался.

— Конечно, с удовольствием! — и, наклонившись, подставил свою щеку. Потом взглянул на своего друга: — А Абу? Он тоже заслужил.

— Абу нельзя! — возразил я.— Он наш капитан. А помощники своего капитана не целуют.

Что еще сказать об этом удивительном дне? Мы вернулись в Варну, в дом Карабойчева. Гости не разошлись, наоборот, прибавились новые. Все знали о результатах операции, потому что звонили в больницу. И когда снова расселись по своим местам, то настроение у гостей было самым счастливым. Один за другим вставали из-за стола и говорили прекрасные слова о Карабойчеве, о его талантливых руках хирурга, его большом прекрасном сердце.

А потом поднялся сам Карабойчев:

— Не могу себе представить большего счастья, чем то, что выпало мне сегодня, в день пятидесятилетия,— участвовать в спасении человека...

Я слушал Тодора Карабойчева и думал о том, что, конечно, моряком стать хорошо, но и хирургом неплохо. Пройдет много-много лет, мне тоже исполнится пятьдесят, и как

радостно будет произнести такие же замечательные слова, которые мы слышали сейчас от Карабойчева. Я смотрел на сидящего напротив меня Абу. Лицо его после сдачи крови побледнело и даже осунулось, но глаза сияли. Смотрел на Лену — щеки у нее краснее помидоров, никогда еще не видел такого румянца. Открыв рот, она неотрывно глядела на Карабойчева, и я могу поспорить, что в этот момент тоже мечтала стать хирургом, а не художницей. Я смотрел на Карабойчева, у которого под усами почти всегда прячется такая добрая улыбка, что хочется подойти и пожать ему руку, смотрел на гостей юбиляра... Как хорошо, что на свете существуют такие люди! И как бы хотелось встречать таких прекрасных людей и завтра, и послезавтра, всегда и везде!

Вдруг раздался настойчивый звонок в дверь. Все затихли и настороженно взглянули на хозяина. Неужели опять вызов? Совсем приуныли, когда в квартиру вошел молодой человек в шлеме мотоциклиста и кожанке и, взглянув в бумажку, спросил:

— Товарищ Карабойчев здесь живет?

— Да! — подтвердил юбиляр упавшим голосом.

— Вам просили передать...

Он шагнул за дверь и внес в комнату огромную корзину роз.

— От кого это? — удивился Карабойчев.

Юноша пожал плечами:

— Не знаю. Просили сказать, что от одного из тех, кому однажды вы спасли жизнь...

Ночевали мы в квартире юбиляра, а рано утром отправились в порт. Провожала нас вся семья Карабойчевых; пришел Бойчо, который вместе с нами тоже оказался вчера гостем юбиляра.

Ровно в семь утра, простившись с болгарскими друзьями, «Мечта» отдала швартовы и взяла курс в открытое море. У штурвала стоял Абу, мы с Леной рядом с ним.

Вдруг Абу сказал:

— Сообщаю приказ: путь наш на юг, в проливы Босфор и Дарданеллы. Но в Турции останавливаться не будем. Наша цель дальше. — Он обернулся ко мне: — Встань-ка за штурвал, а я что-то вам покажу.

Ушел в каюту и вскоре вернулся с картонной папкой в руках. Осторожно раскрыл папку. Мы увидели, что в ней лежит толстая пачка листов, исписанных торопливым почерком на непонятном языке.

— Это папка югославского студента Благоевича, — сказал Абу. — Раз ему так нужно отправить ее на Дубровник

к открытию конференции, так она будет в Дубровнике! Нет возражений?

— Нет! — хором откликнулись мы с Леной.

Абу взглянул на компас:

— Курс сто тридцать два!

— Есть, капитан! — ответил я. — Курс сто тридцать два!

ПО КУРСУ — ДУБРОВНИК

На этот раз мы уже шли под парусами. Ведь яхта-то парусная, двигатель у нее только на подмогу.

Как только мы покинули Варну и оказались в открытом море, Абу сказал:

— Ветер сейчас подходящий, почти попутный. — И он принялся орудовать мудреными снастями яхты.

Теперь самый раз рассказать о нашей «Мечте». Я еще не видел ее со стороны, в море, но воображаю, какая она красавица, когда идет под полными парусами. Наверное, похожа на заморскую птицу, распутившую оранжевые крылья. Как сказал Абу, «Мечта» — «посудина первоклассная». В длину большого железнодорожного вагона. Хорошая остойчивость, легка в управлении, может идти по курсу с закрепленным рулем.

Такова наша «Мечта», которая сейчас взяла курс к проливам Босфор и Дарданеллы. Судном управлял автоматический рулевой, и мы могли заниматься своими делами. Каюта у нас просторная, можно и отдыхать, лежа на мягких диванах, и писать дневник за широким столом, и читать книги, которые захватили с собой. Мы готовились к встрече с берегами Турции. Там, в Крыму, я надеялся Турцию разглядеть издали, да не удалось, а теперь внимательно всматриваюсь в горизонт, ожидая встречи с таинственной для меня страной. Жаль, конечно, что в Стамбуле, который на нашем пути, остановиться не сможем — нужно выполнить просьбу Благоевича. Дело есть дело!

— Взглянем на Турцию издали! — сказал Абу. — Она и издали интересна.

Утром другого дня мы стали приближаться к турецким берегам. Сперва Турция выглядела невысокой, ровной и сплошной полоской земли на горизонте, потом полоска вдруг раскололась и образовалась в ней трещина, к которой Абу и повел «Мечту». Этой трещиной оказался пролив Босфор.

И вот мы в проливе. Он широкий, но все же с борта яхты можно отлично рассмотреть берег и все, что на нем

происходит. А вскоре на нашем пути встал большой и красивый город. Это был Стамбул. Его кварталы лежали на правом, европейском берегу пролива. Мы рассматривали улицы, которые забирались по склону берега, вереницы автомобилей на улицах, толпы прохожих на тротуарах. Показал нам Абу знаменитую мечеть Баязида и огромный купол Софийского собора. Мы прошли под гигантским мостом, который был перекинут через пролив. Абу объяснил, что это один из самых длинных в мире мостов, построили его не так давно. Въезжаешь на мост на автомобиле в Европе, а выезжаешь в Азии.

С борта яхты взирая на Турцию — все равно что сидеть в кинотеатре на показе документального фильма. Кадр за кадром меняется, и не успеваешь увиденное запомнить. Вот почему в моем дневнике о Турции лишь одна страничка. Больше всего нам с Леной запомнилось то, что у одного и того же пролива один берег — Европа, другой — Азия. Надо же, видеть сразу две части света!

Ну, а потом было Мраморное море, пролив Дарданеллы; потом «Мечта» вышла в Эгейское море, и с правого борта в голубой дымке проступали то тут, то там голубые силуэты высоких и скалистых греческих островов.

Средиземное море встретило нас свежими ветрами. Обогнув греческие острова, мы взяли курс на север и вошли в Ионическое море. Некоторое время «Мечта» под полными парусами шла вдоль гористых и живописных берегов Албании, потом Абу, сделав отметку на штурманской карте, сообщил, что судно бороздит уже воды Адриатики, шестое море на нашем пути. Впереди был Дубровник.

Чем ближе подходили к Дубровнику, тем больше попадалось разных судов, особенно много было небольших баркасов и парусных шхун. Абу пояснил, что этот маленький флот доставляет в Дубровник всякую всячину. Рыбаки везут рыбу после удачного лова, дрова, выловленные у берегов, крестьяне торопятся к завтрашнему базару — в их баркасах бочки с вином, овощи, крестьянский сыр...

Вот наконец и проступили в туманной вечерней дымке веселые огоньки югославского города... Они были насыпаны густой кучкой у самого моря, яркими цепочками бус забирались по склонам возвышающихся над Дубровником гор, торопливым пунктиром автомобильных фар разбегались вправо и влево вдоль побережья.

— Красиво! — восхищалась Лена. — Вот бы нарисовать!

Это ее любимое выражение: «Вот бы нарисовать!» Все на свете хочется ей запечатлеть на бумаге.

Мы и не заметили, как яхта вошла в порт города Дубровника. Я первым прыгнул на дощатый причал и набросил петлю швартового каната на тумбу — так учил Абу.

— Здравствуй, Дубровник! — сказала восторженная Ленка и распахнула руки, словно хотела обнять весь город.

На молу толпилось множество народа. Это были шумные и подвижные мужчины и женщины с густыми черными волосами, с острыми, чеканными профилями горцев. Никто не обратил внимания на нас — в Дубровнике иностранцев множество. Только один старик вдруг остановил Абу и спросил, не нужны ли комнаты для жилья. Абу ответил, что комнаты не нужны, но вот будем благодарны, если он подскажет, как добраться до отеля «Эксельсиор». Именно этот отель мы и искали. Там работает отец Благоевича.

— Добираться просто, — сказал старик по-русски, по флагу на яхте догадавшись, кто мы. — Выходите на набережную — и направо. Шагайте по улице в конец города мимо старой крепости, там и отель. Он недалеко.

Старик еще раз внимательно оглядел нас и добавил:

— Напрасно выбрали «Эксельсиор». Очень дорогой отель. Одно разорение. Лучше идите в мой дом, отдам вам две хороших комнаты с видом на море и ни одного динара не возьму. Русские — желанные гости, мне будет приятно вам чем-нибудь помочь. Хорошо у меня отдохнете.

Мы горячо поблагодарили старого югослава за гостеприимство, но от его предложений отказались — приехали сюда не отдыхать.

Шагали по Дубровнику, любовались им. Красивый город, с необычной судьбой. Абу рассказал, что четыре столетия подряд Дубровник был независимой республикой. Его не удалось захватить иноземцам. Правители города защищали свои стены и дипломатией, и хитростью, и подкупом. Жили здесь купцы и ремесленники, торговали со многими странами, имели в торговле большую выгоду, и город от этого богател. Каким был в средние века, таким внешне сохранился и поныне. Шагаешь по его улицам, как по дорогам далекого прошлого. Под ногами отполированная столетиями брусчатка, за каменными заборами среди густой зелени старинные виллы, где когда-то жили богатеи; дорога идет мимо мощных стен и грозных башен крепости. Они возвышаются над глубоким рвом, который в давние времена был заполнен водой, чтобы враги не могли одолеть крепость. Над нашими головами покачивались на ветру большие средневековые квадратные фонари, в их свете временами мелькали

черные крылья летучих мышей. То и дело встречались бесцельно бродящие по улицам туристы. Они говорили по-английски, по-французски, но чаще всего до нас долетала немецкая речь. Сейчас Дубровник один из самых популярных туристских городов Югославии. Сюда охотно едут люди из разных стран, чтобы провести здесь, на берегу теплого и ласкового Адриатического моря, отпуск или каникулы. Осенью на этих улицах туристов больше, чем жителей. Особенно в те дни, когда в Дубровнике проводятся международные фестивали современной эстрадной песни или классической музыки.

А вот наконец и отель «Эксельсиор» — красивое многоэтажное здание на берегу моря. Мы вошли в просторный вестибюль.

— У вас работает шофером товарищ Благоевич? — обратился Абу к сидевшему за конторкой молодому администратору. — Нам хотелось бы его срочно повидать. Мы только что приехали из Варны с поручением от его сына.

Все это Абу произнес по-русски, хотя знает и английский и французский. Администратор не удивился русской речи. Наш язык давно стал международным, и на нем часто объясняются не только те, кто живет в нашей стране, но и иностранцы.

— Раз срочно, — ответил тоже по-русски администратор, — мы попробуем его найти. Он, кажется, готовит свой автобус к завтрашнему рейсу.

Администратор куда-то позвонил по телефону.

— Сейчас придет.

И жестом пригласил присесть на мягкие кожаные кресла, которые стояли в вестибюле.

Мимо нас сновали разные люди, а мы с тревогой вглядывались в каждого мужчину, ожидая Благоевича. Ведь предстояло сообщить отцу о беде, которая стряслась с его сыном. Хотя Абу умеет владеть собой, мы с Леной чувствовали, как он волнуется.

Благоевич явился совсем неожиданно — вынырнул из-за спины туристов, возвращающихся в отель на ужин. Высокий, худой, скуластый, темнолицый, как африканец, с усами, которые висели под носом серебряной подковкой.

Администратор нас представил:

— Вот, Бора, те самые гости, которые тебя спрашивали. Они говорят по-русски.

На темном лице Благоевича удивленно поднялись брови, такие же серебряные и густые, как усы.

— По-русски? Вы из России? — он обернулся к Абу.

— Да! — кивнул Абу. — Но сейчас приплыли из Варны. С поручением от вашего сына.

— От Момы? — На лице Благоевича еще острее проступили скулы. — Вы видели его? Я все знаю. Мне вчера звонили из Варны по телефону. Такая беда!

— С ним будет все в порядке! — сказал Абу. — Его оперировал мой друг, а он отличный хирург.

— А кровь вашему сыну дал Абу, — не удержалась Лена.

— Кто такой Абу? — спросил Благоевич.

Лена кивком головы представила:

— Вот он перед вами — Андрей Борисович Утехин.

Абу недовольно нахмурился. Он терпеть не мог всяких восхвалений, и, конечно, Ленке за болтливость потом достанется. Благоевич протянул руку:

— Спасибо, товарищ!

Потом Абу во всех подробностях рассказал о том, как Карабойчева вызвали с его юбилейного вечера, как мчались на машине в больницу, как шла операция.

Абу открыл портфель и извлек оттуда толстую папку.

— Вот работа вашего сына. Он просил, чтобы завтра на международной конференции ее зачитали. Сказал, что в Болгарии ему повезло — нашел очень важные факты, и это может произвести впечатление на конференции.

Благоевич кивнул:

— Он у меня парень настойчивый. Три года готовился к этой конференции, научный доклад на ней считал чуть ли не самым главным делом жизни... И надо же такому случиться!..

Благоевич озабоченно потрогал ус:

— Главное сейчас — отыскать Моминых друзей. — Вдохнул: — В моем автобусе задний мост разобран, и всех помощников я отпустил, думал, сам справлюсь. А ведь завтра рано утром выезжать за туристами в горы...

— Мы поможем! — предложил Абу. — Я сам бывший механик. Да и ребята мои пособят.

— Спасибо! — обрадовался Благоевич. — Вчетвером управимся быстро... А потом отыщем Моминых друзей и поедем ко мне. Поговорим, поужинаем, у меня останетесь ночевать, только квартирка маленькая и тесная, не очень удобно будет.

— Я предлагаю другое, — вмешался в разговор администратор. — Гостей поместим в нашей гостинице. Дадим хорошие номера, и бесплатно. Они настоящие друзья, и отель «Эксельсиор» рад будет назвать их своими гостями.

Вот так сложился наш первый вечер в Дубровнике. Мы помогли Благоевичу собрать разобранный задний мост его огромного туристского автобуса, потом отправились в город и нашли дом, где жил один из самых близких друзей Момы. Отдали ему рукопись и поехали к Благоевичу, где познакомились с его женой. Просидели в этой доброй семье допоздна. Благоевич рассказывал, что во время войны был в партизанах, воевал с фашистами. Однажды, раненным, попал в плен. Чудом удалось бежать — помог один хороший человек. А сейчас ему, бывшему партизану, приходится то и дело возить туристов из ФРГ, которые в Дубровник приезжают большими группами. Вот и завтра опять повезет.

— Не очень-то я благоволю к немцам, — признался Благоевич. — Не могу забыть того, что у нас во время войны фашисты натворили.

Ночевали мы в отеле «Эксельсиор». Я с Абу в одной большой комнате, а Лене дали отдельный номер.

Рано утром за нами заехал огромный, как вагон, туристский автобус, который вел Благоевич. Он вчера предложил отправиться вместе с ним за немецкими туристами. Туристы ехали из Белграда в Дубровник, но в горах в ста километрах от моря испортился их автобус, ночевали в маленькой гостинице и теперь ждут, когда их вывезут. Надо торопиться. Среди туристов какой-то известный пианист — сегодня вечером выступает в Дубровнике.

Лена с нами не поехала. Рано утром я постучал в ее дверь, но никто не ответил. Постучал сильнее, и тогда откуда-то глухо долетел Ленин голос:

— Заходите!

Я вошел. Увидел на балконе нашего второго помощника с косичками. Лена неподвижно склонилась над приставленным к спинке стула фанерным листом, к которому был прикреплен лист толстой белой бумаги. В одной руке у нее была кисточка, в другой — коробка с акварельными красками. Даже не подняла головы, когда я оказался рядом с ней, слова не проронила в ответ на мое «Доброе утро!». Она рисовала. Я взглянул на ее лист и обмер. До чего же здорово! На листе еще не совсем четко, пока что в наброске, был изображен Дубровник — полуостров, на котором расположена наиболее старая часть города с крепостью, зданием старинной ратуши, узкими улочками и сложенными из светлого камня, похожими на бастионы домами на улицах; за ломаным контуром города отвечивало яркой голубизной море с белыми парусниками в нем, справа море ласково касалось спускающихся к берегу горных склонов. Горы забирались

всё выше и выше к верхнему краю листа и там, густо синее, превращались в зубчатые хребты. Красиво и очень похоже! Я постоял минуту молча и потом решил похвалить:

— Ты, Ленка, все-таки молодчина! Ну прямо как настоящий художник.

Она не удостоила меня ответом. Тогда я рассердился:

— Но мы же договорились в семь выезжать из отеля. А ты и ухом не ведешь!

— Не поеду,— спокойно сказала Лена.

— Как это не поедешь? — удивился я.

— Не могу...— Она взглянула на меня задумчивыми, отсутствующими глазами. Помолчала минуту.— Вы поезжайте, а я останусь здесь и порисую. Такой вид редко встретишь.

— А для моего дневника сделаешь рисунок Дубровника?

Она улыбнулась:

— Пожалуйста, сделаю и для твоего дневника. Только надо, чтобы меня никто не трогал.

Я не стал на Лену обижаться. Рисует она хорошо. А всякому художнику важно, чтобы к нему не лезли.

Короче говоря, мы с Абу отправились в путешествие вдвоем. Выехав из Дубровника, автобус стал все выше и выше забираться по горным кручам. То слева, то справа обрывались в бездну пропасти, море словно растекалось по горизонту, становилось шире и просторнее, а Дубровник внизу превратился в щепотку белых крупинок. Потом дорога вдруг резко свернула в глубину гор, в окна автобуса дыхнуло прохладой, море исчезло, вместо него замерцали под солнечными лучами зеленые волны лесов. Благоевич сказал, что мы миновали перевал, что западные, безлесные, выходящие к морю склоны гор позади, въезжаем в глубь Югославии, сейчас начнутся настоящие леса, древние, сосновые. Во время войны в этих лесах скрывались партизаны.

— Видите вон ту гору с двумя горбами? — Благоевич притормозил автобус и показал пальцем на синюющие хребты на другой стороне долины.— Вот как раз на этой горе мы вели бой с батальоном немецких альпийских стрелков, и там я был впервые ранен.

Мы добрались до небольшого отеля, расположенного в живописном месте на склоне горы. Немцы толпились у входа в отель и появление нашего автобуса приветствовали радостными восклицаниями.

— Они думают, что я немедленно покачу обратно,— проворчал Благоевич, выводя автобус на стоянку.— Как бы не так! Раньше чем через час не поедем. Надо передохнуть.

Он предложил Абу выпить в отеле по кружке пива, а мне отведать мороженого. Оставив Абу с Благоевичем, я отправился побродить по окрестностям. Около отеля начиналась тропка и осторожно уходила вверх по склону горы в густой сосновый лес.

Он меня встретил зеленым полумраком, прохладой, крепким запахом нагретой хвои и чуткой горной тишиной. Возвышались надо мной, будто дворцовые колонны, бронзовые стволы древних сосен. Я чувствовал, как у меня сжимается сердце. Вдруг представил себе югославских партизан, которые воевали в этих лесах. Шагнул в сторону от тропки, прошелся немного между кустов и на полянке увидел крепыш-боровик. Он был похож на маленького гнома под коричневой шляпкой. Вот это удача!

Держа гриб, я весело и торжественно шагал по тропке к отелю — отдам гриб Благоевичу! На опушке леса на стволе поваленной сосны, подперев подбородок рукой, сидел человек и задумчиво смотрел куда-то вдаль — должно быть, в долину, которая простиралась под горой. У человека был острый профиль и большая копна седых волос, спадающих на плечи. Под моей ногой хрустнула ветка, и человек быстро обернулся и вздрогнул. Но тут же улыбнулся, увидев мой гриб, и поманил меня к себе.

Незнакомец встал, положил мне на плечо руку, что-то сказал на непонятном языке, взял меня за руку, повел к кустам, которые густо росли на самом краю леса. И вот тут на маленькой полянке я увидел целое семейство отличных боровиков, которые стояли в одну линию неподалеку друг от друга, как на выставке. Это было почти чудо: даже в подмосковных лесах не встретишь такого грибного богатства. Помогая мне собирать грибы, незнакомец что-то весело говорил. Потом он знаками показал, что тоже собирается идти к отелю и готов помочь мне донести добычу.

Шли мы бодрым шагом по тропке вниз под горку и смеялись. Конечно, нам с Абу эти грибы не нужны — где их готовить, раз живем в гостинице! Но вот Благоевичу они наверняка пригодятся.

И я заранее радовался минуте, когда вручу старому партизану столько первосортных грибов из его партизанского леса.

Недалеко от отеля мы встретили Благоевича с Абу, явно обеспокоенных моим долгим отсутствием.

Вот тут-то и произошло самое неожиданное и удивительное. Я протянул Благоевичу грибы и сказал:

— Это вам! — Потом кивнул в сторону незнакомца и

добавил: — Он мне помог отыскать. Только я его совсем не понимаю.

Незнакомец улыбнулся и что-то сказал Благоевичу. Тот перевел:

— Это немецкий турист. Говорит, что грибы очень хорошие, из них получится отличное жаркое, что...

Благоевич вдруг осекся и снова поднял глаза на немца. Некоторое время они пристально смотрели друг на друга. Вдруг Благоевич с изумлением произнес:

— Герр Ширен?

— Я, их бин Ширен...

На лице немца отразилось напряжение. Он мучительно пытался что-то вспомнить.

— Бора!

— Ганс!

Они протянули руки друг к другу и крепко обнялись. Потом долго хлопали в восторге один другого по плечам и говорили, говорили без умолку. Мы сразу поняли, что встретились давние друзья, которые не виделись много лет. Так нам Благоевич и объяснил, представляя незнакомца:

— Это Ганс Ширен. Тот самый человек, который спас мне жизнь.

Во время войны Благоевич был партизанским разведчиком и однажды, раненным, попал к врагу в плен. Гестаповцы мучили и пытали его, добиваясь, чтобы назвал местоположение партизанского отряда. Не добившись, заявили, что на заре расстреляют. Ночью Благоевич бежал из сарая, где его заперли, — удалось сделать подкоп. Беглеца заметил солдат охраны и выстрелил вдогонку. Пуля пробила навывлет плечо, но Благоевичу все же удалось скрыться. В поле за селом от потери крови он упал на дороге и потерял сознание. Здесь его и подобрал Ганс Ширен. Молодой парень, рядовой солдат, служил в музыкальном взводе при немецкой горной дивизии. Утром шел в соседнее село, увидел на дороге раненого партизана и перетащил его в старый, полуразвалившийся сарай в поле. Каждую ночь с риском для жизни ходил к партизану и лечил его рану. Через две недели Благоевич окреп и смог отправиться в путь. Перед расставанием спросил Ганса, почему он спас партизана. Тот ответил, что не может послать человека на смерть, ненавидит и войну, и фашистов, считает своим долгом хотя бы чем-то помочь тем, кто воюет за свободу. Он музыкант, а не палач.

С того дня они ни разу не виделись. Благоевич знал, что в этом районе была разгромлена гитлеровская воинская часть, много вражеских солдат погибло и будто бы погибли

те, кто был в обозе, — музыканты, писари, почтари. Горько было сознавать, что среди погибших мог оказаться и Ганс Ширен, его спаситель.

И вот спустя столько лет такая неожиданная встреча! Конечно, оба сильно изменились. Тогда им было по двадцать, сейчас за пятьдесят — головы побелели, глаза выцвели, но, самое главное, остались они после этой страшной войны живыми.

Благоевич еще больше обрадовался, когда узнал, что знаменитый немецкий пианист, **который** сегодня должен выступать на открытой эстраде в старой крепости в Дубровнике, и есть Ганс Ширен.

Когда автобус наконец добрался до отеля «Эксельсиор», уже приближался вечер. Ширен сказал, что сегодня приглашает всех на свой концерт.

— Сегодня, — сказал он, — буду играть специально для Боры Благоевича. И для вас.

Лену в ее номере мы не застали. Дежурный администратор объяснил: русская девочка ушла в город с каким-то человеком. Что за человек, откуда он — дежурный не знал. Помнил только, что это мужчина средних лет с густыми черными волосами. Мы забеспокоились. Куда же это она отправилась? В чужом городе, не зная здешнего языка, можно затеряться. И кто этот таинственный мужчина?

Она явилась в шесть вечера. Вместе с ней пришел незнакомец, который сразу же поразил нас своим необычным видом. Он был одет пестро: в широкую, как халат, и ярко-голубую блузу, в малинового цвета брюки-клеш.

Лена объяснила, что это итальянский фотограф, который снимает Дубровник для фотоальбома. Зовут его Игнацио Гоцци. Познакомились случайно. Лена, устроившись недалеко от отеля, дорабатывала рисунок города Дубровника, мимо проходил итальянец, увидел рисунок, заинтересовался. Потом пригласил пройтись по городу, показывал всякие интересные для глаза художника уголки.

— Мы были даже на базаре! — восторженно рассказывает Лена. — Чего только там не продают! Связки красного перца, румяные яблоки, белые головы крестьянского сыра, морские ракушки... И все улыбаются, говорят: «Молим! Молим!» — что значит «пожалуйста».

Пестрый итальянец стоял рядом с Леной, прислушивался к ее объяснениям, слегка наклонив волосатую голову, и иногда кивал, словно понимал незнакомую русскую речь. Потом, когда многословная Лена наконец выговорила, обратился к Абу на английском языке. Гоцци сказал, что

рисунок Лены ему понравился, что, по его мнению, Лена способная девочка, из нее может получиться настоящий художник. Надо же, как говорят о нашей Ленке! Оказывается, хоть и болтушка, а талантливая.

Потом итальянец заявил такое, что еще больше нас удивило. Он сказал, что в Неаполе послезавтра открывается международная выставка детских рисунков. Организатор этой выставки брат Гоцци — Энрико. Он художник и профсоюзный вожак. На выставку прислали рисунки дети из разных стран. А вот из СССР еще не пришли, где-то задержались. Значит, надо выручать. Гоцци предлагает рисунок Лены отправить в Неаполь. А еще лучше, если наша «Мечта», покинув Дубровник, на обратном пути хотя бы на денек заглянет в Неаполь. Он, Гоцци, пошлет заранее телеграмму, и нас там встретят. Организаторы выставки будут очень рады, если на ее открытии окажется юная русская художница.

Лена, которая тоже понимала английский, вопросительно посмотрела на Абу. За ним последнее слово. Он капитан.

— Что ж! — сказал Абу. — Предложение хотя и неожиданное, но заманчивое. Я рад, что вы так высоко оцениваете работу нашей Лены. Если Лена действительно будет полезна на выставке, то мы согласны!

Лена сияла. Я тоже был доволен: разве плохо побывать в Неаполе!

— Не хотите ли присоединиться к нам? — спросил Абу итальянца. — Мы идем на концерт немецкого пианиста. Это удивительный человек...

И коротко рассказал историю Ганса Ширена и Боры Благоевича.

— С превеликим удовольствием! — воскликнул итальянец. — Я же из Италии, из Неаполя, города песен, как мне отказаться от такого соблазнительного приглашения? Тем более, будет играть человек, подвигом которого все мы — югославы, немцы, русские, итальянцы — должны восхищаться.

И все мы были рады, что в нашей маленькой интернациональной группе оказался еще один хороший человек.

В семь вечера мы вошли в большой концертный зал в старой части города. Зал был открытый, без крыши, и над нами сверкали звезды. Ширен оставил в кассе для нас билеты в одном из первых рядов, и мы сели бок о бок — Благоевич со своей женой, Гоцци, рядом с ним Лена, Абу и я.

Никогда в жизни не забуду этот вечер. Сотни людей в

зале как завороженные. Над нашими головами незримые волны прекрасной музыки. Ганс Ширен в своем черном фраке, с длинными худыми руками, которые взлетали над клавиатурой рояля, словно заклинали этот черный, похожий на странное животное инструмент, заставляя его петь волшебным голосом.

Во втором отделении Ширен играл «Лунную сонату» Бетховена, и его игра произвела на слушателей такое впечатление, что после того, как затих последний аккорд, в зале все вскочили и долго-долго аплодировали замечательному музыканту. А наш знакомец Гоцци вдруг торопливо вышел из ряда и быстро вбежал на сцену. Поднял руку, призывая к молчанию. Когда зал затих, сказал по-сербски:

— Дорогие друзья! Сейчас играл для вас человек, который во время войны был солдатом германской армии и оказался здесь, в Югославии, в оккупационных частях. Но он сюда пришел не как враг югославов. Он ненавидел фашистов и сочувствовал борьбе югославского народа. Однажды он спас от смерти раненого югославского партизана, спрятав его от фашистов. Сегодня, спустя тридцать лет, немец и югослав случайно встретились. Вот они — Ганс Ширен на сцене, а Бора Благович — в зале.

Что тут поднялось вокруг нас! Все головы повернулись в нашу сторону, потому что после такой речи итальянца Благович вынужден был встать со своего места во весь свой огромный рост. Он поднял над головой руку со сжатым кулаком. Так с давних времен приветствовали друг друга антифашисты. И в ответ ему на сцене поднял руку Ганс Ширен. А потом, когда наконец смолкла буря оваций, музыкант снова сел за рояль, и в зале зазвучала энергичная, полная задора мелодия.

— Это боевая песня югославских партизан, — тихо сказал нам Благович. — Именно эту песню я пел после допроса в гестапо, когда меня приговорили к смерти.

Зал подхватил песню. Казалось, каждый находящийся в нем в этот момент присягал на верность в борьбе за справедливость и мир.

Так закончился наш удивительный день в Дубровнике. После концерта Благович, Гоцци и Ширен провожали нас до пристани, где стояла «Мечта». Мы шестеро шагали по торцовым мостовым города, и над нами покачивались на ветру старинные фонари.

ВЗРЫВ В НЕАПОЛЕ

Буду краток, хотя можно было бы много рассказывать о том, как мы из Дубровника добирались до Неаполя, описывать красоту теплых южных морей, по которым шла «Мечта», удивительную их голубизну — даже пена за бортом яхты была голубая, словно ее подкрасили чернилами. Немало нам встречалось разных судов, малых и больших.

И вот тогда, когда мы вышли в Средиземное море и стали огибать берега Италии, встретилась небольшая яхта, которая шла под флагом Канады. Распушив паруса, она стремительно ринулась на сближение с «Мечтой». С ее борта человек махал рукой, требуя, чтобы мы остановились.

По команде Абу быстренько убрали паруса, и «Мечта», потеряв ход, легла в дрейф. К нам тут же подошла канадская яхта. Вся команда ее состояла из двух молодых белобрыхых и очень загорелых парней. Они издали нам широко улыбались и кивали головами, словно мы были им давно знакомы. Яхты соединились бортами. Канадцы прыгнули к нам на палубу и, протягивая большие мускулистые руки, важно представились:

— Боб Блэнк.

— Фрэнк Лак.

Так мы познакомились с двумя отважными парнями, которые совершали на яхте путешествие из Австралии в Канаду. Прилетели из Монреаля в Сидней самолетом, там купили старую яхту, своими руками отремонтировали, дали название «Кенгуру» и отправились под парусами с одного конца света на другой — к берегам родины. Плывут уже два месяца, хотели обогнуть Африку с юга и, выйдя в Атлантику, напрямик направиться к канадским берегам. Но яхта вдруг дала течь, небольшую, но достаточно опасную. Пришлось маршрут изменить, сокращая дорогу, идти Суэцким каналом и Средиземным морем, чтобы оттуда кратчайшим путем через Атлантику добраться до берегов Канады.

Юноши сообщили нам, что остановили «Мечту» не ради любопытства. Увидев в бинокль на мачте советский флаг, решили, что именно советские моряки им и пригодятся для выполнения важного поручения. Дело в том, что однажды в южных широтах Индийского океана канадцы встретили маленькую яхту, которая отважно боролась с огромными океанскими валами. Яхта шла под польским флагом. Ее единственный пассажир выпустил в небо красную ракету, чтобы привлечь к себе внимание. Вскоре Боб и Фрэнк горя-

что пожимали руку молодому поляку Збигневу Лясоте, который отважился бросить вызов всему мировому океану. Несколько месяцев назад он вышел в плавание в одиночку из польского порта Гданьск на небольшой яхте «Ирена». Решил пройти без захода в порты вокруг света через Атлантический, Индийский и Тихий океаны.

Однако в пути во время шторма на яхте вышел из строя радиопередатчик, и Лясота лишился связи с землей. Хорошо, что остался в целости магнитофон. Писать дневник на крошечном суденышке трудно, особенно во время волнения. А волнение в океане почти всегда. Портативный магнитофон — лучшее средство для яхтсмена-путешественника сохранять свои впечатления.

Так и делал Лясота. За месяцы плавания у него накопилось множество кассет с магнитофонными пленками. Когда работал приемник, Лясота путевые впечатления передавал в Польшу по радио. Эти передачи в Варшаве ждали с нетерпением. О ходе кругосветной гонки яхтсмена-одиночки ежедневно сообщала польская молодежная газета «Штандар млодых». Именно эта газета и снарядила Лясоту в путешествие.

— Лясота, — рассказывали канадцы, — попросил взять магнитофонные записи и из ближайшего порта срочно отправить в Польшу. Беспокоился, как бы записи случайно не пропали по дороге. Сожалел, что мы направляемся в Канаду, а не в Европу. И вот, увидев яхту под красным флагом, мы подумали: а не будут ли русские проходить мимо берегов Польши? Может быть, русские даже доставят пленки в Гданьск? Рискованно посылать их почтой!

Абу ответил не сразу. Долго молчал, склонив голову. Потом взглянул на Лену, на меня, спросил негромко:

— А вы как думаете? В Неаполь мы должны зайти обязательно. Нас там ждут. Значит, речь может идти о том, куда нам взять курс после Неаполя? Гданьск далеко. Путь не простой — через пять морей. Не спасуете? Выдержите?

— Выдержим! — сказал я.

— Как же мы можем отказаться помочь польскому моряку? — пожала плечами Лена.

Абу улыбнулся:

— Что ж, друзья, иного ответа я и не ожидал. Збигнев Лясота совершает великолепный морской подвиг, и мы будем счастливы ему помочь.

Он взглянул на канадцев:

— Наша яхта пойдет в Гданьск! Специально, чтобы доставить пленки. Мы — моряки, и для нас священны зако-

ны морской выручки. Сейчас держим курс на Неаполь, а оттуда выйдем в море и направимся к берегам Польши.

Так совсем неожиданно наше путешествие нашло еще одну цель — Гданьск. «Мечта» обогнула «каблук» и «подожгу» итальянского «сапога», пройдя просторы Ионического моря за одну довольно спокойную и безветренную ночь и на заре вошла в Мессинский пролив, отделяющий итальянский полуостров от острова Сицилия. В туманной дымке раннего утра сверкнули по левому борту огни Мессины, а с правого борта блеснула последними всплесками маяка Италия. Потом был путь по оживленному, как городская улица, Тирренскому морю, где нам приходилось держать ухо востро, чтобы не попасть под нос какого-нибудь гиганта, идущего со скоростью пассажирского поезда.

В Неаполь прибыли вечером. На закате солнца прошли мимо знаменитого своей красотой скалистого острова Капри. Потом в надвигающихся сумерках увидели ярко освещенную заходящим солнцем двугорбую спину Везувия. Его окрашенная солнечными лучами вершина казалась залитой лавой — будто грозный вулкан снова проснулся. А слева, густо обсыпанные еще по-вечернему блеклыми огнями, поднимались у берега моря мягкие холмы Неаполя.

— До чего красиво! — шептала Лена. — Вот бы нарисовать!

Пассажирский порт был вблизи центра города. Причалив к небольшой пристани, предназначенной для малых судов, мы вышли на набережную. И тут же очутились в суете городской жизни. Гоцци оказался человеком слова: нас встретили.

— Добро пожаловать! — сказал высокий молодой человек. Эти слова он произнес по-русски и почти без акцента.

Перед нами был Энрико Гоцци, брат нашего знакомого фотографа. Рядом с ним стоял его сын Марио, которому оказалось столько же лет, сколько и нам с Леной. По-русски они знали лишь несколько фраз, но по-английски говорили хорошо. По крайней мере Марио куда лучше меня. Он мне сразу понравился. Глаза у Марио большие, темные и блестящие, как сливы. И очень мягкие, сразу видно — с ним можно подружиться!

— Как тебя зовут? — спросил Марио.

— Антон.

Он обрадовался:

— Антонио!

Гостиница оказалась небольшой и простенькой. Она стояла на холме, а внизу под холмом плескалось море, в

котором перемигивались огнями корабли. Мимо гостиницы по шоссе мчались бесконечной вереницей автомашины, сбегая вниз, к набережной, где полыхал заревом реклам веселый и шумный город.

В кафе наши добросердечные хозяева угощали нас длинными и тонкими итальянскими макаронами, которые называют спагетти, приправленными острым сыром; затем ели вареных морских рачков-креветок, очень вкусный салат из разных овощей, свежие апельсины. За ужином мы узнали, что Гоцци вовсе не профессиональный художник, а любитель. Работает в городе на стройке жилых домов крановщиком. Сидит в кабине башенного крана, двигает разными рычагами, и его кран то поднимает, то опускает огромные детали будущего дома. А вечерами, после работы, Энрико садится за мольберт и рисует море. Он маринист, то есть такой художник, который обычно изображает на своих картинах море.

Энрико человек деятельный. В свободное время руководит клубом рабочих-художников Неаполя. Клуб и решил организовать международную выставку детского рисунка: «Мир глазами детей». Выставка открывается завтра вечером в помещении клуба художников.

— Это очень большая удача, — говорил Энрико, — что мой брат встретил вас в Дубровнике и пригласил приехать сюда. На открытие выставки прибыли ребята из Франции, Югославии, а Лена будет представлять советских детей.

Так прошел у нас первый вечер в итальянском городе Неаполе.

Встали рано, почти на заре. Разве можно долго спать в таком удивительном городе? Я вышел в вестибюль, где был балкон. С балкона открывался вид на Неаполь. Вчера был легкий шторм, а сегодня ветер присмирел, и Неаполитанский залив стал таким, каким изображается в старинных неаполитанских песнях — безмятежным, в зыбкой лазоревой дымке, на которую, как на холст картины, нанесены полукруглыми деталями: желтоватая дуга берега, моторная яхта с красной трубой, стремительно пересекающая залив, белые снежинки чаек и где-то в самой глубине этой картины темным сгустком остров Капри. Так и кажется, что вот-вот внизу под холмом кто-то осторожно тронет гитарные струны и запоеет.

Но снизу доносилось лишь урчание моторов и гудки автомобилей, которые, несмотря на рань, уже куда-то опаздывали, несясь с огромной скоростью.

Вскоре рядом со мной на балконе оказалась Лена.

— Как красиво! Вот бы...

И уже собралась к себе в комнату за бумагой и красками, как пришел Абу и задержал ее.

— Сейчас не время! — строго сказал он. — Надо привести себя в порядок и ждать приезда наших хозяев.

Привели себя в порядок мы быстро. Спустились в вестибюль, взглянули на часы: до приезда Энрико и Марио еще час.

— Погуляем немного? — предложила Лена.

Мы согласились. Шагали по улицам Неаполя и смотрели во все глаза. Старые дома на набережной со стрельчатыми окнами, мансардами, балконами, железными лестницами, перекинутыми с этажа на этаж, старинные виллы за высокими каменными заборами, тенистые платаны, бросающие на асфальт мохнатые тени... Прохладный ветер с моря...

Абу говорил:

— Неаполь связан с русской культурой прошлого. Может быть, в гостинице, где мы с вами остановились, жил Чехов, или Чайковский, или художник Брюллов. Молодой Брюллов здесь провел долгое время, писал знаменитую картину «Последний день Помпеи». Ты, должно быть, знаешь об этом, Лена?

Лена вздохнула:

— Не знаю...

— Вот те раз! — удивился Абу. — Девочка, которая представляет сегодня на выставке советских юных художников, и не знает о Брюллове! Не ожидал!

В девять мы были в вестибюле гостиницы, чтобы встретить наших хозяев. Они приехали через несколько минут на старенькой, с проржавевшим корпусом автомашине.

Из нее вышел улыбающийся Энрико.

— Доброе утро, друзья! Неаполь вас приглашает в гости.

У Энрико был такой торжественный вид, будто он сейчас, заложив руку за лацкан пиджака, споеет старинную серенаду в честь приезда советских гостей.

Мы сели в машину и поехали по оживленным улицам Неаполя. Остановилась машина где-то в самой глубине города в узком, заставленном старыми зданиями переулке возле многоэтажного, с темными, не знающими солнечного света окнами дома. На первом этаже в небольшой квартире и жил Энрико Гоцци вместе со своим сыном Марио, женой и старой-престарой тещей.

На стене тесной комнаты, где мы завтракали, я заметил среди многих полотен, автором которых мог быть Гоцци,

красочную репродукцию картины, вроде бы виденной не раз мной.

— Вот, Леночка, смотри. Перед тобой и есть «Последний день Помпеи» Брюллова.

Мы с интересом смотрели на знаменитую картину, так красочно изображающую гибель во время извержения вулкана мирного города. Рушатся стены домов, трескается мостовая, падают с неба камни, а обезумевшие от страха люди пытаются спастись бегством...

— Почти ничего не знаю о том, как погибли Помпеи,— признался я.

Марио немедленно откликнулся:

— Я тебе расскажу.

Оказалось, что он, как и я, интересуется историей и тоже пишет дневник, в котором собирает всякие интересные сведения, связанные с прошлым Италии и других стран.

Отец и сын недолго посоветовались о чем-то, и вот Энрико объявил:

— Предлагаем такой план: сейчас едем в клуб и отдадим работающим на выставке товарищам рисунок Лены, для экспозиции. Потом отправимся в Помпеи. Нельзя не познакомиться с этой удивительной достопримечательностью! Потом обедаем и в четыре часа отправляемся на открытие выставки. А вечером пригласим к нам домой друзей с гитарами. Будем слушать старинные неаполитанские песни. Согласны?

И вот снова на старенькой машине Энрико мы отправились в путешествие. Впереди с Энрико сидел Абу, а мы, ребята — Марио, Лена и я, — уместились на заднем сиденье. Проехали вдоль побережья залива, затем свернули в глубь кварталов города, наконец остановились возле трехэтажного старого дома. Его окна на первом этаже были высокие, стрельчатые, как в церкви, и очень просторные. За ними угадывалось большое помещение. Марио сказал, что здесь и будет открыта выставка.

Мы вошли в дом. На стенах зала были развешаны картины и рисунки. Все это прислали на выставку дети из разных стран. Юные художники рассказывали о том, как красив мир, в котором мы живем, как много в нем такого, чему можно удивиться. На рисунках были синие горы и поля, засыпанные цветами, куклы с пуговичными глазами и скачущие всадники, ракеты, устремленные к звездам, и улицы больших людных городов, шагающие по пустыне верблюды, пальмы, склоняющиеся над морским берегом. Мы еле уговорили Лену ехать дальше — так ей хотелось

познакомиться с каждым рисунком. Картину Лены повесили у входа на видном месте, рядом с большим плакатом, который сообщал, что все средства от продажи билетов на эту международную детскую выставку будут истрачены на подарки ангольским детям, которые много пережили из-за войны, навязанной их стране врагами.

И вот снова в пути. Машина, миновав шумные кварталы Неаполя, выехала на отличную асфальтовую магистраль. Эта дорога повела нашу маленькую машину вдоль недалекого берега моря в сторону Везувия. Ехали по холмам, покрытым светло-зелеными рощами олив, спускались в долины, где прятались старинные белокаменные деревушки.

Наконец вблизи подножия грозного Везувия — город Помпеи. Вернее, то, что осталось от этого города после извержения вулкана и столетий, миновавших с того страшного часа. Как хорошо, что нашим спутником оказался именно Марио, мой сверстник, который хорошо знает и любит историю! Он и рассказал нам о том, как погибли Помпеи.

Это случилось в августе 79 года н. э. До того Везувий хранил молчание. Почти до самой вершины покрывали его дикие виноградники. Именно на этой вершине в свое время нашли приют Спартак и его товарищи, бежавшие из гладиаторской школы. Внезапно Везувий проснулся. Земля дрожала и колыхалась. Над горой повисла страшная туча, которую пронизывали молнии. С неба падал пепел, смешанный с черным дождем. Люди в ужасе метались по улицам, большинство устремилось из города в сторону моря. Но те, кто надеялся переждать беду, хоронясь в домах, погибли. Пошел каменный дождь, который разрушил и засыпал город. Хлынувшая на улицы Помпеи горячая вода с пеплом плотно «заштукатурила» жидкой, быстро твердеющей грязью останки еще недавно богатого, процветающего города. Это случилось почти две тысячи лет назад.

Вместе с итальянскими друзьями ходим по древним улицам Помпеи. Много веков улицы были скрыты от людских глаз пеплом, пылью и землей. Но исследователи все же сумели восстановить прежний облик города, годами и десятилетиями, шаг за шагом освобождая его от земли. Были откопаны городские площади, жилые дома, скульптуры, домашняя утварь...

Мы бродили по улицам Помпеи и представляли, как жили люди много веков назад. Помпейцы любили простор и порядок в своих жилищах, любили украшать дома и дворники цветами и деревьями, были трудолюбивыми и

жизнерадостными. Видели мы во время этой экскурсии в залах музея гипсовые слепки погибших, даже сохранилось выражение лиц в момент смерти. А получились эти слепки потому, что археологи придумали заливать пустоты, образовавшиеся на месте тел погибших, жидким гипсом. Было немного не по себе от созерцания этих гипсовых образов умирающих людей, которые когда-то существовали на свете.

Вместе с нами по улицам Помпеи слонялись туристы, приехавшие из разных стран. Они то и дело вытягивали, как гуси, шеи, чтобы не пропустить ни слова из объяснения экскурсовода. И вот в их толпе мы увидели юношу, который торопливо шел по улице, почти бежал. Он направлялся к нам.

Юноша подскочил к Энрико и что-то стал торопливо ему говорить. Щеки Энрико побелели, как от мороза. Он гневно сжал кулаки и бросил какую-то резкую фразу. Повернулся к нам, воскликнул:

— Вы представляете, что они задумали! Взорвать наш клуб вместе с выставкой!

— Кто? Кто собирается это сделать? — изумился Абу.

— Итальянские фашисты!

Энрико сделал призывный жест рукой:

— Едем срочно к клубу!

Обратно машину свою он вел на предельной скорости. И вот мы снова в Неаполе. Мелькают по сторонам богатые виллы и особняки, обвитые виноградными лозами. Въезжаем в кварталы, где живет простой люд. Здесь улицы превращаются в узкие проходы между темными и высокими домами. с балконами, террасами, с наружными железными лестницами, ведущими с этажа на этаж, с сохнувшим бельем на веревках, протянутых от одного дома к другому. Всюду распахнуты окна, и вся жизнь этих домов на виду.

Но на этот раз нам было не до разглядывания подробностей неаполитанской жизни. Мы торопились к клубу, который оказался в беде. Это стало ясно, как только мы оказались на улице, где располагался клуб. Улицу перегородил плотный строй полицейских. Нашу машину остановили.

Энрико попытался что-то доказать полицейскому офицеру; наверное, убеждал пропустить, но каменное лицо офицера выражало полную непреклонность. Мы стояли, не зная, что делать. Энрико нервно расхаживал по тротуару, а у Марио навернулись на глаза слезы — ему жалко было выставку.

С каждой минутой около цепочки полицейских, перегораживающих улицу, скапливалось все больше народа. И вдруг мы услышали отчаянный женский крик. Сквозь толпу прорывалась молодая женщина. Она протягивала руки к дому, пыталась вырваться из рук полицейских, которые не пускали ее дальше. Оказалось, что у этой женщины в доме осталась трехлетняя дочка. Женщина требовала, чтобы ее пустили в дом, но полицейский офицер был неумолим. Он сказал, что дом может рухнуть с минуты на минуту, что злоумышленники, позвонив в полицию, предупредили: дом взорвут после полудня, а сейчас как раз первый час. Толпа зашумела, кто-то пытался пробиться сквозь цепочку полицейских, кто-то, наоборот, на всякий случай стал пятиться назад. На улице выли сирены. Подъезжали всё новые и новые полицейские.

И в это время мы увидели Энрико и Абу, которые непонятно как вдруг оказались за полицейским кордоном: выбежали из подъезда соседнего дома и бросились к клубу. Офицер кричал им что-то вдогонку, даже грозил кулаком, потом приказал двум полицейским догнать Энрико и Абу, но было уже поздно. Мы увидели, как они вбежали в подъезд дома, который фашисты вздумали взорвать. Лена до боли сжала мою руку, Марио словно окаменел.

Мне кажется, не несколько минут, а сто лет прошло с того момента, как Энрико и Абу скрылись в доме. За эти минуты они успели, как мы узнали потом, добраться до второго этажа, выбить ногами запертую дверь квартиры, отыскать ребенка. Когда оба выскочили из подъезда, толпа громко и облегченно вздохнула. Женщина, шатаясь, с распахнутым в немом крике ртом протянула руки к своей дочке. Энрико и Абу тут же обступили полицейские, но никто уже не собирался их хватать и задерживать, наоборот, полицейский офицер вежливо произнес «грации» — спасибо. Все горячо благодарили их за смелость. Подбежали прибывшие из газет фотографы, принялись щелкать затворами камер и задавать вопросы, но Энрико и Абу отвечать не захотели. Прибыл новый отряд полицейских и оттеснил всех еще дальше за угол каменного забора, чтобы обезопасить толпу от взрыва.

Взрыв произошел через полчаса. К клубу побежали пожарные с брандспойтами, чтобы погасить начавшийся пожар. Повыбывали окна и стали заливать языки пламени, которые вырывались из окон наружу.

Когда все было закончено и нас пустили в сгоревшее и искалеченное взрывом помещение, мы увидели, что выставка

погибла. Многие картины были повреждены взрывом или сгорели, другие залила вода. Погиб и «Дубровник». Фашисты добились своего. Открытие выставки сорвали.

Вечером в доме Энрико собрались его друзья. Они пришли с гитарами. Но пели в этот вечер не неаполитанские романсы, а боевые антифашистские песни. Первый начал Энрико. Он поднял над головой сжатый кулак, так же, как подымали на вечере в Дубровнике Ганс и Бора, и запел:

Аванти пополо, а ла рикосса
Бандьера росса, бандьера росса...

Это была известная песня итальянских партизан «Красное знамя».

В комнату набилось десятка два мужчин и женщин. Пели так, будто давали клятву: «Фашисты не пройдут!» А в конце вечера Энрико сказал:

— Завтра начнем снова готовить выставку. Напишем детям, что их рисунки уничтожили враги, и дети пришлют другие.

Он взглянул на Лену:

— И от тебя, Лена, мы тоже ждем новый рисунок. Ведь ты же сделаешь его для нас, не правда ли?

— Конечно, — сказала Лена. — Я буду очень стараться.

Когда мы стали собираться к отъезду в гостиницу, кто-то принес вечерние газеты. В одной из них были опубликованы фотографии Энрико и Абу. Над фотографиями стояла надпись: «Двое, пожелавшие остаться неизвестными, спасли девочку».

А наутро «Мечта» покидала Неаполь. Нас уговаривали задержаться еще хотя бы на день, но мы не согласились. Ведь на борту был пластмассовый пакет с магнитофонными кассетами польского яхтсмена.

Из-за холмов вышло свежее, еще прохладное, по-утреннему умытое солнце, позолотило черепичные крыши домов, алым пламенем подожгло чистый простор залива, высветило на горизонте зубчатые контуры острова Капри. Мы покидали порт и смотрели на просыпающийся Неаполь. Недалеко от порта возвышались многоэтажные недостроенные дома, над которыми простирали свои огромные стрелы-руки башенные краны. Мы знали, что на одном из них работает Энрико Гоцци. Знали еще и то, что сегодня на башенном кране, на самой верхней точке, будет поднят красный флаг. Так они решили вчера. Это станет демонстрацией веры в то, что фашисты никогда не возьмут верх. И вот

сейчас мы увидели этот флаг высоко-высоко на вершине стальной башни крана. Его водрузил сегодня на заре Энрико Гоцци. Освещенный утренним солнцем, флаг полыхал в небе как пламя.

— Я знаю, что нарисую теперь для выставки в Неаполе, — тихо сказала Лена. — Вот это утро, восход, веселый утренний город, башенный кран над ним, и на кране яркий огонь флага.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Путь из Неаполя в Гданьск был непростым. Взгляните на карту. Из Тирренского моря в Средиземное, затем проход через Гибралтарский пролив, путь по Атлантическому океану вдоль берегов Португалии и Испании, стремительный бросок через бурный Бискайский залив, трудный переход по Ла-Маншу, где постоянно грозило столкновение с множеством встречных судов. Не легче было и в Северном море, и в проливах Скагеррак и Каттегат, которые вдоль берегов Норвегии, Дании и Швеции вывели «Мечту» в Балтийское море.

По пути то непогода, то сильная волна, то безветрие. Намучились немало. Например, в Бискайском заливе Лену, которая вообразила, будто уже стала настоящим моряком, довольно крепко укачало. Лежала в каюте пластом, и вид был такой несчастный, что казалось, вот-вот захнычет: «Хочу домой, к маме». Но Ленка все-таки оказалась молодцом. Ни разу не пожаловалась. Молчала и только посматривала на нас глазами побитого щенка. Жалко ее стало. Не ест, не пьет, мучается, ртом воздух глотает, словно его в каюте совсем мало осталось. Вот что значит морская болезнь! Но я успокоил: зачем ей-то флот? Все равно моряком не будет. Женщин среди моряков, а тем более капитанов, почти нет. Ясно, кем станет наша Лена — художником. Мы с Абу просто ахнули, когда она, после долгой работы в каюте, показала свой акварельный рисунок, предназначенный для новой выставки в Неаполе. Замечательная картина получилась!

Изображен на ней Неаполь на восходе солнца, с центральными кварталами, где еще не погасли уже поблекшие к утру ночные огни, с узкими улочками жилых домов, с красным флагом над городом.

— Ты, Лена, — похвалил Абу, — сработала отлично! Итальянские друзья будут довольны.

Мы решили, что как только окажемся в Гданьске, то сразу же отошлем картину в Неаполь.

Абу рассказывал много интересного про город, куда мы держали путь. Город древний. Возник в средние века на холмах на одном из притоков Вислы. Корабли из Гданьска везли польское зерно, медь, смолу во многие порты Европы. Гданьск рос, богател, поднимался ввысь, раздавался вширь, все больше красивых каменных домов, дворцов, костелов появлялось на его улицах. Перед второй мировой войной он был одним из самых богатых городов Балтийского моря.

Немецкие фашисты, захватив Польшу, превратили Гданьск в свой важнейший порт. Долгим и ожесточенным был штурм Гданьска. Немало советских и польских воинов сложили под его стенами свои головы. Отступающие фашисты не щадили город. Самая старая часть Гданьска была разрушена почти полностью. Старинные дома, дворцы, костелы превратились в груды битого кирпича и железа.

Поляки решили разрушенный Гданьск отстроить заново, воссоздать его облик таким, каким был до войны, — древним. Архитекторы, инженеры, строители работали по старым фотографиям, рисункам, чертежам. И вот теперь Гданьск почти полностью восстановлен. Лишь два города в мире, Гданьск и Варшава, совершили такой удивительный подвиг: поднялись из руин в том же облике, который был создан веками.

Мы шагали по центру города среди высоких, хотя и подкрашенных и подновленных, но очень старых на вид домов — с крытыми черепичными крышами, лепными украшениями на стенах, крепкими дубовыми дверьми, с тяжелыми чугунными кольцами вместо ручек, темными арками в домах, которые открывали глубокие проходы во внутренние дворы. Казалось, каждый камень в стене, каждая черепица на крыше говорит о седой старине. Но Абу улыбался:

— Все сделано заново: и кирпичи, и черепица, и дубовые двери. Вот что значит любить и дорожить историей своего народа.

На почтамте Гданьска картину Лены запаковали в твердый картон, наклеили красивые марки — Марио будет доволен, он марки собирает — и вручили почтовому работнику. Теперь нам предстояло найти мать Збигнева Лясоты.

Ирена Лясота жила в старой части города, и искать долго не пришлось. Мы поднялись на пятый этаж древнего на вид дома, в котором неожиданно оказался современный скоростной лифт. Нажали кнопку звонка квартиры. Никто

не откликнулся. Наконец открылась соседняя дверь, и оттуда выглянула старая женщина.

— Что нужно? — спросила сонным голосом.

Абу объяснил, что мы пришли к Ирине Лясота.

— Она в Варшаве, — неприветливо ответила старуха, внимательно нас разглядывая. Помолчав, спросила: — Вы что, иностранцы?

— Да! — сказал Абу. — Мы русские. Привезли посылку от Збигнева.

Старая женщина всплеснула руками:

— Боже мой! От Збигнева! Он жив?

— Жив, здоров! — улыбнулся Абу.

Нас тут же зазвали в квартиру, усадили за стол, и хозяйка рассказала о событиях, связанных с Лясотой. Все в Польше обеспокоены неожиданным молчанием яхтмена. Он выходил на связь каждую неделю, но вот уже месяц от него ни слуху ни духу. Газета «Штандар млодых» обратилась по радио ко всем кораблям, которые находятся в Индийском океане, чтобы немедленно сообщили о встрече с яхтой «Ирена». Готовится группа по поискам Лясоты. Завтра вылетает в Австралию. Мать Збигнева, пани Ирена, несмотря на большое сердце, едет вместе со спасательной группой.

— Я сейчас же позвоню в Варшаву, — сказала хозяйка квартиры, — и сообщу пани Ирине счастливую весть. Пускай немедленно выезжает сюда.

Она внимательно взглянула на Абу:

— А может быть, лучше вам самим слетать в Варшаву? Вы окажете пани Ирине огромную услугу. Самолеты отправляются в столицу каждый час. Позвоню внуку, он вас тут же доставит на аэродром — у него машина.

Она опять подняла глаза на Абу, потом взглянула на меня, Лену.

— Ну как? Полетите?

— Я готов! — сказал Абу. — А как мои друзья?

— Раз надо, так надо! — сказала Лена.

Так наше путешествие вдруг продолжилось в город, о котором мы и не мечтали. Особенно был доволен Абу. Это было видно по его лицу — оно вроде бы посветлело, сошли с него тени усталости, оставленные трудным путешествием, глаза по-молодому заблестели. Очень Абу захотелось в Варшаву! Он даже достал свою прокуренную трубку, набил табаком и с удовольствием затянулся дымом. В последнее время курил все реже и реже — держал слово. Позволял себе эту слабость только в минуты особенно хорошего настроения.

Хозяйка квартиры, пани Ядвига, женщина преклонного возраста, тут же соединилась по телефону с Варшавой. Пани Ирены дома не оказалось, к аппарату подошла ее родственница, женщина еще более пожилая и к тому же глуховатая.

— Пусть Ирена сидит дома!— кричала пани Ядвига в трубку.— Дома сидит! Слышите? К ней вылетают трое... Трое вылетают, говорю! Магнитофонные пленки от Збигнева привезут... Что? Магнитофонные пленки... А? Пленки, говорю. Не пеленки, а пленки. Поняла: пленки!

На том конце провода мало что поняли. Ясно было одно: к пани Ирене из Гданьска кто-то прилетает с какими-то новостями от Збигнева.

Внук пани Ядвиги Вацлав прибыл мгновенно, как пожарный, отвез нас на своем «Москвиче» до аэродрома, на собственные деньги купил билеты, несмотря на протесты Абу. Большой четырехмоторный самолет взмыл в небо, и под нами поплыли просторы Польши — земля внизу напоминала ковер, сшитый из мелких разноцветных кусочков.

— Это частные крестьянские наделы!— пояснил Абу.

Летели около часа. Только-только освоились в воздухе, как надо садиться. Я уже один раз в жизни летал на самолете — из Москвы в Челябинск, к другой своей бабушке. И все же в этот раз волновался. Страшновато немного, по правде сказать. А каково Лене! Она впервые в воздухе. Вцепилась в ручки кресла и осторожно, опасливо заглядывает в круглое окошко иллюминатора. Когда пошли на посадку и земля стала стремительно подкатываться под крылья, Лена в страхе зажмурила глаза.

Толчок, затихающий вой моторов, прощальная улыбка стюардессы: «Мы — в Варшаве!»

Дом, куда мы направлялись, находился в одном из окраинных районов Варшавы. Шоссе, ведущее с аэродрома, как раз проходило через этот район, и ехать нам пришлось недолго. Шофер, узнав, кто мы и зачем приехали в Варшаву, заявил, что очень рад помочь нам, предложил подождать нашего возвращения.

Пани Ирена, предупрежденная заранее, увидела нас из окна и встретила на лестничной площадке у лифта. Это была высокая темноволосая женщина с красивым чистым лицом и большими голубыми глазами. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: пани Ирена немало пережила из-за всего, что приключилось с ее сыном. Глаза ее лихорадочно блестели, она то складывала на груди руки, то поправляла падавшие на глаза волосы.

— Ну что с ним? Что? — спрашивала слабым голосом. — Моя подруга глуховата, ничего не поняла, только уяснила, что он жив и все с ним в порядке. Это правда?

— Правда! Правда! — сказал Абу, осторожно беря женщину за руку. — Не волнуйтесь, пожалуйста. Со Збигневом ничего не случилось. Мы привезли вам магнитофонные кассеты с его голосом.

— С его голосом?! — Женщина глубоко и радостно вздохнула. — Где, где они? Где?

В квартире вдруг оказалось множество людей. Подходили всё новые и новые — соседи по дому, жители ближайших домов, немало приезжало из города на машинах. Хотя квартира и была большой, но вскоре заполнилась до отказа. В углу гостиной у непрерывно работающего магнитофона сидела пани Ирена. Лицо ее светилось счастьем: слушала голос сына! Пани Ирена выглядела в эти минуты молодой и красивой. Я подумал, что Збигнев, должно быть, назвал свою яхту в честь матери — «Ирена», что они не только любящие сын и мать, но и хорошие друзья.

Кассет было много, и в магнитофон вставляли одну за другой. Слушали не шелохнувшись. Збигнев Лясота рассказывал удивительные вещи — о штормах и тайфунах, о ночной радуге, встрече с тигровой акулой, об удивительных закатах над тропиками, о том, как прекрасен и просторен мир, в котором мы живем...

Мы пробыли у пани Ирены больше часа. Но вот Абу наклонился, тронул меня за рукав и прошептал:

— Тихонечко выходи с Леной из квартиры. А я за вами.

На улице объяснил:

— И пани Ирене, и всем друзьям Лясоты сейчас не до нас.

И вот мы в центре Варшавы. Программа простая: побродить по городу, по пути зайти в железнодорожную кассу и взять билеты на Гданьск — обратно решили ехать поездом. Потом, поглядев на Варшаву вечернюю, идти на вокзал и отправляться к морю, где скучает без нас наша милая «Мечта».

Абу как-то говорил, что с Варшавой у него связаны «личные воспоминания», что этот город ему особенно дорог. И это мы почувствовали сразу. Здесь, в Варшаве, Абу наш стал неузнаваемым — немного грустным, часто думал о чем-то и молчал, покуривая свою трубку. На улицах отрешенно смотрел по сторонам, словно вспоминал что-то. Ходили по кварталам Нового Свята, гуляли по шумной улице Краков-

ское предместье. Абу завел нас в старинный костел, под темные своды, где печально пахло свечами и сыростью, показал на мраморную доску, прикрепленную к стене, сказал:

— Здесь замуровано сердце Фредерика Шопена. Он умер во Франции, там и похоронен, но сердце свое завещал родной Польше.

Из костела пошли по новым многолюдным улицам города. Подивились высоте и огромности здания Дворца культуры и науки, возвышающегося в центре Варшавы.

— Много лет назад я видел, как этот дом начинали строить советские рабочие. Ведь дворец — дар нашей страны Варшаве. Видел, как экскаватор вынул первый ковш земли с того самого места, где сейчас стоит дворец. Да... это было четверть века назад... — Абу вздохнул: — Как быстро пролетело время...

— Вы жили тогда в Варшаве? — спросила Лена.

— Нет! Служил я в одном городе на юге Польши. Тогда там стояла наша воинская часть. А в Варшаву приезжал временами по служебным делам.

— Как выглядела тогда Варшава? Не так, как сейчас? — интересовалась Лена.

Абу грустно улыбался:

— Ее почти не существовало. Я пробыл в Польше три года и каждый раз, приезжая в столицу, видел, как менялся город. Сейчас мы пойдем по одной из самых красивых варшавских улиц — Маршалковской. Вон она, впереди! Видите, какие прекрасные дома ее украшают? А я помню, когда эта улица лежала в руинах — справа и слева были навалены горы битого кирпича, камня, ржавого железа...

Мы долго гуляли по этому прекрасному городу, любовались мостами над Вислой, восстановленным королевским дворцом, узкими средневековыми улочками Старого города, которые, как и в Гданьске, были отстроены заново по давним фотографиям и рисункам. На Маршалковской в уютной и прохладной «кавярне» — кофейной — пили кофе и ели вкусные пирожные. На одной из улиц зашли в железнодорожную кассу и взяли три билета на «поченг поспешны» — скорый поезд — до Гданьска. Мы с Леной удивлялись, как хорошо говорит Абу по-польски, а он улыбался:

— Как-никак, а три года юности прошли в этой стране. Полюбил Польшу, полюбил ее людей. А раз так, то не мог не научиться языку этого народа.

Уже близился вечер, когда Абу предложил зайти еще в один уголок Варшавы — в парк Лазенки.

И вот мы оказались в густом парке, где стояли старинные деревья, где тенистые дорожки уводили в чудесный зеленый мир подальше от шумных улиц. На скамейках сидели старички, читали газеты или неторопливо беседовали друг с другом, по дорожкам бегали наперегонки дети...

— Когда-то немало часов провел я в Лазенках... — с грустью сказал Абу, и мы поняли, что он снова охвачен воспоминаниями далекого прошлого.

Наверное, Абу приятнее сейчас побыть самому с собой. Вопросы старались ему не задавать, хотя для Лены, известной почемучки, это было не просто: «Абу, а почему этот мост такой длинный?.. А почему этот дом такой высокий?..» В этот раз Лена была серьезна и сосредоточенна.

Мы молча постояли около пруда, по которому плавали белые лебеди, а в зеленой воде медленно скользили жирные карпы. Выйдя из парка, прошли мимо дворца президента, побродили по старым и тихим улицам. И вдруг оказались на довольно просторной площади, над которой возвышался большой серый дом. Ничего в ней особенного не было, в Варшаве видели площади покрасивее и поновее, но Абу сказал:

— Вот что, друзья мои! Я обязан кое-что объяснить. А то вы, должно быть, думаете: странным стал вдруг наш Абу, присмирел, как провинившийся школьник. Мы с вами друзья, и у меня от вас секретов нет. — Он движением подбородка показал на серый дом. — Вот этот дом имел когда-то для меня немалое значение в жизни. Видите в нем книжный магазин? Он и тогда, двадцать пять лет назад, существовал. В этом магазине в то время работала библиографом девятнадцатилетняя девушка. Она полька, но имя у нее французское — Жаннет. Она была моим большим другом. Познакомились мы при обстоятельствах необычных. Я вел военный «газик» в город Еленю-Гуру. Ехал туда по делам службы. Вдруг вижу — по крутой и мокрой от дождя горной дороге бежит навстречу девушка: пальто распахнуто, волосы под дождем слиплись. Бежит и размахивает руками, требует, чтобы остановился. Я затормозил. Девушка, задыхаясь, кричит: «Дальше ехать нельзя! На дороге завал у самой пропасти». Так Жаннет спасла меня от верной гибели. Дело в том, что в те годы в Польше, как сейчас в Италии, еще действовали недобитые фашисты — поджигали в деревнях амбары с зерном, портили станки на заводах, нападали на государственных работников, польских и советских военных. Они-то и устроили на крутой горной дороге завал из бревен и ветвей. А перед завалом асфальт вымазали машинным маслом. Расчет был простой: шофер, выехав из-за

крутого поворота дороги, вдруг увидит на спуске на недалеком расстоянии препятствие, станет тормозить, колеса заскользят по намаасленному асфальту, и машину понесет под уклон прямо в пропасть. Вот так задумали враги! Видно, кого-то важного ждали. А оказался простой солдат. Я сейчас не гулял бы с вами, друзья мои, если бы не Жаннет...

Мы вдвоем разбросали бревна, и потом я отвез Жаннет в ее студенческий лагерь. Так познакомились, а потом и подружились. Каждый раз, когда я бывал в Варшаве, обязательно заходил в магазин, где она работала. Иногда мы гуляли, чаще всего в Лазенковском парке...

Абу минуту помолчал.

— А потом расстались. Закончился срок службы в армии, и меня отправили на родину...

— И больше никогда не виделись?— удивилась Лена.

— Никогда!

— А почему?— спросил я.— Вы же были друзьями? Почему не приезжали друг к другу в гости?

Абу грустно улыбнулся:

— Так уж, Антон, у нас случилось...

Лена вдруг схватила его за руку:

— Пойдемте в магазин! Вдруг Жаннет еще работает там?

Абу недоверчиво покачал головой. Но Лена настаивала. Когда мы шагнули за широкие стеклянные двери и Абу взглянул на стоящих за прилавками продавщиц, то по выражению его лица стало ясно: ее здесь нет.

— А может быть, она сегодня выходная?— предположила Лена.— Спросите!

Абу нехотя подошел к одному из продавцов.

— Жаннет Шадзевска? Нет, не работает у нас.— Молодой продавец наморщил лоб.— Подождите, подождите!— он жестом остановил Абу, который уже сделал шаг к двери.— Подождите, кажется, она у нас работала года четыре назад... Да, да, такая невысокая, светленькая, с ямочками на щеках, верно?

— Верно!— тихо подтвердил Абу.

— Пройдите к нашей заведующей пани Фолта, она наверняка даст вам телефон пани Шадзевской.

Через несколько минут Абу вышел из кабинета заведующей. В руке у него был листок.

На улице Абу сказал:

— Подождите минутку!— и решительно двинулся к телефонной будке.

Что рассказать еще? Наступил вечер, и нам уже пора было ехать на вокзал. Вокзал большой и красивый: стекло, алюминий, полные света просторные залы, бесшумные эскалаторы, широкие и длинные перроны — и все это под землей, под городскими улицами.

Нашли свой перрон, с которого поезда уходят на север. Нашего экспресса еще не было, мы с Леной спокойноенько устроились на скамейке. Но Абу не сел, стал расхаживать по перрону. Вид у него был такой, что лучше к нему не подступаться. Мы еще никогда не видели Абу таким взволнованным и напряженным.

Через пятнадцать минут пришла Жаннет Шадзевская. Вернее, не пришла, а прибежала. Мы ее увидели еще издали и сразу догадались, что это именно она. Женщина шла по перрону и вглядывалась в лица встречающих. Абу она увидела издали, крикнула: «Андрюша!» Он вздрогнул, откинул голову назад и шагнул к ней навстречу.

Нас познакомили. Жаннет оказалась очень милой женщиной с добрым лицом и темными усталыми глазами. Когда улыбалась, то на щеках появлялись ямочки. Мне она понравилась. Особенно ее улыбка. Казалось, что Жаннет знаем давным-давно. Мы с Леной поняли: Абу и Жаннет должны поговорить без нас. Поэтому подошли к светящемуся табло на стене, которое все время сообщало пассажирам об убывающих и прибывающих поездах. Стали внимательно рассматривать это табло, а когда это надоело, то принялись глазеть на пассажиров. Иногда украдкой я поглядывал на стоящих поодаль Абу и Жаннет. Лена несколько раз дергала меня за рукав и шипела: «Не смотри! Неприлично! Ты их смущаешь».

А потом по радио сообщили, что наш поезд отправляется через пять минут. Абу крикнул, чтобы мы заходили в вагон, а сам стоял на перроне до последнего мгновения, потом вдруг схватил руку Жаннет, поцеловал и вскочил в вагон.

Через окно мы видели в толпе провожающих Жаннет. Губы ее улыбались, на щеках темнели ямочки, но глаза, казалось, стали еще больше и печальнее.

Поезд миновал туннель, который вывел его в пригороды Варшавы, прогрохотал на стрелках товарной станции и стал набирать скорость, устремляясь на север. А Абу все стоял у окна и смотрел в темное стекло невидящими глазами. И мне почему-то в этот момент было очень грустно.

Потом Абу, словно очнувшись, с неожиданной строгостью приказал:

— Спать, спать! Завтра рано утром — Гданьск!

КТО ПРИДЕТ ПЕРВЫМ?

Все произошло неожиданно. С вокзала в Гданьске приехали в порт, отыскивали среди моторных лодок, баркасов и яхт, причаленных к пристани, нашу «Мечту». Надо готовить ее к отплытию. Абу сказал:

— Курс на юг, к Черному морю, в Крым. Пора и возвращаться.

Только начали приводить яхту в готовность, как явились гости: три юноши и две девушки. Прыгнули с пристани на борт яхты. Самый старший по виду спросил:

— Это вы доставили в Варшаву пленки Збигнева Лясоты?

У него был такой тон, будто он нас в чем-то уличал.

— Мы...— сказал Абу.

Молодой человек удовлетворенно кивнул:

— Объявляйтесь почетными гостями газеты «Штандар млодых» и гданьского яхт-клуба.

Так мы попали в историю, которая втянула нас в новые приключения. Оказалось, что сегодня в полдень в Гданьске начинаются международные гонки морских яхт «Балтийская регата». В гонках участвуют тридцать яхт, на которых спортсмены-одиночки из Польши, ГДР и Швеции должны соревноваться на пути из Гданьска в столицу Швеции.

— Прежде всего скажите, как вы нас нашли? — поинтересовался Абу.

— Очень просто!— весело отозвались молодые поляки.— Вы скромно удрали из дома пани Лясоты. Вас быстро хватились. Работники нашей газеты объездили все гостиницы Варшавы, звонили в советское посольство. Не найдя вас в Варшаве, решили, что вы уже в Гданьске. А о том, что товарищ Утехин опытный капитан, мы узнали из документов, которые оформлялись по прибытию в Гданьский порт. Так вот,— продолжали молодые люди,— мы товарищу Утехину предлагаем быть в числе судей, которые приглашены из разных стран.

Абу взглянул на Лену, на меня:

— В Стокгольм мы, пожалуй, соберемся. Верно, друзья мои? Я благодарю за приглашение. Входить в число судей такой замечательной регаты — большая честь.

Все было решено быстро и точно, как и подобает морякам. Абу предложил передать нашу яхту в распоряжение судейской коллегии. Чтобы «Мечта» находилась впереди гонщиков, как и положено судейскому судну, она пойдет не под парусами, а на моторе... А Лену и меня на специальном

самолете, который будет обслуживать регату, переправят в Стокгольм.

К двенадцати часам множество народа собралось в пассажирском порту Гданьска. На флагштоках развевались флаги трех стран, разноцветные морские вымпелы, играли оркестры, было шумно, весело и празднично. На набережную мы приехали с нашим новым знакомым Оле Эрикссоном, фотокорреспондентом шведской спортивной газеты. Оле двадцать два года. Высок ростом, широкоплеч, густые светлые волосы развевает ветер. Одет в кожаную куртку на «молниях», которую крест-накрест обхватывают ремни трех фотоаппаратов, висящих по бокам. Польские друзья сказали, что Оле хотя и молчун, но парень отличный, превосходный фоторепортер.

— Я ваш начальник, — сказал Оле, когда мы впервые с ним познакомились.

И широко улыбнулся.

С того момента, кроме этих слов, мы слышали от него, пожалуй, не больше десяти фраз.

Оле Эрикссон нам понравился. Даже молчать рядом с ним было приятно. А Ленка в него прямо-таки влюбилась. Все время старалась быть к Оле поближе. Рядом с ним и вправду чувствуешь себя спокойно и уверенно. Особенно нам нравилось, как Оле работал. Мы гордились, что Оле сделал нас своими помощниками: несли ему сумку с кассетами и объективами, держали два аппарата, когда он снимал третьим, подавали новые кассеты и прятали в сумку отснятые. Оле работал быстро, и мы только успевали поворачиваться.

Буксиры вывели яхты на внешний рейд. Какие это были красивые яхты!

В воздух взлетела зеленая ракета, раздался залп пушки, и в то же мгновение все яхты, как птицы, расправили свои крылья-паруса. Мы просто рты поразевали, даже вовремя не успели дать Оле новую кассету, и он сердито зарычал. Представляете, паруса были белые, красные, оранжевые, голубые, сиреневые... Казалось, в море вдруг расцвел сказочный сад.

Порыв ветра еще больше выгнул лепестки парусов, сделал их тугими, и яхты медленно одна за другой сдвинулись с места. Все больше набирая скорость, они уходили в открытое море. Нам казалось, что из Гданьска ушел праздник.

Оле Эрикссон протянул руку и показал на небольшую остроносую яхту, на белом парусе которой стояла цифра «5», «прожевал» несколько английских слов, и из них мы по-

няли, что на яхте под названием «Викинг» в регате участвует друг Оле — Гуннар, что это очень хороший моряк и что он, конечно, будет первым. Оле готов по этому поводу держать пари с кем угодно. Я тут же решил болеть за «Викинга», но Лене хотелось, чтобы первой пришла немецкая яхта под алыми парусами. Она называлась красиво — «Диана».

Когда Оле отснял на последние кадры уходящие в море яхты, автомашина доставила нас на аэродром, где мы сели в десятиместный двухмоторный самолет, и он взял курс на Стокгольм.

С высоты полета увидели яхты, которые, оставляя за собой пенистый след, шли недалеко друг от друга. Уже сейчас определились лидеры. Яхта под номером «пять» и «алые паруса» впереди всех. «Диана» даже немного опережает «Викинга». Оле удовлетворенно поднял большой палец, и это свидетельствовало, что ходом гонки он доволен.

Кроме нас, в самолете было еще четверо молодых людей — польские и немецкие корреспонденты. Все они, как и Оле, прижимались к стеклам больших круглых иллюминаторов и целились в них объективами фотокамер. Самолет делал круги над армадой идущих яхт, ложился на крыло, чтобы корреспондентам удобнее было снимать.

Когда мы подлетели к яхтам в третий раз, они уже находились на подходе к шведскому острову Готланд, и впереди, далеко оторвавшись от всех, шел «Викинг». Мили на две отставала от него «Диана», а позади тянулись остальные участники регаты. Наш молчаливый, сдержанный северянин Оле готов был плясать. Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, он что-то громко кричал по-шведски, словно его друг там, внизу, мог услышать слова приветия.

Покружившись над участниками гонок, мы на этот раз направились не в Гданьск, а в Стокгольм. Через час сели на тихом, окруженном лесами стокгольмском аэродроме.

Приближался вечер. Оле сказал, что работу придется отложить до рассвета. Рядом с бетонным зданием аэропорта была небольшая гостиница. В ней нас и устроили на ночь.

На рассвете снова собрались в салоне самолета. Здесь были поляки, немцы, шведы. Все волновались за результаты состязаний на море.

Примерно через час полета мы заметили поднимающийся над морем столб дыма. А еще через несколько минут увидели, что горит грузовое судно. Пламенем были охвачены почти все палубные надстройки, полыхали даже спасательные шлюпки. Наш самолет сделал круг над морем и прошел

на бреющем полете над попавшим в беду судном. С его бортов бросали в море спасательные круги, надувные плоты, бочки. Люди прыгали прямо в воду. Оле разглядел на судне французский флаг.

К сожалению, ничем помочь терпящим бедствие мы не могли. Но наш радист сообщил на землю о случившемся. Самолет взял курс на юг. Облетел судно по кольцу в несколько десятков километров. Надо было определить местонахождение близлежащих судов. Мы увидели, как к месту катастрофы на всех парусах шел «Викинг». «Диана», тоже резко изменив курс, торопилась к зловещему столбу дыма. Других яхт в этом районе не было — отстали от лидеров на много километров.

Наши спутники-журналисты теперь работали еще бойчее, чем раньше. Если до этого они снимали ход спортивного соревнования, то теперь — борьбу за спасение людей. И первый в эту борьбу включился Гуннар. Мы видели с нашей самолетной высоты, как он подошел близко к горящему судну и принялся вытаскивать из воды моряков.

Вскоре подошла и «Диана». Через десять минут со стороны острова Готланд подлетели два больших вертолета, зависли недалеко от горящего судна, спустили в волны веревочные лестницы, и по ним один за другим стали забираться моряки.

На помощь пострадавшим подходили два больших сухогруза под финским и датским флагами. А на горизонте маячили силуэты новых кораблей. Вскоре все, кто еще недавно был в опасности, мог утонуть, были спасены.

На пути в Стокгольм наш самолет сделал крюк, чтобы отыскать остальные двадцать восемь яхт. Их нашли за много миль от места пожара. Яхты шли, растянувшись длинной линией до самого горизонта. Впереди вырвались шведская и польская — номера одиннадцатый и восьмой.

Над морем дул хороший ветер, и яхты на тугο натянутых парусах решительно резали волну, оставляя за собой пенистые буруны. Должно быть, мечтают догнать первых, не зная, что лидеры уже выбыли из соревнования.

В Стокгольме на аэродроме Оле сообщил нам, что из советского посольства приедет в гостиницу молодой человек, который позаботится о нас до прихода «Мечты».

— Вечером встретимся! — деловито буркнул Оле. — На финише.

Через час за нами приехал высоченный молодой парень, темноволосый, большеглазый. В руках у него были цветы. Он с удивлением взглянул на нас, лицо его вытянулось.

— А я думал, что вы взрослые...

Лена обиделась:

— Но мы не такие и маленькие. Конечно, по сравнению с вами...

Парень махнул рукой:

— Не обижайтесь, ребята, просто шведы мне сказали, мол, парень с девушкой... Я вот для девушки... цветы...

— Ну и хорошо! — сказала Лена. — Значит, эти цветы для меня, — и протянула руку к букету.

Так мы познакомились с Димой Погорельцевым, советским студентом; он полгода живет в Швеции, совершенствует шведский язык, который изучал в Москве в университете.

— Прежде всего, — сказал Дима, — я должен вам сообщить, что яхты под управлением шведа Гуннара Свенсена и немца Питера Вербатуса сдали спасенных ими моряков на борт подошедшего судна и снова легли на курс гонки. Пытаются догнать вырвавшихся вперед поляка и другого шведа. Только что передали по радио. Но вряд ли догонят!

Мы огорчились. Ведь только и думали, что о тех мужественных парнях, которые первыми пришли на помощь оказавшимся в беде морякам. Всем нам хотелось, чтобы Гуннар и Питер победили в регате.

— Вряд ли! — повторил Дима. — Их соперники оторвались слишком далеко.

Он тоже переживал за шведа и немца.

Предполагалось, что первые яхты подойдут к финишу к семи вечера. Поэтому Дима предложил побродить по Стокгольму, посмотреть город, а потом идти на набережную, где нас будет ждать Оле.

Красивый город Стокгольм! Весь отраженный в воде — прорезают его каналы, омывают волны залива. На его островах и полуостровах возвышаются массивные, прошлых веков здания с потемневшими от дождей стенами. Между островами перекинута старинные мосты, украшенные скульптурами и чугунными литыми оградами. Везде множество цветов — они пестрят на клумбах, в ящиках, укрепленных на фонарных столбах, в корзинах, висящих на цепях у стен домов. Дима сказал, что шведы любят цветы и деревья.

Мы бродили по узким и прохладным улицам средневековой части города. У королевского дворца видели, как меняется караул дворцовой стражи: под грохот оркестра гусиным шагом, шелкая каблуками ботинок по брусчатке мостовой,

вперед-назад расхаживали рослые парни, сжимая в руках грозные автоматы.

Дима сказал:

— Они здесь существуют только для парадов. В Швеции не знают, что такой война. Триста лет не воевала Швеция. Война обошла ее стороной. Ни один домик не рухнул под бомбой, ни одной братской солдатской могилы!

— Повезло им! — вздохнула Лена. — А оба моих дедушки погибли на фронте.

В центре города среди темных домов, сохранившихся с давних пор, возвышаются, как огромные поставленные на попа чемоданы, яркие, из стекла и алюминия, небоскребы. Здесь много магазинов и кафе, кинотеатров. В одном из кафе мы обедали и слушали радио. Ожидая последних известий, около приемника собрались посетители кафе. Всех волновали сведения об исходе гонок.

Шведы большие поклонники спорта. Любят лыжи, коньки, хоккей, парусный спорт. Вроде бы на первый взгляд народ сдержанный, молчаливый, а на самом деле отчаянные болельщики. Так нам сказал Дима.

По радио сообщили, что яхты под номером «одиннадцать» и «восемь» по-прежнему идут впереди. В отчаянной попытке стараются их догнать отставшие по вполне уважительной причине яхты номер «пять» и «четырнадцать». Однако пока трудно утверждать, что это им удастся.

Услышав сообщение, болельщики в кафе зашумели, заспорили, забыв про свои стынущие на столах любимые шведские сардельки с капустой.

К вечеру мы подошли к набережной. В катере уже находились наши знакомые фотокорреспонденты и вместе с ними Оле.

Миновав несколько лесистых островков, которые прикрывали морские подходы к городу, катер вышел на границу открытого моря. Здесь нам и предстояло встретить яхты-победительницы.

Они не заставили себя ждать. Вначале из туманной вечерней дымки проступили контуры судов сопровождения, потом показались две первые яхты гонщиков. По их парусам, на одной — желтый, на другой — голубой, всем стало ясно: Гуннар и Питер так и не догнали новых лидеров. В нашем катере заволновались.

— Это несправедливо! — кричала Лена.

Оле громко заявил, что этих мнимых «победителей» снимать не будет, что результаты регаты нужно отменить и гонки назначить заново.

Желтые и голубые паруса подходили всё ближе и ближе к проливу между двумя островами, где условно пролегла финишная черта: здесь уже давно стояли на якоре катера и моторные лодки судей, журналистов и кинооператоров. Несмотря на дурное настроение и устрашающие заявления, Оле щелкал фотоаппаратом непрерывно. И не зря! Неожиданно две лидирующие яхты, подойдя вплотную к проливу, где была финишная линия, ни с того ни с сего резко повернули вправо и, выйдя под защиту одного из здешних лесистых островов, почти разом свернули паруса, бросили якоря и замерли на месте поблизости друг от друга.

Яхты стояли в неподвижности до тех пор, пока в море не показались белые и алые полотнища парусов подлинных героев этого дня — Гуннара и Питера. «Викинг» и «Диана» на большой скорости подходили к проливу. Под крики и аплодисменты встречающих, распушив свои крылья-паруса, они, кажется, одновременно пересекли финишную черту. Но Оле истошно кричал:

— «Викинг» — первый! Гуннар финишировал первым!

И потрясал своим фотоаппаратом, словно бесспорным свидетельством победы Гуннара: вот, мол, все на пленке запечатлено!

Вслед за победителями к острову подошла на моторном ходу «Мечта», которая заботливо сопровождала гонщиков. Мы с волнением увидели на борту нашей яхты высокую сухопарую фигуру Абу, который был в своей белой капитанской фуражке. Рядом с ним стояли другие судьи.

Оле попросил подвести катер к «Мечте».

— Сейчас мы узнаем, кого же они назовут победителями! — решительно заявил неугомонный швед.

Катер еще не успел пришвартоваться к «Мечте», как Оле уже издал крикнул Абу:

— Капитан, скажите, пожалуйста, корреспонденту, кто же, по вашему мнению, сегодня победил, что мне сообщить в газету?

Абу улыбнулся:

— Сообщите, что сегодня победили мужество и благородство!

ДЛЯ ЧЕГО НА СВЕТЕ ЖИТЬ?

Из Стокгольма мы намеревались повести «Мечту» к берегам Родины. Но так получилось, что подхватило нас Его Величество Приключение, понесло куда-то и расставаться с нами не хочет. Мы, понятно, не очень-то жалеем, отдаем

себя под власть Его Величества с охотой. Всегда интересно путешествовать, а если еще случится что-то необыкновенное, то считай, тебе здорово повезло. Абу так и говорит: мы оказались с вами во власти самой отважной на свете и самой увлекательной силы — Приключения. Человек, как только осознал себя человеком, понял, что без Приключения он не сумеет стать царем природы. Поэтому самые смелые и сильные всегда искали Приключения. И Приключения их не подводили. Они-то и помогли людям обойти, объехать, обплыть, облететь всю планету Земля, покорить ее для человека.

В стокгольмском порту мы увидели, как длинноногая светловолосая девица, одетая в свитер и джинсы, вбежала на пирс именно в тот момент, когда огромный пассажирский теплоход, с утра стоявший у причала, отдал швартовы и два коренастых пыхтящих буксира стали оттягивать его нос от причала.

Девица опоздала, трапы давно были подняты. Не вернется же обратно к причалу такая машина из-за одной пассажирки, которая неизвестно где прохлаждалась. Девица расплакалась.

Мы подошли, чтобы утешить ее. Так познакомились с Сюзан Браун.

Сюзан восемнадцать лет. Дом ее в Бишоптоне, в небольшом городке около Лондона. Отец — управляющий банком. Жила скучно, одноцветно. Разговоры в семье только о деньгах, о тряпках — то надо купить, другое, чтобы все было «на уровне». Да еще появился жених — Том Смит, гордый новым спортивным автомобилем. Все развлечения — кино да по воскресеньям выезд семьей на лоно природы... Такую же жизнь обещал девушке и ее жених — благополучие, сытость, скуку. Сюзан такая судьба не устраивала. Закончив школу, вдруг бросила все и вместе с друзьями отправилась скитаться по миру, по далеким от Англии странам.

Больше года бродяжничали. Жили под пальмами на островах Океании, в шалашах на жарких пляжах Индии, в бедняцких кварталах Филиппин. Голодали, болели, страдали от непривычного климата. Прошел год, и эта жизнь Сюзан надоела. Она рассталась с друзьями. Из Индии добралась на грузовом самолете до Стокгольма. Здесь истратила последние деньги на самый дешевый билет на пароход до Лондона. И вот из-за нелепой случайности опоздала. Что делать — не знает. К родителям в Лондон обращаться за помощью не хочет.

— Поскольку нам все равно идти мимо берегов Англии,

так и быть, заглянем по пути и в Лондон,— сказал Абу.— Берем вас в экипаж.

Так ненадолго Сюзан оказалась в нашей компании. Было жаль, что путь до Лондона короток. С Сюзан мы подружились. Особенно Лена. Несмотря на разницу в возрасте, у них сразу же появились свои «девичьи» разговоры. На камбузе кухарничали вместе и угощали нас замечательными обедами. Абу даже разрешил Сюзан постоять за штурвалом.

Ранним утром мы увидели невысокие берега Англии. Подгоняемая свежим ветром, «Мечта» вошла в горловину устья Темзы, широкую, как залив.

— До Лондона шестьдесят километров,— сказал Абу, взглянув на карту.

Чем дальше уводила нас Темза в глубь острова, тем все больше сдвигались ее берега. Ветер, который еще недавно доносил свежесть морских просторов, теперь дарил запахи вспаханной земли и цветущих трав. Среди полей из-за невысоких холмов то тут, то там виднелись маленькие городки с круглыми черепичными крышами и острыми пиками церквей.

Нам повезло, что рядом была Сюзан. Она оказалась отличным экскурсоводом.

— Видите, вон там скопление каменных домов.— Она показывала куда-то вдаль по левому борту.— Это знаменитая Гринвичская обсерватория... А вон там левее...

Было ясное, теплое утро. Темза спокойно катила свои зеленые волны навстречу яхте, кружились над нами крикливые чайки. Настроение у всех было отличное. Особенно радовалась возвращению на родину Сюзан. Всего лишь несколько миль оставалось до лондонских причалов. И вот тут с нашей «Мечтой» произошла беда.

Это событие многое изменило в судьбе дальнейшего путешествия. В Лондон все-таки пришли. Но уже... на буксире. Дело в том, что, оказавшись в устье Темзы, мы убрали паруса и включили двигатель. Темза не место для парусных прогулок — то и дело попадаются навстречу большие суда. И вот на полпути до Лондона наш судовой двигатель, который до того работал четко и размеренно, вдруг странно застучал, стал болезненно вздрагивать, резко повысилась температура масла. Абу поторопился его остановить.

— Это цилиндры! — сокрушался он.— История невеселая...

Легли в дрейф, веслами стали подгребать поближе к берегу. Вскоре нас заметил портовый катер, передал буксирный трос, и так, на привязи, мы продолжали путь.

«Мечту» подводили к дальнему лондонскому причалу Тилбери. Настроение было прескверное. Ведь ремонт может затянуться надолго. Да и кто нам отремонтирует мотор? И вот тут-то мы заметили стоящее у пассажирского причала огромное судно с черными бортами и белыми палубными надстройками.

— Так это же наш «Михаил Лермонтов»! — воскликнула Лена. — Помните, мы его встретили в Черном море?

Абу поднял бинокль. Обрадовался: знакомый теплоход! Повезло! К тому же капитан «Лермонтова» его давний приятель.

Едва яхту подвели к причалу, как Абу отправился на «Лермонтов». Мы втроем остались на яхте... Сюзан заявила, что теперь нас не покинет и пока мы в Англии, считает своим долгом во всем нам помогать.

Вернулся Абу через два часа. Был озабочен. Рассказал, что капитан теплохода, выслушав мнение механиков, вдруг предложил нечто неожиданное: возьмет нашу яхту на борт «Лермонтова». Теплоход идет в Нью-Йорк, за время пути механики отремонтируют в корабельных мастерских двигатель яхты. Иначе придется заняться ремонтом в Англии. На это уйдет много дней, и стоит будет немало. А из Нью-Йорка теплоход доставит яхту уже к берегам Родины. Предложение было заманчивое, но Абу не согласился. Плыть в Америку только для того, чтобы по пути отремонтировать двигатель яхты!

— Обойдемся без двигателя, — решил Абу. — Постараемся добраться на одних парусах.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Сюзан. — Значит, Лондон посмотрите. Я вам его покажу. Но сперва заедем в Бишоптон и позавтракаем у моих родителей.

— Нет, Сюзан, — возразил Абу. — Не будем тратить время на поездку в Бишоптон. Лучше посмотрим Лондон. Времени у нас мало.

— Можно и так! — согласилась Сюзан. — Едем напрямик в Лондон, а перекусим где-нибудь в городе. Родителям я позвоню по телефону. Их я еще успею повидать.

В Лондон мы отправились поездом в вагонах старого типа, будто сохранившихся с прошлого века. Мы сидели у окон и смотрели на поселки, которые тянулись вдоль железнодорожного полотна. Черепичные крыши прикрывали дома, стены которых были черны от железнодорожной пыли и копоти.

— Я рада и не рада, что возвращаюсь домой, — задумчиво говорила Сюзан. — Неужели все начнется по-старому?

Купе в вагоне отделялись друг от друга стеклянными стенками. Еще в Тилбери на станции мы заметили, что в соседнее купе вошел худой старик. Мы временами бросали мимолетные взгляды в его сторону. Старик, откинувшись на диване, читал газету. Он не оставлял этого занятия почти до самого Лондона — листал и листал страницу за страницей. Вдруг мы увидели, что газета выпала из рук старика, а он как-то странно обмяк, уронив голову на грудь.

— С ним что-то случилось! — воскликнула Лена. — Смотрите, он не шевелится!

Мы ринулись в его купе. Человек действительно не шевелился, рука бессильно свисла с дивана, газеты валялись на полу. Я подумал, что он умер. Но Абу пощупал пульс — жив! Сюзан выбежала из кухни и вскоре принесла стакан с водой. Смочила губы старика, он тихо застонал и открыл глаза.

— В жилете... в кармашке... лекарство... достаньте... — прошептал он.

Сюзан извлекла из его жилета маленькую баночку с пилюлями и одну пилюлю по просьбе старика положила ему в рот. Минуты две он оставался по-прежнему неподвижным. Но вот в его лице проступила краска, старик глубоко вздохнул и вдруг выпрямился на диване.

— Спасибо! — сказал он, оглядев нас спокойными светлыми глазами. — Что-то сердце опять подвело...

Мы посоветовали ему прилечь на диван и оставались рядом до самого лондонского вокзала. Когда поезд остановился, предложили вызвать врача, но старик наотрез отказался. Сказал, что с ним такое бывает, что теперь, когда принял лекарство, все будет в порядке и он доберется до дому. Но когда вышел из вагона, шаг его был нетвердым — того и гляди, упадет.

— Мы не можем вас оставить! — решительно заявил Абу. — Проводим до дома!

— Благодарю вас, сэр! — с достоинством кивнул старик. — Буду очень обязан. — И тут же представился: — Меня зовут Эдвард Эрлинг.

У здания вокзала отыскивали свободное такси, такое просторное, что уместились в нем все. Абу и Сюзан расположились со стариком на заднем сиденье, а мы с Леной — рядом с шофером.

Старик жил на другом конце Лондона, и нам предстояло совершить путешествие через весь город.

Лондон нам понравился. Жаль, конечно, что видели его только из окна автомашины! Мы проехали через кварталы

Ист-Энда, рабочего района английской столицы. Здесь перед нами вставали корпуса заводов, порталыные краны доков. Машина пробиралась по узким темным улицам, по сторонам которых стояли трех-четырёхэтажные жилые дома, где обитает рабочий люд. Дома жались один к другому, за их стены цеплялись железные лестницы, арки под домами вели в темные, сыроватые дворы. На перекрестках на тележках продавали кульки с лепестками жареной картошки, у пивных стояли немолодые люди в скромных темных блузах и равнодушно смотрели на прохожих.

Потом мы въехали в богатые кварталы. Здесь дома были высокие и солидные, как крепости, витрины магазинов просторные и яркие, за ними пряталось великое множество всяких товаров. На стенах и крышах домов пестрели рекламы. Мы проезжали мимо огромных кинотеатров и ресторанов, потемневших от старости церквей, мимо густых парков. В парках на коротко подстриженной траве, как на ковре, отдыхали лондонцы. В прудах плавали лебеди. По дорожкам вдоль парковых оград на долгоногих лошадях гарцевали всадники в старинных шляпах и цилиндрах. Это любители верховой езды из обеспеченных семей.

Мистер Эрлинг чувствовал себя лучше и даже попросил шофера такси немножко отклониться от намеченного маршрута, чтобы советские гости взглянули на некоторые лондонские достопримечательности. Он показал нам Большой Бен — так лондонцы называют часы на высокой башне парламента, расположенного недалеко от берега Темзы. Часы эти далеко окрест разносят свой мощный бой, напоминая лондонцам о неумолимом движении времени. На несколько минут остановились у Букингемского дворца, в котором живет королева Англии, посмотрели, как под звуки оркестра вышагивает здесь вдоль дворца стража — рослые гвардейцы в красных мундирах и высоких медвежьих шапках, надвигутых на самые глаза. Подвезли нас к мрачным стенам Тауэра — старинной крепости, в которой когда-то содержали государственных преступников. А потом мистер Эрлинг предложил проехаться по набережной Темзы. В центре города у берега стоял старинный корабль с тремя мачтами и высокой дымовой трубой. Я взглянул на острый нос судна и прочитал на борту название корабля: «Дискавери».

— Кто из вас знает, друзья мои, чье имя связано с этим судном? — спросил мистер Эрлинг, обращаясь к Лене и ко мне.

Мне повезло: я не попал впросак да и Ленку выручил. Хотя она и слывет в нашей компании всезнайкой, но в этот

раз дала промашку. О «Дискавери» ничего не слышала. А я спокойненько ответил:

— На этом судне капитан Роберт Скотт впервые отправился к берегам Антарктиды.

Мистер Эрлинг одобрительно кивнул.

— Превосходно! — сказал он важно. — Превосходно, мой юный друг. Вы помните о человеке, который именем своим украшает весь род человеческий.

После короткой паузы продолжал:

— В моей личной коллекции имеются нарты, которые с капитаном Скоттом путешествовали по Антарктиде. Эту реликвию прислали мне в подарок австралийские полярники из Антарктиды. — Мистер Эрлинг сделал легкий поклон и добавил: — Вы вели себя, друзья мои, как люди добросердечные, и мне бы хотелось отблагодарить вас. Я вполне окреп; думаю, в дальнейшем смогу не злоупотреблять вашей помощью и до дома способен добраться. Но я счел бы за честь пригласить вас к себе на обед.

После недолгой паузы добавил:

— Мне кажется, что моим юным друзьям будет интересна моя коллекция. В ней не только нарты капитана Скотта...

— Спасибо, мистер Эрлинг, — сказал Абу. — Теперь я понял, с кем мы познакомились, и считаю большой честью получить приглашение на обед от такого человека, как вы.

Такси привезло нас в один из тихих кварталов Лондона к двухэтажному дому, над которым простирали свои могучие ветви старые платаны. Квартира мистера Эрлинга произвела впечатление настоящего музея. В ней оказалось шесть комнат, стены которых были сплошь завешаны картинами, портретами, картами.

Около входной двери был прислонен к стене старинный корабельный якорь. На письменном столе стояла модель парусного корабля. Огромный пропеллер от самолета был установлен на полу у камина. Я увидел большой портрет Юрия Гагарина, который висел на стене в гостиной в дубовой раме.

— Фотопортрет был сделан здесь, в Англии, когда Гагарин приезжал к нам в гости. Я имел счастье познакомиться с этим выдающимся человеком, — с гордостью заявил мистер Эрлинг.

Мистер Эрлинг рассказал, что на одной из торжественных встреч первого в мире космонавта в Англии он был представлен Гагарину и тот подарил ему свою фотографию с автографом. Так коллекция англичанина пополнилась еще одним бесценным экспонатом. О коллекции его известно да-

же за пределами Англии. Собирает он ее с молодых лет и посвящена она людям, которые прославили свои имена замечательными путешествиями, героическими подвигами во имя высокой цели, благородными поступками на благо человечества. Перед нами было великое богатство. Представьте себе десятки толстых альбомов с фотографиями, ящики с сувенирами, скульптуры, картины, образцы камней, компасы, кинжалы... Хозяин рассказывал историю некоторых экспонатов.

— Вот в этой старинной темно-зеленого стекла бутылке четыре века назад капитан испанского парусника, который держал путь к берегам острова Фернандо-По и попал в жестокий шторм, послал перед гибелью судна письмо на родину, — рассказывал мистер Эрлинг.

Наш гостеприимный хозяин показал морскую карту, принадлежавшую знаменитому капитану Куку, собственноручный рисунок Миклухо-Маклая — на листке твердой бумаги изображен обнаженный папуас, — компас, подаренный Эрлингу современным ученым Хейердалом, совершившим на плоту «Кон-Тики» путешествие из Америки на остров Пасхи.

Радужный хозяин усадил нас всех, включая Сюзан, возле огромной карты мира, развешанной на стене его гостиной, и сфотографировал из аппарата, который делает моментальные снимки и сразу же выдает готовые цветные фотографии.

На только что полученном снимке мистер Эрлинг попросил нас оставить автографы. Сказал, что фотография пойдет в его альбом. И мы были горды этим.

Мистер Эрлинг задумчиво взглянул на Сюзан:

— Меня огорчило то, что вы рассказали о своих скитаниях по свету — без цели и надежды, — произнес он. — Человек всегда будет одиноким, если он бежит от людей. Тем более, юная девушка, такая, как вы. Лишь делая добро людям, почувствуете, что не зря живете на свете. Вся моя коллекция и посвящена тем, кто знал, зачем жить на свете. Каждый из моих героев совершал подвиг во имя Человека — во имя того, чтобы Человек был сильнее, мудрее, богаче, чтобы лучше познал природу и самого себя.

Мистер Эрлинг кивнул в сторону Абу:

— Вам, милая Сюзан, повезло, что встретили этих прекрасных людей. Вы спрашиваете о том, как вам жить? Отвечу...

Его речь прервал телефонный звонок, раздавшийся в соседней комнате. Эрлинг торопливо вышел. Вернулся он нескоро, задумчиво взглянул на нас, потом сказал:

— Я только что разговаривал с давним своим другом. Он врач-эпидемиолог. Уезжает в Африку, в Нигерию. Уже провел там год — в отдаленном глухом районе. Дело в том, что в одной нигерийской деревушке обнаружена странная, неизвестная науке болезнь. Заболевший почти наверняка умирает. И пока никаких средств против страшного вируса не найдено. Ученые из разных стран с риском для жизни ведут поиски лекарств, которые могли бы победить болезнь, но без особого успеха.

Мистер Эрлинг рассказал, что его друг Джозеф Грейс вместе с молодым советским врачом Грантом Аракелян, кажется, нащупали пути раскрытия природы вируса. Грейс привез в Лондон для проверки разработанную международно-й группой эпидемиологов вакцину. Другую часть вакцины отправили в Москву, а третью надо доставить в Вашингтон известному вирусологу доктору Саймону. Ради этого Эрлинг и ездил на «Лермонтов» — договариваться с капитаном. Самолетом вакцину отправлять нельзя: не перенесет разницу в давлении. Приходится морем. Советский теплоход на обратном пути из Америки должен доставить в Лондон образец другой вакцины, которую разработала лаборатория Саймона. А из Лондона попутным судном вакцину Саймона отправят в Лагос, столицу Нигерии, для испытания. Предполагают ученые, что вакцина очень перспективна.

— А почему же такой сложный путь? — спросил я. — Не лучше ли из Нью-Йорка вакцину отправить прямо в Лагос?

— Это невозможно, — сказал мистер Эрлинг. — Не пойдет же специально корабль в такой далекий путь из-за нескольких пробирок.

— Не пойдет?! — удивилась Лена. — Ведь речь-то идет о страшном вирусе!

— Верно! — кивнул мистер Эрлинг. — Но такие эксперименты будут продолжаться долго, и не один раз придется доставлять туда и обратно всякие медицинские препараты. А рейс даже небольшого судна через океан стоит дорого. Вот и приходится как-то улаживаться.

Мистер Эрлинг улыбнулся:

— Русский капитан мистер Огарин был очень любезен. Он заверил, что сделает все, чтобы благополучно доставить пробирки в Америку и вывезти оттуда другие.

Абу взглянул на Лену, потом на меня.

— Капитан Огарин предложил нам отремонтировать нашу яхту на борту «Лермонтова». Мы отказались. Как вы думаете, друзья, может быть, переменить решение? Может,

принять предложение капитана Огарина? В нашем путешествии будет еще один интереснейший рейс. Как, нет возражений?

— Конечно, нет! — сказала Лена.

— В таком случае заботу о доставке вакцины мы возьмем на себя! — предложил я.

— Это я и имел в виду, — подтвердил Абу.

Сюзан, которая внимательно прислушивалась к разговору, вдруг печально опустила голову:

— А что же теперь делать мне?

Мы молчали. В самом деле, что теперь делать нашей Сюзан?

— Скажите, пожалуйста, не нужны ли вашему другу мистеру Грейсу помощники для работ в Нигерии? Я могу делать все, что мне скажут: возиться с пробирками, печатать на машинке, управлять автомобилем...

Сюзан глядела на мистера Эрлинга умоляющими глазами.

Мистер Эрлинг улыбнулся:

— Мне трудно сказать с уверенностью, мой юный друг, но думаю, что у доктора Грейса для вас найдется подходящее дело. Только вы должны ясно представлять, как опасна эта работа.

Сюзан порывисто поднялась с кресла:

— Я готова! Я готова на все!

НА ТОМ БЕРЕГУ

Теплоход показался нам настоящим плавучим городом. Сразу и не обойдешь все его палубы. Я насчитал их семь. И у каждой свое название: Главная, Прогулочная, Шлюпочная... А палубы вроде этажей в высотном доме. Соединяет их скоростной лифт. И повсюду ждет тебя открытие. На корме просторный и глубокий бассейн, в другой части судна спортивный зал с турником, шведской стенкой. Палубой выше настоящая волейбольная площадка с сеткой. Мяч прикреплен к тонкому, но крепкому нейлоновому шнуру, чтоб не улетел за борт.

На Лену произвели впечатление магазины. Они располагались на главной палубе, как на торговой улице. За стеклянными витринами магазинов красовались сувениры — шкатулки, куклы, матрешки, всякие украшения из серебра. На судне было даже почтовое отделение. Покупай открытку с изображением «Михаила Лермонтова», почтовую марку,

посвященную лайнеру, наклеивай на открытку и опускай в почтовый ящик — в первом же порту твое послание полетит хоть на край света. Мы с Леной тут же отправили открытки нашим бабушкам и родителям: мол, все у нас идет отлично и тревожиться не стоит.

Обнаружили мы на теплоходе и другие интересные места. Например, кинотеатр, где, пожалуйста, смотри сколько хочешь фильмы. А когда нашли зал для отдыха и концертов, то удивились еще больше: до чего же просторен! Даже не верится, что он не в городе, а на борту судна.

Капитан Огарин оказался радушным человеком, сказал, что рад встретить на своем борту настоящих моряков, поэтому покажет самое интересное.

Прежде всего показал капитанский мостик. Располагался мостик на самой верхней палубе, его широкие окна глядели в сторону носа судна, и через них далеко просматривался океан. На мостике, как говорят моряки, находится мозг корабля. Здесь постоянно дежурят вахтенные помощники капитана, а в нужное время и сам капитан.

Теплоход на большой скорости шел к другому континенту Земли. Палубы его жили обычной жизнью большого трансатлантического лайнера. Пассажиров было много. Они радовались спокойной и теплой погоде в Атлантике, утром и днем прогуливались по палубам, занимались спортом, купались в бассейне. Вечерами заполняли просторный носовой салон, чтобы послушать концерт артистов или потанцевать под оркестр.

Так проходил день за днем.

Наша «Мечта» полным ходом ремонтировалась в одном из грузовых трюмов, таком просторном, что он был похож на авиационный ангар. Мы с Абу часто навещали в мастерские, старались чем-нибудь помочь механикам. А в свободное время я купался в бассейне или ходил в кино, а Лена устраивалась на палубе, рисовала с натуры.

И вот после нескольких дней пути ранним утром мы наконец увидели Америку. Вернее, не саму американскую твердь, а лежащий на ней плотный серый туман.

— Это не туман, — пояснил нам Абу, — это смог. Он висит над Нью-Йорком.

Объяснил, что смог — городская пыль, смешанная с отработанными газами автомашин, тепловозов и заводов. Мы уже находились недалеко от берега, а его все не было видно. Пассажиры стояли на шлюпочной палубе и вглядывались в приближающуюся стену тумана. Из нее временами проступали очертания идущих навстречу судов. «Лермон-

тов» шел малым ходом, бдительно «ощупывал» своими радиолокаторами каждое возникшее на пути препятствие. А на мостике стоял сам капитан: наступал наиболее ответственный час путешествия — прибытие в порт назначения.

И вот сквозь смог мы наконец увидели неясные очертания нью-йоркских небоскребов. Их прямоугольные вершины напоминали горные цепи, встающие из-за туч. Чем ближе подходили к берегу, тем больше прорисовывался в дымке облик огромного города.

— Как будто его изобразили карандашом на меловой бумаге! — удивлялась Лена.

Сбавив ход до малого, «Михаил Лермонтов» вошел в пролив между континентом и островом Лонг-Айленд. Туман немного рассеялся, мы стали приближаться к порту.казалось, он лежал у самых подножий небоскребов. Прошли мимо причалов, возле которых стояло множество больших кораблей, и вот наконец прислонились и сами бортом к своей пристани. Долгий путь через океан закончился. Мы оказались на берегу Американского континента.

За время пути судовые механики полностью отремонтировали нашу яхту, в нью-йоркском порту спустили на воду, на прощание пожелали знакомое: «Семь футов под килем!»

Мы хотели отвести яхту на причал для малых судов, но сделать это не пришлось. К яхте подошел катер, в котором были два американца. Один из них назвался Джеком Таннером. Он приехал из Вашингтона от доктора Саймона, за посылкой из Нигерии. Сообщил, что доктор с радостью встретит нас в Вашингтоне, билеты уже куплены на завтрашний утренний поезд.

Второй встречающий, Роберт Мур, был в белой фуражке яхтсмена. Он назвал себя представителем нью-йоркского яхт-клуба, сказал, что доктора Эрлинга знают и уважают во многих странах мира. Когда Эрлинг позвонил из Лондона в нью-йоркский яхт-клуб и попросил оказать экипажу «Мечты» помощь, в клубе сочли это своим долгом. За яхту можно не беспокоиться, ее доставят на стоянку, заправят горючим, водой, продовольствием — словом, сделают все необходимое для предстоящего путешествия через Атлантический океан. А сейчас — в город!

Мы горячо распрощались с капитаном Огариным, с моряками «Михаила Лермонтова», с которыми успели познакомиться. Вышли из здания порта, и Роберт Мур пригласил нас в свою машину.

Путь до отеля оказался долгим. Машина то мчалась по скоростным эстакадам, которые вели автомобильный поток

над крышами города, то въезжала в ущелья, образованные стенами небоскребов, долго стояла у светофоров на перекрестках, где создавались транспортные пробки. День был невероятно жарким, и с нас пот лил ручьями.

— В Нью-Йорке давно не было такого зноя, — рассказывал Мур. — Сегодня температура под сорок.

Наконец машина остановилась где-то в глубине острова Манхэттен, у подножия высокого и узкого, похожего на башню, небоскреба.

— Это ваш отель! — сказал Мур. — Устраивайтесь, отдыхайте. А если понадобится помощь — вот мой телефон. В любой час за вами приеду, — и он протянул визитную карточку.

Но мы не собирались злоупотреблять вниманием нью-йоркских яхтсменов. Решили без сопровождающих побродить по городу. Прежде всего забежали в закусочную и съели наскоро «хот-догс» — «горячих собак». Не пугайтесь, это вовсе не была собачина! «Горячими собаками» американцы называют только что сваренные, обжигающие рот сардельки. Их кладут в разрезанную пополам свежую булочку.

За несколько часов мы побывали в разных частях Нью-Йорка, встретили так много интересного и необычного, что когда вечером в гостинице я сел за свой дневник, то растерялся. Если описывать все, что видел, то не хватило бы толстой тетради. Поэтому расскажу о том, что запомнилось больше всего. Во-первых, небоскребы. Даже представить себе не мог, что бывают такие большие дома, — чуть ли не сто этажей! Дом как огромная гора. Около его подножия люди кажутся крохотными мошками. А если улица вся состоит из таких домов-гигантов, то по улице идешь как по дну горного ущелья. Солнце сюда никогда не проникает. И кажется человеку, что он слаб и ничтожен перед созданием собственных рук. Лена заявила, что это не так. По ее мнению, небоскребы — великое творение людей и рядом с ними люди не должны чувствовать себя ничтожными, напротив — могут гордиться собой.

Побывали мы перед гигантским зданием Организации Объединенных Наций, в котором представители почти всех стран мира обсуждают, как предотвратить опасность новых войн, как оказать поддержку народам, ведущим борьбу за свободу, за лучшую жизнь. Абу сказал, что в этом здании часто происходят бурные споры. Далеко не все готовы защищать мир и справедливость на Земле. Есть такие люди, которые мечтают о новых войнах, о захватах чужих земель.

Перед зданием ООН на флагштоках развевались флаги многих стран, и нам радостно было увидеть среди них алое полотнище нашего родного советского флага.

На веранде небольшого уличного кафе мы выпили по чашечке кофе после долгих скитаний по городу. Лена изъявила желание остаться здесь одной за столиком под цветастым солнечным зонтиком по крайней мере на полтора часа. Ей приглянулась эта оживленная улица, особенно этот перекресток, на котором сочетаются дома прошлого века с современными, — она намерена сделать зарисовку. А мы можем идти куда хотим. Пришлось подчиниться.

Вернулись точно через полтора часа. Еще издали с тревогой увидели, что возле кафе собралась толпа, движение на улице остановлено, в толпе мелькают темные фуражки полицейских и каски пожарных. Прохожие, задрав головы, внимательно смотрят куда-то на верхние этажи дома, расположенного напротив кафе. Мы с трудом пробивались через толпу в поисках Лены. Обнаружили ее в плотном окружении каких-то шумных и нервных людей. Перебивая друг друга, они о чем-то спрашивали Лену — одни записывали ее ответы в блокноты, другие протягивали к ней микрофончики портативных магнитофонов.

Увидев нас, Лена обрадовалась, словно к ней явилось спасение.

— Меня замучили вопросами эти люди из газеты, — пожаловалась она. — А я ведь ничего такого не совершила. Я его заметила совсем, совсем случайно...

— Кого его? — недоумевал Абу.

— Да вон он! — сказала Лена и протянула руку в направлении девятиэтажного дома напротив.

Мы взглянули туда и увидели на карнизе между окнами седьмого этажа темную фигуру человека. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и глядел вниз. А внизу пожарные растягивали огромное полотно на том месте, где должен упасть человек, если он сорвется. Толпа волновалась, торопила пожарных. Многие кричали: «Скорее! Скорее!»

Лена рассказала, как все произошло: сидела за столиком в кафе и рисовала; вдруг заметила, что на седьмом этаже дома происходит неладное. Увидела: из раскрытого окна вышел на карниз человек и стал пробираться в сторону соседнего окна. Посредине остановился. Из ближайшего от него окна вдруг выглянула женщина и закричала страшным голосом. Человек сделал движение, намереваясь броситься вниз, но в последнее мгновение успел схватиться за крюк, торчащий из стены. Судорожно за него уцепился да так и

застыл, прижатый к стене. Стало ясно, что человек соби-
рался покончить с собой, но крик женщины остановил его.
Вернуться обратно к окну по карнизу он уже не мог — ско-
вал страх. А долго ли сохранит силу его рука, уцепившаяся
за крюк? Увидев все это, Лена бросилась к официанту кафе,
тот позвонил в полицию. Как только приехала полиция и
пожарные, у кафе собралась толпа. Прибыли репортеры из
газет. Ну и прямо к Лене: выкладывай, ты первая увидела
начало истории. В Америке любят всякие щекочущие нервы
истории, связанные с убийствами, самоубийствами, катастро-
фами...

— Зачем им все это нужно? — удивлялась Лена. — Ведь
сейчас самое главное — спасти человека.

Репортеры, поставив на штативы свои аппараты, кадр
за кадром снимали замершего над краем пропасти бедолагу.
Если сорвется, то получится редкий снимок: человек за
мгновение до гибели! За такой кадр можно получить кучу
денег! Деньги в Америке определяют все.

И репортерам в самом деле удалось сделать снимки со-
рвавшегося в пропасть человека. Но погибнуть ему не
дали. Пожарники успели внизу растянуть эластичное по-
лотно, и человек угодил прямо туда; сила удара была смяг-
чена, он остался жив. Пострадал или нет, мы не узнали.
Санитары положили человека на носилки и в сопровождении
полицейских понесли к карете «скорой помощи». За носил-
ками шла, рыдая, молодая женщина. А вокруг щелкали
затворы фотоаппаратов.

— Почему это он надумал такое? — спросил Абу пожи-
лого официанта.

Тот пожал плечами:

— Кто его знает! Может, жить было невмоготу. Разорил-
ся, или работу потерял, или болен безнадежно. Вот и решил
завершить свои дела на этом свете. Такие случаи у нас в
Америке частенько. — Официант поглядел на Лену и дру-
жески ей кивнул: — Если бы не ваша спутница, осталось бы
от этого чудака на асфальте мокрое пятно. А место, где
расположено наше кафе, получило бы дурную славу. Зна-
чит, в доходах убыток! Так что спасибо за помощь!

В гостиницу вернулись усталыми, но полными впечатле-
ний. У Лены даже разболелась голова.

Мы разошлись по своим комнатам. Я долго не мог
уснуть. Вспоминал Крым, бабулю, наш дом. Здесь, в Нью-
Йорке, только наступает ночь. А над Черным морем ярко
сияет солнце уже нового дня. Как же мы сейчас далеко от
Родины!

Утром мы вызвали такси и поехали на вокзал, который был в центре города — огромное новое здание. Эскалаторы заботливо спустили нас вниз на подземный перрон, где у платформы стоял поезд с серебристыми и обтекаемыми вагонами, в которых окна напоминали самолетные иллюминаторы. Кресла были тоже как в самолете — глубокие, с откидывающимися спинками.

Вашингтонский экспресс вышел из подземного туннеля и, набирая скорость, повез нас в столицу Соединенных Штатов. Мчался поезд быстро. Мелькали поселки, городки, редкие леса.

В центре вагона располагался маленький буфет. За стойкой стоял немолодой негр в белой форме с золотыми пуговицами и всем желающим раздавал картонные пакеты, в которых были бутерброды, печенье и маленькие бутылочки с соком. В бумажные стаканчики негр наливал кофе.

В самый раз и подкрепиться. Абу с Леной остались сидеть на своих местах, а я пошел к буфету за нашими пакетами.

— Доброе утро! — с улыбкой приветствовал меня буфетчик. — Вам три завтрака?

— Да, пожалуйста! — подтвердил я и вдруг почувствовал, что кто-то внимательно на меня смотрит.

Поднял глаза и столкнулся взглядом с человеком, который привалился боком к стойке буфета. Перед ним на стойке стоял стакан с вином. Я сразу же понял, что человек пьян. Его круглое, щекастое лицо было багровым, маленькие, как у кабана, глаза — красными и злыми.

— Это что у тебя на пиджаке? — он ткнул коротким пальцем в мою сторону.

На пиджаке у меня был комсомольский значок, который я никогда не снимал во время нашего путешествия.

— Значок советского комсомола! — ответил я.

Мне показалось, что лицо у человека стало еще более багровым.

— Ты коммунист? Ты русский коммунист?.. — Он повернулся в сторону переднего салона вагона и вдруг крикнул: — Джон! Подойди-ка сюда, если хочешь поглазеть на живого русского коммуниста.

С ближайшего к буфету кресла вдруг поднялся огромный детина с квадратной головой. Он вразвалку, как медведь, подошел к буфету и, прищурившись, взглянул на меня сверху вниз.

— Вот этот самый щенок? — процедил сквозь зубы.

— Он самый!

— Джентльмены! — забеспокоился буфетчик. — Почему вы хотите обидеть мальчика?

— Тебя не спрашивают! — отмахнулся от него детина и снова устался на меня.

— А ну-каними свою железку! Нам здесь не нужно красной пропаганды!

От него тоже несло спиртом. Я бросил взгляд в задний салон вагона, где сидели Абу и Лена. Они смотрели в окно и из-за шума колес не слышали, что со мной происходит.

— Снимай! — приказал один из моих обидчиков и положил на мое плечо тяжелую волосатую лапу.

— Не сниму! — сказал я. — Этот значок не сниму никогда.

— Тогда мы сами снимем! — заявил один. — Мы ненавидим коммунистов и не желаем, чтобы они здесь разгуливали со своими красными бляхами.

— Если не снимешь, — добавил другой, — мы тебя вышвырнем из поезда. На ходу!

Почему это я должен уступать этим двум пьяным грубым людям? Значок вручали в торжественной обстановке в этом году, когда принимали наш класс в комсомол. И я горжусь им.

— Не сниму!

Мои противники захохотали.

— Ох ты, какой герой! Сейчас проверим твое геройство на деле.

— Джентльмены! — снова попытался заступиться за меня буфетчик. — Ведь это же мальчик! Как же можно на него поднимать руку?

— Молчи, черная обезьяна!

В этот момент и подоспел на помощь Абу. Встал рядом со мной.

— Значок он не снимет! — твердо сказал Абу.

— Оказывается, здесь есть и взрослый коммунист! — обрадовались пьяные. — Значит, разговор будет посерьезнее.

Напряжение нарастало — силы далеко не равные. Пассажиры, находившиеся в вагоне, делали вид, что ничего не происходит.

Я заметил, что буфетчик куда-то исчез. Через несколько минут он появился в сопровождении пятерых парней в морской форме. Парни были рослые, широкоплечие, с уверенной походкой. Подошли к пьяным, и один из моряков, самый крепкий, спокойно сказал:

— Ну-ка отвяжитесь от людей!

Пьяные дебоширы мигом оценили обстановку. Поначалу попытались перетянуть моряков на свою сторону.

— Мальчишка нагло носит советский коммунистический значок. Мы попросили его снять, а он отказывается.

— Вы из Советского Союза? — спросил один из моряков.

— Да, — кивнул Абу. — Мы путешествуем на яхте.

— Значит, моряки?

— Да! Я капитан дальнего плавания.

Парни один за другим стали протягивать руки.

— Джек!

— Стью!..

Нашими спасителями оказались славные ребята из команды американского буксирного судна.

— Моряк всегда должен приходить на помощь моряку! Даже на суше. А вы к тому же советские. Советских моряков мы уважаем.

Дебоширы, услышав этот разговор, тихонечко удалились.

Когда в Вашингтоне мы выходили из вагона на перрон, негр-буфетчик, пожелав счастливого пути, подмигнул мне:

— Ты, парень, вел себя перед этими громилами как настоящий мужчина. Человек всегда должен отстаивать то, во что он верит, и не сдаваться.

В Вашингтоне мы провели несколько часов. На вокзале нас встретили два молодых ученых и отвезли к доктору Саймону. Он горячо нас приветствовал, сказал, что ампулы с вакциной уже готовы, что он благодарит за желание совершить длинный и нелегкий путь через океан ради благородной цели.

По распоряжению доктора Саймона его сотрудники познакомили нас с американской столицей, показали здание американского конгресса, где решаются важнейшие государственные дела страны. Подвезли к Белому дому, в котором живет президент, побывали мы в трех музеях, побродили по паркам и улицам. Ну, а вечером вошли в знакомый экспресс, который за несколько часов домчался до Нью-Йорка. Яхт-клуб не забыл о своем обещании. «Мечта» была полностью готовой к дальнейшему плаванию. На ее борт были доставлены продукты, в ее баках оказалось вдоволь горячего.

В гостиницу за нами приехал Мур в своей роскошной фуражке яхтсмена. Он сказал, что сегодня с утра звонил из Лондона мистер Эрлинг, интересовался, когда «Мечта» выходит в океан. Просил договориться с береговой морской службой США, чтобы держали под наблюдением наше плавание и в случае необходимости пришли на помощь.

— Какой заботливый человек! — сказала Лена.

— Удивительный! — согласился Мур. — Вы, конечно, знаете его историю?

— Историю чего? — спросила Лена.

— Историю его коллекции.

И Мур рассказал то, о чем мистер Эрлинг даже не упомянул, когда мы были у него в гостях. Оказывается, во время войны Эрлинг служил судовым врачом на английском эсминце. Эсминец сопровождал караваны транспортов с оружием, которые, огибая Скандинавский полуостров, шли из Англии в Мурманск. Караваны постоянно подвергались нападению немецких кораблей и самолетов. И вот однажды произошел тяжелый морской бой между отрядом английских эсминцев и фашистскими военными кораблями. Сил у противника было больше, англичане несли потери — один за другим уходили на дно эсминцы. Корабль, на котором находился Эрлинг, подбитый и горящий, не только отстреливался от врага, но и подбирал оказавшихся в волнах моряков погибших судов. Среди подобранных было много раненых, некоторые тяжело, и доктор Эрлинг почти непрерывно находился у операционного стола.

Работы прибавилось еще больше, когда, подорванный торпедой, ко дну пошел советский военный транспорт. Несколькими десятками моряков из экипажа транспорта удалось спасти. Некоторых из них оперировал доктор Эрлинг.

Во время очередного налета самолетов противника врач сам оказался раненым в грудь. Однако не оставил своего поста. Когда был прооперирован последний из спасенных моряков, хирург потерял сознание. За этот подвиг Эрлинг был награжден английским и советским военными орденами. А в благодарность за спасение моряков потомок знаменитого английского адмирала Нельсона подарил Эрлингу шпагу великого флотоводца.

Вот каким оказался наш добрый английский друг. Кроме мужества, у него и другое прекрасное качество — скромность. Даже не сказал, как попала к нему нельсоновская шпага. Эта шпага стала первым экспонатом его коллекции. В те годы один из военных журналистов рассказал в газете о подвиге врача и о подарке, который он получил. С того времени Эрлингу отовсюду стали присылать разные реликвии прошлого, связанные с мужеством и благородством людей, ставших знаменитыми.

— Как бы мне хотелось что-нибудь найти для его коллекции! — вздохнула Лена. — Жаль, что я совсем не знаменитая!

За недели наших скитаний по водным просторам мы с Леной многому научились в морском деле, даже стали считать себя чуть ли не настоящими моряками. И все-таки первый выход в открытый океан страшил. Как-никак океан! А путь предстоял не близкий. Причем провожавшие нас американские яхтсманы заявили, что «Мечта» будет первым спортивным судном, которое проложит прямую трассу из Нью-Йорка в столицу Нигерии — Лагос. Нам, конечно, было приятно это сознавать, но мы знали, что главная цель — доставить в Нигерию вакцину против страшной болезни.

И вот «Мечта» в открытом океане. Теперь уже мы сами пересекаем Атлантику. Гордимся этим, и у всех отличное настроение. День ясный, ветер юго-восточный, один балл. Над яхтой с криками носятся большие чайки, провожая нас в дальний путь. Солнце светит мягко и ласково. Яхтой управляет автоматический рулевой, мы только поглядываем на приборы. Готовим на электроплите пищу, чиним паруса, исправляем такелаж, делаем записи в вахтенном журнале. Лена, пристроившись со своим альбомом на корме, по памяти рисует увиденное в Америке. Временами, снизив ход, мы бросаем за борт снасти и ловим рыбу, а Лена готовит нам из нее великолепную уху.

Каждый день океан приносил какой-нибудь сюрприз. То мы вдруг замечали среди волн фонтанчик, а потом темную выпуклость китовой головы, то появлялся на горизонте силуэтик судна, который стремительно вырастал и вскоре превращался в танкер такого размера, что на нем мог уместиться весь поселок Планерское... По вечерам, когда после торжественного захода солнца за горизонт на небе выпали звезды, мы ложились на прохладные доски палубы и подолгу смотрели в таинственный звездный мир. Иногда с темного небосклона срывалась звезда и вспыхивала над океаном, как ракета.

Абу рассказывал нам истории освоения Атлантики. Кто ее первым пересек, установить невозможно. Это могли быть мифические атланты, финикийцы или суровые викинги. В те времена выйти в океан считалось великим мужеством. Но после Колумба Атлантика показалась уже не такой страшной, и в ее просторы все больше устремляется мореплавателей на самых различных судах. Первым, кто пересек Атлантику со спортивными целями, был американец Альфред Енсен. Все считали его намерение гибельным и заранее прозвали моряка «сумасшедшим». И вот 25 июня 1876 года

Енсен на парусном боте отправился на восток. Сорок шесть дней плыл он через океан, преодолевая штормы. И победил. Так сто с лишним лет назад он открыл эру спортивных океанских путешествий. С тех пор Атлантику пересекало немало отважных моряков-спортсменов в одиночку, парами, маленьким экипажем — на яхтах, катерах, весельных шлюпках, плотах. Некоторые из смельчаков так и не достигли противоположного берега океана.

В вечернее время в установленный час Абу выходил на связь по радио с береговыми станциями Америки и Англии и передавал координаты нашего судна. Дважды мы получали из Лондона радиogramмы от мистера Эрлинга. Он сообщал, что следит за нашим плаванием, желает счастливого путешествия, что в Лагосе с нетерпением ждут дорогой груз, который мы везем.

Подгоняемая попутным ветром «Мечта» весело и легко шла на восток. Мы не могли нарадоваться на нашу яхту. При попутном ветре легка в управлении, свободно одолевает волну, мчится как птица.

И вот «Мечта» вошла в экваториальную штилевую зону. Ее паруса по несколько раз в день то трещали от внезапно налетавшего шквала, то безжизненно повисали при полном штиле.

Однажды в момент безветрия Абу решил посмотреть, не стало ли обрастать ракушками дно. Он надел на себя пояс с прикрепленным к нему длинным фалом, который был привязан к борту яхты, посмотрел, нет ли в воде опасности, и нырнул в золотистую, пронизанную солнечными лучами воду. Я хотел подсобить и спуститься в воду вместе с ним, но Абу запретил. На яхте должно оставаться не менее двух человек.

Мы сидели с Леной на краю борта и наблюдали, как Абу подныривал под корпус яхты и ощупывал его руками. Вдруг я заметил, что из сине-зеленой глубины стали проступать очертания гигантской остроносой рыбы. Я оцепенел. Акула! И необыкновенно большая! Нам доводилось встречать в море акул, но это случалось во время хода яхты, и рассмотреть кровожадных морских хищников как следует не удавалось. Сейчас впервые видели акулу так близко. Она не торопясь направлялась к яхте, возле которой плавал Абу. И он ее не замечал. Он продолжал заниматься своим делом. Всплыл, набрал в легкие запас воздуха и снова ушел под воду. Мы похлодели. Акула прошла совсем близко от Абу, чуть не задев его плавником, нырнула в глубину, там, развернувшись, снова нацелилась острым носом на яхту. Я схватился

за фал, чтобы попытаться вытащить Абу на борт. Но тут же понял, что вытащить не успею да и не смогу. Под рукой был прикрепленный к рубке длинный отпорный крюк. Я вырвал крюк из гнезда, нацелился им в тело акулы, которая неторопливо приближалась к Абу. И в то самое мгновение, когда акула оказалась в метре от Абу, а тот вдруг, обернувшись, в ужасе застыл, я ринулся с крюком в атаку. В удар вложил всю тяжесть своего тела. И вместе с крюком оказался за бортом. В воде кто-то меня схватил за плечи, куда-то потащил, вода вокруг бурлила, пузырилась, наливалась алым цветом; я чувствовал, что вот-вот захлебнусь, отчаянно работал руками и ногами. Наконец оказался у поверхности воды возле яхты, передо мной из воды высывалась голова Абу. Одной рукой он держался за фал, другой прижимал меня к борту. Лена быстро сбросила трап, Абу подтолкнул меня вверх, и я оказался на палубе. Акулы видно не было. Крюка тоже. Только вода возле яхты из золотисто-зеленой стала розовой. Абу протянул мне руку:

— Спасибо!

И все. Больше ни слова! Но как дорога для меня эта короткая благодарность моряка!

— Это была мако,— пояснил позже Абу.— С ней шутки плохи.

Случившееся нас взволновало. Надо всегда быть начеку: ведь в океане всякое происходит.

А океан готовил новое испытание. На другой день утром Абу, стоявший на вахте, взглянув в небо, озабоченно покачал головой. Еще недавно ярко светило солнце. И вот его свет стал блекнуть, на небе появилась серая дымка, которая все более густела.

— Будет шторм,— заметил Абу.

Я взглянул на барометр. Стрелка показывала «бурю». Мы принялись убирать с палубы лишнее, закреплять в помещениях судна вещи. Абу включил радио и поймал штормовое предупреждение, посланное южноамериканской береговой радиостанцией.

— Ну, друзья,— сказал Абу,— предстоит серьезный экзамен.

Ветер крепчал, начались проливные дожди. С зарифленными парусами, гонимая шквальными ветрами, мчалась «Мечта» на юго-восток к пока еще далеким берегам Африки.

О нас тревожились. Каждый раз, когда мы выходили на связь с опекавшими «Мечту» береговыми радиостанциями, приходилось подробно сообщать не только о координатах

яхты, но и о нашем самочувствии. Нас предупредили, что все суда, находящиеся в зоне плавания «Мечты», в случае необходимости готовы оказать помощь. Прошло немного времени, и наш радиоприемник принял позывные судна, которое находилось к нам ближе всего. Как же обрадовались, когда узнали, что это советское научно-исследовательское судно «Академик Курчатов»! Его капитан передал пожелание быть стойкими перед непогодой, сообщил, что на всякий случай изменил курс судна и направил его навстречу «Мечте». Просил регулярно связываться с ним и докладывать об обстановке на борту яхты.

В эти тревожные часы мы с особым вниманием исполняли приказы нашего капитана: убирали и распускали паруса, следили за накатом волны, чтобы удержать судно по курсу, сидели в радиорубке и ловили нужные позывные. Однажды услышали, как где-то в северной Атлантике неизвестное судно подавало сигналы бедствия.

В другой раз приняли совсем неожиданную и даже таинственную радиограмму. Она пришла из нигерийского городка Монго, расположенного в глубине страны. В ней говорилось, что любительская коротковолновая радиостанция местной школы получила от советской антарктической станции Мирный срочное сообщение. Полярники ищут в Атлантике яхту «Мечта» и никак не могут выйти на связь. Просили нигерийских радиолюбителей помочь — ведь «Мечта» направляется к берегам их страны. Нигерийцы в своей радиограмме сообщили нам позывные Мирного. Подписал радиограмму неизвестный Джон Адеде.

Мы несколько раз пытались связаться с Мирным, но безуспешно. Не повезло нам и на второй день, и на третий. Да и до Монго волна нашего передатчика добраться тоже не смогла. А нас больше не вызывали. Так и осталось в неведении: зачем «Мечта» понадобилась Антарктиде? Все это казалось загадочным, и Абу не мог найти подходящего объяснения.

Я, честно говоря, в эти дни побаивался за Лену. Все-таки девочка! Ведь порой бывало страшно. В иные моменты даже Абу бледнел: волна то поднимала яхту на высоченный гребень, то бросала в пучину. Иногда казалось, яхта, запрокинувшись на борт, перевернется и мы пойдем ко дну. Но Лена ни разу не пискнула. Наоборот, готовила в такую погоду обеды, а горячая пища ох как годилась во время шторма, когда нужно тратить столько сил! Словом, вела себя молодцом.

На пятый день ветер стал стихать, тучи расступились;

ранним утром, когда рассеялся туман, мы увидели в трех милях от «Мечты» большое судно. Абу взглянул на него в бинокль и сообщил:

— «Академик Курчатов».

Вскоре мы уже были на его борту. Хотя вовсе не собирались задерживаться по пути в Нигерию, но в результате шторма оказался поврежденным такелаж. Требовался небольшой ремонт, и снова в этом деле нам пришли на помощь советские моряки. Мощная грузовая стрела «Курчатова» легко подняла на борт наше крохотное, но стойкое суденышко и водрузила на корму, где его должны привести в порядок специалисты. А нам выпал трехдневный отдых среди доброжелательных и гостеприимных людей.

На борту «Курчатова», кроме экипажа, было несколько десятков ученых, специалистов по разным наукам. Одни изучали течения в океане, другие — животный мир Атлантики, третьи прощупывали физическими приборами дно.

За три дня жизни на борту судна мы не только отдыхали. Я помогал геофизикам ремонтировать их приборы, Лена пристроилась поддежуривать у эхолотов. Так быстро освоилась, что ей однажды даже доверили посидеть одной в эхолотной и понаблюдать за прибором. И надо же — именно в этот час случилось такое, что запомнится на всю жизнь. Вот что я записал с ее слов в наш путевой дневник.

«Когда сотрудники эхолотной вышли по своим делам и поручили мне следить за аппаратом, я стала глядеть в стеклянное окошечко эхолота, в котором медленно скользил по бумажной ленте самописец. Рельеф на дне был довольно однообразным — он как будто повторял волнистую поверхность океана. И вдруг стало происходить необыкновенное. Стрелка поползла выше, выше, показывая, что начался вроде бы подъем дна. И подъем этот происходил непрерывно и стремительно. Вот уже пятьсот метров, семьсот, к тысяче подходит. Я позвонила на мостик. Прибежали ученые, столпились вокруг эхолота, неотрывно смотрели в окошко самописца, как на экран телевизора во время захватывающего фильма. А неожиданная подводная возвышенность продолжала расти. Вот она уже достигла двух тысяч, потом двух с половиной... «Если подойдет к трем, то можно считать, что ты, Лена, сделала открытие», — сказали мне. Самописец зафиксировал предельную высоту в четыре тысячи пятьсот двадцать два метра и вскоре стал показывать резкое понижение высоты. «Это гора! — сказали ученые. — Вполне приличная вершина, которую не стыдно обозначить на подводной карте океана. Поздравляем тебя, Лена!» Я удивилась:

за что же меня поздравлять? Ничего такого не совершила. Просто сидела...»

Но получилось, что наша Ленка, хотя и «просто сидела», оказалась первооткрывательницей нового географического объекта. Гору подробно исследовали приборами, даже опускали драгу, чтобы взять с нее образец грунта, а потом собрался научный совет экспедиции — профессора, доктора и кандидаты наук. На почетном месте сидела Лена, очень смущенная и растерянная... Я ее понимал: ведь действительно ничего не сделала. Но такой уж порядок — первооткрывателем назвали именно ее, Елену Ломову, ученицу симферопольской школы. Все это и записали в научные протоколы. А потом настал самый торжественный момент: нужно было новой горе дать название. И название это поручили придумать Лене.

— Ну, и какие у вас будут предложения? — спросил начальник экспедиции, известный советский ученый, обращаясь к Лене на «вы».

Как раз в это время в кают-компанию вошел дежурный радист. Он положил перед капитаном только что полученную радиogramму. Капитан прочитал и взглянул на Абу.

— От доктора Эрлинга из Лондона. Поздравляет «Мечту» с победой над ураганом в Атлантике и сообщает, что в Нигерии с нетерпением ждут отважных советских яхтсменов.

В кают-компании воцарилось молчание. Все смотрели на нас.

Лена вдруг тихо сказала:

— Я знаю, как назвать эту гору. Давайте дадим ей имя Эдварда Эрлинга.

СЛОНЫ НА ДОРОГЕ

К Африке мы подходили на «Мечте» ранним утром. Берега еще не было видно, а дыхание континента чувствовали — жаркое, влажное. Нам казалось, что ветер доносит с африканских просторов болотный запах джунглей.

Курс мы держали в Гвинейский залив, где расположен Лагос. В справочнике прочли о Нигерии: «Крупнейшая страна Африки с населением около 80 миллионов человек. Бывшая английская колония, теперь республика. Очень богата природными ископаемыми. Основное богатство страны — нефть». Прежде чем мы увидели дома Лагоса, встали перед нами очертания огромного флота. Судов было, на-

верное, несколько сотен. Вытянувшись в цепочку носом против ветра, они застыли в неподвижности, охватывая почти половину линии горизонта. Это стояли на лагосском рейде корабли, пришедшие с товарами для Нигерии.

На подходе к кораблям нас и встретил большой военный катер под нигерийским флагом. Он издал нас приветствовал воем sireны, поднял на мачте вымпелы, которые на флажковой азбуке обозначали «Добро пожаловать в Нигерию!». Когда катер подошел вплотную к «Мечте», мы увидели среди темноголовых нигерийцев светлую голову Сюзан. Она радостно махала рукой и кричала: «Здравствуйте, друзья!»

Нашу яхту взяли на буксир и повели в порт. Мы прошли через строй стоящих в ожидании разгрузки кораблей. Корабли были из многих стран, и среди них увидели несколько советских судов, груженных тракторами. Их доставили для продажи в Нигерию.

Обогнув остров, катер завел «Мечту» в залив. Причал находился в центре города у шумной, оживленной набережной. Вдоль берега росли лохматые пальмы, а за ними вздымались ввысь многоэтажные дома. Я был разочарован: какая же это Африка! Мечтал о джунглях, саваннах, диких животных! А здесь одни автомобили.

На берегу нас окружили нигерийцы — темнокожие, курчавые. Они улыбались, выставляя яркие, ослепительно поблескивающие зубы. Нас поздравляли с благополучным переходом через океан, с тем, что мы первыми среди яхтсменов проложили путь из Америки в Нигерию. Но больше всего благодарили за то, что доставили очень важный медицинский препарат.

— На днях ждем вакцины из Советского Союза и Японии, — сказала Сюзан. — Будем пробовать все три, выяснять, какая окажется эффективнее.

Сюзан была неузнаваема. Совсем немного времени прошло, а как изменилась! Держалась уверенно, о борьбе с опасной бактерией говорила так, будто занимается этим давно и дело это составляет цель ее жизни.

— Я так хотела побыть с вами, дорогие друзья! — говорила она. — Но не могу! Нужно немедленно везти вакцину в пункт, где расположена наша экспедиция. Вы сами понимаете, как это важно!

— А разве мы не можем поехать с тобой, Сюзан? — удивилась Лена. — Вдруг там будем полезны?

Сюзан грустно вздохнула:

— К сожалению, это невозможно, моя дорогая Элен!

В этот опасный район въезд категорически запрещен. Дороги охраняются солдатами. Правительство делает все, чтобы страшная болезнь не распространялась по стране.

Этот разговор происходил на набережной. Рядом с Сюзан стоял стройный молодой нигериец, который во время разговора не произнес ни слова. Сюзан вежливо склонила голову в его сторону и сказала:

— Позвольте представить моего нигерийского друга Джона Адеде. Он учитель и хочет познакомиться с вами.

Джон поклонился и неожиданно обратился к нам на русском языке:

— Я рад приветствовать вас на нигерийской земле! Я директор средней школы в городке Монго, который расположен в одном из восточных штатов Нигерии. В школе у нас есть интернациональный радиоклуб. Именно мы и связались с вами по радио, когда вы были в Атлантике. Вас ищет Антарктида.

— А почему она нас ищет? — спросил Абу.

Джон пожал плечами:

— Не знаю. Но сегодня у нас сеанс радиосвязи с Мирным. Так что все прояснится.

— Мы должны поехать к вам?

— Конечно! От имени нашей школы приглашаю в гости. Для нас будет честью принять таких замечательных яхтсменов, которые первыми проложили путь не только из Нью-Йорка в Лагос, но и из Советского Союза в Нигерию.

— Где же вы так хорошо научились говорить по-русски? — изумился Абу. — Говорите, как москвич.

Джон, явно довольный комплиментом, громко рассмеялся:

— Я был москвичом. Целых пять лет. Окончил в Москве Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Поэтому особенно приятно встретить здесь своих «земляков».

Наш новый друг Джон Адеде оказался веселым, остроумным, добродушным человеком. Нам было с ним легко — будто знакомы много лет. Джон предложил заранее продуманный план действий. Прежде всего — обед. Потом поедем по Лагосу и посмотрим его достопримечательности. Потом покидаем город и едем в район, где расположена школа Джона.

План мы приняли и с грустью простились с Сюзан. Мы были очень рады за нее, что она нашла свое призвание.

Лагос — это шум автомашин, крики толпы, пестрота красок, резкие уличные запахи, духота и влажность. После

дней, проведенных в океане, Лагос показался трудным городом. Его улицы так плотно забиты автомашинами, что большую часть времени машины стоят в очереди, дожидаясь возможности сдвинуться с места. До отеля, куда нас Джон вез на обед, добирались часа полтора.

Обедали в ресторане отеля, который построен на берегу бухты. Рядом с ним под густым деревом-гигантом располагался небольшой базар, где продавали необыкновенно красивые изделия африканских умельцев. Когда мы подошли к базару, Лена даже захлопала в ладоши. Почти все, что продавалось, можно смело выставлять в музее. Чего здесь только не было! Маски и фигурки из черного дерева, шкуры леопардов и кожа змей, слоновьи бивни, украшенные тонкой искусной резьбой... Джон водил нас по базару, как по музею, и, как экскурсовод, объяснял:

— Эта бронзовая фигурка так дорого стоит потому, что очень старинная, сделали ее в древнем африканском государстве Бенин, которое располагалось на территории теперешней Нигерии...

И Джон рассказывал об истории этого царства, о том, как оно оказало мужественное сопротивление европейским колонизаторам, высадившимся на западноафриканском берегу, чтобы захватить чужие земли. Джон отлично знал прошлое своей родины, потому что в Москве окончил исторический факультет и сейчас пишет книгу о древней Нигерии.

Лена вдруг заявила, что обедать не хочет, что лучше проведет это время на базарчике и как следует все рассмотрит. Особенно ее потрясли слоновьи бивни, украшенные резьбой.

Город Лагос расположен на островах, соединенных между собой мостами. Острова Виктория и Икойи — районы, где живут богачи и важные иностранцы. На этих островах в тени пышной тропической растительности прячутся роскошные виллы. На Икойи еще сравнительно недавно жили только англичане. Джон показал нам старинную арку перед въездом на остров.

— Дальше этой арки могли ступать на землю острова только белые и небольшое число черных слуг.

Хозяевами на нигерийской земле долгие годы были англичане. В 1960 году Нигерия провозгласила независимость. Страной стали управлять сами нигерийцы. И это сразу отразилось на ее развитии.

— Еще недавно трудно было среди нигерийцев найти человека, который бы умел читать, — рассказывал Джон. —

А сейчас неграмотных все меньше, так как в стране открывается много школ.

Одна из новых магистралей Лагоса, которая то пробивалась через узкие улочки города, то стремительно выбегала на железобетонные эстакады и мосты, соединяющие острова, вывела нашу машину за пределы нигерийской столицы, на просторное шоссе. Машина, которой управлял Джон, наконец почувствовала свободу и, словно застоявшийся конь, стремительно ринулась вперед по широкому потоку асфальта.

Наконец-то мы видели не автомобильные стада и железобетонные стены небоскребов, а настоящую Африку! Вначале мы ехали вдоль океана. Огромные волны Атлантики накатывались на жаркие песчаные пляжи, к которым подступали тенистые пальмовые рощи. Джон объяснил, что когда-то этот прекрасный берег назывался Невольничьим берегом, что отсюда увозили за океан тысячи пойманных на равнинах африканцев на вечное рабство.

На берегу часто встречались бедные деревушки рыбаков. Они состояли из хижин с тростниковыми стенами и крышами, покрытыми пальмовыми листьями. Около хижин сушились рыболовные сети, бегали голопузые дети. Здесь мы не видели легких автомобилей. Не было и столбов для электропроводов — электричества эти хибары не знают.

Но вот дорога свернула с океанского берега в глубину континента, и машина поехала на восток. Проезжая мимо плантаций какао-бобов, впервые в жизни мы увидели, как «вырастает» шоколад, который так любим. Оказывается, с невысоких деревьев собирают плоды размером с крупный лимон. Плоды похожи на орехи и содержат в себе бобы, из которых и делают какао-порошок. А из порошка — шоколад.

Нам нравилось пить кокосовое молоко. Остановив машину около какой-нибудь деревушки, Джон обращался к крестьянам, и те по его просьбе охотно посылали кого-нибудь из мальчишек к кокосовой пальме. Обхватив руками и ногами шершавый ствол пальмы, ловко и стремительно, как обезьяна, парнишка забирался к ее вершине. В том месте, где ветви сходились со стволом, длинным ножом срезал огромные, с головой ребенка, орехи. Орехи с гулким звуком ударялись о землю, их подхватывали крестьяне, надрезали, и из образовавшегося отверстия можно было пить прохладную и сладковатую жидкость. В жаркий день она хорошо утоляет жажду.

Но вот пальмовые рощи остались позади, и мы въехали

в просторы саванны. Это была равнина, на которой отдельно друг от друга росли деревья и островки кустарника, сухого и колючего. Здесь-то и встретился нам настоящий баобаб. Увидели его еще издали. Он стоял около дороги, как Гулливер, казалось, ветвями подпирал невысокое облачное небо. Ствол был такой толщины, что на его пне мог бы поместиться большой грузовик.

По дороге наша машина чуть не переехала свернувшуюся клубком на асфальте страшную змею кобру — кобры любят греться на раскаленном солнцем асфальте. В другой раз мы попали под внезапный тропический ливень.

Дорога вдруг стала забираться с холма на холм, впереди засинели гигантскими волнами горы, по сторонам шоссе все больше густели заросли, пока не превратились в настоящие джунгли. Так впервые в жизни мы оказались в джунглях. Джон выбрал удобное и красивое место для остановки. Небольшая долина среди двух гор, река, срывающаяся со скал невысоким водопадом, вокруг тропический лес. Было немного страшновато: заросли казались враждебными, неприступными и таинственными. Они стояли перед нами темной непроходимой стеной. Самые рослые деревья своими ветвями создавали верхние этажи джунглей, деревья пониже заполняли этажи средние, колючий густой кустарник — нижние. И все это, как серпантин, опутывалось цепкими и толстыми лианами. В зарослях густел зеленый полумрак, душный и застойный воздух был насыщен запахом гнили.

Мы решили устроить привал. Джон достал из машины походный холодильник, извлек оттуда бутылки со сладкой водой, бутерброды, желтые бананы — мы отлично перекусили. Лена расправилась с едой раньше других. Схватила свой альбом и бросилась к водопаду делать зарисовки. Мы же с Абу помогали Джону подкачать на автомобиле шины. И вот настало условленное время отъезда.

— Лена! Пора! — крикнул Абу.

— Иду! — откликнулась Лена, торопливо делая в альбоме последние штрихи. Мы ждали ее, сидя в машине.

И вот тут-то из джунглей вдруг вышли на дорогу два слона. Один огромный, ушастый, с задиристо и грозно выставленными вперед бивнями. Другой поменьше — должно быть, самка. Как ни в чем не бывало остановились на шоссе, самец внимательно оглядел нас маленькими свинными глазками, потом взглянул в сторону реки, где на берегу окаменела от страха Лена. Слоны не были настроены враждебно, нас они просто не принимали всерьез. Спокойно срывали с дерева листья и с аппетитом поедали. И казалось, ухо-

дить с этой теплой, освещенной солнцем площадки не собирались.

Что же делать? Мы знали: с африканскими слонами шутки плохи, раздражать нельзя. Оставалось только держаться потише и терпеливо дожидаться, пока они соизволят убратъся.

Бедная Лена! Каково ей сейчас одной, отрезанной от нас могучими хозяевами джунглей! Вот, стоит не шелохнется, ноги циркулем, ксички-хвостики в стороны. Зажала под мышкой свой любимый альбом, да так крепко, словно боится, что слоны его отнимут.

Но что это? Лена зашевелилась, оглянулась и вдруг сделала хотя и робкий, но решительный шаг вперед, второй, третий... И вот, осмелев, все увереннее двинулась в сторону слонов. Это было неожиданно. Мы еще ничего не успели сообразить, что нам делать. А Лена, с опаской поглядывая на клыкастого гиганта, прошла мимо него так близко, что он, пожалуй, смог бы дотянуться до нее хоботом. Но ничего подобного не сделал. Слон как будто тоже с удивлением взирал на длинноногую отважную девочку с косичками.

Миновав слонов, Лена не побежала, а все тем же ровным шагом преодолела остаток пути до машины, юркнула в распахнутую для нее дверцу и повалилась на сиденье. Она глубоко вздохнула, из ее глаз брызнули слезы. И, как будто устыдившись того, что ненароком напугали девочку, слоны, печально показав огромными лобастыми головами, не спеша удалились. Мы подождали, пока они скроются в джунглях, включили мотор, и машина стремительно рванулась вперед.

Абу положил Лене на плечо руку и спокойно сказал:

— Зачем же плакать? Мы теперь можем считать тебя укротительницей африканских слонов.

Еще несколько часов пути через горы и леса, и мы въехали в Монго. На окраине городка в негустом парке стояли три новых одноэтажных дома, длинных, как бараки. Окна были незастеклены, и мы еще издали увидели во внутренних помещениях множество одинаково черных и одинаково курчавых голов. В школе шли уроки. Над одним из корпусов торчали тонкие стрелы радиоантенны. Вот, оказывается, откуда летели в эфир радиосигналы, чтобы, преодолев множество километров, добраться до маленького радиоприемника на «Мечте»!

Нас сразу же познакомили с тем, что составляло гордость школы, — любительской радиостанцией. В вестибюле висела на стене карта. На ней разноцветными звездочками были

отмечены населенные пункты многих стран земного шара, с радиолюбителями которых школьная радиостанция сумела установить коротковолновую связь. Джон водил бамбуковой указкой по карте и останавливал острие указки на звездочках. Аделаида в Австралии, Монреаль в Канаде, Нагоя в Японии, Свердловск в Советском Союзе, Палермо на Сицилии... Звездочек оказалось несколько десятков. И это всего лишь за два года работы юных радиолюбителей!

— Представляете, мы даже сумели связаться с советской дрейфующей станцией «Северный полюс», с американской высокоширотной базой на Южном полюсе «Амундсен—Скотт», а с советским полярным поселком Мирный в Антарктиде у нас еще год назад установилась прочная связь и дружба.

Это рассказывал нам один из самых горячих участников радиопутешествий, спокойный и рассудительный Дауд, наш одноклассник. Рассказывал, а сам частенько поглядывал на Лену. Сегодня о ней уже пошла по Африке слава, как об отважной «укротительнице» слонов.

От Дауда узнали мы историю создания школьной радиостанции. Однажды Джон побывал в подмосковной школе. Там была любительская радиостанция. Вернувшись на родину, сумел в своем городе создать такую же. Школа наладила первые зарубежные радиосвязи. Особенно подружился с юными немецкими радиолюбителями из Ростка, портового города в ГДР. Эта дружба принесла нигерийцам немалую пользу. Джона и трех старшеклассников из его школы пригласили в Росток в гости, подарили там хотя и старую, но хорошо действующую судовую коротковолновую радиостанцию.

— И вот тогда перед нами,— рассказывал Дауд,— открылся весь мир. Мы даже смогли дотянуться до полюсов Земли.— Он вдруг озабоченно взглянул на часы: — Вы не забыли, что в двадцать ноль-ноль у нас связь с Антарктидой?

Мы собрались у радиоприемника. У аппарата сидел невозмутимый Дауд. Его черная курчавая голова с двух сторон была сжата огромными наушниками. На приборном щитке мигали лампочки, таинственно светились какие-то циферблаты. Дауд крутил ручку настройки, внимательно вслушиваясь в эфир и временами быстрыми и точными движениями правой руки нажимал рычажок ключа Морзе, посылая призывы к связи. И вот наконец он услышал позывные. Его губы раздвинулись в улыбке и, казалось, стали еще толще.

— Антарктида на волне! — сказал Дауд.

Мы затаили дыхание. Это же чудо: находимся в глубине Африканского континента, вблизи экватора, в окно радиостанции видим вечнозеленые пальмы, а с нами говорит далекая и суровая Антарктида, закованная в вечный лед, — шестой континент Земли. Карандаш, зажатый в пальцах Дауда, торопливо скользил по бумаге, оставляя на ней слова. Через несколько минут радиограмма была принята полностью и листок передали Абу. Вот что было на листке:

«Антарктида. Советская высокоширотная научная станция Мирный. Шлем из ледяной Антарктиды привет в жаркую Африку нашим юным нигерийским друзьям. Благодарим за помощь в поиске яхты «Мечта». Просим передать капитану Утехину следующее сообщение. Исполняется двадцать пять лет со дня начала советских исследований в Антарктиде и основания станции Мирный. Приглашаем заслуженного полярника капитана Утехина, одного из тех, кто первым высадился в районе будущей станции Мирный, прибыть на яхте «Мечта» к берегам Антарктиды и принять участие в юбилейном торжестве, в открытии монумента героям ледяного континента. На празднество прибывают представители всех антарктических станций, многие известные полярники из разных стран. Одновременно приглашаем в Мирный и других членов экипажа яхты «Мечта». Будем рады, если наш нигерийский друг Джон Адеде, который впервые в истории установил прямую коротковолновую радиосвязь между Нигерией и Антарктидой, вместе с экипажем «Мечты» прибудет в Мирный и примет участие в торжестве. На следующую связь выходим через час тридцать. Ждем ответа. С горячими приветами. Начальник станции Мирный Виноградов. Передал радист Саенко».

К этой радиограмме было еще короткое добавление: «Андрей! Очень ждем тебя! Приезжай! Обнимаю. Юрий Саенко».

Абу, прочитав записку, задумчиво улыбнулся.

— Это мой старый друг. Вместе высаживались в Антарктиде двадцать пять лет назад.

Наступила тишина. Предложение Виноградова было неожиданным. Антарктида на другом конце света. Добираться туда не просто. К тому же у каждого свои планы на ближайшее будущее. Абу по привычке склонил голову и тихо сказал:

— Что касается меня, я — «за»! Но знайте, друзья: путешествие трудное, полное суровых испытаний, и каждый должен решить честно, способен ли их выдержать.

— Я постараюсь... — сказала Лена. И, сама себя поправив, уже более решительно подтвердила: — Выдержу! Даю слово!

— Тоже даю слово. Не струшу! — заявил я.

Мы взглянули на Джона. Ему решить было труднее всего. Из Африки напрямик... в Антарктиду! Не на радиоволне, а на яхте! Бросить на какое-то время школу, семью. К тому же не так-то просто жителю тропиков свыкнуться со льдами Антарктиды.

— Учитель, вы будете первым нигерийцем, а может быть, и первым африканцем, который окажется в Антарктиде, — вдруг тихо произнес Дауд.

— А как же вы здесь останетесь без меня? — спросил Джон. — Не подведете?

Дауд вскинул руки, словно призывал небеса в свидетели:

— Конечно, не подведем!

Джон удовлетворенно кивнул и широко улыбнулся:

— Тогда решено: я еду!

Ну, а остальное было уже проще. Договорились, что завтра же отправляемся в Лагос. Прошли условленные полтора часа после первой связи с Мирным, и вот Дауд уже выстучивает своим ключом:

«Предложение принимаем. Курс держим на Антарктиду».

НАС ПРИВЕТСТВУЮТ ПИНГВИНЫ

Не зря предупреждал Абу, что путешествие к ледяному континенту будет трудным. Мы были готовы ко всяким испытаниям, но по-настоящему и не представляли, что это значит — пробираться к берегам Антарктиды на крошечной яхте.

Миновав экваториальную штилевую зону, «Мечта» устремилась на юг. Никаких земель уже не было, впереди — один океан. Дули сильные ветры, навстречу яхте вздымались большие волны. Мы страдали от качки, особенно Джон. Ведь это было его первое морское путешествие. Но держался он молодцом. По натуре Джон человек жизнерадостный, любит пошутить. И все невзгоды этого путешествия умел облегчать шуткой.

Чем дальше к югу пробиралась «Мечта», тем океан становился все более суровым. Когда добрались до южной оконечности Африки и обогнули мыс Доброй Надежды, вздохнули с облегчением. Ведь лоция утверждает, что в это

время года здесь обычно дуют штормовые ветры, превышающие восемь баллов!

Мы вышли в Индийский океан, самый бурный из всех океанов. Теперь нас ожидали главные испытания — курс держали в самые тяжелые края. Предстояло помериться силами с «ревущими сороковыми», с «бешеными пятидесятыми» и с «неистовыми шестидесятыми» широтами. Эти грозные прозвища говорят сами за себя. С такими широтами не шутят.

Когда «Мечта» достигла южных широт, начались первые неприятности. Мы натянули на себя все шерстяные вещи, которые были с нами, и все-таки постоянно мерзли. Особенно страдал Джон. «Мне кажется, что меня, как сардельку, поместили в холодильник и забыли, что я существую», — грустно шутил он. Температура с каждым днем падала, такелаж обледенел. Временами налетал шквал и над вершинами воли проносились тучи снега, смешанного с белой морской пеной.

Но самое трудное было впереди. Над океаном часами висел густой туман, и курс приходилось прокладывать почти вслепую. Однажды мы увидели, что барометр резко упал. Шел шторм. Как и в Атлантике, мы стали к нему готовиться заранее. Но здесь, в южных широтах, шторм грозил куда большей бедой, здесь ветры сильнее, беспощаднее, пронизаны ледяным дыханием недалекой Антарктиды.

И вот шторм разразился. Ветер гнал по морю водяные горы, которые обрушивались на «Мечту» со злобным остервенением. Иногда казалось, мы уходим на дно, потому что в иллюминаторы не было ничего видно, кроме серо-зеленых потоков воды. К вечеру ветер достиг почти самолетной скорости. Даже в наглухо задраенной рубке, разговаривая друг с другом, приходилось кричать, чтобы пересилить рев шторма. Был момент, когда накатившийся гигантский вал развернул яхту бортом к волне, а следующий, еще более громадный, повалил набок. Мы с ужасом ожидали: успеет ли «Мечта» выровняться, пока не налетел следующий вал? Но тяжелый киль вернул яхту в вертикальное положение, и мы облегченно вздохнули. «Мечта» снова упрямо встала носом к волне.

Два дня продолжался шторм. Мы выдержали единоборство с океаном, но «Мечту» наш свирепый противник потрепал изрядно. Штормовой парус не справился со шквальным ветром, лопнул, мачта дала трещину, сорвало крышку люка, и во внутренние помещения судна хлынули водяные потоки. Несколько часов пришлось повозиться, чтобы при-

вести люк в порядок и откачать помпой проникшую в каюту воду. В помещениях яхты побилось немало стеклянных предметов, да и мы сами были в синяках и шишках.

К счастью, дальнейшее плавание проходило без особых серьезных происшествий. Море оставалось бурным, мы по-прежнему страдали от холода и сырости, приходилось быть постоянно начеку, чтобы не наскочить на белую громаду айсберга, который мог внезапно появиться в тумане.

Наконец после долгих дней плавания мы увидели впереди поля битого льда и на них первую колонию пингвинов. Пингины радостно заверещали, будто давно ждали нас, ныряли в воду и долго сопровождали яхту, словно почетный эскорт.

Однажды нам пришлось сбавить ход, чтобы обойти большую льдину. Мы с Леной стояли у борта и внимательно смотрели за тем, чтобы яхта не наскочила на плавающие глыбы льда. Вдруг Лена закричала:

— Смотри! Что это такое?

Я взглянул туда, куда она показывала, и увидел, что возле льдины покачивается на волне зеленая пузатая бутылка. В другом месте на это бы не обратили внимания — много всякого мусора плавает в океане. Но здесь, возле Антарктиды, появление бутылки показалось необычным.

Абу тут же застопорил машину, с помощью рыболовного сачка мы извлекли находку из воды. Бутылка была плотно закупорена, а внутри ее лежала свернутая трубочкой бумага. Мы чуть не задохнулись от волнения: вдруг это сообщение от потерпевших бедствие или спрятанных на острове пиратских сокровищак? Но когда вскрыли бутылку и прочитали бумагу, то поначалу разочаровались. Из типографского текста на английском языке узнали, что бутылка в числе подобных была брошена индийскими гидрологами пять лет назад в Аравийское море, недалеко от Бомбея, с целью изучения течений Индийского океана. Ученые просили всех, кто найдет записку, отправить ее в Бомбей за хорошее вознаграждение.

Абу сказал:

— Факт замечательный. От берегов Индии к берегам Антарктиды! Думаю, это очень важная научная находка. Пожалуй, нам на обратном пути придется завернуть в Бомбей.

Так неожиданно определился наш будущий маршрут.

Вскоре после выхода из Лагоса у нас вдруг отказала радиостанция, и до самой Антарктиды мы шли без связи с землей. Можно себе представить, как волновались наши

товарищи! Должно быть, считали нас уже погибшими. В этих южных широтах редко попадают корабли, за много дней пути не встретился нам ни один. Значит, никто не смог сообщить о «Мечте» никаких сведений.

И вот однажды мы услышали рокот моторов и увидели, как со стороны Антарктиды приближается небольшой самолет. Он прошел так низко над яхтой, что мы даже разглядели лица летчиков в пилотской кабине. Как у всех полярных самолетов, крылья его были оранжевыми, и на них мы с волнением увидели такие дорогие для нас буквы: «СССР». Самолет развернулся над океаном и снова низко пролетел над яхтой, покачав яркими крыльями. Мы стояли на палубе, размахивали руками и что-то восторженно кричали. Теперь уже не одни! О нас знают!

Подгоняемая попутным ветром, «Мечта» осторожно пробиралась между льдин. Впереди по курсу, поблескивая под солнцем, вздымались, как сахарные скалы, гигантские айсберги, за ними угадывались белые просторы шестого континента.

Снова и снова прилетал к нам оранжевый самолет, будто хотел убедиться, что не пропали, что идем верным курсом. А потом пожаловал вертолет с оранжевым фюзеляжем. Издали он был похож на веселую тропическую птицу, унесенную ветрами в полярные широты. Вертолет завис над яхтой, и вдруг сквозь грохот мотора мы услышали усиленный радиодинамиком голос, долетевший с неба: «Приветствуем отважных покорителей южных широт! Добро пожаловать в Антарктиду!»

Еще несколько часов пути, и перед «Мечтой» уже непреодолимой преградой встал прикрывающий подступы к континенту трехметровый припайный лед. Мы подвели к нему яхту, и на лед тут же сел вертолет. К краю льдины подбежали люди, приняли от нас швартовы. И вот мы уже на твердом льду. Нас посадили в вертолет, и вскоре он совершил посадку в Мирном, в самом центре поселка. Вокруг вертолета собралось множество обитателей советской полярной колонии. Все выглядело как во сне. Нам жали руки, говорили приветственные слова. Понятно, героем дня стал Джон Адеде. Ведь он первый африканец, оказавшийся на шестом континенте. В честь Джона по репродукторам поселка передали торжественный марш, его особо приветствовал начальник экспедиции, а на крыше главной радиостанции подняли еще один флаг — нигерийский. Кроме советского, там уже развевались английский, японский, американский, польский, чехословацкий, новозеландский, французский,

норвежский, аргентинский. Такое количество флагов означало, что на завтрашнее торжество прибыли гости почти со всех полярных станций Антарктиды.

В центре поселка стоит столб, к которому прибиты указательные стрелочки. Каждая нацелена острием в определенную сторону света и на ней цифры, обозначающие расстояние от Мирного до Москвы, Ленинграда, Киева, Варшавы, Вашингтона, столиц других государств, участвующих в антарктических исследованиях, а также до Южного и Северного полюсов. В присутствии всех мирян и их гостей к столбу прибили еще одну табличку: «До Лагоса — 10 651 км».

Джон ликовал. Его темнокожая физиономия, которая на фоне антарктических снегов казалась еще чернее, сияла. Наш друг сразу же пришелся по сердцу мирянам. Он часто шутил, и это нравилось полярникам. Без улыбки, без юмора в Антарктиде существовать невозможно.

Когда кончились приветственные речи и торжества по случаю прибытия «Мечты», нас повели знакомиться с поселком. Оказалось, что знакомиться и не с чем. Мы так и не могли понять, где сам поселок: вот это электростанция, там — радиостанция, в той будке работают метеорологи...

— А где же сам Мирный? — недоумевали мы. — Где живут люди?

Миряне смеялись:

— Вы стоите сейчас на улице Ленина. Это самая красивая у нас улица. На ней дома, где мы живем и где вы будете тоже жить.

Мы осмотрелись: никакой улицы! Никаких домов! Или мы ослепли от яркого полярного солнца, или миряне нас разыгрывают?

На площади в нескольких местах торчали из снега фанерные будки. Нас подвели к одной из них и сказали, что здесь наш дом. Мы заглянули вниз и увидели лаз, который вел как будто в погреб, только из лаза пахнуло в лицо теплом. Когда по крутой лестнице мы опустились куда-то в глубь снегов, то неожиданно очутились в просторном уютном доме с яркими абажурами под потолком, ковриками у кроватей, картинами на стенах. Вроде бы вошли в обыкновенную московскую квартиру.

Оказывается, Мирный давно уже погребен под снегом. Над его крышами двух-трехметровая снежная подушка, которая с каждым годом становится все толще.

В Антарктиде лето. Самый его разгар. Небо безоблачно, и нестерпимо ярко светит солнце. Ходить можно только в

темных очках. Губы надо мазать полярной губной помадой, а то сторгят под солнцем. Честно говоря, мы с Леной были немного разочарованы. По совету Абу приготовились к «суровым испытаниям». Еще на подходе к берегам Антарктиды придирчиво рассматривали свою теплую одежду, купленную в Лагосе. Вздыхали: разве для Антарктиды эти свитерочки из тонкой шерсти? Оказавшись в Мирном, с удивлением узнали, что сейчас здесь можно в одних трусах загорать на досках, положенных прямо на снег.

И еще нас удивила в Мирном тишина. Слышно, как свистит воздух под крыльями поморников, хищных антарктических птиц, которые проносятся над берегом на краю поселка. Ледяной панцирь Антарктиды здесь словно обламывается, образуя крутой и высокий берег. Его называют барьером. Внизу у подножия барьера начинается белый, уходящий в океан простор припайного льда. На нем можно часто встретить веселые компании пингвинов. Эти смешные создания издали похожи на маленьких неуклюжих человечков в белых манишках и черных фраках. Едва появившись на льду, как они со всех сторон несутся к тебе сломя голову, спотыкаются на ходу, и вид у них такой, будто боятся опоздать на поезд. Окружат кольцом, поглядывают на тебя бусинками глаз, качают головами и громко между собой переговариваются скрипучими голосами — обсуждают твой внешний вид: мол, какое это уродливое существо — человек: голова маленькая, клюв крошечный, еле разглядишь на голове, крыльев нет, а вместо них торчат две палки. На льду возле полыньи неподвижно лежат жирные туши зверей с бульдожьими мордами. Это антарктические тюлени. Они целыми днями греются на солнце, как облепившиеся курортники на пляже.

— Неужели где-то на свете есть Африка?

Это сказал Джон, который долго, задумчиво глядел в океан.

Сейчас он сможет убедиться, что Африка действительно существует на свете. Нам как раз идти на радиостанцию. Приближается время для выхода на связь со школой в нигерийском городе Монго.

Начальник радиостанции Владимир Андреевич Саенко не знал, куда усадить своего давнего друга Андрея Борисовича Утехина — Абу. Еще бы! Были вместе в первой экспедиции, высаживались с судна, на котором работал Абу, на хрупкий припайный лед, жизнью рисковали при разгрузке, впервые устанавливали радиосвязь Антарктиды с Москвой. Словом, пережили немало, есть что вспомнить.

Конечно, не остался без внимания и Джон Адеде: ведь тоже друг, правда недавний, так сказать, заочный — по радио. Но радисты Мирного уже многое знают и о Джоне и его учениках и о Нигерии. Сколько раз перестукивались между собой ключом Морзе, посылая друг другу вести через моря и океаны. И вот наконец встретились!

Джону дарят цветные фотографии Мирного и в качестве сувениров кусок камня из Антарктиды, размером с маленькую дыню, яйцо пингвина и значок советского полярника. Теперь на школьной выставке в Монго появятся свидетельства необычной дружбы людей, живущих в одном из самых холодных и в одном из самых жарких мест мира, — советских полярников и нигерийских школьников.

Стучат аппараты, подмигивают красными глазками радиолампы. Саенко сам вертит ручками настройки — ищет Монго. Не такое простое дело. В наушниках попискивают сигналы тысяч радиостанций со всех концов мира. Попробуй-ка отыщи нужный тебе писк! И все-таки чуткое ухо радиста в этой свистопляске ловит нужное.

— Школа в городе Монго нас слушает, — улыбаясь, говорит Саенко и глядит на Джона, который от волнения даже слова произнести не может.

Сейчас первый африканец пошлет свой первый привет из Антарктиды в родную Африку!

Джон кладет на стол перед Саенко текст радиограммы. Я представляю себе учеников Джона, которые в эти минуты склоняют темные головы над радиограммой своего учителя. Окна раскрыты, и слышно, как под порывами ветра сухо шелестят широкими листьями пальмы.

А у нас тоже ветер, он посвистывает в проводах радиоантенны, и этот свист пробивается даже через двойные стекла окон. На лицах радистов все сильнее проступает тревога.

— Ураган идет. Скоро закрутит! — сокрушенно говорит Саенко.

Нам советуют отправиться домой. Никто не знает, сколько будет продолжаться непогода. Штормовать может неделю. Саенко вызывается сопровождать нас до дома.

Удивительно! Совсем недавно ярко светило солнце, а сейчас все утонуло в белой мгле. Мы выходим на улицу и тут же сгибаемся под напором ветра. Ветер такой тугой, такой ощутимый, что кажется, можно потрогать его мускулы. Он почти валит с ног, сечет лицо сухой снежной крупой, его дыхание обжигает холодом. Вот теперь мы понимаем, что такое Антарктида!

Саенко, переселивая ветер, кричит:

— Это еще только цветочки! Ягодки впереди!

Так пришел в Мирный ураган.

Над поселком бесновались, неистовствовали в адской пляске белые ведьмы. Они утопили все вокруг в белой мгле, и для каждого из нас видимый мир кончался на расстоянии вытянутой руки. Даже мощный корабельный фонарь над лазом, ведущим в кают-компанию, светился, как затухающая головешка, и не был способен выручить из беды.

И вот наконец, с трудом открыв дверь лаза, спускаемся в наш уютный дом. Он погребен под толстым слоем крепко спрессованного снега, и никакой ураган не сдвинет его с места.

Мы сидим в комнате, слушаем, как завывает ветер в вентиляционной трубе. Джон смотрит на ручные часы и нарочито невозмутимо говорит:

— Через полчаса, как обычно, к нашей школе подойдет старик мороженщик. У него мороженое очень вкусное и очень холодное. Одно удовольствие отведать в жаркий день.

Лена сидит за столом напротив Джона. Слушая его, она задумчиво улыбается, водит попавшимся под руку карандашом по старой газете. Наверное, сейчас соображает, как бы изобразить пургу на бумаге. Абу в углу комнаты о чем-то разговаривает с Расселом Бергом, молодым, высоченного роста австралийцем. Он вместе с японским ученым Кобаяси два дня назад прилетел с австралийской полярной базы Моусон в Мирный на открытие монумента памяти погибшим. Берг и Кобаяси занимают соседнюю с нами комнату. Кроме них, в доме еще шесть мирян — это ученые и механики, обслуживающие вездеходы.

Одиннадцать вечера. По радио в который раз передают: «Из домов поодиночке не выходить. Комендантам проверить наличие людей!» Нашего коменданта, оказывается, нет в доме. Начинаем беспокоиться. Куда мог запропасть Василий Кононов, маленький суетливый человек, лучший механик экспедиции? То и дело звонит телефон и разные голоса спрашивают: «Не вернулся?»

Наконец кто-то узнает, что Кононов с двумя авиационными механиками уехал на аэродром. Нужно было выручать из беды самолеты иностранных гостей, прилетевших в Мирный. Ураган страшен даже тяжелым самолетам. Если не привязать их тросами к тракторам, которые служат грузилом, если не закрепить их винты — покалечатся машины.

Трое уехали на аэродром и не вернулись. Прошел час, второй, третий... Миряне-то знают, что значит не вернуться в такую пургу.

Все молчат. Должно быть, думают сейчас об одном и том же. Сразу же за аэродромом — барьер, крутой обрыв над океаном. Даже в солнечный день подходить к краю опасно! Неверный шаг — и понесет тебя по скользкому склону вниз. С другой стороны аэродрома не менее опасная зона. Здесь под тонкими снежными корками прячутся бездны ледниковых трещин. Они устрашающей глубины — до ста и больше метров, как говорят миряне, «до конца географии». Сердце холодеет, когда заглянешь в такую пропасть!

— Надо искать!

Это уже приказ. В нашем доме формируется спасательный отряд. Желающих много, но Лебедев, руководитель отряда, отбирает самых опытных. Идут Лебедев, Саенко, два молодых ученых. Нашего Абу тоже взяли. Не могли отказать и Расселу Бергу — в Антарктиде человек бывалый. Все собираются быстро, без суеты, по их сосредоточенным лицам видно, что хорошо представляют, куда идут. Я им завидую. Вот когда надо проявить мужскую стойкость. Я подхожу к Абу и пытаюсь осторожными словами подвести его к мысли, что в отряде я бы тоже мог пригодиться. Но Абу только качает головой, даже не считая нужным что-то объяснять.

Так же наотрез отказывают и Джонсу, когда он предлагает свои услуги.

— В Африке мы к вам обратимся за помощью. Но в Антарктиде вы — новичок.

Распределяют обязанности. Лебедев и Берг будут продвигаться впереди вездехода, страхуя себя веревками, привязанными к машине. Той же веревкой впереди идущие будут сигнализировать, показывая вездеходу дорогу.

Мы провожаем спасателей на улицу. Зашнурованные в штормовки, они сейчас похожи на водолазов в глубоководных скафандрах. Вот первый, схватив конец веревки, делает шаг вперед и тут же тонет в белой пучине...

Мы смотрим вслед уходящим, и наши сердца сжимаются. По пути на аэродром им нужно пройти узким коридором между барьером и зоной ледниковых трещин. Сейчас, в пургу, у них нет никаких ориентиров, только чутье. Беда, если ошибутся!

Нам, оставшимся в доме, предстоит долгое и томительное ожидание. Звонят с метеостанции. Главный синоптик бодро сообщает:

— Скорость ветра — сорок два метра в секунду. Возможно усиление. Смотрите не заработайте насморка!

— Сорок два метра! Это больше ста пятидесяти километ-

ров в час, — подсчитывает один из ученых. — На обжитых людьми землях таких ураганов почти не знают.

Иногда сквозь вой ветра до нас доносится отдаленный пушечный грохот. Это в океане ломается припайный лед и тяжело содрогаются высоченные, как горы, айсберги. Где-то сейчас в пурге заплутались трое, и шестеро их ищут.

В четыре утра спасатели возвращаются. Еле держатся на ногах. Особенно Лебедев и Берг. Ведь им пришлось ползти по снегу впереди вездехода, потому что идти ветер не давал. Молча вытряхивают из карманов снег, который при таком урагане набивается в каждую складку одежды. Все молчат. Не нашли...

Через час в нашем доме формируется новый отряд. Берг опять просится в поход.

— Вы же вконец измучены! — удивляются полярники.

Но Берг отрицательно качает головой.

— Ничего подобного. Полон сил. У меня собачий нюх на дорогу, и без меня вы заплутаетесь.

Удивительно энергичный человек этот Берг! Кобаяси рассказывал, что Берг всегда вызывает идти во все рискованные походы, что иногда кажется, будто он нарочно ищет опасности. «Неспокойно у Берга на душе. Мне кажется, что он очень одинокий человек», — говорил Кобаяси.

Но новый спасательный отряд так и не успевает отправиться в путь. Мы вдруг слышим на лестнице топот сапог. Дверь открывается, и в комнату вваливается наш комендант Василий Кононов. Живой, неведимый Кононов!

— Где остальные?

— Все целы! — улыбается механик.

Мы набрасываемся на Кононова с вопросами, но он еле ворочает языком. Узнаем только, что вездеход на обратном пути с аэродрома встал — заглох мотор, пургу переждали в кабине, а как стало проясняться, решили идти пешком.

— Знали, что вы переполошились, — ворчит Кононов, с трудом поднимая налитые усталостью веки. — Знали, искать будете. Вот и боялись за вас. Занесет еще кого-нибудь под обрыв. Не стали ждать.

— Ну вот, мы — за вас, а вы — за нас! — смеются полярники.

Кононов щурит глаза, то ли пытаясь улыбнуться, то ли сердясь.

— Чудаки! — бормочет он и вздыхает. — Мы же не дети. И зимовка-у нас не первая. Куда же денемся, когда...

Так и не договорив, нетвердыми шагами идет к койке, валится на нее и засыпает мертвым сном.

До утра остается часа два. Пурга стихает. Абу говорит, что утром наверняка будет хорошая погода и открытие памятника пройдет нормально. Спать уже неохота. Все разбрелись по своим комнатам, но никто не ложится.

Берг вроде бы даже разочарован, что не состоялась вторая спасательная экспедиция. Вид у него неприкаянный. Вдруг снял со стены гитару, сел на диван, тронул струны:

...В полях под снегом и дождем
Мой милый друг, мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг...

На другом диване сидел Абу и, склонив голову, слушал Берга.

Лена не выдержала, простилась и ушла спать. Меня тоже тянуло в сон, но хотелось послушать Берга. Он вдруг отложил гитару и взглянул на Абу:

— Как вы пойдете обратно? Будете ли проходить архипелаг Бисмарка?

— Пока еще не решили, — сказал Абу.

Берг кивнул.

Опять помолчали. Абу спросил:

— А почему вас интересует этот архипелаг?

Австралиец ответил не сразу. Долго смотрел в одну точку, словно прислушивался к вою ветра в вентиляторе.

— Есть в этом архипелаге остров Новая Ирландия, — сказал негромко. — И на острове порт Кавиенг. Там с большой добротой относятся к гостям. Если по пути зайдете в Кавиенг, то не пожалеете.

— Вы бывали в этом городе? — спросил немного удивленный Абу.

Берг улыбнулся уголком рта.

— Нет! Но там сейчас живет близкий мне человек.

Больше он не сказал ни слова. Взял снова гитару:

...И если мука суждена
Тебе судьбой, тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой...

Я подумал, что у Берга в самом деле судьба несчастливая. Наверное, переживает какую-то беду. Может быть, разлуку с тем близким человеком, который находится сейчас на

острове Новая Ирландия в архипелаге Бисмарка. И вдруг вспомнил, что сегодня, когда заходил в комнату Берга, увидел над его кроватью фотографию красивой женщины. Может быть, Берг говорил о ней?

Утром начались торжества, связанные с открытием памятника. Памятник воздвигли на маленьком каменистом островке, расположенном в километре от Мирного в океане. На нем когда-то были похоронены советские полярники, погибшие при освоении Антарктиды.

В десять утра все миряне и их гости собрались возле монумента. Среди особо почитаемых гостей оказался и наш Абу, и его друг Саенко, и еще несколько полярников, которые в свое время первыми из советских людей высадились на этот негостеприимный берег. Джон тоже оказался в числе почетных гостей, как и другие иностранцы.

Вокруг монумента развевались флаги разных стран. Начальник экспедиции профессор Виноградов, обращаясь к собравшимся, говорил об Антарктиде, о том, какой это неприступный континент, как много бед для человека таит он в себе, и все-таки человек ради поиска неведомого бросил свирепой Антарктиде вызов и вступил в единоборство с ней. Сколько замечательных и мужественных исследователей побывало здесь! Беллинсгаузен и Лазарев, отважный капитан Скотт, неукротимый Амундсен, стойкий Моусон... С огромным трудом доставалась победа над Антарктидой. С трудом и потерями. Здесь, в Антарктиде, навсегда остались многие исследователи, пришедшие на этот континент из разных стран. Они отдали жизнь за науку, за то, чтобы человек лучше знал свою родную планету Земля, чтобы планета эта была счастливой...

— Этот монумент олицетворяет мужество человека перед природой, — говорил Виноградов. — Мужество человека Земли, Гражданина Земли. Перед отважным Гражданином Земли, всегда готовым на жертвы ради истины, мы сейчас склоняем головы.

С монумента сползло покрывало, и мы увидели высеченное из гранита изображение человека, который сильным движением рук пытается раздвинуть перед собой белый занавес неизвестности и через образовавшийся просвет заглянуть пытливыми глазами в неведомый мир.

Склонив головы перед памятью павших, мы застыли в долгом молчании.

— Ну и как же вы планируете свое возвращение? — спросил Берг, когда после митинга мы вернулись домой.

— Отсюда пойдем напрямиком в Бомбей. Дело есть, — Абу

в размышлении потрогал подбородок. — А вы считаете, что нам стоит зайти в Кавиенг?

Берг кивнул:

— Уверен, что не пожалеете.

Абу взглянул мне в глаза.

— Зайдем? Ведь нам все равно нужно по пути где-то пополнять запасы продовольствия, воды и горючего. Ну как?

— Зайдем! — согласился я. Мне сразу стало ясно, что и Абу видел фотографию женщины над кроватью Берга.

— Я тоже «за»! — сказала Лена, не догадываясь о тайном смысле нашего разговора.

Мы с Абу не удивились, когда просиявший Берг сказал:

— Если не возражаете, то я кое-что с вами пошлю в Кавиенг... Одной женщине. Она работает там. На метеостанции.

Он быстро вошел в свою комнату и тут же вынес небольшой кусок пористого камня. Протянул Абу.

— Можете взять?

— Разумеется! — удивился Абу. — И больше ничего?

— Больше ничего. Только этот кусок камня. Вы передадите его Маргарет Томпсон и скажете, что камень этот ей пересылает Рассел, что взят камень в Антарктиде с горы, которую я открыл, нанес на карту и дал горе имя Маргарет.

— Хорошо! — кивнул Абу. — Можете быть уверены, мы найдем Маргарет и вручим ей ваш подарок.

Берг протянул руку:

— Спасибо!

Так неожиданно определился наш дальнейший маршрут. Пора было покидать Мирный. Мы получили запас продовольствия, воды и горючего, простились с мирянами. Простились и с Джоном Адеде, который домой будет возвращаться уже самолетом. Грустно было с ним расставаться. Пожимая нам руки, он сказал:

— Теперь на родине я стану человеком невероятно ценным. Столько принял в себя антарктической стужи, что в Нигерии буду людям нести живительную прохладу. — Он грустно улыбнулся: — Только сердце у меня будет по-прежнему горячим. В этом вы можете не сомневаться. Особенно если приедете снова в Нигерию.

Когда «Мечта» отошла от края припайного льда, направляясь к чистой воде, со стороны континента подлетел к нам оранжевый вертолет. Он низко прошел над яхтой, и мы увидели за стеклами его кабины лица Саенко, Рассела Берга и Джона Адеде. Друзья провожали нас в далекий путь.

В ПЛЕНУ У ТРИДАКНЫ

Путешествие с юга на север было долгим и, конечно, нелегким. Снова проходили свирепые широты, снова нас они трепали. Чем дальше шли на север, тем становилось теплее. Ветры благоприятствовали, и временами скорость яхты была поразительной. Шли под полными парусами. Скучать не приходилось. Мы любовались прекрасными и торжественными океанскими закатами. «Мечту» сопровождали несколько дней подряд самые гигантские на свете птицы — альбатросы. Они парили в потоках воздуха за кормой яхты, как эскадрилья истребителей. Когда вошли в теплые широты, альбатросов сменили чайки, потом все чаще нас развлекали летучие рыбы, которые стаями выскакивали из воды, неслись над волнами, растопырив крылья-плавники.

Мы миновали берега Новой Зеландии, Австралии, совсем близко прошли мимо острова Новая Гвинея, затем стали приближаться к порту Кавиенг, что находится на острове Новая Ирландия.

Начинается Новая Ирландия вышедшими далеко в море маленькими коралловыми островками, густо покрытыми пальмовыми рощами. Перед нами предстали такие живописные тропики, что Лена слов не находила от восторга и торопливо делала в альбоме зарисовки. Над океаном висела влажная жара. Не верилось, что еще сравнительно недавно мы кутались в антарктические штормовки.

И вот наконец впереди высокие, синие, чуть размытые в утренней влажной дымке горы. Это и есть Новая Ирландия. Еще недавно остров, как и Новая Гвинея и Новая Британия, находился под управлением Австралии, теперь он принадлежит независимому государству Папуа — Новая Гвинея.

«Мечта» вошла в узкий залив, и с правого борта открылся вид на Кавиенг. Города почти не было видно. Да это и не город — поселок. На невысоком плоском берегу бесконечно тянулись пальмовые рощи, под их листьями прятались деревянные, окрашенные в светлые тона одноэтажные коттеджи. У небольшого причала стояло единственное в порту судно — небольшой сухогруз под японским флагом.

Мы подошли к причалу для малых судов, и наши швартовы тут же подхватили два чернокожих и курчавых, как африканцы, молодых парня. Они ловко закрепили концы, подтянули яхту, и один из них подал Лене руку, чтобы помочь соскочить на берег. Мы поблагодарили парней за

помощь, но они не понимали по-английски, только улыбнулись широко и добродушно.

С причала вышли на городскую улицу, почувствовав еще более тяжкую жару. Казалось, земля раскалена, как сковорода. Несмотря на то что на ногах были сандалии на толстой подошве, жгло пятки.

Кавиенг оказался небольшим городишком. Осмотрели его быстро. Все достопримечательности — почта, магазин, аптека, клуб для белых. В центре города неожиданно увидели мрачные, потрескавшиеся плиты с амбразами, из которых тянуло сыростью. Абу сказал, что это японский дот, остался со второй мировой войны, что на Новой Ирландии и на соседних островах шли боевые действия и немало на этой жаркой земле полегло людей.

На почте мы узнали, где расположена метеостанция. Оказалось, что не так далеко — всего в двадцати километрах.

— А кого вы там ищете? — полюбопытствовал почтовый служащий.

— Миссис Томпсон, — ответил Абу.

— О, миссис Томпсон! — радостно воскликнул почтарь. — Это замечательная женщина. Она сейчас как раз на работе.

Нам стало ясно, что в Кавиенге, как и на всем острове, белые отлично знают друг друга. Их ведь здесь мало — сотни три чиновников, плантаторов, учителей, врачей.

— Попробую вас соединить по телефону с миссис Томпсон, — предложил почтарь.

Это оказалось делом простым — только набрать на диске номер. Но миссис Томпсон на месте не оказалось. Почтарь посоветовал взять в аренду автомашину в недалеком от почты гараже, объяснил, как найти дорогу на метеостанцию.

— Пока вы добираетесь туда на машине, я созвонюсь с миссис Томпсон и предупрежу. Вы прилетели сегодняшним самолетом?

— Нет. Приплыли на яхте.

— На яхте? — изумился почтарь. — Откуда же?

— Из Антарктиды.

Почтарь вытаращил глаза:

— Из Антарктиды?!

Он, кажется, решил, что над ним шутят.

Воспользовавшись его советом, мы отыскиали гараж, взяли в аренду автомобиль, Абу сел за руль. Проехав мимо крохотного местного аэродромчика, оказались на дороге, которая вела в глубь острова.

— А ведь мы с вами можем гордиться, — сказал Абу. — Сто лет назад в Кавиенг впервые в истории острова зашло русское судно. Это был «Витязь», на котором плыл Миклухо-Маклай. Сравнительно недавно в Кавиенг заходил тоже «Витязь» — только современный, можно сказать, «внук» того, маклаевского. А наша «Мечта», кажется, третье судно, пришедшее сюда от берегов России.

Дорога шла через пальмовые рощи. Иногда встречались тростниковые хижины, такие же, как в Нигерии. Мы подумали, что здесь, как и в Африке, очень по-разному живут богатые и бедные. Разве можно сравнить эти жалкие хибарки с коттеджами в Кавиенге, где обитают белые чиновники и местные богатей!

Двадцать километров по пустынной дороге пролетели быстро, и вот уже где-то впереди на берегу моря мы разглядели белые домики с широкими окнами; над их крышами тянулись вертикальные струны радиоантенн. Это оказалась метеостанция.

Дорога выбралась из пальмового леса и легла вдоль берега моря. И тут на дороге мы увидели высокую худенькую женщину. Уже издали поняли, что она чем-то взволнована, потому что шла торопливо, нервным движением руки то и дело поправляя спадавшие на лоб локоны густых волос. Услышав шум мотора, женщина остановилась. Во всей ее тонкой фигуре чувствовалось напряжение.

— Это она! — сказал Абу.

Действительно, перед нами была Маргарет Томпсон. Она оказалась еще красивее, чем на фотографии. Тяжело дышала, устав от быстрой ходьбы. Большие серые глаза глядели тревожно.

Заговорила первой:

— Здравствуйте! Я Маргарет Томпсон. Из города позволили, что ко мне... из Антарктиды... Это не шутка?..

— Это правда, — улыбнулся Абу, выходя из машины. — Мы в самом деле из Антарктиды и едем сейчас к вам.

Женщина сложила на груди руки:

— Что там? Что?

— Все хорошо! Он жив и здоров.

Женщина облегченно вздохнула.

Абу достал из машины портфель, извлек из него камень.

Она с недоумением взяла странный подарок.

— Что это?

— Камень с горы, недавно открытой Бергом в районе Земли Эндерби. Он просил сообщить, что эту неизвестную

доселе людям антарктическую вершину назвал вашим именем.

Маргарет неотрывно смотрела на камень, зажатый в ее руке. И вдруг из ее глаз потекли слезы. Тут же овладела собой и прошептала:

— Мне трудно выразить словами, какую вы принесли радость. Три года не имела от него вестей. — Она вздохнула: — Так уж у нас с ним все произошло...

Абу постарался развеселить ее.

— Ваш друг подарил вам целую гору, — сказал он. — Мало кто получает такие дорогие подарки.

Она задумчиво кивнула.

— Это не просто друг, это мой муж.

Мы радовались вместе с Маргарет. В этот день мы принесли ей счастье.

— Не хотите ли осмотреть нашу яхту? — предложила Лена.

— С огромным удовольствием! — обрадовалась Маргарет.

У этой милой и доброй женщины было великолепное настроение. Она показала нам свою метеостанцию, где давно работает старшим метеорологом, приехав сюда из крупнейшего города Австралии — Сиднея. Потом пригласила в свою квартиру на обед.

И во время обеда и позже по пути в Кавиенг Маргарет засыпала нас вопросами об Антарктиде. Абу рассказал о Мирном, о спасательном отряде, в котором работал Берг, о том, как он мужественно вел себя, когда полз в пургу впереди вездехода, как играл ночью на гитаре... Нам казалось, что, слушая Абу, Маргарет старается не дышать, лишь бы не пропустить ни слова.

— Я сейчас же в Кавиенге пошлю ему телеграмму! — решительно заявила она. — Как вы думаете, она доберется до Антарктиды?

— Конечно, — заверил ее Абу.

Но почта в Кавиенге оказалась закрытой. Мы поехали к причалу, где стояла «Мечта». Показали Маргарет наше судно, потом надумали отправиться на пляж, погреться на солнышке, «растопить в себе остатки антарктической стужи», как сказал Абу. Маргарет предложила переправиться на островок, расположенный в заливе вблизи Кавиенга, там отличный пляж.

До островка мы добрались на нашей надувной резиновой лодке. Островок крошечный. За час его можно пройти вдоль и поперек. Густо покрыт кокосовыми пальмами; куда ни

шагнешь, повсюду лежат в высокой и колючей траве старые, высохшие, похожие на булыжники кокосовые орехи. На берегу растут незнакомые деревья с резными и широкими, как у клена, листьями и с корнями, торчащими из песка, подобно щупальцам дракона.

Но больше всего меня увлек пляж. Каких только богатств здесь не было! Множество ракушек, маленьких, как бусины, и величиной с тарелку. Ползают по песку крабы-отшельники, волоча за собой ракушки-домики разного фасона и цвета. Сделаешь движение рукой — и краб в страхе стремительно прячется в своем убежище. Возьмешь ракушку в руку — краб тотчас высунет из ракушки клешню и больно цапнет за палец.

Абу с Леной и Маргарет хоронились в тени, а я бродил по пляжу. Находил панцири высохших лангустов, куски кораллов. Набрел на высохшую двустворчатую ракушку — тридакну — размером с колесо легкового автомобиля. Абу рассказывал, что тридакны опасны. Питаются всякой подводной живностью: только коснется рыба плавником моллюска, живущего в ракушке, как створки мгновенно захлопываются, подобно капкану. Можно в тридакну угодить ногой, и тогда ты в плену. Поэтому местные жители обращаются с тридакнами с осторожностью, хотя охотно их добывают. Моллюск считается деликатесом, его белое мясо по вкусу напоминает мясо краба.

С собой на островок мы захватили маски для подводного плавания и под водительством Абу отправились знакомиться с морским дном. Казалось, что попали на другую планету. Лена, увидев дно, заявила, что подобное ни один художник не нарисует!

На дне был незнакомый, таинственный мир. Мы словно парили над роскошными зарослями кораллов. Одни напоминали нежные алые цветы, распустившиеся на валунах, другие — неподступный колючий кустарник, третьи — мелкую изумрудную траву, четвертые были похожи на белые фарфоровые чаши, расставленные кем-то на красноватом ковре водорослей. В коралловых зарослях мелькали пестрые плоские, как лоскутки, коралловые рыбки. Иногда из-за куста водорослей выплывала рыбина длиной в полметра, с удивлением таращила на нас круглые желтые глаза. Лежали на дне густо-синие пятиконечные морские звезды, диском врезались в песок плоские и острые, как лезвие топора, ракушки-жемчужницы.

В одной из расщелин между камнями я заметил темное и узкое тело морской змеи. И повсюду, куда ни поплывешь,

словно приветствуя тебя, качали длинными гибкими стеблями густо-зеленые водоросли. Каждое их прикосновение к телу вызывало невольный испуг. Ведь в тропических морях постоянно ждешь нападения неведомой морской твари — акулы, барракуды, змеи...

Я всегда старался в этом заплыве находиться рядом с Леной, чтобы в случае необходимости прийти на выручку, а Абу приглаждал за Маргарет.

Возвращаясь к берегу, я вдруг увидел за подводной скалой странный предмет размером с грузовик. Его можно было бы принять за другую скалу, но меня поразили геометрически четкие линии очертаний. Хотел было подплыть, чтобы получше рассмотреть, что это такое, но отвлек Абу, который, выйдя на берег, звал нас с Леной к себе.

— Есть предложение обследовать остров! — весело кричал он. — Надо знать, что это за таинственная земля! А вдруг это Остров сокровищ!

По пальмовому лесу идти не трудно. Кустарника в нем нет, он сухой и чистый. Только высокая трава остро царапает ноги. Пахло сухими стеблями и морем. Лес был иссечен острыми полосами солнечных лучей, пробивавшихся сквозь щели в зеленом шатре рощи, и в этих лучах парили огромные черные бабочки.

Вдруг мы увидели впереди синие струйки дыма и вскоре очутились на полянке. Возле хижины у костра сидела на земле худая старая меланезийка. Ее кожа была так же черна, как головешки на костре; на тонкой шее, казалось, еле держалась маленькая голова с редкими кудряшками седых волос. Женщина плела из пальмовых волокон циновку. Неподалеку такой же худой полуобнаженный старик разрубал топором ствол поваленной пальмы.

Увидев нас, он бросил топор и с удивлением смотрел на подходящих к нему белых. Глаза его были красными и слезились. Мы поприветствовали пожилых людей. Старик, обнажив беззубый рот, с улыбкой показал на ствол поваленной пальмы, предлагая сесть... Вынул из травы свежие кокосовые орехи, топором отсек ореху вершинку и протянул сперва Маргарет — даме, потом Абу — старшему, потом Лене, последнему — мне. Как и в Нигерии, мы снова с удовольствием пили прохладное кокосовое молоко.

— Местные жители гостеприимны, — рассказывала Маргарет. — Последнее готовы отдать гостю. А живут плохо. Взгляните хотя бы на эту хижину.

Маргарет, которая знала немного местный язык, попросила разрешения осмотреть жилище. Хижина состояла из де-

ревянного каркаса, обшитого циновками из пальмовых волокон и прикрытая сверху пальмовыми листьями. На полу была расстелена другая циновка, на ней валялось какое-то тряпье, служащее старикам постелью.

На вопросы Маргарет отвечал только старик, его жена не проронила ни слова. Занимается эта пара сбором кокосовых орехов. Заготавливают копру, отдают хозяину пальмовой рощи — он богатый человек и живет в Кавиенге. Хозяин за труд платит старикам немного денег и разрешает жить на этом островке. Питаются всем, что бог пошлет: копррой кокосового ореха, рыбой, если удастся поймать, моллюсками ракушек. Но сейчас старику все труднее опускаться под воду за ракушками. Глаза стали плохими, морская соль разъедает.

— Разве у него нет маски для подводного плавания? — удивился я.

Маргарет усмехнулась:

— Какая там маска! Откуда у него деньги на маску?

Мы замолчали. Абу вдруг встал и направился к тому месту на берегу, где мы оставили под корнями прибрежных деревьев наши вещи. Когда вернулся, в руках у него была маска, замечательная маска для подводного плавания, почти что скафандр — с большим стеклом на все лицо. Вместе с маской Абу принес резиновый пояс, на котором в специальных ножнах был кинжал. У кинжала длинное и острое из нержавеющей стали лезвие, и предназначается он для охоты в океане и защиты от нападений морских хищников. Я знаю, Абу всегда гордился этим замечательным снаряжением подводного охотника. И вот принес и протянул старику:

— Это вам!

Старик долго не мог понять, что от него хотят. Маргарет стоило немало трудов втолковать, что теперь все это принадлежит ему. Меланезец был так потрясен даром, что не мог найти слов.

— Это ему запомнится на всю жизнь, — сказала Маргарет. — Белые не очень-то щедры по отношению к туземцам. Местные жители с давних времен привыкли к тому, что они для белых рабочий скот.

Мы вернулись к берегу. Решили ночевать сегодня не на яхте, а на этом острове, прямо на теплом песке, под звездами тропиков. Разложим костер, будем пить горячий чай и рассказывать всякие истории. Договорились, что Абу и Маргарет отправятся сейчас на надувной лодке в город. Маргарет нужно отослать в Антарктиду телеграмму, купить

в магазинах снести для сегодняшнего ужина, а Абу договориться с властями о доставке к утру провианта на яхту. Лена тоже напросилась в город — понадобились новые карандаши.

Что ж, я не возражал побыть и один. Получил задание: приготовить площадку для палаток, заготовить в лесу топливом для костра.

Как только наша желтая надувная лодка отчалила, я принялся за дело. Работа оказалась пустяковой. Площадку для палаток подготовил без труда — под кронами прибрежных деревьев нашел подходящее место и расчистил от корней и ракушек. С заготовкой топлива пришлось немного повозиться, но истратил на это не больше часа — на берегу в изобилие оказалось сухих ветвей.

Завершив работу, решил побродить по берегу. Совсем неожиданно наткнулся на небольшую туземную лодку-каное. Впервые видел каное вблизи. Во всех подробностях рассмотрел удивительное судно, на котором люди в этом районе мира плавают уже много веков. Лодка длинная и узкая, выдолблена из одного целого бревна.

Осмотрев лодку и решив, что она принадлежит знакомому старику, я отправился дальше. И вдруг вспомнил о том странном предмете, который встретился сегодня под водой, когда я возвращался к берегу. Что-то необычное и загадочное было в его очертаниях. А не отыскать ли? Вон у того дерева надо войти в залив и плыть в сторону противоположного берега метров двести, не больше.

Конечно, я отлично помнил твердое правило экипажа «Мечты»: в море в незнакомом месте одному — ни при каких обстоятельствах! Но ведь это место не такое уж незнакомое, мы сегодня здесь плавали. К тому же и глубины тут пустяковые. Короче говоря, колебался я не так уж долго.

Надел маску и бросился в воду. Близко от берега было мелко, поэтому временами животом я задевал за дно. От меня испуганно шарахались в стороны яркие рыбки, загадочно шевелили лапами водоросли. Постепенно я заплывал все дальше; появились подводные скалы, в их расщелинах густела темнота, казалось, прячутся там неведомые чудовища.

И вот за скалой я увидел то, что искал. От неожиданно даже вздрогнул. Зеленый корпус с колесами, башня на нем с зияющей дырой снарядной пробойны, торчащий из башни вздернутый вверх, словно кого-то подстерегающий, хобот орудия. Рядом на белом песке, как гигантская змея,

оторванная стальная гусеничная дорожка. Танк! Как он сюда попал? Какая трагедия разыгралась много лет назад здесь, у берега этого тихого мирного островка? Может быть, в корпусе останки погибших? И наверное, никто не знает, где они погибли.

Над танком медленно скользили рыбы, некоторые заплывали через пробоину во внутрь корпуса. Мне стало страшно. Я устремился к берегу со смутной тревогой в сердце. Казалось, кто-то меня преследует. Стал понемногу успокаиваться только тогда, когда оказался на мелководье. Взглянул на противоположный берег: не появились ли товарищи? Тут же решил, что умолчу о своем самовольном заплыве и о танке не скажу ни слова.

Я сделал несколько шагов к берегу, как вдруг моя нога наступила на что-то скользкое и мягкое. И в то же мгновение я почувствовал острую боль в ступне. Попытался ногу выдернуть, но она оказалась чем-то накрепко схваченной. Было похоже, что попал я в расставленный под водой капкан.

Превозмогая боль, нацепил маску и, присев на корточки, опустился под воду. Стало ясно, что влип в неприятную историю. Тридакна!.. Я похолодел. Огромная тридакна цепко держала меня. Попытался руками раздвинуть створки, но это было безнадежно. Меня охватил страх. Понял, что надо ждать, когда приплывут товарищи... Но приплыть они могут через час и даже через два. Хотя вода и теплая, без движения я быстро замерзну. К тому же скоро начнется прилив. Вода сейчас по грудь. А в прилив меня запросто затопит.

Не выпутаться мне из этой беды, не появившись на берегу старик меланезиец, с которым мы сегодня познакомились. Увидев его, я принялся во все горло кричать. В первое время он не мог понять, откуда крик, потом наконец разглядел подслеповатыми глазами над поверхностью воды мою голову.

Я махал рукой, призывая на помощь.

Мне казалось, что он невероятно долго тащил к воде по песку свою тяжелую лодку-каное. Но подплыл мгновенно, сделав всего несколько взмахов веслом.

Провозился около меня почти час: пытался раздвинуть створки ракушки руками, потом просовывал в расщелину между створками весло, силился раковину сдвинуть с места — все безрезультатно. Я с ужасом понял, что и он помочь не может. А вода постепенно прибывала. Начался прилив.

Старик что-то пытался объяснить мне, я его не понимал, тогда он молча сел в лодку и поплыл в сторону порта. Наверное, за помощью. Мне оставалось только ждать и надеяться.

Помощь подоспела, когда вода уже добиралась до моего подбородка. Подошел моторный катер, в котором было пятеро матросов с японского грузового судна, стоявшего в порту. Они привезли с собой топор и лом, надели маски и вступили в единоборство с упрямой тридакной.

Одолеть ее удалось не сразу. Тридакна оказалась мощной. Только с помощью лома сумели раздвинуть створки и высвободить меня из плена.

Вот и вся история, о которой я предпочитал бы не рассказывать слишком подробно.

Матросы-японцы доставили меня на остров, посмеялись над нелепым приключением и уплыли обратно. А через полчаса пришла лодка с моими друзьями. Они привезли палатки, картонные ящики с фруктовой водой и продуктами на ужин. Все были в отличном настроении, и горько мне было виниться перед ними.

— Ты, конечно, нас огорчил, — сказал Абу, выслушав мой рассказ. — Такого от тебя не ожидали. Будем надеяться, урок пойдет на пользу.

Нога моя распухла, я устал, и сборы к ужину шли уже без моего участия. Маргарет и Лена готовили еду, а Абу пошел в рощу к старику, чтобы поблагодарить за помощь. Вернувшись, сел за весла нашей резиновой лодки и поплыл к японскому кораблю. Он считал долгом, не откладывая на завтра, немедленно выразить благодарность и японским морякам.

Вернулся не скоро. Прождали мы его около двух часов и лодку увидели в заливе, когда уже смеркалось.

Абу вытащил лодку на песок и подошел к нашему костру. В руках у него была большая гроздь желтых бананов. Он положил ее у моих ног.

— Это тебе прислал японский капитан. В утешение.

Маргарет вытащила из чемоданчика пластмассовые тарелки и стала раскладывать куски пышного, ароматного омлета с луком, который только что приготовила.

По настроению Абу я понял, что он чем-то озадачен. Был молчалив, задумчиво смотрел на пламя костра.

Вдруг сказал:

— С якоря снимаемся завтра утром. Берем курс на северо-запад. В Гонконг. Нас ждут там важные события.

ПОГОНЯ

Гонконг расположен на берегу Южно-Китайского моря, на территории Китая клочок китайской же земли, над которой развевается британский флаг. Один из крупнейших и богатейших городов Азии. Город больших текстильных фабрик, с огромным портом, который, кажется, способен уместить все корабли на свете. Город вознесенных к небу небоскребов и кварталов бедноты, где не хватает людям даже воздуха и света. Город, где свили гнезда бандиты и морские пираты, карточные шулеры и продавцы наркотиков.

О Гонконге Абу нам рассказывал заранее, и мы представляли, что попадем туда, где нас могут ждать необычайные события.

Едва причалили и вышли за пределы порта, как вскоре обратили внимание на то, что мы под наблюдением. На улице было много народу, но Лена заметила двоих, которые неотступно следовали за нами, стараясь прятаться за прохожими. В Гонконге в основном китайское население, и наши преследователи тоже были китайцы. Мы перешли на другую сторону улицы — и они последовали за нами, мы свернули за угол — и они тут как тут.

Абу остановил такси и попросил шофера отвезти нас к отелю «Хилтон», где рассчитывал получить номера. Такси покатило по улицам города. Мы смотрели в окна на новый для нас огромный город. Это было наше первое путешествие по азиатской земле.

Отель «Хилтон» оказался небоскребом. Мы вошли в его вестибюль и словно утонули в роскоши... Скоростные лифты мгновенно доставили нас на двадцать восьмой этаж; устланные пушистыми коврами коридоры привели к дверям наших комнат. В комнатах было прохладно, потому что воздух охлаждали кондиционеры, из окон открывался захватывающий вид на пролив, отделяющий островную часть Гонконга от той, которая расположена на континенте. Нам так хотелось передохнуть в этом удобном отеле, отдышаться в прохладе после изнуряющей жары! Но Абу был настроен решительно.

— Прежде всего вырабатываем план действий.

А действия предстояли непростые. Настала пора рассказать, почему же мы очутились в Гонконге. Помните, в Кабиенге Абу отправился на японское судно, чтобы поблагодарить капитана за помощь? Во время встречи капитан рассказал удивительную историю. Оказался на его судне

пассажир. Это был старик-европеец, который постоянно проживал в Гонконге, судя по всему, человек бедный, потому что не смог набрать денег на билет ни на самолет, ни на пассажирское судно. Добирался до Канады на грузовом. На пути в Кавиенг, где предстояла короткая остановка, старик неожиданно заболел. Чувствуя, что умрет, позвал в свою каюту капитана и рассказал о себе. Фамилия Федоров, русский. До революции был одним из известных в Петербурге фотографов. Ему довелось снимать знаменитых людей того времени. После Октябрьской революции Федоров попал под недоброе влияние врагов Советской власти и, захватив свой архив, бежал на Дальний Восток. Потом переехал в Гонконг. В этом богатом городе вместе со своей женой влачил полуголодное существование, разбогатеть не сумел, а распродать свой архив не позволила совесть.

Под старость раскаялся в том, что когда-то покинул Родину. И вот, чувствуя приближение смерти, решил архив передать родной стране. Архив ценнейший, в нем никогда не публиковавшиеся фотографии многих известных людей предреволюционной России, среди них снимки Льва Толстого, Чехова, академика Павлова... Но кому его передать? В Гонконге нет советских представительств. В Канаду, где находится советское посольство, захватить архив Федоров не отважился — боялся, пропадет по дороге. Решил, что в Оттаве зайдет в посольство и обо всем расскажет. Ехал в Канаду на короткое время — скончался там дальний родственник и завещал небольшое наследство. Может быть, поддержит оно Федоровых хотя бы на закате лет?

За два дня до захода судна в Кавиенг старик умер и был похоронен в открытом море по морскому обычаю. Перед смертью просил капитана, к которому почувствовал доверие, непременно зайти в Канаде в советское посольство и рассказать об этой истории. А если по пути встретит советских людей раньше, то обратиться к ним. Слабеющей рукой умирающий написал письмо жене. В нем распоряжался передать архив подателю этого письма. Предупредил, что при передаче архива надо проявлять большую осторожность. О существовании редких снимков догадываются разные темные личности, которых в Гонконге немало, на нем могут хорошо заработать. Словом, проводить эту операцию нужно быстро, каждый день дорог, на квартиру может быть нападение в любой момент. У Федорова есть основания опасаться этого.

Японский капитан обещал Федорову выполнить в точности его последнюю волю. Капитан бывал в советских пор-

тах, имеет немало приятелей среди наших моряков. Поэтому с охотой решил принять участие в добром деле.

Такова предыстория нашего рейса в Гонконг. Понятно, отказаться от этого мы не имели права — речь шла об интересах Родины!

Наш «военный совет» в номере гостиницы «Хилтон» был короток. Абу сказал, что мы сейчас поедem на квартиру Федорова. Поездка у нас не увеселительная, выполняем важное государственное задание, и нам положено быть бдительными.

Вышли из отеля и внимательно оглянулись. Вроде бы никто за нами не наблюдал. Путь лежал по сверкающему чистотой, словно больничный кафель, асфальту улиц, вдоль подножий больших домов с величественными, как триумфальные арки, подъездами, с водопадами стекла вместо стен, за которыми густел синевой холодный кондиционированный полумрак. Шурша шинами, неторопливо катились мимо нас сверкающие лаком лимузины.

— Этот район только для тех, у кого есть деньги, — объяснил Абу. — И немалые деньги!

На пристани мы вступили на борт быстроходного парома, и он устремился к другому берегу залива. Остров все дальше и дальше уходил от нас за кормой парома. На его берегу, как на выставке, разворачивалась панорама огромного города. Дома-небоскребы были похожи на нарядные коробки на прилавке магазина. Казалось, город выставили напоказ: смотрите, мол, какой красивый!

Паром прошел мимо выстроившихся на рейде торговых кораблей, мимо стоящего поодаль ото всех английского крейсера. Но вот мы увидели джонки. Издали они казались экзотическими сувенирами на шелковистой глади залива. А на фоне небоскребов напоминали толпу нищих возле богатого дома.

Джонка — это парусная лодка, пять метров в длину, тростниковый навес от солнца и дождя, коптящие железные печурки, на которых варится скудный обед. У кормы неподвижно сидят в задумчивых позах старики, словно дожидаются прихода последнего часа; на бортах виснут кривоногие дети. На джонках люди уходят в море на рыбную ловлю, на них живут. Здесь рождаются, здесь умирают. Плавающие кварталы Гонконга, где нет мраморных подъездов!

Мы снова столкнулись с миром, разделенным на богатых и бедных.

На берегу такси отвезло нас в один из многочисленных

кварталов Коулуна, материковой части колонии Гонконга. Возле трехэтажного каменного дома такси остановилось. Мы поднялись по темной лестнице на второй этаж, нажали кнопку звонка. Дверь открыла молодая девушка-китайка. Выслушав Абу, она вежливо поклонилась и попросила войти в прихожую. Удалилась за дверь, долго отсутствовала, наконец вернулась и пригласила в гостиную. Это была небольшая комната, заставленная старой мебелью. На многочисленных полочках и этажерках красовалось множество потерявших вид безделушек. Но сразу же привлекли внимание фотографии, развешанные на стенах. Абу преобразился, рассматривая их. Здесь были фотографии людей, кораблей, паровозов, старинных автомашин, старинных самолетов...

— Вот это портрет писателя Бунина, — сказал Абу, указывая на красивого человека, изображенного на снимке.

— А это...

Но договорить он не успел, потому что в гостиную вошла Нина Васильевна Федорова. Это была сгорбленная старушка; несмотря на жару, она зябко куталась в старенький шерстяной платок.

Мы представились, и Абу вытащил из кармана письмо от ее покойного мужа. При упоминании о письме, старуха вздрогнула, еще больше сгорбилась, протянула дрожащую руку, пощупала бумагу шишकाстыми пальцами, словно хотела убедиться, что она действительно существует, потом вернула письмо обратно Абу.

— Прочитайте вы. Я почти не вижу.

Абу прочитал. Письмо было коротким, но пронзительно печальным. Старый человек, проживший с женой полвека, прощался навсегда. Горевал, что оставляет ее на чужбине в трудном положении, без средств к существованию, без родных и близких. А в заключение послания просил выполнить его последнюю волю и передать архив вручившим это письмо советским людям, чтобы они доставили его на Родину.

Нина Васильевна долго сидела молча, съежившись в кресле. Даже показалось, что забыла о нас.

Наконец еле слышно произнесла:

— Спасибо за последний привет от моего Николая. Буду счастлива выполнить его волю. Приходите завтра в это же время, я приготовлю все, что нужно. — Она указала рукой в сторону развешанных на стенах фотографий: — В его архиве есть много таких, которые для России будут дороги...

В это время в гостиной вдруг появился небольшого ро-

ста коренастый китаец, бросил на нее цепкий взгляд, подошел к окну, прикрыл его, чтобы приглушить уличный шум, погасить в торшере забытый с ночи свет, снова прошелся по нашим лицам быстрым, изучающим взглядом и, не сказав ни слова, удалился.

Мы сразу поняли, что приход этого человека был неприятен хозяйке дома, более того, она даже встревожилась, торопливо стала прощаться, прошептала, оглядываясь на дверь:

— Значит, завтра в это же время. Только не опаздывайте!

На другой день мы снова были у порога квартиры Нины Васильевны. Долго жали кнопку звонка, но никто не отзывался. Только после настойчивого стука дверь вдруг открылась, и на пороге мы увидели уже знакомого нам коренастого китаецца. Он вежливо поклонился:

— Мадам Федоровой нет дома. И сегодня ее не будет. И завтра тоже...

— Когда же ее можно увидеть? — спросил Абу.

— Не знаю...

На все наши вопросы он отвечал «не знаю» и загадочно улыбался.

Мы стояли на лестничной площадке в полном недоумении. Что же делать дальше? Неужели наш рейс из Океании в Гонконг оказался напрасным?

— Не верю, — сказал Абу, — что она так внезапно уехала. Что-то здесь подозрительное...

Когда мы вышли на улицу, то Лена, взглянув на второй этаж дома, где были окна квартиры Федоровой, вдруг вскрикнула.

— Я только что видела за занавеской лицо хозяйки... — зашептала Лена. — Она рукой делала какие-то знаки.

Мы посмотрели на те окна, но занавески на них были недвижимы. Может, Лене показалось?

На улице толпилось множество людей, грозно урчали гигантские двухэтажные автобусы, сигналили грузовики, сновали между машинами со своими хрупкими тележками рикши.

Вдруг в густой и яркой уличной толпе мелькнуло женское лицо, которое показалось мне знакомым. Я пригляделся. Так это же та молоденькая востроглазая девушка-китайка, которая нас вчера впускала в квартиру Федоровой! Девушка шла в потоке прохожих впереди нас, временами быстро оглядывалась, явно привлекая наше внимание. Шагнула с тротуара в подъезд большого дома

и, когда мы поравнялись с подъездом, знаками пригласила подойти к ней.

Мы вошли в подъезд. В руке у девушки был туго набитый портфель. Она протянула его Абу и, заговорщически оглянувшись на толпу, торопливо проговорила:

— Это от мадам Федоровой. Недобрые люди держат ее взаперти в квартире. Хотят заполучить архив. Но мы их перехитрили. В этом портфеле все, что завещал господин Федоров. Прощайте и будьте осторожны! На вас могут напасть!

Выпалив эти слова, смелая девушка мгновенно выбежала из подъезда. Ошарашенные, мы с минуту стояли в подъезде в полной нерешительности.

— Надо поскорее ехать в гостиницу, — сказал Абу.

Нам без труда удалось поймать такси. Преодолев пролив на пароме, оно доставило нас прямо к подъезду «Хилтона».

В своем номере мы с волнением открыли портфель. Ожидания оправдались. В портфеле были в конвертах стеклянные негативы и фотоотпечатки. Даже при мимолетном знакомстве поняли, что архив представляет собой огромную ценность.

Как же быть? Советских представительств в Гонконге нет, значит, на поддержку своих рассчитывать не приходится. Ясно одно: за архивом идет охота и мы должны ждать нападения.

— Нужно немедленно из Гонконга отчаливать, — заявил Абу.

Было решено так: Абу и Лена останутся в номере сторожить архив, а я спущусь вниз и в магазине куплю продукты, чтобы мы могли прямо в номере перекусить перед дорогой. Все были голодны.

Едва я вышел из гостиницы и направился по тротуару к магазину, как рядом со мной резко затормозила автомашина. Дверь ее открылась, выглянул какой-то европеец, крикнул по-русски:

— Письмо от мадам Федоровой! Для вас.

— Для меня? — удивился я и сделал шаг к машине.

Рука цепко схватила меня за запястье и резким рывком втащила вовнутрь. Кто-то залепил мое лицо мокрой тряпкой, стал душить, я с ужасом почувствовал, что задыхаюсь, хотел кричать, звать на помощь, но не мог. Потом все исчезло...

Очнулся в большой, как зал, полутемной комнате. Я лежал на короткой кушетке, мои ноги отекали. Голова казалась свинцовой, гудела и разваливалась на куски.

В комнате, кроме кушетки, непокрытого стола и трех стульев, ничего не было... Потом я заметил, что у дальней, плохо освещенной стены возвышастся стеллаж. На полках стояли небольшие ящики с отверстиями. Мне показалось, что со стороны этой стены доносится какой-то шорох и шевеление — то ли в ящиках, то ли под стеллажом. «Должно быть, там крысы», — с ужасом подумал я.

Я не успел еще оценить обстановку, как в комнату вошли трое китайцев.

Один — старший, небольшого роста, с залысинами на голове и мягкими, по-кошачьи вкрадчивыми движениями. Его сопровождали два высоких молодых парня, которые почтительно держались позади.

— Привет! Очухался, значит! — сказал пожилой китаец. — Сиди спокойно и жди.

— Что ждать? — не понял я.

— За тобой приедут.

— Мои друзья?

Китаец расхохотался:

— Вряд ли их назовешь друзьями. Тебя похитили. Будут вести переговоры с твоим капитаном. Он им — архив и яхту, а они ему — тебя. Скоро за тобой приедут и перевезут в другое место. Здесь ты временно.

Мне показалось, что китаец со мной говорил безо всякой враждебности, даже с некоторым сочувствием.

— А вы меня отпустить не можете? — спросил я.

— Ты не мой пленник. У тебя другие хозяева.

После этого разговора китайцы уже не обращали на меня никакого внимания. О чем-то беседовали за столом. Вдруг раздался звонок в дверь. По приказу старшего молодой открыл засов, и в комнату вошли еще трое. Я думал, что приехали за мной, но вошедшие лишь мельком взглянули в мою сторону. Они были толстые, в хороших дорогих костюмах, поблескивали кольцами и браслетами на руках, держались уверенно и шумно. Ясно, богатые и знатные персоны, потому что хозяин относился к ним подобострастно. Они что-то ему сказали, и тот отдал какой-то приказ слугам. Один достал бутыль желтоватой жидкости, поставил на стол три граненых стакана. Другой снял с полки ящик с дырочками, натянул на руку длинную, по локоть, перчатку из толстой грубой кожи, сунул руку под крышку ящика и вытащил оттуда... кобру, страшную очкастую змею с расплющенной треугольником шеей.

Китаец взял крохотный и острый, как бритва, нож и вонзил его кобре в горло. Чик! Из кровавой раны выдавился

зеленоватый шарик и упал в стакан, куда была налита жидкость из бутылки.

Таким же образом расправились еще с двумя кобрами. А потом, не моргнув глазом, гости выпили содержимое.

Один из гостей, указав на меня толстым пальцем, что-то со смехом сказал хозяину. Хозяин покорно поклонился. Слуга поставил на стол еще один стакан, а хозяин обернулся в мою сторону и с улыбкой заявил, что теперь яда кобры отведают и белый мальчик. За большие деньги угощает меня уважаемый гость хозяина, я обязан выпить целебную смесь. Слуга достал новый ящик, запустил в него руку и вытащил очередную кобру. У меня волосы встали дыбом.

И тут случилось неожиданное. Кобра вдруг выскользнула из рук слуги, сверкнув в воздухе серой лентой, шлепнулась на цементный пол. Люди бросились в разные стороны. Я знал, что дверь не заперта и ведет на улицу. Позабыв об извивающейся на полу кобре, ринулся к двери и выскочил из дома. Куда бежал, не помню. Мелькали какие-то темные дома, переулки, перекрестки. На меня оглядывались люди, кто-то кричал мне вдогонку. Вскоре я обнаружил, что меня преследуют — за спиной слышал топот каблуков.

Выбежал на широкую улицу, бросился наперерез идущему по мостовой автобусу, пробежал перед самым его радиатором, услышав пронзительный скрип тормозов. Оглянувшись, увидел оставшихся на той стороне улицы двух парней, тех самых, что расправлялись со змеями. Они оказались отрезанными от меня потоком транспорта, внезапно хлынувшим на зеленый свет светофора. Я сообразил, что этим обстоятельством нужно немедленно воспользоваться.

Поднял руку, сигнал идущему мимо небольшому белому автомобилю. Машина неожиданно резко остановилась. Снова оглянулся и увидел, что преследователи, рискованно лавируя в потоке автомашин, пытаются проскочить на мою сторону улицы. Я дернул дверцу автомобиля и ввалился в кабину:

— Скорее! За мной гонятся бандиты!

Машина стремительно набирала скорость. Мы вырвались из узких кварталов, и под колеса лег асфальт эстакады. Неужели удрали?

Только теперь я разглядел своего спасителя. Круглолицый лысоватый толстяк маленькими короткими и пухлыми руками вцепился в руль автомашины и держится за него так, будто под ним необъезженный скакун.

— Ничего! Мы удерем от них! — уверенно заявил води-

тель и широко улыбнулся. Его узкие китайские глаза превратились в щелочки.

— Как вас зовут, мальчик?

— Антон.

Китаец с удивлением повернул голову:

— Как?

— Антон!

— Прекрасное имя! — почему-то радостно кивнул китаец. — Мне очень нравится это имя. Вы русский?

— Да.

Так я познакомился с мистером Ли. Зовут его как-то длинно и сложно, но он весело разрешил мне короткое и доступное — Ли. Рассказал о себе. Родился полвека назад в Маньчжурии, на самой границе с Советским Союзом. Помнит, как в детстве ходили «на ту сторону» за лекарствами для больных. Русские всегда охотно давали лекарства. Называли русских «люди с той стороны».

— Как же ты очутился здесь? — спросил мистер Ли.

Я коротко объяснил.

— С гонконгскими гангстерами, Антон, лучше не встречаться, — сказал мистер Ли, выслушав мой рассказ. — Мы сейчас из первого же телефона-автомата позвоним в гостиницу твоим друзьям и предложим им немедленно выходить на улицу. Подхватим их и помчимся в порт к вашей яхте. Считаю, что вам надо немедленно покинуть Гонконг.

Однако путь в гостиницу оказался совсем не прямым. Вскоре заметили, что нас догнал широкогрудый черный автомобиль. Значит, преследование продолжается. Мы сворачиваем на боковую магистраль — он за нами, мы притормаживаем — он тоже. Обгонять не собирается. В автомобиле четверо.

— Я им покажу! — хохочет мистер Ли, который даже в этот момент не теряет веселого расположения духа. — Мы от них удерем!

Машина выезжает на широкую кольцевую магистраль, которая опоясывает остров. Маленький автомобильчик мистера Ли мчится с бешеной скоростью. Горная дорога шаркает из стороны в сторону — справа пропасть, слева — пропасть. На поворотах визжат шины, и кажется, накренившаяся машина катится не на четырех, а уже на двух колесах. Черный автомобиль отстает. Неужели удрали?

Асфальтовое шоссе уводит нас в кварталы центральной части Гонконга. По пути останавливаемся, чтобы я мог по телефону-автомату предупредить Абу и Лену о приезде.

Услышав в трубке мой голос, Абу чуть ли не кричит от радости.

— Жив! Жив! Где ты?

Мы подкатили к подъезду «Хилтона» через полчаса. Абу и Лена нас уже ждали. Абу так разнервничался, что не выпускал изо рта своей трубки. Новый бросок через город на бойком белом автомобиле — и мы в порту.

Так закончилось наше трудное, полное приключений путешествие в Гонконг. Цели мы достигли — архив Федорова на борту яхты.

Абу горячо поблагодарил отважного и веселого мистера Ли. Тот в ответ по-китайски вежливо поклонился и сказал, что он в долгу перед «той стороной» и всегда готов отплатить ей добром.

— Однажды, — сказал он, — когда я был совсем маленьким и тяжело заболел, мой отец бегал на «ту сторону» за врачом. И врач пришел и спас меня. Знаете, как звали того врача? Антон!

УЛЫБКА В СУМРАКЕ ДЖУНГЛЕЙ

Южно-Китайское море тесно, как многолюдная гонконгская улица. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, «Мечту» со всех сторон обступили огни. Это шли по морю корабли.

Надо было смотреть в оба, чтобы не столкнуться. Обычно на вахте стоял Абу. И в этот раз он сказал, что до рассвета судно будет вести сам, а мы с Леной должны хорошенько выспаться, чтобы потом его сменить.

Приказ капитана не обсуждают. Мы уже собирались укладываться, когда вдруг услышали тревожный крик Абу:

— Что он, с ума сошел?!

Выскочили на палубу и увидели, что к «Мечте» стремительно подходит из мрака неизвестное судно и на нем нет никаких огней.

Пытаясь избежать столкновения, Абу бросал яхту то на левый, то на правый борт. Но столкновения не произошло. Катер ловко подскочил к «Мечте», привалился к ней бортом. Стали прыгать к нам на палубу какие-то люди. При свете топовых огней я увидел, что в их руках пистолеты.

Все произошло в течение нескольких минут. Нападавшие бросились к Абу, заломили ему руки за спину, связали ремнем. Потом то же самое сделали со мной. Перепуганную

Лену не тронули. Взглянули на нее и махнули рукой: девчонка!

Тот, кто командовал, показался мне знакомым. Кажется, его лицо я видел среди тех, кто был в машине, когда меня похитили. Наверное, именно он прикладывал тогда к моему лицу тряпку, пропитанную жидкостью, от которой я тут же уснул. Это был европеец с густой жесткой шевелюрой и грозно сросшимися на переносице бровями.

Обращаясь к Абу, он сказал по-английски:

— Вы в плену. Не советую делать глупости. Иначе... — Бандит погрозил пистолетом. — Архив Федорова у вас на борту?

Абу не ответил. Он стоял, прижавшись спиной к стенке рулевой рубки, широко расставив ноги, чтобы не упасть за борт.

— Я спрашиваю: где архив? Изволь отвечать! — угрожающе процедил бандит.

Но в это время из нашей каюты вышел его сообщник, рослый верзила с огромными, настоящими «пиратскими» усами. В руках у него был пластмассовый мешок, в котором мы поместили негативы и фотографии из архива Федорова, целлофановый пакет — в нем мы храним деньги, и мешок с бутылкой, которую мы выловили вблизи Антарктиды.

— Архив здесь! — сказал верзила и поднял над головой мешок. — А вот их капиталец! Да еще какая-то бутылка.

Он извлек бутылку из мешка, недоверчиво взглянул на нее.

— Что в ней? — спросил главарь.

— Ничего. Пустота. Только бумага какая-то внутри.

Главарь приказал:

— Бутылку за борт, а архив тащи на катер!

— Не бросайте бутылку! — вдруг спокойно произнес Абу. — Вместе с запиской бутылка является ценным научным предметом.

— Ценным? — заинтересовался усатый.

— За него объявлена премия.

Главарь задумчиво пожевал губами.

— Ладно! Бутылку оставить! — Он махнул рукой усатому: — Архив тоже оставь. Нечего его перетаскивать. Яхта-то теперь все равно наша! А деньги давай сюда!

Он сделал еще несколько распоряжений сообщникам. Те быстро спустили с мачты яхты наш флаг, убрали паруса, перекинули с катера на яхту буксирный трос. Двое остались на яхте, а остальные во главе с предводителем прыгнули

обратно в катер. На нем вспыхнули топовые огни, и мы увидели, как на мачту взлетел английский флаг. Катер дал ход и потянул за собой попавшую в плен «Мечту».

Нас загнали в каюту, где мы оказались под охраной уса- того верзилы, который, наверное, по происхождению был метис — полубелый-полукитаец, и узкоплечего смуглого человека, судя по всему малайца. Пираты сунули свои пистолеты в карманы нейлоновых курток, один встал в рубке за штурвал, другой расположился рядом в капитанском кресле.

Прошло часа три, и пиратам надоело крутить штурвальное колесо. Сперва они развязали руки мне и приказали заменить их у штурвала, потом, видимо решив, что я могу по неопытности наделать бед, освободили и Абу. Пригрозили: за любую попытку сопротивления расплатимся жизнью. Лёну заставили заниматься готовкой на камбузе.

Так мы шли всю ночь и весь следующий день. Было непонятно, куда буксируют яхту. Абу высказал предположение, что, возможно, на один из крошечных островков в Южно-Китайском море, где пираты могли устроить тайное логово. Переговариваться между собой наша охрана нам не разрешала: стоило произнести слово по-русски, как уса- тый выразительно похлопывал по карману, в котором лежал пистолет.

Если они много и постоянно заставляли Лёну готовить им бутерброды. Усердно попивали виски — несколько бутылок прихватили с собой с катера. Осоловев, похрапывали то в кресле, то в каюте.

Я подумал, что они в таком состоянии, когда ничего не стоит их разоружить и обрубить буксирный трос. Ну, а что дальше? «Мечте» все равно не удрать от быстроходного катера. Позвать на помощь? Но кого? И как?

По пути встречалось много разных судов. Некоторые проходили совсем близко. Конечно, нас разглядывали в бинокли. И конечно, ничего подозрительного не обнаруживали. Просто катер под английским флагом буксирует яхту.

Передать призыв о помощи по радио мы тоже не могли — пираты, едва ступив к нам на борт, тут же вывели из строя радиопередатчик.

Не очень-то весело оказаться в лапах бандитов. Абу еще во время перехода из Кавиенга в Гонконг рассказывал, что в этих районах до сих пор действуют пираты, в распоряжении которых современные быстроходные катера и автоматическое оружие. Но нам как-то не верилось, что можно с ними встретиться. В наше время — и вдруг пираты!

Мы тоскливо поглядывали друг на друга. Какая участь нас ожидает впереди? Ведь могут и убить. И все из-за этого злополучного архива. Значит, это действительно большая ценность. Спасти нас теперь мог только счастливый случай.

К вечеру другого дня мы увидели на горизонте две темные точки, которые постепенно выростали и вскоре превратились в изящные остроносые кораблики. Они проходили недалеко, пересекая нам курс. По виду это были военные сторожевые катера. Абу, который в тот момент стоял на штурвале, поднял бинокль и вдруг радостно воскликнул:

— На них вьетнамский флаг! — Живо обернулся ко мне и Лене: — Это же наши друзья!

— Молчать! — прикрикнул на Абу усатый пират, который в этот момент, пошатываясь, вошел в рубку. Вырвал у капитана «Мечты» бинокль, тоже взглянул на встречные суда. Его красное от выпитого виски лицо вдруг вытянулось, он громко окликнул напарника. Тот явился не сразу. Еле стоял на кривых ногах — тоже был навеселе. О чем-то вполголоса посовещавшись, они приказали Абу и мне снова уйти из рубки в каюту, а Лене приготовить им кофе, да покрепче, «чтоб голова прояснилась».

И вот тут-то на корме яхты вдруг раздался хлопок, и в темнеющее вечернее небо взлетела тревожная красная ракета, потом вторая, третья, четвертая... Мы сразу догадались: это Лена!

Пьяный малаец, выхватив пистолет, ринулся из рубки на палубу, мы с Абу бросились вслед за ним. На нашем пути вдруг оказался метис. Он выстрелил в Абу, но промахнулся. Сбитый с ног мощным ударом, пират рухнул на палубу. Я бросился вдогонку за малайцем, успел его настигнуть в тот момент, когда он занес над Леной руку для удара. Из всех сил толкнул пирата в плечо, и тот полетел за борт. Сразу же поспешил в рубку на помощь Абу. Но он уже сам справился с противником — метис корчился на полу рубки. Руки его были связаны. Лишенная управления яхта металась из стороны в сторону, билась на волне.

— Руби буксир! — кричал Абу, у которого лицо искажилось от напряжения. — Скорее руби буксир!

Я выскочил из рубки, схватил прикрепленный к ее наружной стенке аварийный топор; понадобилось мгновение, чтобы двумя ударами рассечь буксирный конец, который держал яхту на привязи у катера. Взглянул на вьетнамские корабли и с радостью обнаружил, что они, резко изменив курс, приближаются к нам.

Не желая встречаться с военными моряками, пиратский

катер, стремительно набирая скорость, уходил в открытое море. С его борта вдруг раздалась автоматная очередь, и одновременно мы услышали свист пули и звон разбитых в рубке стекол. А еще через минуту до нас долетел отчаянный крик. Это звал на помощь выброшенный за борт малаец.

— Надо вытащить! — решительно сказал Абу.

Мы крепче затянули веревки на руках и ногах усатого верзилы, который покорно лежал на полу рубки. Абу включил двигатель, развернул яхту и подвел ее к месту, где барахтался в воде испуганный малаец.

Так из недавних пленников мы превратились в хозяев положения.

Когда к яхте подошел вьетнамский сторожевой катер, в помощи мы уже не нуждались. Захваченных пиратов сдали военным морякам, вместе с ними осмотрели повреждения, которые оказались на яхте в результате нападения. С грустью установили, что радиостанция повреждена, стекла в рубке разбиты, пули продырявили в нескольких местах корпус судна ниже ватерлинии и в каюту проходит вода. До Индии путь не близок, с такими повреждениями идти дальше нельзя.

Поблагодарив наших спасителей, вьетнамских моряков, мы взяли курс на ближайший порт и утром следующего дня подошли к берегам Кампучии.

В порту на разгрузке стояло судно под флагом Корейской Народно-Демократической Республики. Для свободных от вахт моряков подали автобус, который отправился на экскурсию в глубь страны. В нем оказались свободные места. К нам подошел молодой кхмер, красивый смуглолицый юноша.

— Не хотите ли посмотреть Ангкор-Ват? — спросил юноша.

— Ангкор-Ват? — переспросил Абу. Взглянул на нас: — Я справлюсь один, а вы, друзья, поезжайте в Ангкор-Ват, такую возможность упустить нельзя. Как капитан, приказываю ехать!

Раз приказ — поехали. Автобус оказался просторным. Мы устроились на задних местах, прильнув к окнам, всю дорогу смотрели на новую для нас страну Кампучию, слушали красивые песни, которые негромко пели корейские матросы.

Встречный ветер, злой и сухой, вдруг сменился прохладным. По асфальтовому шоссе мы въехали в джунгли. Потускнело и позеленело над нами солнце.

И вот мы на пути к Ангкор-Вату. Наш гид, молодой

кхмер Кенг Сопон, коротко рассказал об одном из чудес света прошлых времен, к которому мы подъезжали.

Три века назад здесь не было никаких дорог. Были лишь джунгли, только еще более непроходимые, и обитали в них дикие слоны и носороги, тигры и леопарды. Однажды один испанский монах в поисках святых мест пробился через эту опасную чащобу. Вдруг джунгли перед монахом расступились, и он оцепенел от изумления. Монах увидел чудо. Среди зарослей, куда не решался пройти человек, стоял необыкновенной красоты храм, и гигантские его башни, как бутоны прекрасного цветка лотоса, возвышались над джунглями. Откуда он взялся? Мир ничего не знал о нем.

«Его вознесли боги», — со страхом объясняли монаху местные жители.

Монах понял, что здесь, в джунглях, хранилась великая тайна давно погибшей древней цивилизации, на века утонувшей в их зарослях.

Храм был в самом деле великолепен. Казалось, что создан не из камня, а нарисован на зеленом фоне чащобы. От фундамента до вершины самой главной башни, которая высотой чуть ли не с небоскреб, построен без стропил и балок, цемента и железа, по принципу тяжести. Камень на камень — от фундамента до вершины. И на каждом тончайший орнамент. На камнях — сцены битв фантастических чудовищ, жестоких схваток воинов, морских сражений древних галер, жестоких пыток пленников, оплакивания погибших, изображения суровых воинов, которые, казалось, вот-вот шагнут навстречу, преграждая путь к лесным сокровищам.

Конечно, Лена тут же извлекла из дорожной сумки свой неизменный альбом и принялась рисовать.

От стен главного храма мы направились в глубь джунглей. Среди густых зарослей натывались на руины древних храмов, стен и мостовых, оставшихся от навсегда исчезнувшего города. Бережно прикасались пальцами к тончайшей, как кружева, резьбе по камню.

Перед нами вставали неповторимые творения человеческого гения. Но в тени джунглей древние камни казались зловещими.

— Мне что-то страшно! — говорила Лена, поеживаясь.

Мне и самому было не по себе. Неужели человек так слаб перед властью природы? Вон как она посмеялась над человеком! Чудилось, будто джунгли празднуют здесь свою победу. Они давно перешагнули через крепостные стены древнего города и на его улицах раскинули свой разбой-

ничий стан. Баньяны, многометровые деревья-великаны, жадно простирали мощные, как драконьи щупальца, чешуйчатые, с серебристым отливом корни. Баньяны здесь хозяева. Делают что хотят. Играючи, одним движением мускулов взяли да и скинули наземь тысячефутовую колонну, верхом уселись на крепостные стены, лениво развалились на каменных плитах площадей, как робких полонянок, бесцеремонно стиснули в диких объятиях крепостные башни.

...Тихо шелестят листвою деревья, сухо скребутся друг об друга пожухлые космы лиан, раздаются какие-то странные и непонятные звуки. Большие, как птицы, бабочки, накупавшись в жарких лучах солнца, садятся на холодные головы каменных изваяний. Лешим захохотала где-то в глубине джунглей неведомая птица. И снова недоброе молчание. Чудится, будто каждый твой шаг зелеными злыми глазами сторожит дикий лес.

Когда-то на этом месте, должно быть, шумел пестрый восточный базар, и дрались мальчишки, и улыбались друг другу влюбленные...

Незаметно пролетели три часа. И вот мы снова идем по шоссе к гостинице, где стоит наш автобус. У Лены в альбоме полно новых набросков, а у меня уйма впечатлений для записи в дневнике.

Возле дороги двое молодых рабочих рыли яму под дорожный столб с указателем. Увидев нас, парни дружески заулыбались, закивали темными головами, весело заговорили на своем языке. Кхмеры — народ доброжелательный. Их, конечно, заинтересовала Лена — волосы русые, глаза голубые, кожа белая. Таких, как Лена, здесь не часто увидишь, в этих краях люди смуглы, темноволосы, темноглазы.

Лена окончательно покорила улыбчивых парней после того, как показала им свой альбом. Они рассматривали ее рисунки с восторгом: надо же — девочка, а как рисует!

Мы совсем не понимали друг друга, но нам всем было легко и весело.

Лена вдруг надумала нарисовать парней. Усадила их на лежащий у дороги столб, сама присела в сторонке, и вот карандаш ее запрыгал по листу бумаги. Минут через двадцать рисунок был готов. Парни получили его в подарок, и восторгу их не было предела — каждый узнал себя.

Как же им отблагодарить Лену? Хлопали по карманам спецовок — ничего. Вдруг один шагнул к ближайшему кусту, пошарил под ним и достал из-под ветви белый камень размером с кулак, подошел к Лене, протянул его ей.

Когда мы рассмотрели подарок, то увидели, что это во-

все не камень, а мраморная головка. Продолговатое лицо, красивые миндалевидные глаза. И загадочная улыбка, такая же, как у изваяния в джунглях.

Молодой кхмер знаками объяснил, что нашел головку вот в этой яме, от всей души дарит ее чужеземной девочке, которая так искусно рисует.

Лена стала обладательницей удивительного сувенира из Ангкор-Вата. Всю обратную дорогу она радовалась подарку. Еще бы! Из самого Ангкор-Вата!

— Отдам ее в нашу школу в Симферополе, — решила Лена. — Ее поместят на выставке в кабинете истории.

Вечером, простившись в порту с корейскими моряками, мы подходили к причалу, возле которого стояла «Мечта». Настроение было прекрасным.

Абу, увидев нас, уже издали весело крикнул:

— Все отлично! Яхта готова. Помогли корейцы. Ночью уходим. Ровно в два часа. Курс — Бомбей!

Мы наперебой рассказывали нашему капитану о своем удивительном путешествии. Лена показала подарок.

Абу долго вертел в руках мраморную головку, рассматривал со всех сторон.

— Превосходная вещица! — сказал восхищенно. — Я не специалист, но думаю, что это работа очень древнего мастера, поэтому и цены ей нет.

— Хочу ее подарить нашей школе в Симферополе, — заявила довольная Лена.

Но Абу, покачив головой, серьезно, без улыбки, словно в раздумье, произнес:

— Придется задержаться до утра. А утром мы пойдем в местный музей и отдадим эту головку.

У Лены от удивления глаза стали круглыми, как у куклы.

— Да, Леночка, мы так и сделаем, — строго повторил Абу. — Найдена головка в земле Кампучии. И принадлежит она этой стране. Чужого нам не нужно!

В ПОИСКАХ ТИГРА

Мы едем в джунгли. Видели их в Африке, в Кампучии, но мимоходом, а здесь — в Индии — заберемся в первозданный тропический лес.

Мистер Махаврат сказал: «Берите фотоаппараты. Получите великолепные кадры тигра. Настоящего бенгальского тигра на воле».

Поездка эта определилась неожиданно. Пришвартовавшись в Бомбее, мы отыскивали отделение Географического общества и вручили там найденную у антарктических льдов бутылку. Не ожидали, что она произведет такое сильное впечатление. Сообщение о том, что бутылка, пущенная в индийские воды пять лет назад, добралась до Антарктиды, мигом облетело бомбейских ученых. В здании Географического общества в тот же день собралось много народа. Председатель, почтенный бородатый человек, сказал, что мы оказали большую услугу науке: благодаря нашей находке люди лучше узнают законы жизни океана, что бутылка, найденная возле Антарктиды, подтвердила разработанную индийскими океанологами новую теорию закономерностей течений в Индийском океане.

Нам говорили торжественные слова, складывали на груди в традиционном приветствии «намасте» ладони лодочкой, по старинной индийской традиции каждому из нас надели на шею гирлянды цветов.

Заявили, что нам положена денежная премия, которую мы можем немедленно получить и истратить деньги по своему усмотрению. Абу протестующе поднял руку. Он сказал, что не ради премии везли мы эту бутылку с другого берега Индийского океана. Мы счастливы, что смогли принести пользу науке. Для нас это самая главная награда. Слова Абу зал встретил аплодисментами. Председатель заявил, что мы почетные гости общества и нам покажут в Индии то, что пожелаем! Могут свозить в столицу страны — древний город Дели, в священный город Бенарес, в Агру, где находится чудо света — великолепный мавзолей Тадж-Махал, в Бхилаи, где при помощи Советского Союза созданы гигантские металлургические заводы...

Но от этих заманчивых предложений мы были вынуждены отказаться. Каждая такая поездка на несколько дней, а мы решили нигде надолго уже не задерживаться, торопимся домой. Разговор этот происходил в зале старого дома, расположенного на берегу бомбейской бухты. Мы сидели за низкими столиками и из маленьких чашечек пили пахучий индийский чай. Таков здесь обычай: гостей непременно повсюду встречают чаем.

— Раз так, — сказал председатель, — раз надо поскорее домой, то остается только показать Бомбей.

На этом и порешили. Бомбей — один из крупнейших городов Индии, город красивых магистралей и парков. Проводником нам дали мистера Према Махаврата. Он зоолог, большой специалист по индийской фауне и, как сказал

председатель, не только покажет город Бомбей, но сможет русским друзьям и рассказать много интересного о животных.

Мистер Махаврат, добродушный толстяк, нам понравился с первого взгляда. Главной чертой его натуры была неиссякаемая энергия. Это мы почувствовали сразу, как только поступили в его распоряжение.

— Машина ждет у подъезда! — решительно сказал он. — Едем смотреть Бомбей.

По лестнице он не шел, а бежал. Мы бежали вслед за ним.

Машина торопливо покатила по знаменитой бомбейской набережной Марин-Драйв. Набережная изогнулась вдоль лукоморья огромной трехкилометровой дугой. С Малабарского холма, который возвышается над Бомбеем, открывается чудесный вид на эту часть побережья, на барьер плоскокрыших белостенных домов, вытянувшихся вдоль бухты. Эта аккуратная линия домов напоминала коралловое ожерелье на голубом шелке моря.

Мистер Махаврат, кажется, намеревался показать нам решительно все примечательное, что есть в Бомбее.

Программа обширная. Но мы только успели проехать по набережной Марин-Драйв и добраться до Малабарского холма, чтобы оттуда посмотреть на Бомбей. Конечно, Бомбей красив, но мистер Махаврат не был склонен восхищаться городскими видами.

— Самое прекрасное в Индии не города, а ее природа, — говорил он. — У нас растут удивительные деревья и обитают животные, каких не увидите вы нигде.

Мистер Махаврат горячий защитник животного мира. Всю дорогу рассказывал о том, как на земном шаре год от года скудеет фауна, истребляются животные, как надо беречь животный мир земли, который уже не восстановится.

— Мы сумели в Индии оградить многие ценные виды животных от истребления, — говорил мистер Махаврат. — И я горжусь, что в этом принимал участие. Если поехать, например, в Корбетт-парк, то там запросто можно увидеть на воле тигра. А дикого слона тем более.

Вдруг мистер Махаврат звонко шлепнул себя ладонью по лбу.

— Какой чудак! — воскликнул. — Ведь, кажется, они летят сегодня. А я забыл! — Приказал нам сесть, указывая на скамейку: — Ждите! Сейчас вернусь, — и куда-то убежал, семена короткими ножками.

Вернулся несколько минут спустя. Сказал, что звонил по

телефону. Через два часа с бомбейского аэродрома летит на север страны в город Рамнагар маленький пассажирский самолет. Нас согласны взять. Вернемся в Бомбей завтра вечером.

— Вы увидите живого тигра на воле! — торжественно заявил мистер Махаврат.

И вот мы в полете.

Лена стала уже заправским воздушным путешественником, больше не бледнеет от ужаса, когда смотрит с высоты на далекую землю. А здесь, в Индии, земля довольно однообразна: плоская, как стол, равнина, блекло-зеленая, пышущая жаром, и на ней редкими кучками деревья. И так на тысячи километров. Где же знаменитые тропические леса?

Но они все-таки существуют. Под натиском человека они отступили в самые глухие и малодоступные районы страны, и человек, наконец смиловившись над ними, объявил их заповедными.

В один из таких заповедников, укрывшихся в предгорьях высочайших на свете гор Гималаев, мы и держим путь. Заповедник носит имя Джима Корбетта, замечательного английского охотника. Когда-то этот мужественный человек, рискуя жизнью, уничтожил в горных лесах тигров-людоедов.

В тех местах до сих пор сохранились и тигры, и леопарды, и дикие слоны. Мы их должны увидеть собственными глазами. Так нас заверил мистер Махаврат.

В город Рамнагар прилетаем к вечеру. Находим небольшое здание управления заповедником. На шум машины, доставившей нас с аэродрома, выходит на крыльцо худенький заспанный человек. Мистера Махаврата он хорошо знает и радостно приветствует. Так мы знакомимся с мистером Бхасином, инспектором заповедника, гостеприимным человеком, с которым нельзя не подружиться. Он только что вернулся из дальнего объезда лесов, устал, завтра воскресенье, намеревался провести его в семье. Но колеблется всего минуту.

— Нет! Нет! Я должен с вами ехать!

Наскоро перекусив, садимся в автомашину и вместе с мистером Бхасином мчимся в надвигающуюся ночь.

Мы не знаем, как благодарить инспектора, а он отмахивается.

— Это мой долг! К тому же мне очень приятно встретить людей из России. Расскажите-ка лучше о ваших заповедниках. Какие у вас звери обитают, как их охраняете?

Ни я, ни Лена о наших заповедниках ничего и не знаем. А вот Абу, оказывается, был и в Беловежской пушце, где видел на воле медведей и зубров; и в заповеднике Аскания-Нова, где в степях обитают завезенные в нашу страну антилопы; на острове Врангеля участвовал в отлове больного белого медвежонка, которому нужно было сделать операцию.

Мы слушали Абу раскрыв рты. Вот, оказывается, какой у нас капитан!

— Прежде всего надо знать свою родную землю, — говорит Абу.

— Верно! — поддерживает его мистер Махаврат. — Весь посторонний мир с его океанами и морями, горами и пустынями начинается и кончается у порога твоего родного дома.

— А браконьеры у вас есть? — спрашивает мистер Бхасин.

— К сожалению, еще не перевелись, — отвечает Абу.

— И у нас встречаются нередко, — вздыхает индеец. — Возьмет и пристрелит тигра. Вы знаете, какой это замечательный зверь — тигр! Настоящий джентльмен. Сами увидите!

— Вы думаете, увидим? — спрашивает Абу.

— Какой разговор! — смеется мистер Махаврат. — А за чем же мы туда едем?

С шоссе машина сворачивает на горную дорогу. Густо-черная тропическая ночь скрывает от нас страшные бездны пропастей и джунгли на склонах гор.

Джунгли мы увидели только на рассвете, когда солнце блуждало где-то в лесной глуши, еще не выкарабкавшись из колючих и цепких зарослей. С рассветом кончается наша «магистральная» дорога. Мы подъезжаем к маленькому поселку, состоящему из нескольких домиков. Здесь расположено хозяйство Корбетт-парка.

По распоряжению мистера Бхасина из гаража выводят широкогрудый зеленый вездеход. Вместе с нами отправляются в путь еще два человека — шофер и охранник, оба щуплые, с простодушными лицами, оба очень похожи друг на друга, даже имена у них схожие: первого зовут Рам Сай, второго — Рам Сингх. Оба вооружены винтовками.

— Мало ли что может произойти в джунглях, — рассказывает мистер Махаврат. — Недавно стадо диких слонов напало на домашнего слона, на котором путешествовал один иностранный турист. Только выстрелами и отогнали.

У нас оружия нет, но мы приготовили свои фотоаппараты.

— Представляешь,— шепчет Лена,— самой снять живого тигра в джунглях!

До самого леса шофер и охранник проявляют полную невозмутимость. Но едва въезжаем в джунгли, как они преображаются. Их темные глаза становятся цепкими, настороженными, торопливо шарят по сторонам, и в этих глазах такие острые всевидящие зрачки, что кажется, будто они, как иглы, насквозь пронзают плотную стену зарослей. Мы въехали в тигриное место. У мистера Махаврата сейчас столь загадочный вид, будто он приготовил для нас сюрприз. Нам объясняют, что здесь любимые тропы тигров, здесь они проходят в поисках добычи.

Мы в напряжении. В любое мгновение желтой молнией может сигануть через дорогу тигр, или заворочаться в придорожных кустах, или для острстки рявкнуть на нас.

Наш вездеход, осторожно пробираясь по лесу, минует километр за километром, а тигра все нет и нет.

Мистер Махаврат огорчен. У него такой виноватый вид, словно он забыл условиться со зверем о встрече. Огорчен и мистер Бхасин.

— Честное слово,— говорит он,— два дня назад на этом месте именно в это время я тигра встречал дважды.

Мы знаем, что Рам Сингх великий специалист по хищникам. Так его представил мистер Бхасин. По дороге рассказывает всякие разности о тиграх: как крадутся к добыче, как нападают, как спят. Но даже Рам Сингх пожимает плечами: куда подевались усатые-полосатые?

В одной из лощин неожиданно обнаруживаем труп коровы.

— Тигр зарезал,— поясняет Рам Сингх.— Сегодня на заре.

И все-таки тигра мы в тот день так и не встретили, к великому огорчению мистера Махаврата.

— Если бы остались еще на денек, то сто процентов даю...

Рам Сингх подтвердил:

— Это уж точно — полосатого увидели бы! Пройдет мимо — не учует. У него нюх слабый.

Теперь у нас в запасе оставались дикие слоны.

— Их-то мы встретим обязательно! — уверяет мистер Махаврат.

Его поддерживает мистер Бхасин:

— Наверняка, одно-то стадо бродит поблизости.

— Ничего! — бодрится мистер Махаврат. — Теперь мы поступим иначе. Теперь к слонам на слоне поедем.

Вездеход возвращается к поселку в лощине. На площадке

стоит слон. Высоченного роста и грозного вида — воинственно торчат бивни. Но на спине у слона укреплены сиденья, а на просторной макушке восседает погонщик в чалме.

— Можете не сомневаться, — говорит нам шофер Рам Сай на прощание. — Уж сейчас-то слонов отыщете непременно... Этому четвероногому вездеходу дороги не выбирать.

Рам Сай огорчен, хотя и пытается улыбнуться. Нам приходится расставаться. Мы все, кроме него, забираемся по лесенке на могучую слоновую спину. Когда слон, распрямив ноги, встает в полный рост, кажется, что мы очутились на вершине холма.

Погонщик звонко шлепает слона ладонью по голове, и слон по звуку догадывается: надо отправляться.

Снова в дороге, и нас снова трясет. Правда, несколько по-другому, равномерно — вправо-влево, вправо-влево... Наверное, со стороны мы напоминаем деревянных человечков из кукольного театра, которых дергают за веревочки.

Интересной была дорога. По пути повидали диких оленей, которые стремительно сигали через просеки, напуганные нашим приближением. Осторожно, чтобы даже веточка не хрустнула, подбирались мы к берегу реки и сквозь полог кустов взирали на лениво дремавших на песке крокодилов, которые были очень похожи на отполированные водой суковатые бревна. Видели обезьян, с любопытством взиравших на нас с деревьев. Попадались нам грозные плешивые грифы размером с индюка...

Вот только никак не могли увидеть ни тигра, ни слонов.

— Да, бывают дни, когда людям ужасно не везет! — философствовал Рам Сингх.

И вот мы возвращаемся назад. У мистера Махаврата огорченное выражение лица, всю дорогу он грустно помалкивает.

Машина осторожно пробирается по вырубленной в скалах неровной грунтовой дороге. Легко и в пропасть угодить. А пропасти здесь, в предгорьях Гималаев, внушительные. Заглянешь — сердце холодеет. Когда ехали в парк, их не видели в темноте. А сейчас страшновато.

И вдруг на перевале путь нам преграждает препятствие. Со склона горы сполз на дорогу мелкий гравий, лег перед колесами автомашины толстым и зыбким слоем, медленно стекает эта каменная масса с уступа скалы в глубокую пропасть, которая разверзлась с левой стороны от дороги.

— Обвал произошел ночью, уже после того, как мы проехали, — говорит мистер Бхасин.

Мы выходим из машины, стоим перед каменным потоком в растерянности. Что делать? Получается, что нужно ждать, когда из города приедут рабочие и расчистят дорогу. Ждать придется, может быть, несколько суток. Бросить здесь машину и идти пешком? Но до магистрального шоссе много километров.

— Нет! — решительно крутит головой мистер Вхасин. — Это не подходит. Выход один...

Он решителен и непреклонен. Нам велит пешком переправляться на ту сторону осыпи и, когда мы оказываемся в безопасности, садится за руль. Дверь в машине оставляет открытой, привязав ее веревкой. Это на случай, если придется в критический момент выпрыгивать. Все громче ревет мотор, и машина медленно вползает в опасную зону.

Преодоление грозного препятствия длилось всего несколько минут, но минуты эти были для нас нелегкими. Был в натуге автомобильный мотор, визжали колеса, утопая в гравии, гудел, звенел, звякал вдруг оживший каменный поток, стремясь утянуть машину к пропасти и вместе с камнями скинуть вниз. В какой-то момент машина, которая метр за метром пробиралась вперед, вдруг, увлеченная движением гравия, оказалась почти у самого обрыва. Еще два метра, и ее переднее колесо зависнет над пропастью. У нас заledenели спины. Почему же водитель не выпрыгивает? Ведь он...

Но машина все-таки удержалась в потоке, с трудом, медленно преодолела его и вот наконец выбралась на твердую дорогу.

Мы бросились к мистеру Вхасину и стали поочередно пожимать его руку.

— Вы просто герой! Вы настоящий герой! — взволнованно говорила Лена.

Но мистер Вхасин смущенно отмахивался:

— Ничего особенного я не сделал. Ведь другого выхода не было. Не мог же я позволить нашим русским друзьям пешком тащиться через джунгли.

ЭЛЕН БУДЕТ ВИДЕТЬ

Ветер за бортом прохладен и ласков, он гладит наши лица влажными ладонями, и здесь, в тропиках, только в океане и находишь прохладу. Мы уже давно скитаемся по разным широтам — то влезает в меховые комбинезоны, под-

ходя к берегам Антарктиды, то носим одни шорты да легкие безрукавки, когда оказываемся в жарких краях.

Но сейчас «Мечта» с каждым днем все больше приближается к ласковым берегам нашего родного северного полушария. Мы миновали беспокойный Индийский океан, где нас крепко побросало на волне, успешно одолели бурный Баб-эль-Мандебский пролив. С левого борта проступили берега Африки — обогнули ее теперь уже с востока. Вошли в Красное море, где вода оказалась вовсе не красной, как я ожидал. Ветер ее превратил в белую клокочущую пену. Все время штормило. И вот, вконец измученные качкой, борьбой с ветром, бессонницей, мы добрались до египетского порта Суэц, еще раз удивившись в том, что быть моряком совсем не простое дело.

За время пути похудели, у Лены почему-то пропал заггар, кожа на лице побледнела, и на ней ярче проступили веснушки. Я же, наоборот, был черен, как сапог, на моих ладонях твердели мозоли, на локтях и коленях красовались боевые рубцы шрамов, полученных в борьбе со стихией. Только Абу вроде бы не изменился. Не похудел во время наших приключений — ведь и так худ, — и морщинок у глаз не прибавилось, все та же чуть застенчивая улыбка добряка на губах и все та же щелочка между передними зубами. Говорит, что скоро зубы свои непременно отремонтирует, но я и не представляю Абу без такой привычной нам щелочки, через которую он пропускает густую струйку дыма, когда курит. Но теперь Абу курит совсем редко. Только тогда, когда уже совсем невмоготу, достает свою заветную прожженную трубочку, не спеша набивает табаком, прижигает и делает первую долгую затяжку.

«Прибуду на Родину — брошу!» — как-то пообещал нам. И мы знаем, что бросит курить наверняка, потому что Абу — хозяин слова своего.

Но сейчас до берегов Родины еще сотни километров. Мы только что пришвартовались к маленькой пристани возле суэцкого морского порта. Впереди долгий путь по каналу, потом по Средиземному морю... Дорога не близка. Надобно передохнуть. Недалеко от Суэца расположен Каир, огромный и богатый город, около которого стоят знаменитые египетские пирамиды. Конечно, интересно взглянуть и на Каир и на пирамиды. Но ехать в Каир не можем. У нас подошли к концу деньги. Осталось только на то, чтобы заплатить за проход по Суэцкому каналу, купить горючее, продукты и воду на последний этап пути к Родине. Абу подсчитал и развел руками:

— Ничего, друзья мои, не поделаешь! Даже на автобусные билеты не наберем.

Вот во что нам обходится нападение пиратов. Раздобыть денег мы не могли, а просить у кого-нибудь не хотели. Но мы не унываем. Посмотрим Суэц, побродим по окрестностям. Мир так устроен, что неожиданности и приключения могут быть в любом месте.

Мы сидели на палубе яхты, и каждый занимался своим делом. Я белой краской выписывал на борту крупными буквами названия портов, в которые заходила «Мечта»: «Планерское — Варна — Дубровник — Неаполь — Гданьск...» Лена штопала порванный чулок, Абу молча посасывал свою трубочку и поглядывал на улицу, которая тянулась вдоль берега, прячась от солнца под косяками высоких пальм. На улице под пальмами торговцы-арабы, в пышных чалмах, бородатые, с бронзовыми узкими лицами, разложили прямо на тротуаре свой товар. Он был рассчитан на туристов. Мы уже ходили к этому базарчику. Если бы были деньги! Выбрать здесь есть что на память о египетской земле. Настоящие верблюжьи седла, огромные пуфы из разноцветной кожи, на которых сидеть одно удовольствие, деревянные фигурки кочевников-бедуинов, змеиные шкуры, панцири морских черепах, медные тарелки с рисунками из древнеегипетской мифологии... Едва мы появились на базарчике, как к нам со всех сторон потянулись руки торговцев: «Купи! Купи!» Покупателей не было.

Они появились тогда, когда на рейд вышел огромный двухтрубный пассажирский теплоход.

Абу прикрыл глаза ладонью от солнца, прочитал название судна.

— Это «Глория», — пояснил. — Итальянской компании. Идет из Сиднея в Неаполь.

Час спустя у причала, возле которого стояла «Мечта», остановился небольшого роста лысоватый человек в белом тропическом костюме. Скрестив руки на груди, он молча наблюдал, как я старательно выводил на борту яхты очередной пункт нашего маршрута: «Антарктида»... Когда я дописал последнюю букву, человек присвистнул:

— Неужели даже в Антарктиде были? На этой вот скорлупке?

— Были! — сказал я гордо. — На этой скорлупке.

Человек в удивлении развел руками и шагнул к нам.

Так мы познакомились с Анри Ивеном. Это было счастливое знакомство. Среди друзей, которых приобрели в пути, оказался и он, славный человек, французский рабочий-элек-

трик. Ровесник Абу — около пятидесяти. Три года по контракту с французской фирмой провел на острове Новая Каледония.

— Подзаработал денюжат в тропиках, — объяснял нам. — Нелегкая была работенка. В джунглях — жара, влажность, насекомые... Высоковольтную линию тянули. — Он удовлетворенно похлопал по карману своего пиджака: — Теперь денюжат достаточно.

— На жизнь? — поинтересовался Абу.

Француз махнул рукой:

— Какой там на жизнь! На жизнь денег никогда не хватает. Деньги я зарабатывал на операцию Элен.

Так случайно мы узнали о семейной беде Ивена. Элен родилась слепой. Сейчас ей пятнадцать. Три года назад девочку обследовал известный японский профессор, который в то время находился во Франции. Он был убежден, что Элен будет видеть, если сделать операцию. Но операция сложная, делать ее нужно в Японии, и, конечно, потребуется много денег.

— В своем Руане я бы их не заработал, — рассказывал Ивен. — Вот и согласился на поездку в тропики. Там хорошо платят.

Ивен легко освоился на нашей яхте, сел рядом с Абу на борту, свесив к воде ноги, и тоже прижег трубочку.

— Надолго в Суэц? — спросил он.

— Да нет, передохнем немного и завтра отчалим.

— А почему бы вам в Каир не съездить, на пирамиды взглянуть? Через час придет автобус за пассажирами «Глории», повезут нас на экскурсию. Присоединяйтесь!

Абу неопределенно пожал плечами:

— Да, знаете, дела всякие...

Но Ивен настаивал:

— Это же глупо: быть рядом с Каиром и не побывать там! — Взглянул на Лену: — Правда, дочка?

Лена тоже пожала плечами, повторила:

— У нас дела...

— Может быть, с деньгами туго? А? — Француз в упор смотрел на Лену.

И, к нашему ужасу, Лену вдруг прорвало:

— Туго! — сказала она. — У нас деньги пираты отняли.

Понятно, пришлось рассказывать и про наше путешествие в Гонконг, и про нападение пиратов. А закончился разговор тем, что после долгого сопротивления мы были вынуждены согласиться поехать вместе с энергичным французом за его счет в Каир на автобусе.

Автобус оказался огромным и просторным. Только три десятка пассажиров теплохода решились отправиться в египетскую столицу на несколько часов. Из Каира автобус должен был доставить их в Исмаилию — город, который лежит на трассе Суэцкого канала. За это время «Глория» доберется до Исмаила по каналу и там заберет своих пассажиров. Мы же, побывав в Каире, вернемся в Суэц к нашей яхте на рейсовом автобусе. Таков был план, предложенный Ивеном.

Среди пассажиров автобуса были и японцы, и европейцы, и индийцы, и одна молодая темнокожая пара, видимо, из Африки. За время долгого путешествия на теплоходе все давно перезнакомились, поэтому в автобусе царила дружеская, непринужденная атмосфера.

— Друзья! Перед вами трое советских яхтсменов, которые совершают кругосветное путешествие... — представил нас Ивен пассажирам.

В автобусе раздались аплодисменты, и мы получили в подарок множество дружеских улыбок. Сразу стало легко и просто, будто и мы с этими разноплеменными людьми совершали далекое путешествие на «Глории».

Ивен оказался прекрасным гидом. Все знал о тех местах, куда мы едем. Еще на теплоходе в библиотеке выписывал в тетрадь из разных справочников и проспектов интересные сведения о Каире, великой африканской реке Ниле, пирамидах. Делал это он не только ради собственного интереса, но и для своей дочери Элен.

— Она будет счастливой! — говорил бодро. — Я верю в успех операции. Как только приеду домой, мы с Элен сразу же полетим в Токио. А когда пройдет срок и девочка моя впервые увидит солнце, я посажу ее на такой же, как «Глория», теплоход, и мы будем любоваться прекрасным миром, который существует под солнцем, побываем по пути в разных странах, в Каир приедем...

— Снова приедете в Каир? — удивилась Лена.

— Конечно! И в Манилу, и в Бомбей, и в Коломбо. Всюду, где в этот раз побывал. Ведь я сейчас осматриваю все заранее, чтобы потом показать своей дочке самое интересное.

Автобус мчался по асфальтовой ленте шоссе к египетской столице. Дорога была довольно однообразной — желтоватая равнина, чахлые кусты на безжизненной, сухой земле. Ни городов, ни деревень.

В Каире мы пробыли всего три часа. Сперва нас привезли к массивному каменному зданию с куполом и арками. Это был национальный музей. В нем сто залов, и в них множест-

во интереснейших вещей — древние статуи и статуэтки, вазы, чаши, орудия труда... Видели мы саркофаги, в которых хоронили древнеегипетских фараонов, видели мумию фараона Тутанхамона, его посмертную маску из чистого золота.

В одном из залов музея Ивен нас подвел к витрине, за стеклом которой стояла небольшая головка, сделанная из песчаника.

— Хочется верить, что моя дочь увидит эту головку, — сказал француз. — Перед вами Нефертити!

И рассказал историю этой женщины. В начале четырнадцатого века до нашей эры жил фараон Эхнатон, который горячо любил свою жену царицу Нефертити. Она была одной из выдающихся женщин Древнего Египта.

— Вы только присмотритесь к ней! — горячо говорил Ивен. — Сколько в ее облике обаяния! Скульптура эта прославлена во всем мире как олицетворение красоты женщины.

На царице был головной убор, надвинутый на лоб и плотно закрывающий уши. Нежный овал лица, удлинённые глаза, красиво очерченные губы. Лицо женщины далекого прошлого.

— Как я счастлива, что встретила с Нефертити! — прошептала Лена.

Из музея нас повезли по улицам города. Мы побывали на берегу широкого и величавого Нила, побродили по арабским кварталам, где возвышаются старинные мечети.

Лена на ходу делала короткие зарисовки в альбоме — то контур мечети схватит, то несколькими движениями карандаша сделает зарисовку красавца араба в чалме или полицейского на перекрестке. Ивен был в восторге от ее рисунков и не раз заглядывал в альбом Лены, восхищаясь: «Весь мир запечатлела!» Особенно ему нравились рисунки, сделанные в Дубровнике, Нигерии, Антарктиде.

— А как знать, может быть, моя Элен тоже будет рисовать, — вздыхал он. — Увидит подобные рисунки и сама возьмется за карандаш.

Я даже не ожидал, что пирамиды такие огромные. Особенно нас поразила самая большая и самая древняя — пирамида Хеопса. Она была построена пять тысяч лет назад. Ее высота сто сорок семь метров — мало на свете сооружений такой величины. Пирамида производит ошеломляющее впечатление.

— Неужели моя Элен увидит все это собственными глазами? — радовался Ивен.

Времени у нас было в обрез, но Ивен настоял на том, чтобы мы дали возможность Лене нарисовать пирамиду.

— Это же одно из семи чудес света в древнем мире, — говорил Ивен. — Лена непременно должна его запечатлеть.

Пока наша художница работала, присев на камень, мы побродили около этого необычного сооружения. Туристов было множество. Кого только здесь не встретишь! Гиды-любители за небольшую плату громко давали пояснения. Экзотически одетые всадники изображали кочевников пустыни — бедуинов, восседающих на верблюдах. Повсюду встречались продавцы бус, открыток, слайдов, статуэток...

И саму пирамиду, и пеструю толпу людей у ее подножия, и вереницы автомашин, верблюдов Лена изобразила на своем новом рисунке. Получился он очень удачным.

— Это, пожалуй, лучший рисунок в твоём альбоме, — сказал Ивен. — Я обязательно расскажу о нём Элен.

— Расскажите? — удивилась Лена. — Как можно рассказать о рисунке? Его надо показать. — Она чуть помедлила, словно собираясь с духом. — Я уверена, что Элен будет видеть. И очень скоро. Поэтому...

Лена вдруг протянула альбом Ивену:

— Возьмите! Передайте его вашей дочери. Скажите, что это подарок от ее сверстницы и тезки: ведь Элен и Лена — одно и то же. Я буду счастлива, если среди первых вещей, которые увидят ее прозревшие глаза, будут и мои рисунки. Может быть, они ей понравятся. Ведь я хотела показать, как красив и прекрасен мир, в котором мы живем. Возьмите, пожалуйста!

И Лена вложила свой драгоценный альбом в руки растерявшегося от неожиданности Анри Ивена, нашего французского друга.

ВОСХОД НА ВЕРШИНЕ КАРАДАГА

К родным широтам «Мечта» возвращалась уже знакомым путем — пересекли Средиземное море, миновали берега Греции, по проливам Дарданеллы и Босфор вошли в «свое» Черное море.

Настроение было отличное, как у всех моряков, которые после долгих скитаний наконец держат путь домой. Мы гордились нашим плаванием — тысячи миль за бортом, порты и города Европы, Америки, Африки, Антарктиды, Океании, Азии... Сколько новых земель повидали, сколько новых друзей приобрели! Узнали, как просторна и прекрасна наша

планета Земля. И хотя еще немало на ней бед, невзгод и зла, все-таки мы нигде не чувствовали себя одинокими.

Берега милого нашего Крыма увидели уже к вечеру. Издали узнали очертания Карадага и его вершину, на которую мы так и не забрались. Уходящий в сумрак берег искрился веселыми вечерними огнями, доносился до нас запах цветущих трав, долетали звуки музыки из приморского парка.

Мы всей грудью вдыхали воздух нашей земли.

Пришвартовали «Мечту» у городского причала и не спеша отправились по знакомым дорожкам домой.

В окнах нашего тихого дома на окраине поселка горел желтый теплый свет. Мы тихонечко вступили на порог, хотели удивить наших бабушек и появиться неожиданно. Но бабушек не оказалось дома. Должно быть, отлучились куда-нибудь ненадолго, потому что на кухне на плите варился суп. Может быть, сидят у соседей в палисаднике и, глядя на вечернее звездное небо, толкуют о нас.

Едва вошли в горницу, как увидели на письменном столе кучи разноцветных конвертов. Это оказались письма от наших новых друзей. Из Дели, Варшавы, Вашингтона, Лагоса, Лондона, Кавиенга, Мирного, Неаполя...

— Смотри, даже из Руана! — радовалась Лена. — От Элен Ивен! Неужели она уже видит?

Каждое письмо я читал вслух. Мои друзья слушали не шелохнувшись, и по их лицам я видел, что они снова переживают счастливые дни путешествия на нашей яхте под названием «Мечта».

* * *

Утром я проснулся и тут же выбежал во двор. На траве несколько раз подпрыгнул. Нога была в полном порядке. Сегодня вечером мы идем на Карадаг. Это будет первый дальний поход с тех пор, как я сломал ногу, и опять по той же дороге.

В назначенный час отправились к заветной цели. Уже не тайно, а с полного одобрения бабуль. Ведь шли вместе с Абу, а за месяц моего вынужденного безделья, когда я с перебинтованной ногой лежал на кровати, бабули привыкли к Абу, он приходил к нам каждый день. С ним отпустили бы нас на край света.

На вершине Карадага мы поставили палатку и разложили костер. Сидели у костра до самого рассвета, пили чай и вспоминали о путешествии вокруг земли, которое заверши-

лось вчера вечером, когда Абу засиделся у нас дольше обычного.

Лена извлекла из вещевого мешка листы твердой бумаги и протянула Абу:

— Это я сегодня по памяти нарисовала Неаполь и Везувий. Похож?

— Почти! — одобрил Абу. — Даже башенный кран с флагом изобразила. Молодец!

Лена показала другой рисунок.

— А это пингины на льдине. Помните? Когда мы подходили к Антрактиде!

— Помню! — улыбнулся Абу. — Нарисовала в таких подробностях, будто в самом деле все видела своими глазами.

Но ведь было еще и воображение. Лена каждый день приносила из городской библиотеки книги — про Америку, Африку, Антарктиду, про страны, куда мы хотели бы направить свою «Мечту». Днем эти книги читали, а вечером обсуждали, размышляли, спорили. И воображали!

Абу слушал наши споры, посасывал леденцы, потому что бросил курить, и улыбался. Временами вмешивался: «Такого, друзья, быть не могло», или поддерживал: «Это похоже на правду».

Выдумка ли мой дневник? Пожалуй, нет. Почти все, что с нами произошло во время этого придуманного путешествия, случалось в жизни с Абу. Во всех городах и землях, описанных в этом дневнике, Абу бывал и приключения переживал похожие. А мы с Леной просто-напросто присоединялись к его приключениям и кое-что от себя добавляли.

Конечно, в этой повести многое условно. Конечно, не могла бы яхта за месяц совершить такое длинное путешествие. Конечно, заходить в порты других стран не так-то просто, как я описывал, нужны визы, разрешения... Но ведь мы-то путешествовали на яхте «Мечта». А в мечтах все проще, доступнее и необычнее.

...Мы сидели на вершине Карадага и смотрели, как восходит из-за гор солнце. В его лучах серебряная голова Абу стала золотистой, все морщинки на лице пропали, и я впервые увидел, что глаза у него, оказывается, совсем голубые. Такие ясные и голубые, как мечта. Ведь весь месяц я видел Абу только в своей полутемной комнате.

Когда солнце окончательно вышло из-за горных хребтов, Абу встал и протянул руку:

— Вот там, Антон, Турция, которую ты хотел увидеть

с этой вершины. Но ее отсюда не видно. — Повернулся в другую сторону: — А вот там, внизу, друзья мои, наша с вами земля. Видите внизу долину в голубой утренней дымке? Там виноградники. Сейчас под росой виноград прохладен и особенно сладок. Ты бывал в этой долине, Антон?

— Нет!

— А ты, Лена?

— Давно.

— Значит, надо побывать. Видите ли, друзья, весь мир сразу узнать невозможно, узнаётся он только по частям. А самая понятная и близкая часть мира — твоя Родина. Помните, что говорил наш индийский друг Махаврат?

— Помним! — сказала Лена. — Весь мир начинается у порога твоего дома.

— Верно! Значит, давайте начнем с порога. Спустимся в долину и посмотрим, как растёт виноград.

— А за виноградниками есть старая, полузаросшая дорога, — тихо сказала Лена. — Если по ней пойти, то она через холмы и долины приведет в маленький городок Старый Крым. Там домик и могила Александра Грина, того, кто написал «Алые паруса». — Лена взглянула на меня: — Ты был в Старом Крыму?

— Нет!

— Я была. Но пойду туда с удовольствием снова. Здесь леса густые, как джунгли, а в долинах текут холодные ручьи с вкусной водой и летают белые бабочки. Пойдем завтра в Старый Крым?

— Пойдем! — сказал я.

СОДЕРЖАНИЕ

НА КРАИ СВЕТА — ЗА ТАЙНОЙ	7
«МЕЧТА» УХОДИТ В ОКЕАН	183

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Леонид Викторович Почивалов

НА КРАИ СВЕТА — ЗА ТАЙНОЙ

ИБ № 2892

Ответственный редактор М. А. Заредкая. Художественный редактор И. Г. Найденова. Технический редактор Т. Д. Юрханова. Корректоры В. В. Борисова и Г. В. Русакова. Сдано в набор 09.10.79. Подписано к печати 07.03.80. А09559. Формат $60 \times 90^{1/16}$. Бум. типогр. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 20,39. Тираж 100 000 экз. Заказ № 148. Цена 75 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

НЬЮ-Йорк
Лондон
Стокгольм
Гданьск
Варшава
Неаполь
Дубровник
Планинское
Каир

Корбетт-Парк
Гонконг
Бомбей
Анкор-Ват

Монго
Лагос

Кавьент

«МЕЧТА» УХОДИТ В ОКЕАН

Мирный